

Р. Г. Скрынников

РОССИЯ
в начале XVII в.
«СМУТА»

Москва «Мысль» 1988

ББК 63.3(2)45 С45

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

академик **Д. С. Лихачев**,
доктор исторических наук,
профессор **В. В. Мавродин**

С 0505010000-134 82 – 88
004(01)-88

ISBN 5-244-00068-3

© Издательство «Мысль». 1988

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1 ФЕОДАЛЬНОЕ ПОМЕСТЬЕ

Глава 2 БОЯРСКАЯ КРАМОЛА

Глава 3 ГОЛОД

Глава 4 ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Глава 5 БОЕВЫЕ ХОЛОПЫ

Глава 6 ВЫСТУПЛЕНИЯ НИЗОВ В 1602—1604 гг.

Глава 7 МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ

Глава 8 САМОЗВАНЧЕСКАЯ ИНТРИГА

Глава 9 КАЗАЧЕСТВО

Глава 10 ГОСУДАРЕВА ДЕСЯТИННАЯ ПАШНЯ

Глава 11 ПОДГОТОВКА МОСКОВСКОГО ПОХОДА

Глава 12 НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ

Глава 13 ВТОРЖЕНИЕ

Глава 14 МЯТЕЖ В ЮЖНЫХ КРЕПОСТЯХ

Глава 15 В «ВОРОВСКОМ» ЛАГЕРЕ

Глава 16 ВЛАСТИТЕЛЬ КРЕМЛЯ

Глава 17 ВОССТАНИЕ ПОД КРОМАМИ

Глава 18 ПОХОД НА МОСКВУ

Глава 19 ПЕРЕВОРОТ В СТОЛИЦЕ

Глава 20 ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Глава 21 БОЯРЕ И САМОЗВАНЕЦ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ, ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

В начале XVII в. в России произошла первая гражданская война, которую современники метко назвали «Смутой».

Историография «смутного времени» весьма обширна. На взгляды ранних дворянских историков определенное влияние оказала летописная традиция. В. Н. Татищев искал причины «Смуты» в «безумной расправе знатных шляхетских родов». В то же время он первым высказал мысль, что «великая беда» начала XVII в. была следствием законов Бориса Годунова, сделавших невольными крестьян и холопов¹. Наблюдение В. Н. Татищева заложило основы научной концепции «Смуты».

Дворянский историограф Н. М. Карамзин не видел закономерности в народных выступлениях начала XVII в. и утверждал, что в то время «разврат» затронул все слои общества — «от черни до вельможного сана». По мнению Н. М. Карамзина, в наибольшей мере «Смута» была вызвана вмешательством иноземных врагов России².

Крупнейший буржуазный историк С. М. Соловьев связывал «Смуту» не с внешними, а с внутренними факторами — с «дурным состоянием нравственности», династическим кризисом и в особенности с выступлениями противообщественных элементов в лице казаков, людей безземельных и бродячих. С. М. Соловьев решительно отвергал мнение историков, полагавших «причиной Смуты запрещение крестьянского выхода, сделанное Годуновым»³.

Н. И. Костомаров подчеркивал, что казачество сыграло положительную роль в защите границ, но бунты казаков, поднявших «кровавое знамя переворота Русской земли

вверх дном», имели одни отрицательные последствия, мешая «успеху развития русской общественной жизни»⁴.

В. О. Ключевский впервые разработал цельную концепцию «смутного времени» как порождения сложного социального кризиса. Поводом к «Смуте», писал В. О. Ключевский, явилось пресечение династии Калиты, но ее подлинные причины коренились в самом строе государства, в неравномерном распределении государственных повинностей, порождавшем социальную рознь⁵.

С. Ф. Платонов — автор крупнейшего монографического исследования о «Смуте», не утратившего своего научного значения до настоящего времени, — характеризовал начальные этапы в развитии московской «Смуты» как династический и социальный. По Платонову, прекращение династии в конце XVI в. породило политический кризис, питательной почвой для которого стала давняя вражда «московской верховной власти с родовой княжеской аристократией»; выражением этой вражды была опричнина Ивана Грозного, подготовившая условия для «Смуты». С. Ф. Платонов развил знаменитую схему В. О. Ключевского, согласно которой все классы русского общества последовательно входили в «Смуту» «в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества». Начали «Смуту» бояре, затем настала очередь дворян, позже поднялись низы⁶.

Советские историки пересмотрели концепцию «Смуты», выдвинув на первый план фактор классовой борьбы. «Смута», писал М. Н. Покровский, началась не сверху, а снизу⁷. В России имел место мощный взрыв классовой борьбы — «крестьянская революция»⁸. Появление самозванцев было связано не с иностранной интервенцией, а с внутренней борьбой. Лжедмитрий I был казацким царем, возглавившим казацкую революцию в России⁹.

Труды Б. Д. Грекова и И. И. Смирнова открыли новую страницу в изучении событий начала XVII в. Исследовав историю крестьян, Б. Д. Греков пришел к выводу, что именно закрепощение крестьян в конце XVI в. подготовило почву для восстаний начала XVII в.¹⁰ И. И. Смирнов отверг представления о самозванческом движении как проявлении крестьянско-казацкой революции¹¹.

Ранняя советская историография, преодолев тезис о непрерывном характере «революции» начала XVII в., в известной мере утратила цельный взгляд на «Смуту» как на единый комплекс внутренне связанных событий. Термин «Смута», выдвинутый русской общественной мыслью уже в XVII в., получил одностороннее толкование в дворянско-буржуазной историографии. В «Смуте» видели проявление анархии, антиобщественного бунта низов. М. Н. Покровский наполнил термин новым содержанием, усмотрев в «Смуте» цепь народных восстаний. Однако И. И. Смирнов неправомерно отверг понятие «Смута», объявив его буржуазным. В литературе утвердился термин «интервенция», а самозванца Лжедмитрия I стали рассматривать исключительно как орудие иностранных интервентов. Тем самым игнорировался факт поддержки самозванцев социальными низами. Изучение «Смуты» стали вести по нескольким, в значительной мере изолированным друг от друга направлениям: одни историки ограничивались изучением Крестьянской войны, другие — польско-шведской интервенции.

Последующие дискуссии способствовали преодолению разобщенного взгляда на «Смуту»¹². Вступив в спор с И. И. Смирновым, А. А. Зимин высказал мысль, что Крестьянская война не прекращалась на протяжении всего периода с 1603 по 1614г., являясь как бы стержнем процесса исторического развития в тот период. Называя Лжедмитрия I игрушкой в руках польских магнатов, А. А. Зимин в то же время связывал его успех с нарастанием Крестьянской войны на южных окраинах страны и с восстанием низов в Москве¹³.

Д. П. Маковский тоже рассматривал все события «смутного времени» как последовательные этапы Крестьянской войны, но при этом он называл Лжедмитрия I

вождем революционного плебса и казаков, а события начала XVII в. трактовал как раннюю форму буржуазной революции¹⁴. Фактически Д. П. Маковский попытался возродить концепцию «Смуты», разработанную школой М. Н. Покровского. Однако эта попытка не получила поддержки у историков.

Значительным событием в историографии явилась книга В. И. Корецкого, всесторонне исследовавшего на огромном архивном материале социальную политику государства на разных этапах «Смуты»¹⁵. Большой интерес представляют труды Л. В. Черепнина, В. И. Буганова, Б. Н. Флори, В. Д. Назарова, раскрывающие особенности первой Крестьянской войны, посвященные земской соборной практике и дипломатической истории начала XVII в.¹⁶

Обзор историографии позволяет сделать вывод, что история «Смуты» требует дальнейшего исследования. Важно выяснить природу и характер народных выступлений, роль в них различных групп населения. При анализе событий «смутного времени» необходимо учитывать все факторы — политические, социальные и экономические — в их взаимодействии. Такой подход поможет дать цельную концепцию истории первой гражданской войны в России.

Данная книга посвящена начальному этапу «Смуты», завершившемуся падением династии Годуновых в 1605 г. Книга служит продолжением ранее изданной монографии «Россия накануне «смутного времени»».

Глава 1 ФЕОДАЛЬНОЕ ПОМЕСТЬЕ

Эволюция феодального землевладения, стремительное развитие поместной системы и формирование служилого дворянства в XVI в. оказали значительное влияние на развитие Русского государства в указанное время. Этот вывод получил всестороннее обоснование в историографии последних десятилетий, но он был подвергнут сомнению в недавно опубликованном исследовании В. Б. Кобрин, задавшегося целью выяснить «связь землевладения и централизаторской политики государства». В итоге В. Б. Кобрин пришел к выводу о несостоятельности схемы, согласно которой становление централизованного государства было связано с развитием поместного дворянства, в то время как противниками централизации выступали крупные вотчинники бояре.

По мнению В. Б. Кобрин, различия между вотчиной и поместьем в первой половине XVI в. носили несущественный характер, и, как во многом схожи были между собой поместье и вотчина, так же был близок (если не идентичен) состав помещиков и вотчинников. «Отсюда, — пишет В. Б. Кобрин, — вытекает необходимость пересмотреть традиционное противопоставление помещиков и вотчинников как разных социальных категорий господствующего класса. Но только на это противопоставление по сути дела опирается ставшее общим мнение о разных политических позициях помещиков и вотчинников, о «борьбе» боярства и дворянства, под которыми часто понимают владельцев вотчин и поместий. Изучение поместья склоняет автора к скептическому отношению к этой концепции извечной «борьбы» боярства и дворянства»¹.

Взявшись за опровержение «общего мнения», В. Б. Кобрин не заметил того, что ключевым пунктом современной концепции политического развития Русского государства XV—XVI вв. является не пресловутый тезис об извечной борьбе боярства и дворянства, а положение о фундаментальной перестройке феодального сословия, связанной с развитием поместной системы и трансформацией старого боярства периода феодальной раздробленности в служилое дворянское сословие XVI в.

До XV в. в России господствовала боярская вотчина, столетие спустя ведущая роль перешла к поместью. Процесс роста феодального землевладения не приостановился, а ускорился в XV—XVI вв.

Но он имел свои особенности. Росли земельные богатства в руках аристократии, и одновременно усиливался процесс дробления вотчинного землевладения, который привел к появлению многочисленного слоя мелких вотчинников — детей боярских. Разорение низшего слоя старого боярства привело к кризису феодального сословия, преодоленному благодаря развитию поместья.

Поместная система возникла на новгородских землях в конце XV в. В. Б. Кобрин не придает этому факту серьезного исторического значения, поскольку отвергает разделение феодалов на вотчинников и помещиков. По его словам, «историческое значение возникновения поместной системы состояло... не столько в создании новых кадров землевладельцев, сколько в обеспечении землей растущих старых феодальных семей»².

Однако факты свидетельствуют о том, что образование поместной системы в Новгороде стало одной из важнейших вех в истории русского феодального сословия. Новгородщина принадлежала к числу самых обширных и экономически развитых русских земель. Боярское землевладение возникло здесь раньше, чем в других районах. Местная боярская знать сконцентрировала в своих руках огромные вотчинные богатства. Присоединив Новгород, Иван III конфисковал вотчины у всех поголовно новгородских бояр, а заодно и у прочих феодальных землевладельцев. Таким путем была заложена основа поместного фонда земель в России. Сохранив за собой право собственности на конфискованные боярщины, московские власти передали их новым владельцам на поместном праве: помещики сохраняли землю, пока служили московским государям.

Из Москвы в Новгород переселилось примерно полторы-две тысячи лиц. Среди них было немало представителей старых боярских семей. Определяющим фактом, однако, было их реальное положение, а не генеалогические воспоминания. Поместьями в Новгороде были наделены большей частью измельчавшие вотчинники — дети боярские, дворяне, или «слуги вольные» из состава великокняжеского двора, а также «слуги под дворским», происходившие из бывших великокняжеских боевых холопов. К ним было присоединено некоторое количество военных послужильцев холопов из распущенных боярских свит³.

Перераспределение земель между различными группировками феодалов, превращение поместья в ведущую форму землевладения шли рука об руку с расширением состава военно-служилого сословия и упрочением его экономических позиций.

В период феодальной раздробленности крупные боярщины обеспечивали потребности военной службы. Бояре выступали в поход в сопровождении своих дружин. С образованием поместной системы началась перестройка военной службы на новых основах. Реформы Ивана Грозного узаконили положение, при котором все члены феодального сословия были обязаны нести службу как с поместий, так и с вотчин. Уложение о службе середины XVI в. определило порядок и нормы формирования вооруженных холопских отрядов, ставших важной составной частью дворянского ополчения.

Разгром новгородского боярства, образование поместного фонда земель, находившегося в распоряжении казны, возникновение централизованной приказной системы управления резко усилили власть монарха, неслыханно расширили материальные ресурсы центральной власти. Дворянское поместное ополчение стало мощной военной опорой монархии. В составе Боярской думы появились думные дворяне и дьяки, представлявшие служилое дворянство. Разветвленной канцелярией Боярской думы стали приказы. Вместе с приказами народилась дворянская бюрократия. Приказы обеспечивали необходимый для единого государства минимум политической централизации.

Процесс консолидации господствующего класса оказывал всестороннее влияние на политическое развитие Русского государства. Но этот процесс растянулся на длительный исторический период — к XVI в. относится лишь его начальный этап. Сплочению феодальных сословий препятствовали экономическая разобщенность земель и традиции

раздробленности. Сложившиеся к середине XVI в. институты и учреждения обеспечили объединение прежде всего верхов господствующего класса. Определяющее влияние на политическую структуру государства оказывали два учреждения — Боярская дума и «государев двор».

Боярская дума сохранила значение высшего органа монархии. В ее руках были сосредоточены все нити административного и военного управления. На протяжении XVI в. думу неизменно возглавлял удельный князь, а состав ее оставался исключительно аристократическим. В итоге общей переписи членов «государева двора» была составлена Дворовая тетрадь, пополнявшаяся с 1552 по 1562 г.⁴ Этот документ дает точное представление о положении различных групп правящего боярства в рамках двора. На высших ступенях «государева двора» стояли члены Боярской думы, «служилые» (удельные) князья, титулованная знать, занесенная в княжеские списки, и нетитулованное старомосковское боярство. Служилые князья (Бельские, Воротынские и др.) или были потомками недавних выходцев, или сами являлись выходцами из Литвы и других соседних стран. Они претендовали на высшие посты в думе и армии, но среди коренной русской знати оставались чужаками. Число их было невелико. Нетитулованное старомосковское боярство (Захарьины, Шереметевы, Морозовы и др.) было сильно своей многочисленностью и давней службой при московском дворе, хотя в целом занимало более низкую ступень в дворовой иерархии, чем титулованная знать.

Особое положение при дворе занимали потомки местных княжеских династий Владимиро-Суздальской земли — князья Суздальские-Шуйские, Ростовские, Ярославские, Стародубские, сравнительно рано перешедшие на службу к московским государям. По своим историческим судьбам и значению к ним примыкали князья Оболенские. Установление численности названных князей, служивших по княжеским спискам, затруднено тем обстоятельством, что список «Князья Стародубские» Дворовой тетради, в котором указано 15 лиц, сохранился лишь частично. Реконструировать утраченную часть списка помогают «княжеские списки» Тысячной книги и Боярского списка 1588—1589 гг., а также разрядная документация. Стародубские князья, служившие в 1552—1562 гг. и не внесенные в городские списки Дворовой тетради, очевидно, проходили службу по княжеским спискам⁵. В реконструируемый список следует включить Хилкова, Татевых (3), Палецких (3), Ромодановских (4), Кривоборских (3), Ковровых (3), Гундоровых (3). Князья Гагарины (22 человека) служили по уездам. С учетом приведенных данных можно заключить, что в середине XVI в. при дворе служило не менее 60 Стародубских князей, из них 35 — по княжескому списку.

Дворовые и разрядные документы зафиксировали деление суздальских княжат на две большие группы: одни проходили службу по княжеским спискам, другие — с уездными дворянами. Различие в положении этих групп, как отмечено в литературе, определялось особенностями их землевладения. «Служилые князья» занимали высшие ступени дворовой иерархии, потому что владели уделами или «великими» удельными вотчинами. По тому же принципу формировались суздальские и оболенские княжеские списки. В них записывали дворян, сохранивших родовые вотчины на территории некогда принадлежавших им княжеств⁶. Князья, растерявшие родовые земли, переходили на службу в те уезды, где располагались их поместья и другие владения.

Ввиду утраты большинства писцовых книг XVI в. исключительное значение приобретает дворовая документация, позволяющая решить в самом общем виде вопрос о том, какую долю родовых вотчин сохранила в своих руках суздальская и оболенская знать. Ниже приводятся данные о численности названных князей, служивших по княжеским спискам (в скобках указаны сведения о князьях, служивших по уездам): Суздальские — 3(11), Ростовские — 18(37), Ярославские — 83(77), Стародубские — 35(25), Оболенские — 56(12)⁷. Еще 24 лица из названных фамилий входили в Боярскую думу, имея высшие думные чины. Приведенные цифры доказывают, что коренная русская знать — в первую очередь владими́ро-суздальского происхождения — продолжала сидеть

крупными гнездами на родовых вотчинах, чем и определялось ее политическое могущество. Кроме Оболенских, все названные князья состояли в родстве с правящей династией, поскольку их общим предком был владимирский великий князь Всеволод Большое Гнездо. Иван Калита вел род от Александра Невского, Шуйские — от его брата владимирского князя Андрея. Суздальские князья далеко разошлись между собой в родстве, и в их среде постоянно царили раздор и соперничество. Но их объединяло сознание исключительного права на участие вместе с монархом в управлении государством.

«Государев двор» был таким же старинным и традиционным учреждением русской монархии, как и Боярская дума. Двор вырос из наследственной службы московских вотчинников своим государям. Развитие поместной системы сделало зависимость двора от монарха более тесной. Поместье более всего потеснило вотчину на окраинах. Главный фонд вотчинных земель сохранялся в XVI в. в Центре. Именно Центр оставался основой «государева двора Московской земли» времен Ивана Грозного. Именным списком этого двора была Дворовая тетрадь 1552—1562 гг.

К концу XVI в. территориальная база двора расширилась, но и тогда двор не включал помещиков большинства Новгород-Северских городов, вновь освоенных южных уездов, Казанской земли и других окраин. В Новгороде Великом «лучшие» помещики обладали привилегией прохождения службы по дворовым спискам. Однако трудно сказать, в какой мере они могли использовать эту привилегию на практике. Дворовая служба всегда была службой при особе государя и требовала присутствия служилого человека в столице.

Стремясь приобщить новгородских помещиков к столичной службе, власти в 1550 г. включили в состав тысячи помещиков — «лучших слуг» — 346 новгородцев, псковичей и др. Кроме дворовых в их число попало некоторое количество городских помещиков из северо-западных уездов. Все они должны были получить небольшие подмосковные поместья.

В какой мере правительству удалось осуществить тысячную реформу, сказать трудно. Нести постоянную службу в Москве новгородцам мешали многие обстоятельства: отдаленность Новгорода, плохое состояние дорог, непрекращавшаяся 25-летняя война из-за Ливонии, поглощавшая все силы новгородско-псковского дворянского ополчения. Управлять из Москвы поместным фондом Новгорода было трудно, поэтому решением поместных дел там ведала Новгородская приказная изба. Аналогичным было положение с дворовой службой. Новгородцы несли службу не по московским, а по новгородским дворовым спискам. Верхи новгородского поместного дворянства так и не стали органической частью «московского государева двора». К началу XVII в. новгородские служилые люди перешли в ведение местного «Новгородского разряда».

Существенное влияние на формирование двора оказал дворянский «выбор». В Дворовой тетради 1552—1562 гг. «выбор» не фигурировал. Ценным дополнением к Дворовой тетради служит Разряд полоцкого похода 1562 г., в котором записаны 550 дворян выборных и «приборных из городов». Всего в Дворовой тетради числилось до 3000 лиц, но из них на службе находилось одновременно не более 1500—2000 человек. В Боярском списке царя Федора Ивановича 1588—1589 гг., отличавшемся наибольшей полнотой, значилось 1100 дворовых детей боярских Московской земли, более половины которых приходилось на долю выборных детей боярских из городов⁸.

Служилое дворянство России исчислялось несколькими десятками тысяч человек⁹. Основную его массу составляли городские дети боярские, владевшие небольшими поместьями. Низшее дворянство было разобщено в значительно большей мере, чем знать и высшее дворянство: оно не имело единой для всей страны организации наподобие «государева двора».

В XVI в. шло быстрое формирование поуездной организации — служилого города. Землевладельцев уезда объединяли общие интересы: они имели преимущественное право

(по сравнению с иногородними — служилыми людьми других уездов) на приобретение выморочных земель своего уезда. В походах уездные дворяне — и дворовые, и городовые — совместно несли военную службу, образуя особые соединения под командованием своих сотников и голов. Без сомнения, мелкое городское дворянство поддерживало с собственными уездными верхами более тесные связи, чем с низшим дворянством других уездов и земель. Наличие служилого города оказало влияние на поведение дворянских корпораций в годы «Смуты», когда местные служилые люди (прежде всего на южных поместных землях, оставшихся за рамками «государева двора») неоднократно выступали «всем городом» на стороне самозванцев.

В XVI в. «государев двор» оставался оплотом политических привилегий знати и дворянских верхов. Какую позицию занимали дума, двор и правящее боярство в целом по отношению к процессу политической централизации?

Следуя традиционной точке зрения, А. А. Зимин в своих ранних исследованиях доказывал, что знать и бояре противились централизаторским мероприятиям Грозного, тогда как масса дворянства поддерживала их. Эта концепция целиком базировалась на противопоставлении крупных вотчинников бояр поместному дворянству и выдвигала на первый план их борьбу¹⁰. В последующих трудах А. А. Зимин постепенно изменил свою точку зрения и в конце концов сформулировал вывод, что в XVI в. княжеско-боярская знать вообще не была носителем традиций феодальной раздробленности, ибо «нельзя усмотреть децентрализаторские тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации государства»¹¹.

Решительно поддержав вывод А. А. Зимина, В. Б. Кобрин дал новую пищу дискуссии¹². Представляется целесообразным прежде всего уточнить исходные моменты спора. Русская монархия нуждалась в поддержке аристократии и феодального сословия в целом. Она пользовалась такой поддержкой. Источником же коллизий внутри господствующего класса в XVI в. был не абстрактный принцип централизации (в политическом сознании того времени он вообще не получил отражения), а вполне реальная проблема, четко сформулированная современниками. Власть московских государей настолько усилилась, что они пытались ввести в стране самодержавные порядки с неограниченной властью монарха. Однако знать пользовалась большим влиянием и добивалась того, чтобы сохранить ограниченную монархию.

Объединение земель и политическая централизация XV—XVI вв. сопровождалась массовыми конфискациями крупного боярского землевладения. В Новгороде Великом старое боярское вотчинное землевладение было уничтожено полностью, в Твери и Рязани конфискации вотчин носили частичный характер. В наименьшей мере конфискации затронули территорию бывших суздальских княжеств, рано попавших в орбиту московского влияния. Знать, сохранившая родовые вотчины и успешно служившая при московском дворе, имела возможность присоединить к родовым землям владения в других уездах государства, получив там поместья и пр. Эта знать, очевидно, не стремилась вернуться к феодальной раздробленности посредством расчленения государства на отдельные княжества и земли. Но могущественное боярство пыталось сохранить порядки, которые на протяжении многих веков феодальной раздробленности обеспечивали ему политическое господство.

Самодержавные устремления царской власти нашли поддержку в дворянской среде. Дворянский писатель Иван Пересветов обосновал программу ограничения влияния аристократии. Он советовал Ивану IV обрушить грозу на головы вельмож, жаловать простых воинов, утвердить в царстве неограниченную власть монарха. Церковное руководство выступило с обоснованием тезиса о божественном происхождении царской власти. После бегства в Литву князя А. Курбского-Ярославского царь обратился к нему с письмом, которое стало подлинным манифестом самодержавия. Сам бог, утверждал Иван IV, отдал предков князя Курбского — княжат и бояр — в работу (рабство) московским

государям, которые, таким образом, вольны казнить и миловать своих подданных — холопов.

Важнейшее значение для понимания политического развития России в XVI в. имеет опричнина Ивана Грозного. В литературе нет единого мнения относительно происхождения, целей и характера опричнины. Однако совершенно очевидно, что для суждений об опричнине наибольшее значение имеет анализ ее земельных мероприятий, затронувших как фонды поместных земель в пределах собственно опричных уездов, так и вотчинные владения княжат, располагавшиеся за пределами опричнины.

Какую роль сыграла опричнина в истории феодального поместья? Поставленная проблема связана с другим вопросом. Сопровождалась ли опричнина массовыми конфискациями поместных земель в пределах опричных уездов и выселениями местных помещиков? «Сегодня, — утверждает В. Б. Кобрин, — в распоряжении исследователей нет данных, подтверждающих тезис о массовых переселениях из опричных уездов»¹³. Такой вывод находится в явном противоречии с фактами.

Официальная московская летопись сообщает, что после учреждения опричнины Иван IV организовал опричное войско в 1000 голов детей боярских, испомещенных «заодин» в опричных уездах¹⁴. Летописная цифра находит подтверждение в цифровых данных Разрядного приказа. Ниже приводятся данные о численности уездных полковых дворян в пределах опричной территории на 1563 г. (в скобках указаны данные по тем же уездам на 1572 г.): по Суздалю — 636 (210), по Можайску — 486 (127), по Вязьме — 314 (180), по Козельску — 290 (130), по Галичу — 250 (150), по Медыни — 218 (95), по Малому Ярославцу — 148 (75), по Белеву — 50 (данные отсутствуют)¹⁵. Итак, число дворян полковой службы в опричных уездах уменьшилось после учреждения опричнины примерно до 1000 «голов», как то и было предусмотрено царским указом.

Приведенные цифры следует сопоставить с общими данными о состоянии поместного дворянского ополчения во второй половине XVI в. На рубеже 60—70-х годов XVI в. Россия пережила неурожай и голод, положившие начало «великому разорению» 70—80-х годов. Вслед за голодом страну опустошила чума. Армия понесла в те же годы большие потери в войне с крымцами и в войне за Прибалтику. Из-за разрухи началось быстрое запустение поместного фонда. Все это не могло не привести к сокращению численности поместного ополчения. Численность полевых армий во время крупнейших военных кампаний исследуемого периода составляла 18 105 детей боярских в 1563 г., 11 974 сына боярских в 1572 г., 13 137 детей боярских в 1604 г.¹⁶ В этих кампаниях Разрядный приказ старался собрать наибольшие силы, поскольку отмеченные мобилизации проводились в критических ситуациях. В самом деле, в 1571 г. крымцы сожгли Москву, а год спустя предприняли решительное наступление с целью овладения русской столицей. Иван IV собрал все воинские силы, какие только мог. Аналогичную мобилизацию провел Борис в 1604 г., когда ему пришлось бороться за спасение своего трона.

Если численность дворянского ополчения сократилась в 60—70-х годах XVI в. вдвое, тогда как количество дворян полковой службы в уездах, попавших в опричнину, уменьшилось более чем вдвое, а по Суздалю — втрое¹⁷, то на основании этих фактов можно сделать лишь один вывод. В опричных уездах помещиков, не принятых на опричную службу, действительно выселяли в земские уезды, причем эти выселения, сопровождавшиеся конфискацией поместий, носили массовый характер. (Надо учесть также, что опричные уезды находились в привилегированном положении и не они, а земские уезды подвергались пограммам.)

Сведения об опричных «переборах людишек» способствовали возникновению исторического мифа о борьбе дворянства с боярством. Царь Иван, писали современники, собрал на опричную службу худородных детей боярских, «косопалых мужиков», чтобы с их помощью разделаться с высокородной знатью. В действительности опричнина не делила феодальное сословие на знать и низшее дворянство. Подавляющая часть мелких помещиков оставалась в земщине и терпела злоупотребления опричников наряду с

прочими земскими людьми. При организации опричнины Грозный опирался на сложившуюся структуру служилого города. За единичными исключениями, в опричнине оказались уезды с развитым поместным землевладением. Опричная передвижка подтвердила тот факт, что право казны распоряжаться поместным фондом земель сохраняло в XVI в. реальный характер.

Важное значение имели мероприятия опричнины в отношении княжеских вотчин. Анализируя земельную политику опричнины, В. Б. Кобрин подчеркивает, что эта политика не была ни антикняжеской, ни антибоярской¹⁸. Однако такой вывод вступает в противоречие с фактами.

Для оценки земельных мер опричнины исключительное значение имеют писцовые книги Казанского края времени опричнины. Введение их в научный оборот дало исследователям новые факты для решения вопросов о роли княжеской знати и направленности опричнины Ивана Грозного. Согласно официальному летописному отчету, царь при учреждении опричнины сослал «в вотчину свою в Казань на житье» неких дворян и детей боярских. Разрядные книги четко зафиксировали тот факт, что в Казань сослали князей (Ярославских, Ростовских и др.), что их сослали в царской «опале», что местом ссылки стали три города: Казань, Свияжск, Чебоксары¹⁹.

Расшифровать показания разрядной документации позволили писцовые книги Казанского края 1565—1566 гг. По указу об опричнине опальные дворяне, сосланные с семьями на поселение в Казань, должны были получить там небольшие поместья. Таким путем власти избавили казну от расходов на содержание ссыльных²⁰. Описание Казанского посада, а также казанских и свияжских уездных земель проводилось в 1565 г. в непосредственной связи с введением опричнины. В писцовых книгах, поименованных «книги Казанского уезда новых поместных дач», фиксировались продажа дворов на Казанском посаде «новым жильцам» и наделение поместьями дворян, которых царь «прислал в свою отчину в Казань на житье». Свияжская писцовая книга также зафиксировала раздачу земель «князем и детем боярским, которых государь велел оставить в Свияжском городе на житье»²¹. Казанские писцовые книги дают в распоряжение исследователя массовый материал, исключительный по своей достоверности. Факт ссылки опальных на восточную окраину зафиксирован в них с протокольной точностью. Удалось установить имена 180 ссыльнопоселенцев, из которых половина приходилась на долю титулованной знати. Полученные факты позволили сделать вывод об антикняжеской направленности опричнины.

Первая в русской истории политическая ссылка носила достаточно патриархальный характер. Административная власть в Казанском крае была передана в руки опальных князей. Этот момент вызвал определенные сомнения. «...Трудно поверить, — пишет В. Б. Кобрин, — чтобы (Казанский. — Р. С.) край, который всего десять с небольшим лет тому назад вошел в состав государства, болезненно мнительный царь Иван отдал целиком в руки тех, кого он подозревал в политической неблагонадежности»²². Если сведения об опале казанских воевод сомнительны, то сомнительны и выводы об опале других казанских жильцов. Такая аргументация представляется неосновательной. Совокупные массовые данные казанских писцовых книг невозможно опровергнуть с помощью единичных наблюдений о воеводах, тем более что сведения об опале казанских воевод отличаются высокой степенью достоверности.

Накануне опричнины и в течение последующих лет Казанским краем управляли бояре князя Куракины. В начале 1565 г. главным воеводой Казани был боярин И. А. Куракин. После издания указа об опричнине он был арестован, пострижен в монахи и заточен в монастырь. Сразу вслед за тем на воеводство в Казань были посланы его братья боярин П. А. Куракин и Г. А. Куракин. Царь продержал их на казанской службе 10 лет (случай беспрецедентный), после чего вызвал П. А. Куракина в Москву и казнил²³. Как боярину П. А. Куракину положен был оклад в 1000 четвертей «доброй угожей земли». В Казани его наделили поместьем в 130 четвертей пашни и 30 четвертей перелога. Г. А.

Куракин владел еще меньшим поместьем²⁴. По указу об опричнине земли опальных казанских ссыльных подлежали конфискации. Иначе говоря, опальные Куракины получили казанские поместья не в дополнение к их прежним земельным богатствам, а взамен отнятых в казну земель.

К числу наиболее авторитетных документов принадлежат записи Разрядного приказа. Одна из таких записей относит всех казанских воевод к числу ссыльных, точно определяет время их прощения царем и выхода из опалы: «Тово же году (1565 г. — *Р. С.*) послал государь в своей государской опале... многих князей... в Казань... на житье... а в 74 (1566 г. — *Р. С.*) государь пожаловал, ис Казани... (половину. — *Р. С.*) опальных дворян взял; а приехал в Казань с государевым жалованьем... Черемисинов мая в 1 день. А другую половину дворян взял и пожаловал государь после. А в Казани остались воеводы годовать, и поместья у них не взяты казанские: князь Петр да князь Григорей Ондreeвичи Куракины, да князь Федор Иванович Троекуров, да князь Данило Васильевич Ушатой, да князь Ондрей Иванович Засекин Сосунов»²⁵. Итак, Куракины и другие казанские воеводы, помилованные «после», т. е. во вторую очередь, даже после прощения были оставлены «годовать» в Казани на казанских поместьях. По случаю амнистии бывшим опальным стали возвращать ранее отобранные у них вотчины. Неуверенные в будущем, некоторые из них сделали через несколько лет земельные пожертвования монастырям. Это обстоятельство не опровергает факта опричных конфискаций вотчин, а лишь свидетельствует об аннулировании казанской ссылки в 1566 г.

По-видимому, царь Иван IV следовал примеру своего деда — Ивана III, который перевел в московские города опальных новгородских бояр, превратив их в мелких землевладельцев. Иван IV попытался превратить опальных князей в мелких казанских помещиков — опору царской власти в беспокойном инородческом Казанском крае. Опальные были сохранены для государственной службы.

Опричнина нанесла удар по Боярской думе. Среди коренной княжеской знати Северо-Восточной Руси особое место занимали князья Шуйские-Суздальские. К началу опричнины старшие Шуйские сошли с политической арены. Единственным исключением был князь А. Б. Горбатый-Суздальский, один из старших бояр думы. Горбатый пользовался исключительной популярностью в народе как покоритель Казани. В первые дни опричнины А. Б. Горбатый был казнен вместе с сыном, а его вотчины в Суздале подверглись конфискации. Единичный факт казни А. Б. Горбатого, пишет В. Б. Кобрин, не доказывает тезиса, будто главный удар опричнины был направлен против суздальской знати²⁶. Факты, рассмотренные в их совокупности, отнимают почву у такого вывода. Одновременно с Горбатым опричники казнили бывшего боярина князя С. В. Ростовского, а боярина князя А. И. Катырева-Ростовского и десятки других видных дворян (князей Ростовских, Ярославских и Стародубских) отправили в ссылку на восточную окраину государства.

Понятие «владими́ро-суздальская (или суздальская) знать» имеет в виду не один лишь род князей Шуйских-Суздальских, а всех потомков коренных княжеских династий Северо-Восточной Руси. Исследование истории опричнины высветило значение суздальской аристократии. Задумав утвердить в стране самодержавную систему управления, Грозный обрушился на те группировки и прослойки правящей аристократии, которые ограничивали его власть в наибольшей мере. Указ об опричнине предусматривал конфискацию имущества у опальных княжат. В. Б. Кобрин мимоходом соглашается с тем, что у опальных княжат отбирали их вотчины (а это решающий пункт), но высказывает сомнения по поводу значительности и последствий этой меры.

Во всех дворовых документах XVI в. первое место среди суздальских княжеских списков занимает список Ростовских князей. «Вероятно, — пишет В. Б. Кобрин, — ростовские князья почти полностью лишились своих родовых вотчин». Этот исключительно важный вывод В. Б. Кобрин подкрепляет не цифровыми данными, извлеченными из массовых источников, а общими рассуждениями. Во-первых, он ссылается на

три случая сохранения родовых вотчин в руках Ростовских княжат и один (!) случай отчуждения; во-вторых, отмечает, что в описях ростовских сел Троице-Сергиева монастыря Ростовские князья не упоминаются среди монастырских соседей, а в других ростовских актах они не числятся среди «послухов»²⁷. Подобные соображения могли бы иметь некоторую доказательную силу, если бы ростовская документация сохранилась в сколько-нибудь полном виде, а не в отрывках.

Ввиду утраты писцовых книг наиболее авторитетным источником по истории княжеского землевладения приходится признать дворовые документы. По общему правилу службу по княжеским спискам несли при дворе главным образом (или исключительно) те князья, которые сохраняли вотчины в родовых гнездах. Приведенные выше цифры показывают, что Ростовские князья сохранили меньше родовых вотчин, чем, например, князья Ярославские или Стародубские. Однако треть Ростовских князей все же имела возможность служить по княжеским спискам с родовых вотчин²⁸. Эти факты опровергают утверждение В. Б. Кобринина.

В числе казанских ссыльнопоселенцев были боярин А. И. Катырев, И. Ю. Хохолков, дети боярина Д. Ю. и И. Ю. Темкины, двое детей Г. И. Темкина, Н. Д. и Ф. Д. Яновы, И. Ф., В. Ф. и М. Ф. Бахтеяровы, В. В. Волк-Приимков, а также сын казненного опричниками боярина И. С. Лобанов. Следует подчеркнуть, что в казанскую ссылку было отправлено подавляющее большинство Ростовских князей, служивших по княжескому списку, и очень немногие из тех, кто служил по городам и, следовательно, не имел родовых вотчин.

Опричники уморили в тюрьме сына боярина А. М. Курбского, бежавшего в Литву, а их земли отписали в казну. В казанскую ссылку была отправлена семья окольного Д. С. Шестунова (10 человек), сын боярина Ф. И. Троекуров, А. Ф. Аленкин-Жеря, двое Сицких, двое Ушатов, а всего 37 князей Ярославских, их сыновей и братьев из числа тех, кто проходил службу по княжеским спискам. Из 77 князей Ярославских, которые несли службу по городам, в ссылку попало всего лишь 7 человек.

Реконструкция стародубского княжеского списка позволяет установить, что из числившихся в нем лиц еще накануне опричнины опале подвергся князь Д. И. Хилков, ранее получивший боярство. Земли Хилкова были отписаны в казну. На поселение в Казань были отправлены Ромодановские (3), Кривоборские (4), Ковровы (3), Пожарские (5). Оболенские князья пострадали от опричнины меньше, чем владими́ро-суздальская знать, по той причине, что они подверглись разгрому в 1562—1564 гг., а опричнина лишь довершила их крушение. Пострадавшие не только служили по княжескому списку, но и возглавляли этот список, т. е. были самыми знатными и богатыми землевладельцами. В числе их были боярин Курлятев с двумя сыновьями, боярин Д. И. Немого, боярин М. П. Репнин, боярин Ю. И. Кашин, его брат И. И. Кашин, А. В. Ногтев, Д. Ф. Овчинин, Д. Ф. Щепин-Шевырев и др. Из немногих Оболенских князей, служивших по уездам, в казанскую ссылку отправились князья Тюфякины (3 человека)²⁹.

В XVI в. государство не обладало достаточными средствами, чтобы длительное время проводить политику, грубо ущемлявшую материальные интересы верхов правящего класса. Массовые данные казанских писцовых книг показывают, что уже через год после введения опричнины царь объявил о «прощении» опальных княжат. Большинство из них получило разрешение вернуться в Москву, где ссыльным либо возвращали их прежние земли, либо компенсировали их землями в других уездах. Но компенсации могли лишь отчасти возместить аристократии нанесенный опричниной ущерб. Массовые источники, содержащие количественные характеристики, дают основание для вывода об упадке политической роли суздальской знати после опричнины. Ниже приведены данные о численности суздальских княжат, служивших по Дворовому списку 1552 — 1562 гг. (в скобках указаны соответствующие данные, извлеченные из списка 1588/89 г.): в Боярской думе — 17(7), по княжескому списку — 125 (35), всего по дворовым спискам — 265 (88)³⁰. Опричные конфискации и казни 1565—1572 гг. явились одной из важных причин

того, что во второй половине XVI в. политическое могущество суздальской знати стало клониться к упадку.

Раздор между монархом и княжеской знатью и раскол феодального сословия, сохранявшийся на протяжении 20 лет (в форме опричнины и «удела», а позже — «двора»), продолжали оказывать существенное влияние на политическое развитие России до начала XVII в. Могущество знати было поколеблено, но не сломлено опричниной. Аристократия ждала своего часа. Этот час пришел, едва настала «Смута».

Опричнина с ее «переборами людишек» и конфискациями оставила глубокий след в истории поместья. Во второй половине XVI в. в развитии поместья наметились новые явления. Создав поместную систему, государство обязало дворян-помещиков нести царскую службу. Одновременно оно взяло на себя обязанность повышать поместные оклады тем помещикам, которые отличились по службе, а главное, обеспечивать поместьями пригодных к службе дворянских детей. Такой порядок сложился в период экономического подъема в первой половине XVI в., когда фонды поместных земель быстро росли, повсюду возникали новые поселения, расширялась запашка.

Кризис 70—80-х годов XVI в., трехлетний неурожай и голод начала XVII в., разруха «смутного времени» создали новую ситуацию. Фонд поместных земель стал сокращаться, резко уменьшилось количество «жилой» пашни в поместье, усилилось массовое бегство крестьян с поместных земель. В новых условиях все резче проявлялась тенденция к дроблению поместья (см. табл.).

Изменения размеров новгородского поместья в XVI в. (в %) ³¹

Размеры поместья	1500 г.	1540 г.	1580 г.**
Не свыше 150 га пашни*	22	39,1	38,8
Более 300 га пашни*	47,5	21,4	30

* В трех полях

** Без Обонежской пятины.

На протяжении первой половины XVI в. фонд поместных земель на сопоставимых землях новгородских пятин увеличился в полтора раза. Но даже это обстоятельство не предотвратило сокращения средних размеров поместья. Дробление старых поместий и испомещение новых помещиков привело к тому, что удельный вес мелких поместий возрос почти вдвое.

Можно ли утверждать, будто указанная тенденция, резко проявившаяся в период процветания новгородского поместья в первой половине XVI в., исчезла в период его упадка во второй половине XVI в.? На первый взгляд средние размеры новгородского поместья в 1540—1580 гг. почти не изменились. Но все дело в том, что в ходе разорения 70—80-х годов XVI в. огромное количество мелких и мельчайших поместий запустели и выбыли из поместного оборота. Таким образом, приведенные в таблице данные на 80-е годы не включают в себя сведений о процессе деклассирования низшего дворянства, связанном с дроблением и разорением мелких поместий. При интерпретации приведенных цифр надо учесть, что к 1580 г. на долю «порозжих» поместных земель в Новгороде приходилось около 43% всего поместного фонда. Из списка фамилий землевладельцев, известных по писцовым книгам 1540 г., в книгах 80-х годов исчезло около 220 фамилий (63%) ³².

В XVI в. процесс дробления и измельчания поместья продолжался. По наблюдению В. М. Воробьева и А. Я. Дегтярева, в середине XVI в. в среднем на каждое новгородское поместье приходилось 20—25 дворов, тогда как через сто лет — всего 6 дворов. В результате среди новгородских помещиков на долю мелких и мельчайших землевладельцев приходилось теперь около 85% ³³.

В отличие от Новгорода в Центре и на Рязанской окраине поместье развивалось при наличии значительного фонда вотчинных земель. В Рязани структура служилого города сохраняла некоторые архаические черты. Наряду с помещиками службу там несли (согласно полоцкому Разряду) «рязанцы с вотчин» (32 человека). В походе 1562—1563 гг. участвовали 80 рязанских дворовых детей боярских и 322 городских (в Дворовой тетради были записаны 107 дворовых и 7 отставленных от дальней службы), а также рязские помещики (171 человек), дети боярские «малой статьи» из Рязани (21 человек), Михайлова города (85) и Шацка (50). В «малой статье» служили измельчавшие помещики, большинство которых не могли нести дальнюю службу и в полоцком Разряде не фигурировали. Обилие «скудных» дворян в Рязанском крае было связано с процессом дробления феодального землевладения, а также и с другими обстоятельствами. Проанализировав массовые данные писцовых книг конца XVI в., О. А. Шватченко показал, что поместные владения Рязанского края были затронуты процессом дробления в большей мере, чем поместья замосковных уездов. В 1595—1599 гг. в Рязани более половины землевладельцев были мелкими помещиками, имевшими в среднем по 40 и менее четвертей пашни в одном поле. Мелкие рязанские помещики владели лишь одной третью земель, положенных им в соответствии с их поместными окладами. В двух рязанских станах половина помещичьих усадеб была заброшена их владельцами³⁴.

Подвергшиеся дроблению и растерявшие крестьянское население поместья не могли противостоять экономическим бедствиям, поразившим страну дважды на протяжении трех десятилетий. «Великое разорение» 70—80-х годов XVI в. и голод 1601—1603 гг. нанесли громадный ущерб не только крестьянству, но и низшим, наиболее многочисленным слоям дворянства. Мелкопоместные дети боярские подверглись разорению в неслыханных ранее масштабах.

Своеобразное положение сложилось во вновь освоенных южных уездах, где власти пытались заново насадить поместную систему. Возникшая там военно-служилая система отличалась от традиционной рядом черт. Во-первых, в степных уездах не было достаточных дворянских контингентов. Во-вторых, в «диком поле» количество распаханых земель было невелико, а крестьянское население отличалось малочисленностью. Особенностью южных «украин» было то, что казацкая колонизация «дикого поля» опережала правительственную. Казацкое население имело опыт борьбы с кочевниками, и власти, испытывая острый недостаток в воинских людях, стали привлекать для охраны южных границ казаков, предоставляя им земельное обеспечение.

Сожжение Москвы крымцами в 1571 г. послужило толчком к реорганизации сторожевой службы в южных уездах государства. Многие «сторожа» из мелкопоместных детей боярских (рязанцев и пр.) были отставлены от пограничной службы и переведены на городскую, а на их место определены служилые люди «по прибору», прежде всего казаки. Организация казачьих гарнизонов по замыслам властей должна была резко сократить денежные расходы казны на содержание дворянских отрядов. Конные казаки, прибранные в степные гарнизоны, получали небольшие поместья и служили (согласно боярскому приговору) «з земли без денег»³⁵.

Положение в Орловском уезде было в общих чертах таким же, как и в южных «украинных» городах. Активная колонизация края началась в середине XVI в., а уже к концу столетия треть уездной земли была пущена в поместную раздачу. Вотчин в уезде не было. По данным П. Смирнова, в Орловском уезде на 1594—1595 гг. земельные владения до 50 четвертей составляли 71,4%, до 100 — 24,7, свыше 100 — менее 4%. Казаки владели землей на тех же условиях обязательной службы, что и дети боярские. Поэтому чиновники, описавшие Орловский уезд в 1594—1595 гг., не провели никаких разграничений между владениями указанных категорий служилых людей. Согласно росписи 1604 г., Орловский уезд выставил «в поле» 129 детей боярских полковой службы и 287 детей боярских с пищалями (самопалами). Помимо того, в уезде было испомещено несколько сот казаков. Их высший земельный оклад составлял, как и в Рязани, 50 четвертей³⁶. Среди

орловских служилых людей преобладали низшие категории — дети боярские с пищальями и казаки, что было связано с преимущественным распространением в уезде мелкопоместного землевладения. Такое положение следует признать типичным для большинства южных городов. Этот вывод находит подтверждение в разнообразной документации.

В 1597 г. охрану Засечной черты на пространстве от Брянских лесов до Рязани несли 78 детей боярских полковой службы, 247 детей боярских конных с пищальями, 160 засечных сторожей, 460 казаков и стрельцов (преимущественно из ближайших городов) и другие ратные люди³⁷.

Среди помещиков Рязского уезда, явившихся на смотр в 1597 г., только 44 человека числились детьми боярскими полковой службы, зато прочие дети боярские — 301 человек — служили с пищальями. Рязская десятина с полной очевидностью доказывает, что службу с огнестрельным оружием несли наименее обеспеченные помещики, утратившие возможность служить «конно, людно и оружно». Поместные оклады пищальников были в 2—3 раза меньше, чем у тех, кто нес полковую службу. Особую группу рязских служилых людей составляли 110 охудавших детей боярских и нетчиков, т. е. не явившихся на смотр. Некоторых из них изгнали со службы, а прочим оставили минимальный поместный оклад (20 четвертей пашни) и зачислили на осадную службу «с пищалью без денег». Дети боярские высшей группы имели 150—300 четвертей пашни поместной земли, дети боярские второй группы — 50—100, редко 250 четвертей³⁸. В десятинах помечены лишь оклады помещиков, а реальные их владения с «живой пашней» были значительно меньшими. Поместные оклады низших категорий детей боярских немногим отличались от земельных окладов казаков, несших сторожевую службу «в поле».

После голода 1601—1603 гг. численность высшей категории служилых людей сократилась, а низших — увеличилась. В походе против самозванца 1604 г. участвовало «ряшан полковых 28 человек, да с пищальми 336 человек», а также казаков из Рязска «500 человек конных с пищальми»³⁹.

Новгородское поместное ополчение при своем основании получило в Разрядах наименование «кованая рать». Имея процветающие поместья, дворяне исправно несли службу в тяжеловооруженной, закованной в железные доспехи коннице. Кризис поместной системы отразился на состоянии дворянского ополчения. Появление отрядов детей боярских «с пищальми» — показатель существенной перестройки военно-служилой системы к началу XVII в. Ружья и самопалы были традиционным оружием в руках горожан-пищальников, стрельцов и казаков, но не дворян. Для последних отказ от традиционного рыцарского вооружения и переход из тяжеловооруженной конницы в пехоту означал нечто большее, чем смену оружия или рода войск. Контингенты для пехоты издавна поставляли непривилегированные сословия. Переход в пищальники в некоторых отношениях уравнивал детей боярских самопальников со стрельцами — служилыми людьми «по прибору», не принадлежавшими к дворянству. На поле боя и те и другие выполняли теперь сходные функции.

Наличие пеших и конных пищальников несколько не меняло общего положения. Конные отряды стрельцов и казаков появились уже в годы Ливонской войны. По их образцу были организованы приказы конных самопальников детей боярских. Решающее различие заключалось в том, что тяжеловооруженная дворянская конница господствовала на поле боя, сражаясь в конном строю, тогда как пищальникам лошади служили лишь для переходов на марше. Ружья были громоздкими, и их нельзя было быстро перезарядить, поэтому конные самопальники спешили для боя⁴⁰.

Пережив расцвет в XVI в., конное поместное ополчение вступило в полосу кризиса, вызванного общим кризисом поместной системы землевладения. Особый интерес представляют данные по Путивлю и Рыльску, где кризисные явления приобрели наиболее резкую форму.

В 1577 г. дети боярские из Путивля и Рыльска подали властям челобитную по поводу своей земельной неустроенности. По их словам, из 168 детей боярских, служивших в названных городах, более половины (99) вовсе не получили поместий, а прочие (69) были «испомещены по окладам не сполна, иные вполы, а иные в третьей и в четвертой жеребей, а иным дано на усадища понемногу»⁴¹. В таких условиях лишь немногие из путивлян и рылян могли нести полковую службу в дворянском ополчении.

Не имея возможности обеспечить помещиков Путивля и Рыльска землей и крепостными, Разрядный приказ принял решение перевести их на службу «с пищальми», для чего велено было сформировать в Путивле приказ. Командиром приказа был назначен А. Хрущев. Однако Хрущев смог набрать в свой приказ всего 107 детей боярских, из них лишь у 28 были небольшие «старые» поместья. Чтобы обеспечить набранных самопальников минимальными поместными «дачами», власти отписали у путивльских посадских людей все их пригородные надельные и угодья, а также отрезали излишки распаханной земли у прочих помещиков. В результате дети боярские самопальники получили крохотные поместья по 30, 40 и 50 четвертей пашни. Некоторые получили в счет земли бортные угодья с обязательством платить в казну оброк медом⁴².

Не располагая достаточным количеством «жилой» пашни, Поместный приказ выделил самопальникам Хрущева в дополнение к их «старым» поместьям (891 четверть) всего 1168 четвертей паханой пашни, а также более 1800 четвертей необработанной земли в «диком поле» и 202 четверти перелога. Иначе говоря, владельцы мельчайших поместий в Путивле получили лишь половину положенных им окладов распаханной земли. Такие «дачи» не могли обеспечить нормальных условий несения военной службы.

Хрущев не смог укомплектовать приказ детьми боярскими и стал вербовать в «конные самопальники» людей разных чинов, включая служилых путивльских казаков (138 человек), стрельцов (107), гарнизонных пушкарей (36), белодворцев (77 человек), некоторое число путивльских посадских людей. Все они должны были нести конную самопальную службу вместе с детьми боярскими. Все различие заключалось в следующем. Если дети боярские самопальники получали оклады по 30, 40 и 50 четвертей пашни, то рядовым самопальникам из разночинцев положено было по 20 четвертей, а атаманам — по 30 четвертей земли. Иногда им оставляли те же участки, которые они прежде держали на оброке. Более половины отведенной им земли составляла нераспаханная земля в «диком поле». Ценность подобных поместий была невысока. Среди служилых «черкас» (украинских казаков) только двое согласились взять подобные поместные «дачи», большинство же (43 человека) решили служить в самопальниках за хлебное и денежное жалованье без земли. В итоге 449 самопальников из приказа Хрущева получили 4049 четвертей обработанной и 6150 четвертей необработанной земли, в том числе 4958 четвертей целинных земель в «диком поле»⁴³. Лишь в единичных поместьях у самопальников детей боярских писцы отметили крестьянские и бобыльские дворы. Подавляющая часть самопальников из детей боярских должны были сами «разодрать» ковыльную степь.

В литературе многократно высказывалась мысль о том, что в конце XVI в. власти переводили в разряд детей боярских целые группы служилых казаков, наделенных поместьями. Подтверждением могут служить писцовые книги Орловского уезда, не проводившие различия между земельными владениями местных детей боярских и служилых казаков. Большой интерес в этой связи представляют также Епифанские десятины. В 1585 г. в Епифании воевода Д. И. Хворостинин поверстал поместьями 300 казаков. «Лучшие» (70 человек) получили по 40 четвертей пашни, прочие — по 30 четвертей. К 1591 г. из 300 упомянутых казаков 272 продолжали служить в том же уезде, сохраняя свои поместья. Казак С. И. Погонин к тому времени выслужил оклад в 50 четвертей. В 1591 г. «лучшие» казаки получили по 5 руб., а прочие — по 4 руб. денежного жалованья⁴⁴.

Палеографическое исследование десяти 1585 г., проведенное А. Л. Станиславским, устранило сомнения в подлинности как самого документа, так и его заголовка. Ведомость Д. И. Хворостинина снабжена заголовком «Десятня детей боярских епифанцев, которые верстаны из казаков»⁴⁵. Однако следует подчеркнуть, что при составлении новой десяти по Епифании в 1591 г. авторы документа именуют поместных казаков «епифанцами» без всякого указания на их принадлежность к детям боярским.

Процесс формирования поместного землевладения в южных уездах носил сложный характер. Терминология Епифанской десяти отразила тенденцию к слиянию различных прослоек мелкопоместных землевладельцев, обозначившуюся в конце XVI в. Но указанная тенденция не получила полного развития. Разрядные документы начала XVII в. обнаруживают тот факт, что прослойка детей боярских постоянно пополнялась выходцами из различных социальных групп, но поместные казаки — как особый «чин» служилых людей — сохранили свою обособленность от детей боярских.

Особого внимания заслуживают десяти по Ливнам и Ельцу, составленные П. Н. Шереметевым во время дворянского смотра на южной границе осенью 1604 г. Воевода получил наказ оставить на службе елецких детей боярских, которые были поверстаны чином и поместьем из казаков, казачьих и крестьянских детей, а «в службу пригодятца и собою добры». Наказ, неукоснительно выполненный Шереметевым, распространялся на нетчиков. Из десяти следует, что свой чин сохранили дети боярские, которые «по розрядному списку написаны в нетех, а по смотру и по разбору бывали в казацех, и казацкие дети, а иные живали в казацких слободах, а в службу пригодятца ж и государевым денежным жалованьем поверстаны...»⁴⁶.

Факт пожалования холопов в дети боярские при Годунове получил широкую известность благодаря стараниям писателей «смутного времени», стремившихся очернить Бориса. Современники весьма пристрастно толковали этот факт. Борис Годунов, утверждали они, жаловал поместья тем холопам, которые подавали доносы на своих господ — опальных бояр⁴⁷. Сохранилась Рязская десятня 1605 г., из которой следует, что Лжедмитрий велел отставить от службы детей боярских ряшан, «которых Борис Годунов жаловал холопей боярских за довод поместьи»⁴⁸. В действительности Борис Годунов жаловал поместьями и чином детей боярских не одних доносчиков холопов, но и бывших крестьян и казаков, среди которых было немало показавшихся беглых холопов и крепостных, что неизбежно сказалось в период «Смуты».

Трехлетний голод привел к сокращению численности служилых людей в южных степных уездах. В десятне П. Н. Шереметева 1604 г. записаны десятки помещиков из Ельца, выбывших со службы. При таких условиях власти стремились сохранить на службе возможно большее число местных детей боярских, невзирая на их происхождение. В упомянутой десятне П. Н. Шереметева были тщательно оговорены все случаи исключения со службы помещиков, которые «верстались из казаков, а иные из крестьян, а иные были в холопех», с указанием конкретных причин, «кто за что отставлен». Отставки почти не затронули «старых помещиков» из казаков и несколько больше коснулись «новиков», не успевших доказать свою служебную пригодность. Из четырех лиц, лишившихся дворянского чина, трое были «новиками», получившими поместье в 1599 и 1602—1603 гг. Всех их вернули в казаки по месту прежней службы — в Елец, Ливны и Новосиль. Про одного было сказано, что он отставлен за то, что «был в Ельце в казаках и верстался воровски», т. е. обманным путем, утаив старый чин. Сын боярский Федка Михайлов был отставлен также за «воровское верстание». Этот крестьянский сын скрыл, что был крепостным помещика Василия Субочева. С. Вольнский, проводивший дворянский смотр одновременно с П. Шереметевым, отставил от службы четырех «новиков», поверстаных в дети боярские в 1602—1603 гг. Трое из них оказались крестьянскими детьми, а один верстался из стрельцов «воровским обычаем»⁴⁹.

В десятне П. Н. Шереметева имеется следующая любопытная помета: «Неустройство Иванов сын Ключев отставлен за то, что он был у Ивана Романова в холопех»⁵⁰. Как видно,

Клюева изгнали со службы не столько вследствие обнаружения его холопского прошлого, сколько по причине его службы у опального И. Н. Романова.

На вновь присоединенных степных пространствах не было ни феодально зависимых крестьян, ни обработанных земель, т. е. не было условий, обеспечивавших развитие поместной системы. Поэтому попытки насадить поместья в «диком поле» породили некоторые аномальные явления в истории поместной системы и феодального сословия.

Службу в степных уездах несли в основном ратники «с пищалью» — дети боярские и казаки, получавшие землю на одинаковых условиях. Некоторые из поместных казаков, казачьих и крестьянских детей пополнили ряды степных помещиков, принадлежавших к дворянскому чину. Однако подлинное социальное лицо служилых помещиков южных уездов определялось не их формальной принадлежностью к тому или иному чину и даже не их социальным происхождением, а реальными экономическими условиями. Степным помещикам сплошь и рядом нарезали крохотные поместные «дачи», наполовину состоявшие из нераспаханного «дикого поля». Писцовые книги по Орлу, Путивлю и другим городам указывают на полное отсутствие крестьян в мелких поместьях, владельцы которых, следовательно, не получали феодальной ренты в виде оброков и пр. Доходы южных помещиков пищальников были таковы, что большинство из них не могли купить холопа и прокормить его в годы голода. Мелкие помещики, по общему правилу, должны были обрабатывать землю собственным трудом с помощью членов своей семьи, т. е. им приходилось вести хозяйство теми же способами, что и крестьянам. Трудности их экономического положения усугублялись необходимостью распашки целины. Денежное жалованье им платили нерегулярно. Дети боярские низшего разряда имели минимальные поместные оклады и служили «с пищалью без денег»⁵¹. Иначе говоря, они не получали ни ренты, ни казенного жалованья.

В конце XVI в. правительство осуществило важную социальную реформу. Оно освободило от податей барскую запашку в помещичьих усадьбах, тем самым проведя резкую разграничительную черту между привилегированным высшим и тяглыми низшими сословиями. Однако преимущества, вытекавшие из законов об «обелении» пашни, распределялись очень неравномерно среди различных групп, или «чинов», феодального сословия. Наименьшие привилегии получили мелкопоместные дворяне, более всего нуждавшиеся в льготах. Владелец поместья в 50 четвертей мог претендовать на «обеление» (освобождение от государевых податей) лишь 5 четвертей пашни. (Мы не имеем данных о том, что эта льгота распространялась на детей боярских пищальников южных уездов.) Чем большим был поместный оклад (а следовательно, и благосостояние) служилого человека, тем большими преимуществами он пользовался. Писцы «обеляли» по 10 четвертей пашни на поместье в 100—200 четвертей, по 15 — в 300—400, по 20 — в 450 четвертей и т. д.⁵²

Правительство предоставляло наибольшие преимущества и привилегии средним и высшим слоям поместного дворянства, исправно несшим конную полковую службу, содержащим боевых холопов, обеспечивавшим поступление в казну податей со своих крестьян. Их обеспечивали землями и денежным жалованьем в первую очередь. Совершенно иной была политика в отношении низших категорий мелкопоместного дворянства, и в частности в отношении степных помещиков, служивших в пищальниках.

Московское правительство не жалело сил на то, чтобы насадить поместную систему в южных уездах и тем самым создать себе прочную опору на вновь присоединенных землях. Однако эти усилия не привели к желаемым результатам, поскольку власти не смогли обеспечить новых помещиков пашней и крестьянами.

Распаханных земель в степных уездах было немного, и казне приходилось везти хлеб из Нечерноземного центра на плодородные земли Юга. Чтобы ускорить распашку пашни в «диком поле» и снабдить Юг собственным хлебом, власти завели там государеву десятинную пашню. Податное «черное» население в южных крепостях оставалось

малочисленным, а потому обязанность обрабатывать десятинную пашню была возложена на служилых людей.

Наиболее интересны сведения об организации государственного барщинного зернового хозяйства в Ельце. Согласно приказной справке 1620 г., возобновив после «Смуты» десятинную пашню в Ельце, «что пахали при царе Борисе», власти распорядились обрабатывать ее «по-прежнему детьми боярскими ельчаны, и елецкими стрельцы, и казаки, и пушкари, и затинщики и всякими служилыми и жилецкими людьми». Совершенно так же, как и в Ельце, было организовано государственное барщинное зерновое хозяйство в Курске⁵³.

Итак, в таких степных городах, как Курск, Елец, правительство Бориса Годунова распорядилось привлечь мелкопоместных детей боярских к отбыванию барщинных повинностей на государевой десятинной пашне вместе со стрельцами и казаками. Получая минимальный поместный оклад, мелкие помещики обрабатывали землю своим трудом и не получали феодальной ренты. Когда таких помещиков стали эксплуатировать на барщине, их реальное положение еще больше сблизилось с положением трудящихся низов, а принадлежность к числу детей боярских приобрела для многих из них формальный характер.

Появление нового социального персонажа — мелкого помещика, выбывшего из конного дворянского ополчения и служившего «с пищалью», — симптом важных перемен в составе феодального сословия накануне «Смуты». Южные степные уезды превратились в пороховой погреб, едва в стране разразилась гражданская война.

Глава 2 БОЯРСКАЯ КРАМОЛА

Короткое междоусобие 1598 г., последовавшее за смертью царя Федора, вызвало всплеск аристократической реакции. Борис Годунов должен был осознать, что будущее основанной им династии зависит в значительной мере от позиции Боярской думы. Поэтому он не жалел усилий на то, чтобы заручиться поддержкой аристократии. Его меры призваны были убедить боярские верхи в том, что утверждение новой династии не внесет изменений в сложившуюся систему местничества, гарантировавшую знати первые места в государстве.

На протяжении всего XVI столетия московские государи должны были считаться с суздальской знатью, среди которой первенствовали князья Шуйские. Великий князь Василий III не допускал Шуйских в Ближнюю думу, но перед смертью принужден был ввести в регентский совет при малолетнем сыне Иване сразу двух представителей этой фамилии. Отстранив других опекунов, Шуйские в конце концов учредили в стране боярское правление. Иван IV, вспоминая детство, с раздражением писал, что бояре Шуйские «воцарились» при его дворе «самовольством». Однако перед кончиной Иван Грозный поступил совершенно так же, как и его отец Василий III. Сформировав регентский совет при слабоумном Федоре, Иван IV ввел в его состав боярина И. П. Шуйского, ставшего вскоре ключевой фигурой регентского совета.

События, разыгравшиеся после смерти Грозного, подтвердили тот факт, что среди знати, стремившейся ограничить власть самодержца, по-прежнему доминировала суздальская знать. Подлинное значение этой знати обнаруживалось при каждом серьезном кризисе. При царе Федоре Шуйские возглавили выступление знати, пытавшейся вернуть себе прежнее политическое влияние и возродить доопричные порядки. Борис Годунов стал правителем государства лишь после того, как ему удалось разгромить группировку Шуйских. По его приказу глава этой группировки регент И. П. Шуйский был пострижен в монахи, а затем умерщвлен. Положение Шуйских пошатнулось, что помешало им участвовать в борьбе за трон после смерти царя Федора. Но в более поздних событиях «Смуты» они вновь играли первостепенную роль.

Царь Борис не забыл, что именно Шуйские пытались покончить с его властью. Но он помнил также и тот кризис, который вызван был их опалой. Взойдя на трон, Годунов не избавился от прежнего недоверия к Шуйским, но всячески старался избегать раздора с ними.

Борис сохранил пост главы Боярской думы за удельным князем Ф. И. Мстиславским. Но Мстиславский не обладал ни энергией, ни характером, ни авторитетом в среде коренной русской знати. Поэтому фактически наибольшим влиянием в думе пользовался не он, а бояре братья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Шуйские.

Опричнина ослабила, но не покончила с политическим влиянием прочей суздальской знати — князей Ростовских и Стародубских. Царствование Грозного завершилось почти полным изгнанием этих фамилий из Боярской думы. Борис Годунов стремился к тому, чтобы в его думе были представлены все влиятельные политические силы страны. Он пожаловал высший боярский чин князю М. П. Катыреву-Ростовскому, чин окольничего — князю Д. И. Хилкову-Стародубскому. Князь П. И. Буйносов-Ростовский стал при нем сначала думным дворянином, а затем боярином. Меры Годунова позволили суздальской знати по крайней мере отчасти восстановить свое традиционное политическое значение, поколебленное опричниной.

Вернувшиеся в думу князья обладали блестящим родословием, но, чтобы вернуть себе прежнее значение, они неизбежно должны были вступить в борьбу с преуспевшей на службе знатью. Получив боярство, князь Катырев возобновил давнюю тяжбу с Мстиславским¹. Видимо, это отвечало политическим расчетам Годунова.

Стремясь создать возможно более широкую опору своему трону, царь Борис не побоялся ввести в думу некоторых влиятельных лиц из числа своих давних противников. При нем чин боярина носил князь А. П. Куракин, немало повредивший Годуновым при царе Федоре и поплатившийся за то долгой ссылкой. Борис не доверял Голицыным и тем не менее сделал боярином князя В. В. Голицына. В боярском чине в годуновской думе заседали «служилые» князья А. В. Трубецкой, Б. К. Черкасский, В. К. Черкасский, С. Волошский. Однако Годунов упорно отказывался пожаловать высший чин удельному князю И. М. Воротынскому, который мог претендовать на самое высокое положение в иерархии московских чинов.

Современники называли Александра Никитича Романова не только соперником Годунова в борьбе за трон, но и личным врагом правителя Бориса. Однако после коронации Годунова Александр получил боярство, а его брат Михаил — окольничество. В целом старомосковская знать была представлена в думе Годунова значительно менее полно, чем высшая титулованная знать. Некоторых успехов на службе у Бориса добились Плещеевы и Морозовы.

Царь Борис наводнил думу своей родней. Его дядя Дмитрий Иванович Годунов получил титул конюшего — старшего боярина думы, боярин Степан Васильевич Годунов занял пост главы Большого дворца. В разное время в качестве бояр в думе царя Бориса заседали Иван Васильевич, Семен Никитич и Матвей Михайлович, в качестве окольничих — Никита Васильевич, Степан Степанович, Иван Иванович и Петр Васильевич Годуновы. Таким образом, на долю Годуновых приходилась почти треть состава двух высших «чинов» думы — бояр и окольничих.

Писатели «смутного времени» утверждали, будто царь Борис всеми силами стремился унижить и истребить высокородную знать². Приведенные данные о назначениях в Боярскую думу не подтверждают их слов. При Годунове княжеская аристократия, казалось, вновь обрела влияние в думе, которым она пользовалась до опричнины³. Ее представительство в думе расширилось⁴.

Годунов заботился о воинском чине. Но он был далек от того, чтобы распахнуть двери Боярской думы перед представителями дворянства. Думные дворяне не вернули себе того влияния, которым они пользовались при Грозном.

Видными членами старой, опричной думы были любимец Грозного Богдан Яковлевич Бельский и Игнатий Петрович Татищев. Даже Иван IV не решился дать высший думный чин Б. Я. Бельскому из-за его редкого худородства. Однако Бельский был двоюродным братом царицы Марии Скуратовой-Годуновой и по этой причине получил от родни чин окольничего. Борис пытался привлечь племянника Малюты на свою сторону, хотя постоянно опасался интриг с его стороны.

И. П. Татищев был произведен в казначеи, а его сын М. И. Татищев стал думным дворянином. Членами курии думных дворян стали также выдвинувшийся в опричнине Е. М. Пушкин, а позже его брат И. М. Большой Пушкин. В самом конце царствования Бориса чин думного дворянина получили В. Б. Сукин и А. М. Воейков, влияние которых на дела было невелико⁵.

Бывшие сподвижники Годуновых по опричнине рассчитывали на то, что утверждение новой династии перевернет вверх дном устоявшуюся систему местнических отношений, но их надежды не оправдались. Когда Пушкины дерзко заместничали с «великими» Морозовыми-Салтыковыми, их сразу одернули и наказали⁶.

Годунов получил трон вопреки воле боярских верхов, и потому поводов к раздору и взаимным подозрениям было более чем достаточно. Многие аристократические семьи, открыто боровшиеся за власть либо тайно помышлявшие о короне, не считали свое дело окончательно проигранным. Особые надежды они возлагали на недолговечность Бориса, удрученного старостью и болезнями.

В конце 1599 г. царевич Федор известил монахов Троице-Сергиева монастыря о том, что его отец недомогает и не сможет прибыть на богомолье. В 1600 г. здоровье Бориса резко ухудшилось. Польские послы, прибывшие в Москву осенью 1600 г., записали в дневнике, что русским властям не удалось сохранить в тайне болезнь царя и в городе по этому поводу поднялась большая тревога. Для обсуждения сложившейся ситуации была срочно созвана Боярская дума, после чего Бориса по его собственному распоряжению отнесли на носилках из дворца в церковь, чтобы показать народу, что он еще жив⁷.

Польским послам пришлось задержаться в Москве. Причиной тому, отмечал француз Яков Маржарет, была болезнь Бориса. Она тянулась долго: после заключения перемирия в марте 1602 г. Борис не смог проститься с польскими послами «за болезнью»⁸.

Ввиду близкой кончины Бориса возобновление борьбы за трон казалось неизбежным. Польские послы, наблюдавшие развитие кризиса, утверждали, будто у Годунова было очень много недоброжелателей среди подданных, число строгостей против них росло ото дня ко дню, но гонения не спасли положения. «Не приходится сомневаться, — писали поляки, — что в любой день там должен быть мятеж»⁹.

Кризис породил ряд сыскных дел о боярской измене. Подозрения пали на представителей ряда самых аристократических фамилий.

В государственном архиве хранилось «дело доводное — извещали княж Ивановы Ивановича Шуйского люди Янко Иванов сын Марков и брат его Полуехтко на князя Ивана Ивановича Шуйского в коренье и в ведовском деле»¹⁰. Царь Борис тяжело болел, и в это самое время боярские холопы донесли ему, что Шуйский наводит на него порчу с помощью «коренья» и колдовства. О «деле» Шуйских бегло упоминает опись царского архива 1626 г. Имеются основания предполагать, что после «Смуты» сохранился лишь небольшой фрагмент судебного дела об измене Шуйских.

Свидетель происшедшего дьяк Иван Тимофеев отметил, что при царе Борисе Шуйские подверглись всеродному бесчестью. В угоду царю Борису и ради получения сана «чести», повествует Иван Тимофеев, Михалка Татищев всеродно бесчестил Василия Шуйского, «даже и до рукобиения всеродно той досаждая». Дело И. И. Шуйского имело место в 1599—1600 (7108) гг. М. И. Татищев получил от царя Бориса чин думного дворянина к февралю 1599 г. Отмеченное совпадение косвенно подтверждает рассказ Тимофеева. О гонениях на Шуйских сообщают не только русские, но и иностранные

источники. Француз Я. Маржарет, поступивший на службу ко двору Бориса как раз в 1600 г., сообщает, что царь подозревал Шуйских более всех остальных и многих подвергал пытке только за то, что они навещали Шуйских в их доме¹¹. Среди прочих иностранных мемуаристов Маржарет выделяется своим осторожным и трезвым отношением к описываемым событиям.

Итак, дело об измене бросило тень на всех братьев Шуйских. Видимо, во время обсуждения в думе они подверглись шельмованию и даже претерпели побои. Извет холопов и последовавший затем допрос в думе дали Годунову повод во второй раз подвергнуть род Шуйских опале и ссылке. Но Борис желал избежать раздора с аристократией и ограничился тем, что изгнал из Боярской думы младшего из братьев — Ивана Шуйского.

Некоторое время спустя боярские холопы подали донос на князя Ивана, сына боярина М. П. Катыева-Ростовского. Царь Борис оставил донос без внимания¹².

Наибольшую угрозу для неокрепшей годуновской династии таили в себе притязания Романовых. По сравнению с Годуновыми они имели гораздо больше прав на трон в качестве двоюродных братьев последнего законного царя. Именно по этой причине извет на Романовых имел самые серьезные последствия. Царю Борису приходилось учитывать, что Романовы располагали сильными позициями в Боярской думе. Возглавляли романовскую партию бояре Федор и Александр Никитичи, окольниковый Михаил Никитич Романовы. Их ближайшей родней и сторонниками были бояре князь Борис Камбулатович Черкасский, князь Иван Васильевич Сицкий, князь Федор Шестунов, знатные дворяне князь Александр Репнин, Карповы и пр.¹³

За время царствования Ивана Грозного и его сына Федора Романовы приобрели огромные вотчины и стали богатейшими землевладельцами своего времени. Борис Годунов обвинил бояр Романовых в заговоре с целью уничтожения царской семьи и захвата короны. Очевидец событий Конрад Буссов записал, что братья Никитичи искали подходящего случая, чтобы извести Бориса ядом, но они были преданы своими собственными людьми. Близкий к Романовым Исаак Масса утверждал, будто душой антигодуновского заговора была боярыня Ксения Ивановна Шестова-Морозова, жена Федора Никитича. Ее замыслы разделял Александр Никитич, тогда как Федор Никитич занял более осторожную позицию. Заговорщики советовались, как бы им извести царскую семью. Стремясь оправдать Романовых, Масса допустил явное противоречие. Повествуя о расправе над Романовыми, он старательно подчеркнул, будто сведения о злоумышлении А. Романова, К. Шестовой и других были основаны на ложном свидетельстве нескольких негодяев, действовавших по наущению Годунова¹⁴.

Русские летописи, составленные в окружении Федора (Филарета) Никитича Романова, называют имя главного доносчика, погубившего Романовых. По рассказу летописца, сам дьявол подучил боярского холопа Бартенева предать своего господина Александра Никитича: «Потом же вложи враг в раба в Олександрова человека Никитича во Второво Бартенева, той же Второй бяше у Александра Никитича казначей». Бартенева принадлежали к дворянскому сословию и владели небольшими вотчинами. С государственной службы Бартенов Второй поступил во «двор» к Федору Никитичу, а затем получил место казначея у Александра Никитича. В соответствии с законами о холопах Бартенов после нескольких лет добровольной службы у Никитичей должен был дать им на себя служилую кабалу. Летописец определенно указывает на то, что Бартенов предал господ по собственному почину. Явившись с доносом к окольниковому Семену Годунову, возглавлявшему сыскное ведомство, казначей договорился с ним обо всех последующих действиях. Семен будто бы сам вручил предателю мешочек с волшебными корешками, который тот принес на двор к Романовым и спрятал в «казну» своего господина¹⁵.

Сохранившийся отрывок дела о ссылке Романовых подтверждает свидетельство летописца о том, что они стали жертвами колдовского процесса. Пристав,

сопровождаящий Василия Никитича Романова в ссылку, сказал ему однажды: «Вы, злодеи-изменники, хотели достать царство ведовством и кореньем»¹⁶.

Русские источники не содержат точных указаний насчет времени падения Романовых. Из иностранцев лишь Исаак Масса отметил, что розыск об их измене начался в ноябре 1600 г.¹⁷

Наиболее подробные сведения о расправе Бориса с боярской оппозицией заключает в себе «Дневник» польского посольства в Москву. Его автором был третий посол Г. Пелгжимовский, составивший сначала прозаический, а затем рифмованный рассказ о пребывании в Москве в 1600—1601 гг. Текст «Дневника» в прозе сохранился в виде отдельных отрывков¹⁸. Один из фрагментов «Дневника» хранится в Государственном архиве в Вене. Ф. П. Аделунг снял с него копию, которая находится в настоящее время в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Наибольший интерес представляет дневниковая запись, датированная 23 октября (2 ноября) 1600 г. «Этой ночью, — записан один из членов посольства, — его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка (Кремля. — *Р. С.*) с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало». Польские послы наблюдали за нападением правительственных войск на подворье Романовых. «Дом, в котором жили Романовы, — продолжал автор, — был подожжен; некоторых (опальных. — *Р. С.*) он (Борис. — *Р. С.*) убил, некоторых арестовал и забрал с собой...»¹⁹

Обвинения в колдовстве послужили не более чем поводом к гонениям на Романовых. Подлинные же причины санкций были значительно глубже. Болезнь Бориса возродила призрак династического кризиса. В такой обстановке любые действия вождей оппозиции в Боярской думе внушали подозрения властям. Между тем Романовы собрали в столице многочисленную вооруженную свиту. В случае смерти Бориса эти меры были чреваты серьезными политическими осложнениями.

Польские послы потратили немало усилий на то, чтобы установить причины опалы Романовых. Собранная ими информация особенно интересна потому, что она исходила от людей, симпатизировавших родне царя Федора. «Нам удалось узнать, — читаем в польском «Дневнике», — что нынешний великий князь (Борис. — *Р. С.*) насильно вторгся в царство и отнял его от Никитичей-Романовичей, кровных родственников умершего великого князя. Названные Никитичи-Романовичи усилились и, возможно, снова предполагали заполучить правление в свои руки, что и было справедливо, и при них было достаточно людей, но той ночью великий князь (Борис) на них напал»²⁰.

Дневниковая запись раскрывает подлинные причины гонений на братьев царя Федора. Тяжелая и продолжительная болезнь Годунова подала Романовым надежду на то, что они вскоре смогут вновь вступить в борьбу за обладание короной. Малолетний наследник Бориса имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного царя оставалось единственное средство ее спасения. Он должен был устранить с политической арены главных претендентов на корону²¹. Летописцы из ближайшего окружения Федора Никитича прекрасно понимали это обстоятельство. Объявив опалу на Романовых, отметили они, Борис рассчитывал «достальной корень царской известь», погубить «последнее сродствие» законных государей Ивана Грозного и Федора Ивановича²². Летописец забыл упомянуть, что Романовы, настаивая на своих правах «царского» происхождения, готовились свергнуть выборную земскую династию, что и явилось причиной гонений на них.

В дни междуцарствия в 1598 г. Романовы пытались противодействовать Борису Годунову, опираясь на поддержку Б. Я. Бельского. Подобно Романовым, Бельский ждал кончины царя Бориса, чтобы возобновить борьбу за власть. Опасаясь интриг племянника Малюты, правительство в 1599 г. отослало его в экспедицию на Северский Донец, где предполагалось выстроить новую степную крепость Царев-Борисов.

Экспедиция на Донец началась в июне 1599 г. Располагая огромными земельными богатствами, Богдан Бельский снарядил в поход собственную вотчинную армию — «двор». Едва войска прибыли в урочище под Святой горой, Бельский «град нача делати пре-же своим двором и здела своими людьми башню и городни и укрепи великою крепостию. Потом же с тово образца повеле и всей рати делати»²³.

В подчинении Бельского находилась внушительная военная сила: 46 выборных дворян, 214 детей боярских — рязанцев, тулян, каширян и белевцев, 2600 русских и украинских казаков, стрельцов и «немцев»²⁴. Рязанцы, каширяне и отчасти туляне приняли самое активное участие в антигосударственных восстаниях, происшедших через несколько лет. Вероятно, настроения недовольства возникли в их среде много раньше, доказательством чего служит участие рязанцев в уличных беспорядках 80-х годов XVI в.

В Цареве-Борисове воевода Б. Я. Бельский не воспользовался случаем поживиться за счет казенных средств, отпущенных на жалованье служилым людям и оплату строительных работ. Окольный велел доставить в Царев-Борисов много припасов из собственных вотчин и щедро ссужал своих подчиненных. «Ратных же людей поил и кормил по вся дни множество и бедным давал деньги, и платье, и запасы». Бельский явно стремился завоевать популярность среди служилых людей, и он достиг цели. «Прииде же на Москве, — записал летописец, — про ево от ратных людей хвала велия...»²⁵

Благодаря энергии и распорядительности Бельского крепость Царев-Борисов была воздвигнута сочень быстро. Но воевода вел себя крайне неосторожно. Щедро угощая ратных людей, Бельский заявлял, что теперь он царь в Цареве-Борисове, как Борис Федорович царь в Москве. Служилые немцы, находившиеся в отряде, тотчас послали донос в Москву. Б. Н. Флоре удалось разыскать подлинное следственное дело об «измеше» Богдана Бельского, из которого следует, что он подвергся опалге не сразу. Будучи оружничим в течение 20 лет, Бельский ведал Аптекарским приказом: участвовал в изготовлении лекарств, один имел право подносить снадобья царю. В то время как оружничий был занят строительством крепости на границе, царь Борис приблизил к себе шотландского капитана Габриэля, человека бывалого и смыслившего в медицине. По свидетельству Конрада Буссова, Годунов выписал себе врача из-за рубежа, а пока «за неимением лучшего Габриэль был назначен лейб-медиком Бориса». В конце октября 1600 г. в Москву в свите английского посла Р. Лея прибыл медик Кристофер Рихтингер. В апреле 1601 г. посол покинул Россию, а медик был зачислен на службу в Аптекарский приказ. По ходатайству Р. Лея Борис пожаловал ему чин придворного доктора²⁶. Габриэль и Кристофер принялись лечить царя сообща, но тут в дело вмешался Бельский.

«Дохтур Христофор» с Габриэлем составили два зелья, которые Борис должен был выпить одно за другим. Но вопреки их предписанию Бельский «того зелья государю не подносил, а подносил то зелье, что составлено канун того дни». Габриэль осмелился пожаловаться Годунову и «про те оба зелья извещал государя». Узнав об этом, Бельский велел немедленно арестовать Габриэля. Находясь под стражей, шотландец нашел способ известить власти, что «ведает государево дело на Богдана на Бельсково». Габриэль не осмелился назвать влиятельного вельможу государевым изменником, но заявил, что Бельский обладает искусством как лечения, так и порчи людей, а вредные зелья он даже пробует на себе: «Богдан Бельской обтекарское дело знает гораздо и ведает, чем человека испортить и чем его опять излечить, да и над собою Богдан то дельывал, пил зелье дурное, а после того пил другое». Не выдвигая никаких конкретных обвинений против Бельского, Габриэль тем не менее подчеркивал, что получение лекарств из его рук — дело опасное: «Богдан Бельский знает всякие зелья, добрые и лихие, да и лечебники все знает же, да и то знает, что кому добро зделать, а чем ково испортить, и для того Богдану у государя блиско быти нельзя»²⁷.

Здоровье Бориса продолжало ухудшаться, поэтому донос Габриэля не был оставлен без внимания. Бельского отстранили от руководства Аптекарским приказом, перешедшим к 1603 г. в прямое ведение главы сыскного ведомства Семена Годунова.

Надо полагать, что новый «аптекарский боярин» и позаботился о суде над Бельским. Как и Романовых, Бельского обвинили в том, что он желал себе царства. После осуждения его вывели на рыночную площадь и подвергли позорному наказанию. Палачом ему был назначен капитан Габриэль, побывавший в тюрьме по его милости. Габриэль вырвал у опального клочок за клочком всю его длинную, окладистую бороду, тем самым полностью обесчестив его²⁸.

После суда Бельский был сослан, по одним сведениям, в Сибирь, по другим — «на Низ (в понизовные волжские города. — *Р. С.*) в тюрьму»²⁹.

Бельский был связан с правящей династией узами родства, потому опала на него носила, по-видимому, персональный характер. Младший сын окольного Постник был сослан на службу в Сибирь³⁰. Но и он, и его брат Иван сохранили свои обширные поместья в Вязме и продолжали нести государеву службу.

Был ли Бельский в Сибири, трудно сказать. Достоверно известно, что длительное время опального держали в ссылке в его нижегородском имении. В конце 1602 — начале 1603 г. приставом у Бельского числился видный нижегородский дворянин Василий Анучин. Годуновы не спешили с возвращением опального в Москву. В описи царского архива упомянут документ — «столп 112-го год, как сослан был Богдан Бельский в село Никольское, и был у него в приставех Ондрей Ржевский да Василий Онучин»³¹. Как видно, Бельского держали в деревне вплоть до 1603—1604 (7112) гг.

Дьяк Иван Тимофеев намекал, что осуждение Романовых было связано с делом Бельского: «...ины с ним в тождество единомыслие ему приплетоша, и сих такожде... по странам развезя». Однако новые данные, открытые Б. Н. Флорей, опровергают подозрения Тимофеева. Даже после ареста Романовых Бельский оставался при дворе и продолжал подносить лекарства больному Борису. Романовы долгое время не знали об аресте Бельского. Будучи в ссылке, опальный Федор Романов говорил, что у Бориса в думе не осталось умных и «досужих» людей, способных решать дела государства. Потому, говорил Филарет, «не станет-де их дело никоторое, нет-де у них разумно, один-де у них разумен Богдан Бельский к посольским и ко всем делам досуж»³².

Оба политических процесса — Романовых и Бельского — ничем не отличались между собой по своему характеру.

Бельский обладал огромным политическим опытом и осмелился выступить против Годунова в период междуцарствия после смерти Федора. Устранение его с политической арены было продиктовано теми же причинами, что и расправа с Романовыми. Гонения явились закономерным завершением борьбы за трон в 1598 г.

Романовы подверглись еще более суровому наказанию, чем Бельский. Для суда над ними Боярская дума выделила особую комиссию во главе с окольным Михаилом Глебовичем Салтыковым. Ему царь поручил дело, которое должно было послужить отправным пунктом суда над оппозицией. Естественно предположить, что именно Салтыкову пришлось руководить штурмом подворья Романовых, когда те отказались допустить царских посланцев для проведения обыска.

После ареста братьев Романовых власти поручили рассмотреть дело духовенству и боярам. Как и во все трудные минуты, Борис прибегнул к помощи верного ему патриарха. По этой причине судебное разбирательство проводилось не в помещении думы, а на патриаршем дворе. Туда явились Михаил Салтыков с членами комиссии и в присутствии арестованных Никитичей выложили на стол главную улику — мешок с волшебными корешками. Боярину Александру Романову была устроена очная ставка с его казначеем Бартеневым. Никто не посмел поднять голос в защиту опальных. Напротив, все спешили выразить преданность Борису, чтобы отвести от себя подозрения в измене. «Бояре же многие, — записал летописец, — на них (опальных Никитичей. — *Р. С.*) аки зверие пыхаху и кричаху». Романовы были ошеломлены нападками тех, кто многие годы заседал в них в думе. Будучи в ссылке, Федор Романов с горечью говорил: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а ныне-де научили на нас говорить людей

наших, а я-де сам видел то не однажды». Того же мнения придерживались и его братья. Василий Романов сказал однажды в присутствии пристава: «Погибли, деи, мы внапрасне, ко государю в наносе, от своей братьи бояр»³³.

Годуновы щедро вознаградили тех, кто помог им расправиться с Никитичами. Михаил Салтыков тотчас после суда получил боярство. Князь Петр Иванович Буйносов-Ростовский, распорядившийся «на опальном дворе» Романовых, был вскоре произведен из думных дворян в бояре. Глава сыскного ведомства Семен Никитич Годунов тоже получил боярство.

Бывший опричник, Борис действовал в отношении противников совсем не так, как действовал Грозный. Тем не менее расправами он немало скомпрометировал себя в глазах современников. После воцарения Романовых летописцы не жалели красок, чтобы расписать злодеяния Бориса и представить членов опальной семьи в ореоле мученичества. На самом деле меры Годунова весьма мало напоминали террористические методы управления Ивана IV. Как политик Борис оказался много выше своего предшественника и даже в критические моменты не прибегал к погромам, резне и кровопролитию.

Политический кризис 1600 г. оказался кратковременным. Борису удалось потушить мгновенно вспыхнувший конфликт и стабилизировать обстановку в то самое время, когда на страну обрушились Тяжкие испытания.

Глава 3 ГОЛОД

В начале XVII в. Россия пережила трехлетний голод. Бедствие оказало значительное влияние на развитие кризиса в русском обществе. Проблема «великого голода» получила отражение в историографии¹. В. И. Корецкий подверг эту проблему специальному исследованию². Однако некоторые вопросы нуждаются в дополнительном рассмотрении.

Исследование вековых колебаний климата показывает, что самое значительное похолодание в Европе (за последнюю тысячу лет) падает на начало XVII в.³ В странах с более благоприятными почвенно-климатическими условиями и высоким для своего времени уровнем агрикультуры отмеченные колебания не привели к серьезным экономическим последствиям. Однако в ряде стран Северной и Восточной Европы похолодание вызвало подлинную аграрную катастрофу. Лето 1601 г. было холодным и сырым. На огромном пространстве от Пскова до Нижнего Новгорода дожди не прекращались в течение 10—12 недель⁴. Хлеба на полях не созрели. Из-за нужды и голода крестьяне начали уборку незрелого хлеба — «жита на хлеб», но они не успели пожать рожь. «На Семен день» — 1 сентября 1601 г. — начались морозы. В некоторых местах заморозки отмечались еще раньше — в конце июля и середине августа⁵. С наступлением холодов дожди сменились обильными снегопадами. Крестьянские поля и огороды покрыли глубокие снежные сугробы. С октября морозы и снежные метели усилились. Замерз Днепр в среднем течении и верховьях, «и ездили по нем яко середь зимы». В стужу земледельцы раскладывали костры на полях, разгребали сугробы снега и пытались спасти остатки урожая⁶.

После суровой зимы наступила теплая весна 1602 г. Озимые хлеба там, где поля были засеяны старыми семенами, дали обильные всходы. Но в середине весны, как записал летописец из Южной Белоруссии, грянул «великий, страшный мороз» и побил хлеб и прочие посадки «на цвету». Тот же летописец записал слух, «якобы серед лета на Москве снег великий и мороз был, колко недель на санех в лете ездили»⁷.

Слухи были преувеличенными. Но в Великороссии весенние и летние заморозки принесли крестьянам еще худшие бедствия, чем в Южной Белоруссии. Потеряв озимые, жители деревни пытались заново засеять поля, используя «зяблую рожь», спасенную из-

под снега. Однако новые посевы не взошли — вместо ржи «родилося былие: хто сеял сто мер жита, и он собрал едину меру...»⁸.

Весной 1603 г. зелень на полях не погибла. Лето выдалось «велми» сухое и жаркое. Год был благоприятным для сельскохозяйственных работ. Но крестьяне давно израсходовали запасы хлеба. У них не было семян, им нечего было есть.

После первого неурожая цены на хлеб поднялись до 1—2 руб. за четверть, к концу голода — до 3—4 руб. По данным Хронографа редакции 1617 г., до «Смуты» рожь продавали по 3—4 коп. за четверть. Приняв эти данные как исходные, В. И. Корецкий заключил, что во время голода цены «возросли в 80—120 раз!». Однако надо иметь в виду, что данные Хронографа носят случайный характер. Как показал А. Г. Маньков, устойчивое повышение хлебных цен произошло уже во второй половине XVI в. На протяжении 1594—1597 гг. власти Новгорода продавали конфискованную рожь по цене, равной 15 коп., или 30 денег, за четверть. По сравнению с названной средней ценой рожь вздорожала в годы голода в 20 раз, по сравнению с дешевыми ценами — еще больше. Любопытные сведения о ценах сообщают служилые иноземцы Яков Маржарет и Конрад Буссов, владевшие поместьями в центральных уездах и осведомленные насчет хлебной торговли. По словам Маржарета, мера ржи, стоившая прежде 15 солей (6 коп., или 12 денег), в годы голода продавалась почти за 20 ливров, или за 3 руб. Хлебные цены, писал Буссов, держались на высоком уровне до 1604 г., когда кадь ржи продавали в 25 раз дороже, чем в обычное время⁹. Таким образом, и Маржарет, и Буссов одинаково считали, что хлеб подорожал примерно в 25 раз.

Начиная с весны 1602 г. население стало гибнуть от голода. Люди поедали кошек и собак, мякину и сено, коренья и траву. Отмечены были случаи людоедства. В городах не успевали подбирать мертвые тела. На сельских дорогах трупы становились добычей хищных зверей и птиц¹⁰.

Некоторые современники пытались определить общее число жертв «великого голода» в России. Не позднее второй половины 1602 г. житель Важской земли записал на полях богослужебной книги Четьи Минеи за октябрь: «А людей от голоду мерло по городом, и посадом, и по волостем две доли, а треть оставалась»¹¹. Жителю разоренных северных мест казалось, что по всей стране вымерло две трети жителей.

На юге жить было легче, и здесь летописцы определяли число умерших в одну треть. Неизвестный житель Почепы записал: «Лета 7110 году 7111 (1601 — 1603гг. — Р. С.) глад бысть по всей земли и по всему царству Московскому при благоверном царе Борисе Федоровиче всея Руси и при святейшем патриархе Иеве, и вымерла треть царства Московского голодною смертию»¹². Приведенные записи не содержат точной информации. В них запечатлелось лишь чувство ужаса очевидцев, пораженных масштабами бедствия.

Даже правительство не имело точных данных о количестве умерших по всей стране. «Счисление» умерших систематически проводилось лишь в пределах столицы. Специально выделенные команды ежедневно подбирали трупы на улицах и хоронили в огромных братских могилах. Царь Борис велел обрывать мертвецов в казенные саваны, и, по-видимому, приказные вели счет холсту, отпущенному из казны¹³. «И за два лета и четыре месяца, — записал Авраамий Палицын, — счисляющие по повелению цареву погребоша в трех скудельницах 127 000, толико во единой Москве». Близкую цифру — 120 тыс. — сообщает Яков Маржарет¹⁴.

В начале XVII в. население Москвы не превышало 50 тыс. человек. Отсюда следует, что основную массу умерших составляли беженцы. Очевидцы засвидетельствовали тот факт, что в столице искали спасения голодающие из многих подмосковных городов и деревень¹⁵.

Борис Годунов занял трон вопреки воле аристократии. Он использовал раскол в Боярской думе и сумел опереться на Земский собор и столичное население. В годуновских «утвержденных» грамотах старательно проводилась мысль о том, что Борис был избран

на трон соборными чинами и «всенародным множеством»¹⁶. В речи по случаю коронации Годунов поклялся перед всем народом, что в его царстве не будет нищих¹⁷. В дальнейшем Борис не раз повторял, что готов поделиться с бедными последней рубашкой¹⁸. Податное население было на год освобождено от налогов. Финансовые меры Годунова клонились к тому, чтобы облегчить участь «черных» людей, сделать обложение более равномерным и справедливым, чтобы народу «впредь платить без нужи, чтоб впредь (всем. — *Р. С.*) состоятельно и прочно и без нужи было». Доктрина всеобщего благоденствия получила отражение в дипломатической документации. Характеризуя деятельность Бориса Годунова, Посольский приказ подчеркивал, что новый царь «всероссийской земле облегчение, и радость, и веселие показал... всю Русскую землю в покое, и в тишине, и во благоденственном житии устроил»¹⁹.

Накануне голода Годунов организовал систему общественного призрения, учредив богадельни в Москве. Чтобы обеспечить заработок нуждавшимся, царь приказал расширить строительные работы в столице²⁰.

В годы «великого голода» доктрина общего благоденствия подверглась подлинному испытанию. Власти не жалели средств, чтобы помочь голодающим. Столкнувшись с неслыханной дороговизной, московское население жило надеждами на продажу дешевого хлеба из царских житниц. Москвич Д. Яковлев в письме от 18 марта 1602 г. сообщал родным: «...рож на Москве дорога нонеча, а сказывают, что будет рож государева на прасухи по полуполтине...» Казна поставляла на рынок дешевый хлеб, голодающим раздавались бесплатно хлебцы. Раздачами в 1601—1602 гг. ведал Приказ Большого прихода. По поручению властей сын боярский С. И. Языков «на Тверской и на Никитской и по ленивым торжкам весил хлебы и калачи». Раздаточные ведомости он сдавал в приказ. Помимо припасов голодающие могли получить небольшие денежные пособия. Ежедневно на четырех больших площадях столицы чиновники раздавали беднякам в будний день по полушке, в воскресенье по деньге, т. е. вдвое. Как отмечали очевидцы, казна расходовала на нищих по 300—400 руб. и больше в день²¹. Иначе говоря, помощь ежедневно получали до 60—80 тыс. голодающих.

Аналогичные меры проводились в Смоленске, Новгороде, Пскове и в других городах. «Мне известно, — писал Маржарет, — что он (Борис. — *Р. С.*) послал в Смоленск с одним моим знакомым 20 000 руб.». Таковы были масштабы казенных затрат на нужды «всенародного множества». Однако надо иметь в виду, что власти оказывали помощь преимущественно городскому населению. Льготы, предоставленные деревне, не шли ни в какое сравнение с благотворительностью в городах²². Крестьянские подати имели столь важное значение для государственного бюджета, что власти не сочли возможным отказаться от них, как то было сделано при коронации Бориса. Не располагая достаточными средствами, казна не пыталась прокормить миллионы голодающих крестьян.

Современники по-разному оценивали значение мер помощи голодающим. Иссак Масса, откровенно чернивший дела Бориса Годунова, считал, что раздача милостыни лишь усилила голод в Москве, ибо в столицу потянулся нуждающийся люд со всей округи. Сверх того, милостинные деньги попадали не в те руки: их разворовывали приказные и пр. Совершенно иную оценку мерам Годунова дали русские летописцы, избежавшие предвзятого отношения. Один современник в таких выражениях описал положение дел в Москве: «А на Москве и в пределах ея ели конину, и псы, и кошки, и людей ели, но царскою милостынею еще держажуся убогий...»²³ Помощь голодающей бедноте в самом деле имела неопределимое значение.

Стремясь не допустить роста дороговизны в городах, правительство Годунова предприняло первую в русской истории попытку государственного регулирования цен. Осенью 1601 г. посадские люди Соль-Вычегодска обратились в Москву с жалобой на то, что местные торговцы подняли цены на хлеб до рубля за четверть и выше. 3 ноября 1601 г. царь Борис указал ввести в Соль-Вычегодске единую цену на хлеб, обязательную для

всех. Государственная цена была вдвое меньше рыночной. Чтобы покончить со спекуляциями, указ вводил нормированную продажу хлеба. Запрещалось продавать в одни руки более 2—4 четвертей хлеба. Посадский «мир» получил право отбирать хлебные излишки у торговцев и без промедления пускать их в розничную продажу. Торговые люди, отказывавшиеся продавать хлеб по государевой цене, подлежали тюремному заключению и подвергались 5-рублевому штрафу.

Правительство не желало прибегать к крайним мерам по отношению к богатым купцам, располагавшим крупными хлебными запасами. Наказание не лишало нарушителей торговой прибыли.

Даже те люди, которые подлежали тюремному заключению, должны были получить все деньги, вырученные от продажи изъятого у них хлеба.

Блюдя интересы купеческих верхов, власти проявляли гораздо меньше снисхождения к мелким спекулянтам. Им грозила «торговая казнь», т. е. наказание кнутом²⁴.

Некоторые современники высказывали мысль, что в такой обильной хлебом стране, как Россия, люди могли бы избежать неслыханных бедствий голода. По утверждению Исаака Массы, наличных запасов хлеба было больше, чем требовалось для прокормления всего народа в течение четырех лет голода. Запасы гнили от долголетнего лежания и не использовались владельцами даже для продажи голодающим²⁵.

Возникает вопрос. Можно ли доверять показаниям подобного рода? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к монастырской документации. Монастыри были крупнейшими держателями хлебных запасов. На основании монастырских книг конца XVI — начала XVII в. Н. А. Горская установила, что наибольшими хлебными излишками располагал Иосифо-Волоколамский монастырь. Подавляющую часть зерна монастырь получал с собственной запашки, часть его монахи пускали в продажу. В неурожайные годы Иосифо-Волоколамский монастырь либо имел минимальные излишки, либо закупал недостающий хлеб. После недорода 1590 г. келарь монастыря подсчитал, что на «обиход» монахам, ссуды крестьянам и пр. потребуется на ближайший год 12 тыс. четвертей ржи, тогда как в закромах имеется всего лишь 1982 четверти. При среднем урожае в 1599 г. монахи выделили на покрытие годовых нужд 7362 четверти ржи, после чего у них осталось 7792 четверти ржи из старых запасов и нового урожая, молоченой и немолоченой в кладях на полях. Подобным же образом расходовались овес и прочие яровые. Из 23 718 четвертей на семена и монастырский обиход выделялись 13594 четверти. В остатке оставалась меньшая часть «нового и старого жита». На полях в скирдах хранился овес из урожая 1596/97 г., но в общем запасе его доля была невелика²⁶.

Кирилло-Белозерский монастырь принадлежал к числу крупнейших феодальных землевладельцев, России. Его земли не отличались плодородием, и необходимый хлеб монастырь получал в основном со своих крестьян. В 1601 г. наличные запасы ржи и овса в обители не превышали 30 тыс. четвертей. Ввиду неурожая на долю вновь собранного хлеба приходилось менее 12 тыс. четвертей. Ежегодный расход монастыря, учитывая поправку Н. А. Горской, составлял более 10 тыс. четвертей ржи и овса. Таким образом, монахи имели в излишках столько хлеба, сколько им надо было для удовлетворения собственных нужд в течение всего лишь двух-трех лет²⁷.

Накануне голода хлебные запасы Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря составляли 2834 четверти ржи и овса. Год спустя они сократились до минимума — 942 четвертей. Монахи вынуждены были начать закупки зерна²⁸.

Современники имели все основания упрекать монахов, богатых мирян и купцов в том, что они спекулировали хлебом и обогащались за счет голодающего народа. Спекуляции отягощали бедствия населения. Но не они были главной причиной губительного голода в России в начале XVII в. Суровый климат, скудость почв, феодальная система земледелия делали невозможным создание таких запасов зерна, которые могли бы обеспечить страну продовольствием в условиях трехлетнего неурожая.

Недоброжелатель Годунова Исаак Масса утверждал, будто царь мог, но не повелел строжайшим образом знатым господам, монахам и прочим богатым людям, имевшим полные амбары хлеба, продать свой хлеб. Сам патриарх, располагая большим запасом продовольствия, якобы объявил, что не хочет продавать зерно, за которое со временем можно выручить еще больше денег²⁹. В литературе можно найти многократные ссылки на приведенные слова Массы. Однако их достоверность вызывает сомнения. Сочиненная Массой «патриаршая речь» проникнута торгашеским духом, характерным для голландского негоцианта, но не для Иова. Ближайший помощник Бориса не мог выступить как открытый сторонник хлебных спекуляций, когда власти принимали все меры для их обуздания.

По словам Петра Петрея, Борис издал строгий приказ, адресованный землевладельцам, о продаже хлеба за полцены. Как писал Конрад Буссов, царь Борис воззвал к «князьям, боярам и монастырям, чтобы они приняли близко к сердцу народное бедствие, выставили свои запасы зерна и продали их несколько дешевле, чем тогда запрашивали...». Царские посыльные отправились во все концы страны, чтобы отписать в казну старый хлеб, хранившийся на полях в скирдах. Конфискованный хлеб отправляли в казенные житницы. Чтобы предотвратить массовую гибель бедноты, Годунов приказал «во всех городах открыть царские житницы и ежедневно продавать тысячи кадей за полцены»³⁰. (Очевидно, твердые государственные цены были вдвое меньше рыночных.)

Правительство понимало, что одними указами невозможно покончить с дороговизной, и пыталось использовать экономические средства. Торговля дешевым казенным хлебом могла бы стабилизировать хлебный рынок, если бы подъем цен оказался кратковременным. Но голод оказался куда более продолжительным, чем того ждали. Под конец бедствия достигли таких чудовищных масштабов, что власти были вынуждены признать свое бессилие и прекратили продажу дешевого хлеба и раздачу денег бедноте, чтобы не привлекать в город новые толпы беженцев.

Итак, в начале XVII в. правительство впервые в русской истории пыталось осуществить широкую программу помощи голодающему народу. Новые меры Борис старался обосновать с помощью новых идей. Как значилось в указе о введении твердых цен в Соль-Вычегодске, царь Борис «оберегает крестьянский (православный. — *Р. С.*) народ во всем», жалеет о всем «православном крестьянстве», ищет «вам всем — всего народа людям — полезная, чтоб... было в наших во всех землях хлебное изобилие, житие нематежное и невредимый покой у всех равно»³¹.

Признание того, что не только верхи, но и низы общества — «всенародное множество» — имеют равное право («у всех равно») на хлебное изобилие, благоденствие и покой, явилось одним из важных принципов «земской политики» Бориса Годунова.

Новые идеи в определенной мере отражали ту кризисную ситуацию, которая сложилась в государстве в начале XVII в. Страна стояла на пороге крупных социальных потрясений. Наиболее дальновидные политики чувствовали приближение катастрофы и пытались предотвратить ее.

Глава 4 ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Нормы Юрьева дня, определявшие порядок выхода крестьян от феодальных землевладельцев, длительное время служили одним из главных регуляторов экономической жизни деревни. Особое значение этот регулятор приобретал в годы неурожая и голода. В Юрьев день крестьяне покидали владения, подвергшиеся наибольшему разорению. Право выхода давало бедствующему земледельцу последний шанс на то, чтобы избежать полного обнищания и деклассирования. Если собственный землевладелец не мог или не хотел предоставить нуждающемуся («нужному»)

крестьянину льготу, подмогу деньгами, семенную ссуду, последний волей-неволей искал более состоятельного феодала либо уходил на черносошные земли.

Экономические потрясения начала XVII в. имели катастрофические последствия не только потому, что они были вызваны крупными стихийными бедствиями, но и потому, что деревня пережила первый большой голод в условиях отмены Юрьева дня.

Неурожай и голод побудили Бориса Годунова в 1601 —1602 гг. временно восстановить Юрьев день. И. И. Смирнов подчеркивал элемент демагогии в крестьянской политике Годунова, предоставлявшего «мелким землевладельцам право увеличить крестьянское население своих поместий»¹. По мнению В. И. Корецкого, Годунов сделал важную уступку крестьянам и разрешил «крестьянский переход в среде мелких и средних помещиков», чтобы разрядить напряженную обстановку в стране. Но его меры не достигли цели: служилая мелкота была отдана на поток и разграбление своим более богатым соседям-помещикам, что обострило внутриклассовые и классовые противоречия в стране².

Следует отметить два существенных момента. Во-первых, меры Годунова были в определенной мере связаны с провозглашенной им доктриной благоденствия «всенародного множества». Во-вторых, эти меры были обусловлены экономическими потребностями момента. В обстановке усиливавшегося день ото дня голода власти принуждены были вспомнить о Юрьеве дне, чтобы спасти деревню от полного разорения и разрухи.

Крестьянский выход был возобновлен не во всем Русском государстве и не для всех категорий землевладения. Во владениях бояр, «больших» московских дворян, высшей приказной бюрократии, землевладельцев столичного Московского уезда, патриарха, епископов и монастырей крепостной режим сохранялся в неприкосновенности. Аналогичным было положение дворцовых и черносошных земель. Юрьев день был восстановлен лишь во владениях провинциальных детей боярских, т. е. средних и мелких помещиков. Землевладельцы указанной категории составляли основную массу феодального сословия. Но они были также и наиболее слабой в экономическом отношении частью этого сословия.

При повсеместном возобновлении Юрьева дня крестьяне неизбежно отхлынули бы с наиболее разоренных поместных земель в боярщины и монастырщины. Правительство не желало допустить выхода земли «из службы» и строго запретило крупным землевладельцам свозить крестьян из мелких поместий.

Феодальные землевладельцы сами собирали подати со своих крестьян и вносили их в казну. В годы голода лишь бояре, монастыри и прочие крупные землевладельцы обеспечивали поступление податей со своих крестьян, а потому казна считала нецелесообразными любые перемещения тяглых крестьян на этих землях. Дворцовые села и черные волости были приравнены к крупному землевладению, вероятно, по тем же соображениям. Население этих категорий земель не получило права выхода.

В совсем иное положение попал мелкий провинциальный служилый люд, который оказался не в состоянии обеспечить поступление в казну крестьянских податей.

В ноябре 1601 г. правительство разослало по уездам два указа³. Первый указ предписывал местным властям «сполна» собрать подати с населения. Второй указ гласил: «Лета 7110-го (1601 г. — *Р. С.*) ноября в 28 день указал государь во всем Московском государстве от налог и от продаж крестьяном дати выход»⁴. Поскольку правительство не намеревалось освободить крестьян от царевых податей, указание на налоги относилось исключительно к «налогам и продажам» провинциальных детей боярских, во владениях которых возобновлялся Юрьев день. Требуя от налогоплательщиков уплаты в казну государевых податей, власти сулили крестьянам облегчение от помещичьих «налогов и продаж».

Правительство имело особые причины негодовать на «оскудевших» феодалов. Мелкие землевладельцы, не выполнявшие своих обязательств по отношению к казне,

отнюдь не отказывались от поборов с крестьян в свою пользу. Более того, они употребляли все средства вплоть до «продаж» (распродажа имущества в счет долгов), чтобы выколотить из крестьян оброки. Государство, изымавшее в свою пользу основательную долю прибавочного продукта земледельцев, не желало мириться с таким перераспределением доходов.

Защищая интересы крестьян, феодальное государство преследовало собственные цели. Мелкопоместные служилые люди не имели достаточных средств и запасов, чтобы оказать помощь населению и в критической ситуации спасти мужика от нищенской суммы и голодной смерти. Чтобы уберечь крестьян из мелких и экономически наименее устойчивых владений от вымирания и тем самым сохранить их в качестве налогоплательщиков, не было иного выхода, кроме как позволить им покинуть земли оскудевших дворян. Благодаря гоудуновским указам 1601 — 1602 гг. эта задача была решена.

Крестьянскую политику Бориса нельзя оценивать однозначно — как продворянскую или, напротив, как антидворянскую. Власти пожертвовали интересами низших прослоек феодального класса, которые не могли ни обеспечить сбор податей с крестьян, ни исправно нести государеву службу. Столкнувшись с разорением деревни, правительство встало на сторону тех служилых людей, которые, невзирая на недород, продолжали служить и оплачивать подати со своих поместий, а кроме того, располагали достаточными ресурсами, чтобы «назвать» к себе крестьян от разоренных помещиков или тех помещиков, которые отказывались кормить крестьян и помогать им в голодное время. Возможность вывезти к себе крестьян имели те, кто мог оказать им помощь, предоставить подмогу семенами, дать льготу.

Сообразуясь с реальным положением дел в деревне и стремясь не допустить полного запустения маломощных поместий, власти ограничили своз крестьян жесткими нормами: «А которым людям промеж себя в нынешнем, во 110-м (1601. — *Р. С.*) году крестьян возити, и тем возити меж себя одному человеку, из-за одново же человека, крестьянина одного или двух, а трех и четырех одному из-за одново никому не возити»⁵. В обстановке голода и неурожая даже относительно более богатые провинциальные землевладельцы, по общему правилу, не могли обеспечить подмогу и льготы, а затем и выплату подати более чем за одного-двух крестьян.

Среди «чиновных» лиц и служителей приказов право свозить крестьян получили лишь низшие «чины», т. е. преимущественно мелкие землевладельцы. Владения дьяков оставались в сфере действия крепостного порядка, во владениях подьячих возобновлялся Юрьев день.

В царском указе особо упоминались служители Конюшенного приказа, Большого дворца, Ловчего «пути» и пр. Перечень чиновных групп выглядит как неполный и случайный. В нем не упомянуты служители Постельного и десятков других приказов. Зная практику московского законодательства, можно предположить, что наименования чинов попали в текст указа непосредственно из челобитных самих этих чинов.

В указе о крестьянах, по-видимому, получили отражение челобитные двоякого рода: одни челобитчики жаловались на разорение своих крестьян и невозможность уплатить подати; другие пытались использовать момент, чтобы пополнить крестьянское население своих поместий. Формально закон о крестьянском выходе 1601 г. ставил в равное положение и уездных детей боярских, и служителей дворцовых и приказных ведомств, разрешая всем им возить крестьян «промеж себя». Фактически же разоренные мелкопоместные дети боярские из провинции не могли тягаться с помещиками, занимавшими доходные места при царском дворце и в столичных приказах.

«Чиновные» группы, перечисленные в указе, надеялись использовать временное возобновление Юрьева дня в своих интересах. Эти группы были не слишком многочисленными, но по своей близости к царскому дворцу и правительству всегда могли

заявить о своих нуждах и добиться желательного решения. Масса уездных помещиков располагала гораздо меньшими возможностями влиять на законодательство.

В пределах Московского уезда крестьянские переходы были запрещены для всех категорий землевладельцев. Экономические последствия подобного распоряжения оказались самыми неблагоприятными. Крестьяне из разоренных мелких поместий, лишенные какой бы то ни было помощи, в большом числе двинулись в Москву в поисках спасения. Многие из них погибли от голодной смерти. При повторном издании указа о Юрьеве дне в 1602 г. Московский уезд был включен в сферу действия Юрьева дня. Многие дворцовые и приказные служители имели подмосковные деревни. По указу 1602 г. они получили право свозить крестьян.

Практика выхода крестьян в 1601—1602 гг. давно привлекала внимание исследователей. М. А. Дьяконову и И. И. Смирнову удалось обнаружить единичные указания источников на «отказ» крестьян и бобылей. Находки В. М. Панеяха и В. И. Корецкого значительно расширили поле наблюдений. В. М. Панеях систематизировал данные кабальных книг, содержащих сведения об «отказах» из-за помещиков преимущественно обедневших крестьян и бобылей. В. И. Корецкий обнаружил в архивах ряд поместных дел, связанных со «свозом» крестьян⁶. Используя новые материалы, В. И. Корецкий всесторонне исследовал факты, связанные с практической реализацией указов Годунова о восстановлении Юрьева дня.

Характеризуя выход крестьян в Юрьев день, некоторые исследователи считали возможным писать о борьбе помещиков за «рабочие руки»⁷. Употребление подобного термина представляется неудачным. Объектом феодальной эксплуатации были не «рабочие руки», а хозяйство крестьянина в целом, основная ячейка всей экономической структуры феодального общества.

Сохранившиеся документы об «отказах» в 1601—1602 гг. показывают, что помещики сравнительно легко отпускали обнищавших крестьян, которые сохраняли свое значение в качестве «рабочих рук», но не имели запасов хлеба, семян, скота и пр. Они были не столько необходимой для помещика рабочей силой, сколько лишними ртами в имении. А главное, за них надо было платить подати. Отпуская таких крестьян, землевладелец мог получить с них кое-какие деньги или имущество в счет выходных платежей.

Совсем иным было отношение помещиков к выходу «прожиточных» крестьян, имевших хлебные запасы, скот и прочее имущество. Материалы, выявленные В. И. Корецким, подтверждают это с полной очевидностью⁸. Землевладелец старался удержать их в своем поместье любыми средствами. Многолетняя практика заповедных и урочных лет приучила помещиков рассматривать своих крестьян как крепостных. Потеря нескольких крестьян для мелкопоместного сына боярского была равнозначна разорению. Не удивительно, что помещики отказывались повиноваться правительственным распоряжениям, силой удерживали у себя крестьян, отбирали у них «животы» и хлеб. Жалобы на насилия, поступавшие со всех сторон, побудили правительство дополнить указ 1602 г. новыми пунктами. «А из-за которых людей, — гласил закон, — учнут крестьян отказывати, и те б люди (помещики. — *Р. С.*) крестьян из-за себя выпускали со всеми их животы, безо всякие зацепки, и во крестьянской бы возке промеж всех людей боев и грабежей не было, и силно бы дети боярские крестьян за собой не держали и продаж им ни которых не делали; а кто учнет крестьян грабити и из-за себя не выпускати, и тем от нас быти в великой опале»⁹.

Столкновения из-за крестьян приводили к распрям и даже «боям» между землевладельцами. В указе 1602 г. царь Борис строго предписывал местной администрации беречь «того накрепко, чтобы во крестьянском отказе и в вывозке ни у кого ни с кем зацепок, и задоров, и боев не было». Однако старания властей ни к чему не привели. Судьи Поместного приказа в Уложении о крестьянах 1607 г. признали, что

восстановление Юрьева дня при Годунове повлекло за собой «великие разпри и насилия, многим разорения и убивства смертныя»¹⁰.

Меры Годунова могли бы приглушить социальные противоречия в деревне, отсрочить взрыв, если бы их проводили последовательно, на протяжении ряда лет. Некоторые чиновные группы и отдельные прослойки уездного дворянства сумели извлечь выгоды из указов о крестьянском выходе. Но низшее дворянство в массе своей решительно отвергло политику уступок крестьянам. В 1603 г. указ о частичном возобновлении крестьянского выхода не получил нового подтверждения.

Провинциальные дворяне с крайним негодованием отзывались о последствиях восстановления Юрьева дня при Годунове. Наиболее резкое выражение эта оценка получила в Бельской летописи, составленной в среде уездных служилых людей в 30-х годах XVII в. Когда Борис Годунов дал крестьянам «волю» и разрешил им выход, повествует летописец, он «скорил» городских дворян и детей боярских, «и между их учинилось межбусобноя кровопролитие, и тяжбы о том меж ими велики зело стали, и от того у служилых людей поместья и вотчины оскудели и сами служилые люди стали в великой скудости и между себя в ненависти»¹¹.

Политика Годунова не удовлетворила феодально зависимое крестьянство и одновременно внесла раздор в ряды господствующего класса. Возобновление «выхода» пробудило среди закрепощенных крестьян надежду на то, что они смогут вернуть утраченную волю с помощью «доброего» царя. Запрет переходов в 1603 г. вызвал у них глубокое разочарование.

Недовольство затронуло не только крестьянство, но и мелкопоместное уездное дворянство. К началу XVII в. процесс дробления поместных владений зашел весьма далеко. Голод 1601 — 1603 гг. ускорил разорение мелкопоместного дворянства. Временное восстановление крестьянского «выхода» в пределах владений провинциальных детей боярских нанесло еще один удар по их благосостоянию. Крестьянская политика Бориса Годунова ограддала интересы правящего боярства, дворянских верхов и состоятельного уездного дворянства, но грубо попирала интересы мелкопоместного уездного дворянства, составлявшего основную массу феодального сословия. Обедневшие помещики имели все основания негодовать на земскую выборную династию.

Глубокий кризис, поразивший господствующий феодальный класс России, стал одним из главных факторов гражданской войны начала XVII в.

Глава 5 БОЕВЫЕ ХОЛОПЫ

Своеобразие классовой структуры русского общества в XVI в. заключалось в том, что процесс формирования феодального сословия носил незавершенный характер. Мельчайшее поместное дворянство смыкалось с прослойкой боевых холопов. В период образования поместной системы в конце XV — начале XVI в. среди лиц, получивших поместья в Новгороде, было немало потомков великокняжеских холопов, а также некоторое число боевых холопов из боярских послужильцев. Много позже при составлении Родословцев дворяне были записаны в Бархатную книгу, а помещики холопского происхождения — в Поганую книгу.

Со времени «великого разорения» 70—80-х годов XVI в. поместная система стала клониться к упадку. Дворянские семьи разрастались, и поместные владения подвергались дроблению. Значительная часть фонда поместных земель запустела. Казна не имела больше возможности обеспечивать землями и крестьянами детей боярских — «новики», поступавших на службу.

Для разоренного сына боярского, как и для «новика», не имевшего ни поместья, ни оружия, ни коня, единственной возможностью сохранить свою принадлежность к военному сословию оставалась служба в феодальной свите. Проведя реформу службы и

обязав землевладельцев выставлять вооруженного всадника с каждых 100 четвертей земли, власти вскоре узаконили практику поступления беспоместных служилых людей на «частную» военную службу в качестве кабальных слуг. Указ 1558 г. подтверждал законность всех служилых кабал на сыновей детей боярских старше 15 лет, не несших царской службы. С помощью подобных мер казна пыталась переложить на состоятельных землевладельцев расходы по снаряжению в поход безземельных детей боярских, не имевших средств, чтобы подняться на государеву службу. Казенные расходы при этом резко сокращались: помимо земельного обеспечения дворянин получал от казны не менее 5—6 руб. денежного жалованья, а на боевого холопа казна выдавала его господину 1—2 руб.¹

В среднем сумма долга кабального редко превышала 5—6 руб. Кабальные слуги из детей боярских могли получить в долг более крупные суммы. Судебник 1550 г. воспретил составлять служилые кабалы на сумму выше 15 руб. Комментируя Судебник, Б. А. Романов писал, что 15-рублевый максимум был введен, чтобы облегчить детям боярским дело вербовки военных холопов. По мнению Б. А. Романова, вербовке подлежали неустойчивые элементы из среды дворян-помещиков, вероятнее всего, из дворянской молодежи и «из забракованных при царском верстании переростков — сыновей детей боярских»².

И. И. Смирнов и А. А. Зимин не согласились с точкой зрения Б. А. Романова. И. И. Смирнов считал, что кабальный максимум, как и любая другая сумма долга в кабале, подразумевал «феодално зависимого работника, закрепощенного через кабалу». Однако В. М. Панеях и Ю. Г. Алексеев подтвердили наблюдение Б. А. Романова. Дворянство, отметил В. М. Панеях, не было единственным источником вербовки военных слуг, но среди последних «наверняка было весьма немалое количество именно детей боярских»³.

К концу Ливонской войны категория кабальных людей стала столь многочисленной, что правительство приступило к разработке специального законодательства о кабальных.

В новейшей литературе реформу кабалы конца XVI в. связывают исключительно с изменениями в положении низшей категории кабальных («деловых людей»), труд которых эксплуатировался на пашне. Подобная интерпретация не учитывает того кардинального факта, что единый в юридическом плане институт служилой кабалы объединял весьма разнородные социальные группы. Низшую группу составляли «деловые люди», занятые в хозяйстве, высшую — привилегированные слуги (боевые холопы и пр.), получавшие от господина коня, оружие, иногда — служную пашню⁴.

Самый образ жизни «деловых людей», разбросанных по сельским усадьбам и пахавших барскую пашню, разобщал их. Принадлежавшие к этой категории кабальные имели мало возможностей заявить властям о своих интересах. Совершенно иной была ситуация, коль скоро речь шла о войске и боевых слугах. Кабальные послужильцы сопровождали господ в далеких походах, подолгу жили на их городских подворьях, были вооружены и располагали боевым опытом. Среди них было известное число выходцев из дворянского сословия. Правительство волей-неволей должно было считаться с настроениями этой прослойки.

Конечно, законодательство о кабальных имело в виду все прослойки этой категории зависимых кабальных людей. Но ряд фактов подтверждает предположение о том, что это законодательство ориентировалось прежде всего на слой профессиональных военных.

В середине 80-х годов XVI в. в Москве произошли народные волнения, в которых участвовали мелкие служилые люди и боевые холопы⁵. В связи с этим власти в 1586 г. разработали Уложение о кабальных людях. Закон непосредственно затрагивал военное сословие, а потому получил отражение в Разрядных книгах. Разрядная запись гласила, что с 1 июля 1586 г. «начали кабалы имат на служивые люди и в книги записывать»⁶. Запись подтверждает, что мелкопоместные дети боярские продолжали поступать на кабальную

военную службу. Смысл законодательства сводился к тому, что разоренные дворяне получили гарантию против вопиющих злоупотреблений, связанных с их переходом в боярские свиты⁷. Условием кабальной сделки, подлежавшей теперь обязательной регистрации в приказе, стало присутствие лмца, давшего на себя кабалу. Если выяснялось, что кабала взята принудительно, сделка объявлялась недействительной⁸. Разрядная запись обнаруживает с полной очевидностью, какую прослойку в первую очередь имело в виду новое законодательство о кабальных, разработанное в разгар волнений. Власти были напуганы участием в выступлениях военных послужильцев и старались успокоить недовольных.

До поры до времени кабальные люди имели право погасить долг, обозначенный в кабале, и покинуть господина. К концу XVI в. служилая кабала окончательно трансформировалась в кабальное холопство. Уложение 1597 г. аннулировало право кабального на освобождение посредством выплаты долга и тем самым превратило его в холопа. Одновременно Уложение ввело принцип обязательного освобождения кабального после смерти господина и тем самым резко разграничило новый вид холопства и старые его виды (полное, старинное холопство и др.).

Вводя норму обязательного освобождения кабальных после смерти господина, власти, по-видимому, учитывали как требования со стороны многочисленных кабальных боевых слуг, так и интересы воинской службы в целом. Смерть дворянина исключала из состава поместного ополчения всех его послужильцев разом, поскольку вооруженная боярская свита не могла функционировать без сюзерена. Интересы военной службы требовали, чтобы такая свита была немедленно распущена, с тем чтобы ее члены могли поступить на службу к другому феодальному землевладельцу.

В соответствии с Уложением 1597 г. категория кабальных холопов должна была пополняться за счет так называемых добровольных холопов. Господин, кормивший и одевавший «добровольного» слугу более полугода, получил право оформить на него служилую кабалу даже вопреки его воле⁹. Политика Годунова приносила в жертву интересы разорившейся служилой мелкоты и ориентировалась на основной слой дворян, который нес на себе главную тяжесть военной службы. Таким дворянам следовало помочь и в обзаведении крестьянами, и в пополнении вооруженной свиты кабальными холопами.

Известный писатель XVI в. Иван Пересветов четко выразил настроения мелких служилых людей, которых нужда загоняла на боярский двор в холопство. Похолопление, утверждал Пересветов, отнимает у воинов храбрость: «В котором царстве люди поработаны, и в том царстве люди не храбры...» Вельможи царя Константина поработали себе даже «лучших людей» (дворян), что и было одной из причин гибели Византии. Зато идеальный царь Магомет-салтан дал им (похолопленным воинам) волю «и взял их к себе в полк, и они стали у царя лутчие люди, которые у вельмож царевых в неволе были»¹⁰.

Сочинения Пересветова запечатлели его собственный житейский опыт. Получив в Москве за службу поместье, Пересветов в годы боярского правления претерпел несправедливости от «сильных людей». Его поместье запустело «от великих людей от обид». Тяжбы окончательно разорили дворянина: его «собинка» (имущество) в «обидах и в волокитах вся пропала». Пересветов практически выбыл из служилого сословия. «Ныне, государь, — писал он, — от обид и от волокит наг и бос и пеш»¹¹. Дойти до царя за «правдой» воинник не мог, и угроза похолопления, против которой столь энергично протестовал Пересветов, приобретала для него реальные очертания.

Идея о несправедливости и пагубности «порабощения» служилых людей не покидала дворянские головы в период «Смуты». С резкими обличениями московских великих господ — бояр, которые «многих человек в неволю к себе введше служить», выступал Авраамий Палицын. Более всего писателя возмущало то, что бояре кабелили не только простых людей, трудившихся руками, но и «честных» детей боярских, владевших землями и отличившихся на войне («от чествующих издавна многим имением и с селы, и с винограды, наипаче же избранных меченосцев и крепчих со оружию во бранех»)¹².

Великий голод 1601—1603 гг. привел к тому, что процесс размывания низших слоев дворянства резко усилился. В таких условиях неизбежно должен был усилиться приток в ряды кабальных слуг разоренных детей боярских.

По свидетельству Палицына, злоупотребления господ в годы голода были вопиющими. У одних людей господа брали «написание служивое силою и муками», других приглашали в дом испить винца и обращали в кабального слугу после трех-четырех чарок. Многие давали на себя кабалу, чтобы спастись от голодной смерти. Как писал очевидец швед Петр Петрей, «люди продавали сами себя за гроши и давали на себя в том запись»¹³.

После 1597 г. разоренный служилый человек лишился возможности переждать лихую годину, найдя прибежище на боярском дворе в качестве добровольного слуги. В ликвидации добровольной службы наиболее резко проявился крепостнический характер законодательства конца XVI в. Дворяне пожизненно обеспечили себя, добившись закрепления за собой всех как добровольных, так и кабальных слуг.

Катастрофическое запустение поместных земель и появление значительного числа «избывших» службы детей боярских побудили правительство провести реформу службы. Порядок службы помещиков и вотчинников был определен Уложением о службе Ивана IV. В соответствии с нормами Уложения вотчинники и помещики должны были выводить в поход «человека на коне и в доспесе в полном» с каждых 100 четвертей принадлежавшей им пашенной земли¹⁴.

При царе Борисе старые нормы службы подверглись серьезному пересмотру. Владелец поместья Яков Маржарет следующим образом описал условия службы при Борисе: «...нужно, чтобы кроме себя лично каждый снарядил одного конного и одного пешего воина с каждых 100 четвертей земли, которую они держат...» Слова Маржарета находят подтверждение в документах Разрядного приказа. В одном из списков «Государева Разряда» 1604 г. имеется запись от 3 мая 1601 г. о сборе дворянского ополчения против татар. На совещании царя с Боярской думой и освященным собором было объявлено, чтобы все служилые люди готовились к выступлению против крымцев «и были б все людны и конны, и нарядны, и цветны, и даточные б люди у всех были с земель, и с поместий, и с вотчин сполна, со ста четвертей по человеку по конному да по человеку по пешему с пищальми. А будет им всем и их людем конской смотр»¹⁵.

Если прежде феодальный землевладелец выставлял в поход одного боевого холопа со 100 четвертей земли, то теперь нормы службы были удвоены. Маржарет, имевший большой опыт службы в царской армии, поясняет, что в обычных условиях Разрядный приказ вызывал на службу одних помещиков, без людей. Полная уложенная норма — два человека со 100 четвертей — применялась на практике лишь в экстремальных условиях (при крупных вражеских вторжениях и пр.).

Сам по себе пересмотр норм службы был крупнейшей правительственной мерой, призванной расширить обязанности военно-служилого сословия по отношению к государству. Однако тотчас после введения новых норм службы Россия претерпела трехлетний голод. Разорение вынудило многих феодальных землевладельцев распустить послужильцев. В таких условиях указ Бориса Годунова, по-видимому, так и не был претворен в жизнь.

Начавшаяся в 1604 г. гражданская война побудила правительство дополнить Уложение о службе новыми статьями. Статьи эти известны в пересказе В. Н. Татищева¹⁶. В материалах, использованных В. Н. Татищевым, по-видимому, отсутствовала дата издания указа, и В. Н. Татищев датировал изложенные им статьи приговора Бориса Годунова по собственному усмотрению. Однако помеченная им дата (12 июня 1604 г.) не соответствует содержанию Приведенных статей, в которых говорится, что в войне с самозванцем царское войско оскудело, а «овии прилыщени тем вором к нему предались»¹⁷. Приведенные строки не могли быть написаны в июне 1604 г., задолго до вторжения Лжедмитрия. Их следует отнести к концу зимней кампании 1604—1605 гг.

В разгар войны с самозванцем Борис Годунов ввел новый порядок сбора людей с земель, владельцы которых не смогут принять личное участие в походе (а равно не смогут послать сына) по причине «старости, или болезни, или (службы. — *Р. С.*) в приказах и городах судейства и управления ради...». Таковым землевладельцам указ предписал послать на войну «холопа от 200 четвертей с конем и полным доспехом (с оружием) и запасом, коему граду куда итти велено будет»¹⁸.

Роспись русского войска 1604 г. подтверждает, что нормы, приведенные в тексте В. Н. Татищева, применялись на практике. Дворянин Ю. Б. Кондырев, служивший губным старостой в Мещевске, имел поместье в 450 четвертей, но выставил в поход лишь двух конных холопов. Аналогичным образом определено было количество «даточных людей» для осадных голов П. С. Кошелева, Г. Я. Лихарева, Г. Ш. Бибикова, Н. Д. Фомина, Л. Г. Норова, губного старосты В. Н. Глебова¹⁹.

Правительство царя Бориса предоставило льготы больным и старым дворянам, а также помещикам, несшим службу в приказах и губных (судейских) учреждениях. Для них нормы службы были сокращены вдвое по сравнению с нормами Уложения о службе Ивана IV. Еще большие льготы были предоставлены раненым и увечным воинам, отпущенным из полков: их освобождали от службы и обязанности снаряжать «даточных людей» на два года. «Даточных людей» не брали с поместий вдов и сирот дворян, погибших на войне²⁰. Льготы были введены в последние месяцы жизни Бориса Годунова, когда власти убедились в том, что новые нормы службы не могут быть применены на практике в отношении многих категорий землевладельцев.

Категория «деловых» кабальных людей, страдных холопов и прочего «черного» люда была неизбежно более многочисленной, чем категория профессиональных военных послужильцев. Но было бы неверно представлять последнюю в виде тонкой верхушечной прослойки. По примерным подсчетам, 25-тысячное дворянское ополчение в XVI в. сопровождали в походе до 25—30 тыс. боевых холопов. В 1604 г. в походе против самозванца участвовало более 13 тыс. дворян и детей боярских. По самым скромным подсчетам, при них находилось не менее 15—20 тыс. боевых послужильцев. В росписи 1604 г. поименно названы 507 землевладельцев, которые, не участвуя в походе лично, прислали 2252 конных воина в полном вооружении²¹.

Роль холопов на поле боя раскрывает следующий факт из истории последней крупной военной кампании XVI в. После обстрела Ивангорода в 1590 г. воеводы повели на штурм в проломы 350 стрельцов, 400 казаков и 2380 боевых холопов — «боярских людей»²².

Существенные перемены в положении боевых холопов произошли после того, как Разрядный приказ обязал дворян вооружать своих людей огнестрельным оружием — пищальями. Поскольку сами дворяне не желали расставаться с традиционным рыцарским оружием — мечом, военная роль холопов возрастала. Дворянское ядро все больше утрачивало количественное преобладание, а также отчасти и свое боевое превосходство. Боевые слуги занимали промежуточное социальное положение. По сравнению с совсем бесправными пашенными холопами эта прослойка, постоянно пополнявшаяся разорившимися мелкопоместными детьми боярскими, пользовалась известными привилегиями. Однако послужильцы принадлежали к разряду несвободного населения.

Разорение 70—80-х годов XVI в. и в особенности трехлетний голод (1601—1603 гг.) резко сократили доходы феодальных землевладельцев, что не могло не сказаться на составе боевых послужильцев. Многие дворяне не имели средств на приобретение боевых кабальных слуг и удовлетворялись тем, что пополняли свою свиту лицами из числа страдных холопов, «деловых людей», крестьян и бобылей²³.

К началу XVII в. за «уложенными людьми», по-видимому, окончательно закрепилось наименование «даточные люди». Термин этот имел достаточно широкое значение, обозначая всех людей — холопов, монастырских служек и пр., которых феодальные землевладельцы должны были выставлять в поход. К этому времени

социальный состав боярских послужильцев лишился былой однородности. К привилегированным слугам, имевшим служную пашню, присоединились представители низших категорий — страдников.

При старой системе комплектования поместного ополчения послужилец являлся в поход на коне и в доспехе, вооруженный холодным оружием. В бою он находился при особе господина. По Уложению Бориса Годунова, «даточных людей» надлежало вооружить пищальми, причем из двух «даточных» один был пеший, а другой — конный. Пищали тогдашнего времени не могли применяться в конном строю. Таким образом, боевые холопы не могли служить щитом для господина в конном бою. Для действий в пешем строю «даточных людей» должны были вывести из свиты феодала и объединить в особые отряды. В кампании против самозванца Ф. И. Шереметев действовал под Кромами, тогда как отряд его конных «даточных людей» численностью 60 человек был включен в состав полка правой руки в Брянске²⁴. Точно так же несли службу отдельно от господ «даточные люди» 500 феодальных землевладельцев — бояр, дворян, боярских вдов, патриарха, архиепископов, монастырей. Монастырские власти выставляли в поход служек, принадлежавших к составу «черного» населения монастырских вотчин.

Итак, категория боевых послужильцев все больше утрачивала характер привилегированного слоя в среде холопов и пополнялась «черными» людьми — пашенными холопами (страдниками и «деловыми людьми»), крестьянами, бобылями, монастырскими служками. Все это имело важные социальные последствия.

В руках многочисленной группы холопов оказалось оружие, и они превратились в серьезную военную силу. Соотношение дворян и холопов внутри поместного ополчения стало меняться не в пользу дворян. Это таило в себе угрозу для крепостнического государства. Начавшаяся гражданская война обнаружила это с полной очевидностью. Изменения структуры поместного ополчения в пользу несвободных элементов поколебали его значение как надежного инструмента и глубочайшей опоры феодальной монархии.

Глава 6

ВЫСТУПЛЕНИЯ НИЗОВ в 1602 -1604 гг.

В обстановке голода 1602—1603 гг. в России произошли вооруженные выступления низов. Самым крупным из них руководил Хлопко, который, судя по прозвищу, происходил из холопского сословия. Дворянские летописцы называли всех повстанцев без разбора «злодейственными гадами» и «разбоями». Выступления «разбоев» неоднократно привлекали внимание историков. О них упоминали Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов, но предметом специального исследования они стали позже.

Б. Д. Греков отказывался видеть в восстании Хлопко обычное разбойное выступление, поскольку оно положило начало гражданской войне в России¹. И. И. Смирнов выявил ряд важных документов и на основании их заключил, что выступления «разбоев» охватили многие уезды страны. Справедливо отметив, что нет возможности «по характеру сохранившихся данных о восстании Хлопко решить вопрос о наличии (или отсутствии) связи между отдельными районами восстания», И. И. Смирнов тем не менее отнес все собранные данные к одному периоду времени и сделал следующий ответственный вывод: «Одновременность восстания в целом ряде местностей Русского государства заставляет... прийти к выводу, что перед нами картина единого движения если не в смысле единства действий, то в том смысле, что восстания в отдельных местностях явились формой, в какой находило свое выражение развитие движения холопов 1603 г.». Следуя источникам, И. И. Смирнов называл движение 1603 г. холопским, но высказывал осторожное предположение, что среди участников движения могли быть крестьяне. Исходя из этого, он рассматривал восстание 1603 г. не как начало Крестьянской войны, а как ее грозный предвестник. Восстание Хлопко, по мнению И. И. Смирнова, показало, что экономические противоречия между холопами и феодалами приобретали политическую

форму: восстание «таило в себе реальную угрозу для самих основ социального строя Русского государства»².

А. А. Зимин подверг критике выводы И. И. Смирнова и выдвинул тезис, согласно которому восстание Хлопка явилось началом Крестьянской войны. «Массовый характер и широкий размах этого восстания, — писал А. А. Зимин, — говорит о том, что движение крестьян и холопов перерастало в то время в крестьянскую войну»³.

А. А. Зимин не опроверг конкретных наблюдений И. И. Смирнова относительно участия холопов в восстании 1603 г. и не привел никаких фактов о крестьянских выступлениях в названном году. Однако он счел возможным отвести крестьянам первое место в перечне участников восстания Хлопка и включить это восстание в рамки Крестьянской войны. По существу дела А. А. Зимин целиком принял гипотезу И. И. Смирнова об одновременности и исключительно крупных масштабах выступления «разбоев» в 1603 г.

Источниковая база исследования так называемого восстания Хлопка значительно расширилась благодаря архивным разысканиям В. И. Корецкого, С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского. Вновь найденные документы позволили установить, что движение «разбоев» началось в 1601—1602 гг. (задолго до выступления Хлопка — 1603 г.) и захватило значительно более обширную территорию, чем предполагалось прежде⁴. Тщательно собрав данные о положении крестьян в 1602—1603 гг., В. И. Корецкий высказал осторожное предположение о том, что в восстании Хлопка 1603 г., возможно, участвовали крестьяне и что «наряду с холопами они могли стать движущей силой этого восстания». Подобное предположение послужило почвой для более определенного утверждения о том, что «восстание Хлопка выходило за рамки местных возмущений и перерастало в Крестьянскую войну»⁵.

Вопрос о социальной природе и характере выступлений 1602—1604 гг. требует дополнительного исследования. Необходимо заново проанализировать источники и возможно более точно датировать сведения о борьбе с «разбоями» в разных уездах.

Книги Разрядного приказа содержат подробные сведения о посылке дворян против разбойников в конце XVI — начале XVII в. Самая ранняя запись такого рода относится к 1595—1596 гг. «Того же году (7104) посланы в Лух для сыску разбойников князь Борис Петрович Татев, да Борис Васильев сын Собакин, да дьяк Григорей Чириков. И князь Борис Татев взят к Москве, да на его место послан Василий Андреевич Замыцкой»⁶. В 1601 г. власти посылали дворян Г. И. Вельяминова и Н. М. Пушкина в Тулу⁷. Посылки подобного рода носили единичный характер. Положение претерпело разительную перемену в 1602—1603 гг., когда в стране разразился голод.

И. И. Смирнов впервые ввел в научный оборот подробную Разрядную запись 7111 г. о посылке воевод в разные уезды и высказал мнение, что движение «разбоев» в уездах явилось начальным этапом восстания Хлопка 1603 г. В. И. Корецкий подверг Разряд 7111 г. источниковедческому анализу и сделал вывод, что Разряд носит сводный характер и включает разновременные записи. В. И. Корецкий обратил внимание на следующий факт. М. Б. Шеин, преследовавший «разбоев» в Волоке Ламском, отбыл на воеводство в Новосиль 10 марта 1603 (7111) г. и оставался там до 17 октября 1603 (7112) г. Поскольку Разряд о посылке «за разбоями» имеет дату «7111 год», неизбежен вывод, что Шеин был в Волоке Ламском не ранее 1 сентября 1602 (7111) г. и не позднее 10 марта 1603 (7111) г.⁸

Наблюдения В. И. Корецкого могут быть продолжены. Проследив за всеми служебными перемещениями дворян, упомянутых в Разряде 7112 г., можно установить, сколь продолжительной была борьба с «разбоями» в разных уездах и осуществлялась ли она в одно или разное время.

Как значится в Разряде 7111 г., помощником у М. Б. Шеина в Волоке Ламском был А. И. Безобразов. В Боярском списке 7111 г. против имени А. И. Безобразова имеются две пометы о служебных назначениях: «[В] Козельску на приказе» (зачеркнуто) и «В Сибире». По записям Разрядного приказа можно установить, что А. И. Безобразов получил

назначение в Тюмень 21 февраля 1603 г.⁹ Итак, М. Б. Шеин и А. И. Безобразов ездили в Волок Ламский ранее февраля — марта 1603 г. До посылки в Тюмень А. И. Безобразов успел выполнить какие-то «приказные» поручения в Козельске. Почему в Боярском списке, испещренном пометами о посылке дворян «за разбойниками», нет такой пометы против имени Безобразова?

С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский подвергли Боярский список всестороннему источниковедческому анализу и установили, что дьяки пополняли его сведениями о служебных назначениях в течение полугода — с декабря 1602 по июнь 1603 г.¹⁰ Если так, то, значит, Безобразов преследовал разбойников в Волоке Ламском в сентябре — ноябре 1602 (7111) г., из-за чего эта его служба и не получила отражения в Боярском списке. Уточнение хронологических моментов позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, посылки «за разбоями», по-видимому, носили кратковременный характер. Во-вторых, посылка в Волок Ламский имела место за год до появления Хлопка под Москвой — в сентябре 1603 г. Все эти данные вступают в очевидное противоречие с высказанным в литературе мнением о том, что выступления «разбоев» в Волоке Ламском были непосредственной частью «восстания Хлопка».

Анализ данных о выступлениях «разбоев» в других городах и уездах обнаруживает аналогичную картину. Согласно Разряду 7111 г., правительство послало «за разбойники» в Медынь воеводу Е. В. Бутурлина и дворянина Ф. П. Акинфова. В Боярском списке 7111 г. против имени Ф. П. Андреева-Акинфова имеется помета «на Михайлове голова у стрельцов»¹¹. Как видно, Бутурлин и Акинфов тоже громили «разбоев» осенью, поскольку после декабря 1602 г. Акинфов получил назначение в Михайлов и уехал на Рязанщину. Итак, выступления «разбоев» под Медынью не были непосредственно связаны с действиями Хлопка осенью 1603 г., а посылка дворян на медыньских разбойников была такой же кратковременной, как и посылка дворян на Волоколамск.

Самая первая запись Разряда 7111 г., опубликованная И. И. Смирновым по так называемой Яковлевской Разрядной книге, посвящена назначению Алексея Фомина во Владимир. Разрядная книга из Эрмитажного собрания позволяет уточнить, кем был названный дворянин. Из Разрядов следует, что во Владимире разбойников разыскивал Алексей Фомич Третьяков-Головин¹². Он, как оказалось, был самым высокопоставленным из всех воевод, принимавших участие в борьбе с «разбоями» в 1602—1603 гг. До владимирской посылки А. Ф. Головин служил вторым воеводой в Новгороде Великом¹³.

Помощником у Головина был суздальский дворянин Тимофей Лазарев. В Боярском списке против его имени имеются две пометы: «За разбойники» и «На Двину»¹⁴. Первая помета зачеркнута. Отсюда следует, что Головин и Лазарев ездили во Владимир в самом конце 1602 — начале 1603 г., поскольку ранее июня (в июне дьяки перестали пополнять Боярский список) Лазарев выехал на Двину. В Вязьму правительство направило князя А. И. Татеева и А. Мелентьева. Татеев был назначен воеводой в Чернигов между 21 февраля и 10 марта 1603 г. и служил там до своего пленения осенью 1604 г. Следовательно, он ходил «за разбойники» ранее февраля 1603 г. Эта дата подтверждается Боярской книгой, где против имени помощника Татеева А. Мелентьева-Курлакова сделана помета «за разбойники»¹⁵. Итак, сыск разбойников в Вязьме имел место в декабре 1602 — феврале 1603 г.

Представляется возможным уточнить время посылки в Ржеву И. Н. Салтыкова. В ноябре — декабре 1602 г. Разрядный приказ принял решение послать его на воеводство в Белгород. Однако он был отозван оттуда досрочно: весной 1603 г. состоялся приговор о назначении в Белгород других лиц. Как видно, Салтыков вернулся в Москву не ранее весны — лета и тогда же отправился в Ржеву. Помощником И. Н. Салтыкова был Ф. Жеребцов. В Боярской книге 7111 г. против его имени сделана помета «за разбойники»¹⁶. Этот факт подтверждает предложенную датировку.

Выборный дворянин из Коломны Р. Ш. Любученинов был послан «за разбойники», а после исполнения службы отозван в Москву. В Боярской книге 7111 г. против его имени имеются две пометы: «За разбойники» (зачеркнуто) и «На Москве б[ыть] у дела»¹⁷.

Ранее июня 1603 г. думный дворянин И. М. Пушкин выехал в Коломну для организации борьбы с разбойниками.

Вслед за Коломной меры по борьбе с разбойниками были распространены на Рязань и Торжок. Но произошло это не в 7111 г., а во второй половине сентября 7112 (1603) г. Согласно Разрядным записям, «того же году (7112. — Р. С.) сентября в 17 день посылал государь на Рязань для разбойников князя Мирона Михайлова сына Шеховского да князь Богдана князя Ондреева сына Борятинского»; «в Пронеск послали для разбойников же Якова Яковлева сына Вельяминова да Ивана Иванова сына Волинского»¹⁸.

А. А. Зимин рассматривал выступления 1603 г. как единое восстание, охватившее одновременно Подмоскovie, Владимир, Вязьму, Можайск, Волоколамск и другие города и уезды¹⁹. Анализ служебных назначений воевод, боровшихся с «разбоями», обнаруживает несостоятельность представлений о грандиозном восстании, будто бы охватившем Центр России. Согласно утвердившейся в литературе схеме, выступления «разбоев» рассматриваются как борьба угнетенных масс против феодалов. При этом факты, характеризующие эти выступления, анализируются вне связи с общей исторической обстановкой. Попытаемся заново исследовать их в контексте истории того времени.

Россия переживала голод. К 1602—1603 гг. бедствие достигло неслыханных масштабов. Надеясь на помощь казны, множество голодающих крестьян из Подмоскovie и десятка других уездов хлынули в Москву, но там их ждала голодная смерть. Правительство предпринимало отчаянные усилия, чтобы наладить снабжение столицы. Направленные в провинцию чиновники старались собрать хлеб по крохам, где можно. Но их усилия не привели к нужным результатам. Запасы хлеба в стране были почти полностью исчерпаны, а то, что удавалось заготовить в уездах, не удавалось доставить в Москву. На дорогах появились многочисленные шайки «разбоев», которые отбивали и грабили обозы с продовольствием, направлявшиеся в столицу. Действия «разбоев» усугубляли народные бедствия, обрекали на гибель тысячи крестьян-беженцев.

Критическая ситуация определила характер правительственных мер. Чтобы обеспечить беспрепятственную доставку грузов в Москву, власти направили дворян на главнейшие дороги — Владимирскую, Смоленскую, Рязанскую, связывавшие город с различными уездами. Думный дворянин И. М. Пушкин получил задание очистить дорогу на Коломну, чтобы Москва могла получить рязанский хлеб. Воевода А. Ф. Головин ловил разбойников на Владимирской дороге. М. Б. Шеин, И. Н. Салтыков, И. А. Татев, В. Д. Туренин действовали на путях, по которым шли в Москву обозы с запада и северо-запада. «Посыльные» Бориса Годунова появились не только на главных, но и на менее важных дорогах. В Боярских списках 1602—1603 гг. имеются пометы о посылке «за разбойниками» дворянина И. Ф. Проестева из Коломны, В. И. Игнатьева из Тулы, И. Д. Лодыженского из Алексина, С. Е. Мальцева из Мещеры, князя Г. Л. Волховского из Юрьева Польского, Н. М. Плещеева из Кашина, Л. М. Пушкина из Бежецкого Верха, И. З. Воейкова из Можайска. Как правило, выборные дворяне несли службу в близких уездах. В Боярской книге 7111 г. против имени выборного дворянина И. С. Толбузина из Волока Ламского имеется помета: «В Можайску за разбойники»²⁰.

Следует подчеркнуть, что выступления «разбоев» имели место как в провинции, так и в самой столице, что подтверждается документацией Разрядного приказа. Весной 1601 г. на улицах Москвы появились дворянские головы со стрельцами. Разрядный приказ поручил им охранять порядок на московских улицах и «беречь» город от огня. Весной 1602 г. все повторилось²¹.

14 мая 1603 г. Борис Годунов провел в жизнь аналогичную меру. Но на этот раз для «бережения» Москвы были выделены не заурядные дворяне, а виднейшие члены Боярской

думы. Москва была разделена на 11 округов. Кремль стал центральным округом, два округа были образованы в Китай-городе, восемь округов — в Белом и Деревянном городах. Округа возглавили бояре князь Н. Р. Трубецкой, князь В. В. Голицын, М. Г. Салтыков, окольничие П. Н. Шереметев, В. П. Морозов, М. М. Салтыков, И. Ф. Басманов и трое Годуновых²². Бояре вместе со своими помощниками — дворянскими головами регулярно совершали объезды отведенных им кварталов.

Описанные меры носили чрезвычайный характер. Они явились прямым следствием той критической ситуации, которая сложилась в Москве к 1603 г. Возможности помощи голодающим были исчерпаны, и раздача денег бедноте полностью прекратилась. В наихудшем положении оказались беженцы, которых было едва ли не больше коренных жителей Москвы. Беженцы забили площади и пустыри — «полые места», пожарища, овраги и лужки. Они вынуждены были жить под открытым небом либо в наспех сколоченных будках и шалашах. Лишенные помощи, беженцы были обречены на мучительную смерть. Каждое утро по московским улицам проезжали повозки, которые увозили трупы умерших за ночь людей. Угроза голодной смерти толкала отчаявшихся людей на разбой и грабеж. Летописцы очень точно охарактеризовали положение, сложившееся в разгар голода, когда «бысть великое насилие, много богатых дома грабили, и разбивали, и зажигали, и бысть страхование великое, и умножашася неправды»²³.

Беднота нападала на хоромы богачей, устраивала поджоги, чтобы легче было грабить, набрасывалась на обозы, едва те появлялись на столичных улицах. Перестали функционировать рынки: стоило торговцу показаться на улице, как его мгновенно окружала толпа и ему приходилось думать лишь об одном — как спастись от давки. Голодающие отбирали хлеб и тут же поедали его. Грабежи и разбои в Москве по своим масштабам, по-видимому, превосходили все, что творилось в уездных городах и на дорогах. Именно это и побудило Бориса возложить ответственность за поддержание порядка в столице на высший государственный орган — Боярскую думу. Бояре получили наказ использовать любые военные и полицейские меры, чтобы «на Москве по всем улицам и по переулкам, и по полым местам, и подле городов боев и грабежов, и убийства, и татьбы, и пожаров, и всяково воровства не было некоторыми делы»²⁴.

Некоторые данные указывают на то, что чрезвычайное положение в Москве сохранялось продолжительное время.

Князь И. Д. Бабичев с мая 1603 г. исполнял службу «объезжего головы» в Белом городе. В Боярском списке 7111 г. против его имени помечено «на Москве». Летом Борис Годунов ездил в Троице-Сергиев монастырь. После возвращения царя с богомолья Бабичев отпросился у него «в чернцы». В Боярском списке, заполнявшемся до июня 1603 г., этот факт не получил отражения, из чего следует, что Бабичев ушел в монастырь после июня. Вместо Бабичева обязанности «объезжего головы» стал исполнять Р. Милюков. Другой страж порядка — Шаховской после царского богомолья был отпущен в деревню. Назначенный на его место С. Рупосов в свою очередь был «отослан в посылку». После этого караульную службу в Белом городе стал нести И. Котенин. Место заболевшего князя П. Шелешпанского занял И. Протопопов, посланный затем «за Тулу для государева дела», в результате чего обязанности «объезжего головы» перешли к Б. Р. Нащокину²⁵.

В Белом городе помощником у Я. М. Годунова был князь В. Г. Щетинин. В Боярском списке 7111 г. против его имени сделана помета «111-го с Терки. На Москве». В списке, заполнявшемся до июня 1603 г., отсутствуют данные о его последующих службах. Но из Разрядов известно, что после московской службы он был послан «на заставу» для пограничной службы, «а на ево место ездил Василий Колединской». Некоторое время спустя В. Г. Колединский тоже был отставлен от московской службы и отправлен «на заставу», «а на ево место ездил князь Дмитрий Бярятинский да Григорей Давыдов»²⁶.

Приведенные факты позволяют заключить, что меры по борьбе с «разбоями» проводились с наибольшим размахом и самое длительное время не в провинции, а в столице. Власти подвергали жестокому наказанию попавших в их руки лиц, повинных в

нападении на «дома богатых», в поджогах и грабежах. Таковых разбойников «имаху князьяше, ових жгли, а иных в воду сажали и всякими смертями кончали их»²⁷.

Пока в окрестностях столицы действовали малочисленные шайки «разбоев», правительство гораздо больше опасалось восстания в городе, нежели нападения шаек извне. Но положение переменилось, когда «разбои» стали объединяться в крупные отряды. Самым большим повстанческим отрядом руководил Хлопко. Источники о восстании Хлопка скудны и противоречивы. Наиболее достоверные сведения о нем сохранили записки иностранцев, находившихся в то время в Москве и бывших очевидцами разгрома Хлопка. Интересные данные о восстании из «Нового летописца», составленного в 30-х годах XVII в., отличаются тенденциозностью и требуют всесторонней критической проверки.

Когда в окрестностях столицы появился Хлопко, повествует летописец, царь послал против него молодого воеводу И. Ф. Басманова и «многую рать». Исаак Масса более точен в своих показаниях. Он отметил, что с молодым воеводой Иваном Басмановым была примерно сотня лучших стрельцов. По словам того же очевидца, разбойники самыми большими шайками действовали на дорогах, связывавших Москву с Польшей и Ливонией²⁸. Показания Массы, сопоставленные с данными разрядной документации, позволяют установить, почему дума поручила борьбу с Хлопком Басманову.

14 мая 1603 г. Басманов был назначен «объездным» воеводой в «Деревянном городе от Москва-реки по Тверскую улицу». А это значит, что он должен был охранять порядок в кварталах, прилегавших к Чертольским, Арбатским, Никитским и Тверским воротам, а также в прилегавших к ним предместьях²⁹. Как раз через эти предместья пролегали дороги на Смоленск, Волоколамск и Тверь, т. е. дороги в Польшу и Ливонию, на которых, по словам Массы, действовали самые крупные отряды разбойников.

Борис Годунов впервые довел численность стрелецкого гарнизона Москвы до 10 тыс. человек. Столичные стрельцы играли при нем особую роль. Иностранцы называли их «императорской гвардией»³⁰. Московские стрельцы несли охрану Кремля, стрелецкие командиры конвоировали в ссылку опальных бояр и находились при них в качестве приставов, выполняли секретные дипломатические поручения и пр. Слова Массы позволяют предположить, что поддержание порядка и борьба с разбоем в Москве были возложены всецело на стрелецкие войска, выступавшие в этом случае в роли войск внутренней службы.

Московские стрельцы находились в привилегированном положении. Им платили до 7 руб. денежного жалованья в год, тогда как городовым стрельцам на окраинах нередко платили полтину. Столичные стрельцы занимались торгом, промыслами, и среди них, по словам Г. Котошихина, были «люди торговые и ремесленные всякие богатые многие»³¹. В борьбе с неимущими стрелецкие верхи могли служить надежной опорой.

Правительство не видело необходимости в том, чтобы использовать против «разбоев» отряды дворянской конницы. И. Ф. Басманов выступил против Хлопка с одними стрельцами. Как видно, он отправился на «воров» с той самой сотней, с которой он с лета 1603 г. совершал объезды в отведенных ему западных кварталах столицы. Разрядный приказ имел самое смутное представление о силах Хлопка. В противном случае непонятно, почему власти отрядили для борьбы с ним лишь одного из 11 воевод, охранявших порядок в столице. Как видно, Хлопко еще не успел проявить себя, и бояре не приняли необходимых мер предосторожности. По свидетельству Якова Маржарета, самый большой повстанческий отряд, действовавший в окрестностях Москвы, насчитывал 500 человек. Приведенные данные, по мнению В. И. Корецкого, могут быть отнесены лишь к восстанию Хлопка, поскольку ни о каких других столь же крупных выступлениях в то время не известно»³².

Не позднее середины сентября 1603 г. И. Ф. Басманов выступил из Москвы, имея задачу уничтожить отряд Хлопка³³. Обычно дворяне устраивали засаду и оттуда

уничтожали разбойников. Однако Басманов не принял мер предосторожности и скорее всего сам попал в засаду. Повстанцы имели численное превосходство, и столкновение закончилось не в пользу стрельцов. Как отметил московский летописец, «разбой» «убиша до смерти» воеводу, и лишь после долгого боя правительственные войска «едва возмогоша их окаянных осилити». По словам Массы, повстанцы истребили вместе с И. Ф. Басмановым почти всю сотню московских стрельцов и лишь по прошествии какого-то времени властям удалось покончить с ними³⁴. Возможно, Исаак Масса и преувеличил успех повстанцев. Но факт остается фактом: царские войска понесли в бою тяжелые потери. Царь Борис велел устроить погибшему И. Ф. Басманову пышные похороны в Троице-Сергиевом монастыре и прислал старцам большой денежный вклад на помин его души.

Официальный московский летописец составил красочный рассказ о борьбе с «разбоями» при царе Борисе. «В то время умножишась разбойство в земле Рустей... Царь же Борис, видя... в земле нестроение и кровопролитие, посылал многижда на них. Они же, разбойники, аки звери зубы своими скрежетаху на человека, тако противляхуса с посланными, и ничево им не можаху сотворити». И. И. Смирнов истолковал приведенное известие следующим образом: «Борису Годунову не удалось подавить движение в самом его начале, и карательные отряды, которые царь «многижда» посылал против Хлопка, терпели поражение один за другим»³⁵. С такой интерпретацией источника трудно согласиться. Можно заметить, что в летописном рассказе риторика в значительной мере заслоняет точное описание фактов. Лиц, назначенных для восстановления порядка, летописец называет «посланными», не уточняя, были ли то воеводы или дворяне, не указывая, кто именно и в какие города получил назначение. А между тем сведения подобного рода в Разрядах были. Вывод напрашивается сам собой. Летописец не использовал имевшуюся в архиве разрядную документацию о борьбе с «разбоями».

Как бы то ни было, повстанцы из войска Хлопка сражались с редким упорством и не давались в руки живыми. Хлопко был взят в плен после того, как его многократно ранили.

По случаю коронации Борис Годунов обещал править милостиво и никого не казнить. Татей и воров, которых прежде вешали за убийства и грабежи, теперь стали ссылать в ссылку в Сибирь и другие отдаленные местности. Посылка дворян «за разбоями», по-видимому, даже осенью 1602 — зимой 1603 г. не сопровождалась массовыми экзекуциями. Осведомленные современники указывали на это обстоятельство с полной определенностью. Исаак Масса отметил, что Борис Годунов в течение пяти лет (т. е. до сентября 1603 г.) выполнял обет не проливать крови и «делал это явно по отношению к татям, ворам, разбойникам и прочим людям». Более точно высказался на этот счет Яков Маржарет. Бориса Годунова, записал он, считали очень милосердным государем, так как за время своего правления до прихода Дмитрия в Россию (в 1604 г. — *Р. С.*) он не казнил публично и десяти человек, кроме каких-то воров, которых собралось числом до пятисот, и многие из них, взятые под стражу, были повешены³⁶.

Первые массовые казни «разбоев» были проведены после разгрома отряда Хлопка. Пленных привезли в Москву и там повесили вместе с их вождем.

Летописные сведения о том, что «разбой» многократно громили высланные против них правительственные войска, не выдерживают критики. Сохранился подлинный наказ о посылке дворянина «за разбоями» на Белую, который позволяет довершить критику летописной версии. Наказ замечателен тем, что он непосредственно отразил практику борьбы с «разбоями» от начальной фазы до конечных результатов. В преамбуле наказа изложены причины, побудившие царя направить на Белую дворянина Богдана Поликарповича. Разбой на дорогах в окрестностях Белой достиг таких масштабов, что возникла необходимость в чрезвычайных мерах для наведения порядка. «Ведомо государю... учинилось, — значилось в наказе, — что на Белой по дорогам разбой великие, проезжих людей разбойники разбивают и побивают до смерти, и проезду и проходу всяким людем

нет, да и села и деревни многие, по Белой езда, разбойники разбивают и людей многих побивают до смерти. И государь... жалуючи крестьянства, послал про разбой сыскивать»³⁷.

В период массовых антифеодальных восстаний карательными действиями против повстанцев нередко руководили те, кто стоял во главе местных гарнизонов. На Белой высшим воинским начальником был воевода Федор Бобрищев-Пушкин³⁸. Однако в наказе о борьбе с «разбоями» на Белой имя его вовсе не упоминалось. Эмиссар Богдан Поликарпович должен был установить контакты не с Пушкиным, а с местными губными старостами С. Кашинцевым и Б. Лениным. Иначе говоря, он должен был использовать тот механизм, который и в обычное время служил для преследования разбойников и расследования уголовных дел.

Бельские дворяне оставались в распоряжении местного воеводы Пушкина. Лишь в тех случаях, когда Богдану Поликарповичу предстояло ехать в уезд «для великого дела», он имел право взять с собой белян детей боярских «сколько надобе». Однако власти строго запретили своему эмиссару тревожить уездных дворян без особой нужды. «...А за посмех, — гласил наказ, — многих детей боярских не имати, чтобы в том детем боярским волокиты не было». С помощью губных старост Богдан Поликарпович должен был получить лошадей и подводы из дворцовых волостей и организовать летучий отряд из стрельцов. Согласно наказу, «как он (Богдан Поликарпович. — *Р. С.*) приедет на Белую, и ему взяти с собой белских стрельцов, сколько человек пригоже по тамошнему делу, а о подводах говорити ему... дворцовых сел старостам, и целовальникам, и крестьянам, чтобы они под тех стрельцов давали подводы»³⁹.

Бельский наказ полностью опровергает предположение о том, что правительство Годунова посылало против «разбоев» карательные силы из Москвы. В действительности назначенные Разрядным приказом дворяне и воеводы должны были покончить с «разбоями», опираясь на местные, преимущественно стрелецкие, воинские контингенты.

Во время антифеодальных восстаний крестьяне «миром» громили «дворянские гнезда», делили помещичье добро. Под их контроль переходила более или менее обширная сельская округа. Бельский наказ рисует совсем иную картину. Дворянин Богдан Поликарпович получил задание хватать разбойников на большой дороге, для чего ему надо было организовать засаду «промеж дорог». В засаде ему надлежало «для разбойников в сыску стояти утаясь», пока те не обнаружат себя какими-нибудь действиями⁴⁰.

Составители наказа отмечали, что от разбойников страдают не только проезжие купцы и прочий люд, но и бельские крестьяне. Справедливо ли это утверждение? Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего обратиться к крестьянским челобитным тех лет. Приходные книги Новодевичьего монастыря сохранили в пересказе текст челобитной, поданной крестьянами оболенских сел незадолго до 4 августа 1604 г.⁴¹ Крестьяне жаловались, что у них был «хлебной недород по три годы», что многие люди в их селах вымерли, крестьянские жены и дети нищенствуют, а иные из крестьян «сошли кормитца в украинные города, а двory тех крестьян пусты, а которые крестьяне остались, и те от разбойников разорены, а иные в розбойных вытех по язычным молвкам на правеже замучены»⁴².

Приведенная крестьянская челобитная замечательна тем, что в самых основных моментах она полностью совпадает с бельским наказом о борьбе с «разбоями». Оболенские крестьяне прямо указывали на разбой как на одну из причин их конечного разорения. Как видно, в оболенских селах «разбой» совершенно так же грабили зажиточных крестьян, как и в Бельском уезде.

На Белой дворянин Богдан Поликарпович получил предписание найти и взять под стражу не только разбойников, но и тех, кто укрывал их и принимал награбленное. Заподозренных следовало подвергнуть пытке: «Да будет те оговорные люди по язычной молвке доведутца до пыток, и ему тех оговорных людей пытати ж крепко и огнем жечь»⁴³.

Царские эмиссары, ловившие «разбоев» под Оболенском, по-видимому, руководствовались аналогичным наказом. Они запытали до смерти некоторых монастырских крестьян, на которых «по язычным молвкам» (молве, наветам) пало подозрение в пособничестве разбойникам.

Челобитная оболенских крестьян и бельский наказ не дают основания для вывода о вспышке Крестьянской войны в районе Оболенска и Белой. Богдан Поликарпович должен был вести борьбу с «разбоями», собравшись ««со многими людьми» — приказчиками, старостами и крестьянами из дворцовых, черных, церковных и помещичьих владений»⁴⁴. Иначе говоря, он должен был опереться на крестьянский «мир». Подобного рода распоряжения не могли быть изданы в обстановке массовых восстаний в деревне.

Многочисленные архивные данные, привлеченные В. И. Корецким для характеристики движения «разбоев» в 1602—1603 гг., обнаруживают на редкость пеструю картину. Источники зафиксировали случаи убийства отдельных помещиков в разных концах страны. Но в них нет и намёка на их массовые избиения, характерные для времени восстания Болотникова. Примечательно, что иногда мелкие дворяне сами разбойничали на большой дороге или посылали на разбой своих людей. В Боярском списке 1602—1603 гг. против имен выборных дворян Ю. К. Акинфова и В. М. Свиблова имеются пометы: «В тюрьме в разбое». Среди дегей боярских Ельца в 1604 г. сидели «в разбое в тюрьме» Т. Логачев, С. П. Сутермин, П. Ф. Богословский, М. А. Миненок⁴⁵.

В движении «разбоев» как в зеркале отразился глубокий экономический и социальный кризис, охвативший страну в начале XVII в. Трехлетний неурожай привел к массовому вымиранию населения в стране. Как и всякое бедствие крупных масштабов, голод сопровождался одичанием, вел к разрушению социальных, семейных и родственных связей. Как писали современники, в годы голода «отцы чад своих и матери их не взведаше, а чады — отец своих, матерей». По словам автора «Нового летописца», из-за бедствий голода «такая же бысть беда, что отцы детей своих метаху, а мужие жен своих метаху ж, и мроша людие...»⁴⁶. Француз Яков Маржарет нарисовал еще более страшную картину несчастий и одичания людей. Тогда, писал он, было привычно видеть, что муж покидал жену и детей, жена умерщвляла мужа, мать — детей, чтобы съесть их. Очевидец событий Маржарет не избежал преувеличения. Но и другие современники иностранцы записали слухи о людоедстве⁴⁷. Бывало, что матери, будучи не в силах прокормить детей, оставляли их посреди дороги, надеясь на милосердие проезжих⁴⁸.

В обстановке общего хаоса в стране резко выросло число преступлений: краж, грабежей и убийств⁴⁹. Нет сомнения, что в движении «разбоев» в 1602—1603 гг. участвовали всякого рода уголовные элементы. Но этот факт не может заслонить более важных социальных последствий голода. Как справедливо отметил В. И. Буганов, в годы крайних бедствий нередко имели место «голодные бунты», когда доведенная до крайности беднота нападала на владельцев продовольственных излишков, хлебных спекулянтов и пр.⁵⁰

Социальный характер выступлений 1602—1603 гг. проявлялся прежде всего в том, что порожденное угнетением и голодом насилие было обращено против богатых. Источники ничего не сообщают об участии крестьян в выступлениях «разбоев». Иначе обстоит дело с холопами. Их участие в выступлениях 1603 г. засвидетельствовано современниками с полной определенностью. К числу самых ранних свидетельств такого рода относятся «Записки» голландского купца Исаака Массы. Он находился в Москве во время голода, а к составлению своего сказания приступил не позднее 1610 г. По словам Массы, в 1603 г. под Москвой действовал отряд, состоявший из крепостных кнехтов. Эти кнехты, принадлежавшие различным московским боярам и господам, «частью возмутились, соединились вместе и начали грабить путешественников; от них дороги в Польшу и Ливонию сделались весьма опасными, и они укрылись в пустынях и лесах близ дорог». Масса точно знал, что выступление кнехтов имело место в сентябре 1603 г. и что

подавлял его воевода И. Ф. Басманов. Достоверность его сведений установлена уже Е. Н. Кушевой⁵¹.

Сказание Авраамия Палицына подтверждает версию Массы и позволяет уточнить, кого именно последний называл «крепостными кнехтами». При Годунове, писал Палицын, вельможи кабелили не только простых людей, но и благородных, «чествующих издавна многим именем», «наипаче же избранных меченосцев и крепких со оружии во бранех». Будучи прогнанными со двора во время голода, такие слуги «срама ради скончевахуся бедне, за отечества ради». Одни слуги умирали от голода и унижения, зато другие стали «уклоняться» на разбой. Особенно отличились в этом отношении слуги опальных бояр. В главе «О зачале разбойничества...» Палицын сообщает о том, что Годунов, разорив «домы великих бояр» (Романовых и их родни Черкасских, Сицких, Шестуновых и пр.), распустил всех их «рабов» и положил «заповедь» никому не принимать их на службу. Те, кто знал «ремество», кормились им. Зато боевые холопы, «иже на конех играющей, сии к велику греху уклоняхуся и к толику, якова же не бысть в России от начала благочестия». Из московских мест, утверждал Палицын, возмущившиеся боярские боевые слуги «отхождаху» в северские города, и «аще и не вкупе, но боле двадесяти тысящ сичевых воров обретшеся по мнозе времени во осаде и сидении в Калуге и Туле» (в войске Болотникова)⁵².

Версия Палицына не могла удовлетворить Филарета Романова, в окружении которого 10 лет спустя был составлен «Новый летописец». То, что романовские кабальные слуги сначала учинили разбой по всей России, а затем сражались под знаменами Болотникова в Калуге и Туле, невольно бросало тень на доброе имя их господ. В «Новом летописце» можно уловить скрытую полемику с рассказом Палицына. Автор летописца называет сподвижников Хлопка ворами и разбойниками, не уточняя их социальной принадлежности. Подобно Палицыну, он признает, что уцелевшие после разгрома Хлопка воры «уидоша на украину», но тут же спешит убедить читателя, будто Борис «тамо их всех воров поимаша и всех повелеша перевешать»⁵³. А следовательно, будучи перевешанными, слуги Романовых не могли принимать участия в страшном для бояр восстании Болотникова.

Романовы принадлежали к числу самых богатых людей своего времени. Однако, сколь бы многочисленной ни была их вооруженная свита, современники упомянули о романовских холопах преимущественно потому, что они были на виду.

Главной причиной роспуска холопской дворни были конечно же не годуновские опалы, а экономические бедствия. Не только мелкие помещики, но и землевладельцы средней руки не располагали многолетними запасами. Палицын образно описал обстановку, побуждавшую дворян изгонять из дома своих холопов: «Во время же великаго глада сего озревшеся вси, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпускати; и инии убо истинно, инии же лицемерством»⁵⁴. «Истинствующие» уничтожали кабалы и выдавали кабальным отпускные. «Лицемерницы» же гнали людей из дома, не освобождая их от кабалы и надеясь вернуть их к себе на службу, когда трудное время останется позади.

Когда землевладельцы стали изгонять холопов и отказывать им в пропитании, из-за чего одни холопы умирали с голоду, а другие примыкали к «разбоям», правительство забило тревогу. Большой интерес в этой связи представляет указ Бориса Годунова от 16 августа 1603 г., изданный в дни восстания Хлопка⁵⁵. Основное содержание указа сводилось к следующему: власти объявили о немедленном освобождении всех холопов (кабальных и пр.), которых господа их «ссылали з двора, а отпускных им не дали и крепостей (кабал и пр. — *P. C.*) им не выдали, а велят им кормитца собою, и те их холопы помирают голодом, а иные многие питаютца государевою... милостиною, а за тем их не примет никто, что у них отпускных нет»⁵⁶.

Указ проводил резкую разграничительную черту между беглыми (преступными) холопами и теми, кого господа незаконно лишили пропитания. Последние получили

разрешение обратиться за отпускной в приказ Холопьевого суда. Столичная знать и московские дворяне имели возможность опротестовать челобитья своих холопов. У провинциальных дворян такой возможности не было. Царь приказал выдавать их холопам отпускные по одному их заявлению, даже когда «государей их на Москве нет». Правительство постаралось максимально упростить процедуру освобождения холопов, имея на то веские причины. Закон предписывал без промедления выдавать отпускные, «чтоб те холопы голодом не померли»⁵⁷. Любая волокита грозила голодающим холопам смертью. Получив же отпускную, кабальный приобретал шанс на то, что ему удастся выжить, запродавшись в кабалу к состоятельным столичным господам.

По-видимому, указ 1603 г., как и законодательство о кабальных конца XVI в., ориентировался в большей мере на военных слуг и в меньшей — на «черных» пашенных людей. Среди зависимого населения боевые холопы были единственной группой, располагавшей оружием и боевым опытом. События 1603 г. показали, что при определенных условиях боевые холопы могут стать ядром повстанческого движения. Это обстоятельство и вынудило власти пойти на уступки холопам в ущерб интересам дворян.

И. И. Смирнов отметил, что в восстании Хлопка участвовали различные группы холопского населения. Однако главное место в его построениях отводилось низшему слою холопства («деловым людям», эксплуатируемым на пашне, и пр.). Именно этот момент определил конечный вывод И. И. Смирнова о том, что восстание Хлопка таило в себе реальную угрозу самим основам феодального строя Русского государства⁵⁸. Вывод И. И. Смирнова потребует пересмотра, если признать, что направляющей силой разбойных выступлений 1602—1603 гг. явился высший, привилегированный слой холопов. Предположение, будто профессиональные «воинники»-послужильцы, среди которых было некоторое число выходцев из среды мелкого дворянства, помышляли о ниспровержении феодального строя, не находит опоры в фактах.

Прекращение голода, уступки холопам, разгром войска Хлопка привели к тому, что движение «разбоев» пошло на убыль. Однако следует подчеркнуть, что выступления, развернувшиеся в Центре в 1602—1603 гг., имели продолжение на отдаленных окраинах. С сухопутных дорог Подмосковья разбойные выступления перекинулись на волжскую торговую артерию, в Нижнее Поволжье. Голландский торговец Исаак Масса, пристально следивший за торговыми операциями западноевропейских купцов, отметил, что многие из них в 1602 г. отказались от обычных торговых поездок на Нижнюю Волгу, «ибо там повсюду полно разбойников, все казаки, которые грабят суда»⁵⁹.

Нападения на торговые караваны приобрели такой размах, что Посольский приказ счел необходимым выступить с разъяснениями за рубежом. По словам царских дипломатов, казаки в 1604 г. захватили и разграбили много судов «и многие товары, и деньги, и неисчетную казну взяли — больши десяти сот тысяч золотых польских, а русским числом больши 300 000 рублей». Царский посол С. С. Годунов, ездивший в 1604 г. в Нижнее Поволжье, возложил ответственность за разбойные нападения на казаков, беглых боярских холопов, которые, «збежав, воруют»⁶⁰.

Выступления «разбоев» в Центре и в Нижнем Поволжье носили однотипный характер, и в них одинаково участвовали беглые холопы. Но были и некоторые различия. На Нижней Волге события развернулись в более позднее время, чем в Центре, когда голод в стране был в основном преодолен. Нападения казаков на купцов не имели ничего общего с «голодными бунтами». Они носили четко выраженный разбойный характер.

На периферии власти не располагали такими военными силами, как в Центре, и не смогли так же быстро справиться с выступлениями, в которые оказалась втянута значительная масса местного населения — вольных волжских казаков. «Разбои» на Волге действовали очень крупными партиями. Нынешним летом, заявил ногайский князь Иштерек, казаки чинили нападения, «собравшись человек по 200 и по 300 и болши». В Центре лишь Хлопку удалось собрать войско в 500 человек. Когда в июне 1604 г. в Астрахань прибыл М. И. Татищев, следовавший с посольством в Грузию, он не смог

получить конвой, потому что все астраханские стрельцы были посланы за разбойниками «на Яик, и к Солям, и по иным местам, и по Волге вверх для воров казаков, которые громили суды торговых людей»⁶¹.

В выступлениях участвовали волжские, яицкие, а по некоторым сведениям, и терские вольные казаки. Астраханские воеводы не могли с ними справиться. По заявлению Иштерека, посланные воеводами стрелецкие отряды не добились успеха, так как «те вору казаки, собрався со многими людьми, и стрельцов побивали и грабили, и промысл над ними никоторой не учинился»⁶².

Восстание Хлопка и выступления казаков произошли уже после того, как в Литве объявился самозванец. Однако нет таких данных, которые позволили бы предположить, что участники этих выступлений пытались установить связи с Лжедмитрием I или выступали за «доброе царя». Выступления 1602—1604 гг. явились предвестниками надвигавшейся гражданской войны. Уже налицо было повсеместное недовольство низов. Произошли первые вооруженные выступления (Хлопка в Подмосковье и вольных казаков на Нижней Волге). Однако массы еще не смогли выдвинуть из своей среды вождей и сформулировать лозунги, которые бы объединили всех недовольных.

Глава 7 МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ

В начале XVII в. Русское государство активизировало свои действия на Кавказе. К тому времени Османская империя захватила Азербайджан, ее флот появился на Каспийском море. Народам Кавказа пришлось вести тяжелую борьбу с османскими завоевателями.

После того как кахетинский царь Александр обратился в Москву за помощью и объявил о принятии русского подданства, Россия предприняла настойчивые попытки продвинуться в сторону Ширвана и обеспечить себе надежное сообщение с Грузией¹. Возобновив строительство укреплений на Тереке, русские в 1590 г. выстроили Сунженский острог, преградив туркам путь из Азова к «железным воротам» — Дербенту.

Военное столкновение с Османской империей казалось неизбежным, и Россия решила заключить союз с Ираном, чтобы совместными усилиями изгнать турок из Дербента, Шемахи и Баку. Русские дипломаты получили наказ добиваться передачи всех названных городов под власть царя. В 1600 г. Годунов направил к шаху посла А. Засекина. Осенью следующего года воевода И. П. Ромодановский получил приказ готовиться к походу в Дагестан². Ряд причин помешал осуществлению этих планов. Но как только осенью 1603 г. война между Турцией и Ираном возобновилась, в Москве вновь вернулись к планам военного наступления на Кавказе.

Летом 1604 г. один из лучших московских воевод, окольный И. М. Бутурлин, выступил из Москвы в Астрахань. С ним были посланы значительные воинские силы — несколько тысяч ратных людей. Осенью русские полки прибыли на Терек, а с наступлением зимы заняли городище Тарки. Именно этот пункт был указан кахетинским царем Александром как наиболее удобное место для постройки русской крепости. Построив «город» в Тарках, русские взяли под свой контроль дороги, ведущие в Дербент, а также в Шемаху и Баку. В 1605 г. в Дагестане произошли крупные столкновения между русскими и османскими войсками. В окрестности города Тарки прибыл паша с янычарами и многочисленной ратью. Турки засыпали рвы и возвели «примет» из песка и хвороста на уровень крепостной стены. После трех дней осады Бутурлин был вынужден вступить в переговоры с турками. По договору, скрепленному «шертью», русские получили право беспрепятственно уйги на родину. Однако условия соглашения не были выполнены. При отступлении русская рать была окружена в степях и подверглась почти поголовному истреблению. По русским данным, погибло более 7 тыс. воинов, «окромя боярских людей»³.

Русские сожгли Сунженский острог и сосредоточили свои силы в Терском городке, чтобы отразить нападение врага. Однако турки отказались от похода на Терек.

В Москве понимали, что в случае столкновения с Османской империей Крымское ханство не останется в стороне от конфликта. События 1591 г. показали, что татарские вторжения по-прежнему угрожали не только южным уездам, но и столице государства.

В связи с активизацией восточной политики Борис Годунов приказал возобновить строительство крепостей на южных границах государства. В 1599 г. Разрядный приказ снарядил крупнейшую военную экспедицию, руководство которой было поручено окольничему Б. Я. Бельскому. Воевода получил наказ выстроить крепость у впадения реки Оскол в Северский Донец, в самом сердце Донецкого бассейна. В подчинении Б. Я. Бельского находились 3 дворянские сотни и 2600 человек стрельцов и казаков, а также «даточные» боярские люди с пищалями, «посошные люди», проводившие строительные работы, обозная прислуга и прочий люд. Наряду со служилыми гарнизонными казаками в походе участвовали волжские и донские казаки⁴.

Направляя экспедицию на Северский Донец, русское командование предусматривало опасность немедленной войны с Крымом и готовилось отразить нападение Орды. Вновь заложенная крепость получила претенциозное название «Царев-Борисов». Она располагалась на наибольшем расстоянии от всех построенных ранее оборонительных линий. Строительство Царева-Борисова поставило прочные барьеры на пути опустошительных вторжений кочевников в южные уезды государства. Хан не осмелился принять вызов, брошенный ему Годуновым. Появление крупных русских сил на Северском Донце создало военную угрозу Крыму и, кроме того, способствовало разъединению орд, кочевавших в Причерноморье, на Северном Кавказе и в Поволжье.

Стремясь предотвратить вспышку военных действий на южных границах, Борис Годунов в 1602 г. направил в Крым посла Г. К. Волконского с «поминками», оценивавшимися в 14 тыс. руб. Посол добился того, что хан Казы-Гирей подтвердил мир с Россией. Впервые за много лет прекратились почти повсеместно нападения татар на русские земли. Для Москвы отпала необходимость держать в течение лета крупные силы на Оке⁵.

Мир на южных границах создал условия для активизации русской политики в Прибалтике. Попытка Речи Посполитой и Швеции подкрепить антирусский военный союз личной унией не удалась. Польский король Сигизмунд III Ваза не смог удержать в своих руках шведскую корону. Шведским правителем стал герцог Карл, успешно отразивший попытку польского короля восстановить свою власть над Швецией. Распад польско-шведской унии и назревавшее столкновение Польши и Швеции из-за Ливонии радикально изменили положение в Прибалтике.

Тявзинский договор 1595 г. между Россией и Швецией означал для русских прекращение борьбы за выход на Балтику. В силу договора шведы получили возможность установить контроль за русской торговлей на Балтийском море, однако Москва в конце концов не ратифицировала договор. Не отказываясь от «вечного мира» со Швецией, русская дипломатия предпринимала усилия для того, чтобы изменить невыгодные для России пункты Тявзинского договора. В конфликте между Сигизмундом III и Карлом Москва стала на сторону последнего. Борис Годунов предложил Швеции помощь против Речи Посполитой на условиях уступки России морского порта Нарвы⁶. Одновременно в Москве был выработан проект образования под эгидой России вассального королевства в Ливонии. В 1599 г. Борис Годунов пригласил в Москву из Риги шведского королевича Густава, сына низложенного короля Эрика XIV. Ему предстояло занять ливонский трон в качестве царского вассала.

Подготавливая почву для возобновления борьбы за Прибалтику, царь Борис объявил милость пленным ливонским купцам, находившимся в России со времен Грозного. Некоторые из них получили чин московских гостей, или членов гостиной сотни, вместе с правом беспошлинной торговли в России и в ливонских городах. На заведение торгов

казна ссудила им 5,5 тыс. руб. Услуги немецких купцов понадобились русскому правительству для того, чтобы ослабить торговые барьеры, воздвигнутые шведами в Прибалтике, а также активизировать сторонников России из числа ливонских бюргеров. Эта последняя цель была отчасти достигнута. Посланец Нарвы заявил в Москве в 1600 г., будто все нарвские немцы решили перейти под покровительство царя, а жители Таллина готовы признать власть королевича Густава⁷. В среде ливонских бюргеров-протестантов возникла партия сторонников России, опасавшихся оккупации со стороны католической Речи Посполитой.

В трудных для себя условиях шведский правитель согласился передать России Нарву, но обещание Карла было всего лишь уловкой. Расчеты на то, что союз со Швецией позволит России возродить «нарвское мореплавание», четверть века продержавшееся при Грозном, оказались беспочвенными. Когда дьяк А. Власьев в 1600 г. привел в устье Наровы два нанятых в Любеке корабля, шведский флот немедленно блокировал их⁸.

Королевич Густав оказался ненадежным вассалом. Он пытался вести переговоры с ливонцами втайне от царя и в ущерб интересам России. Обнаружив это, русские власти отправили его в почетную ссылку в Углич.

Как только Карл Шведский упрочил свои позиции в Ливонии, он учинил жестокую расправу со сторонниками царя и его вассала⁹. Проект образования вассального Ливонского королевства рухнул сам собой. Тогда Россия попыталась обеспечить себе союз с Данией — второй державой, располагавшей первоклассным флотом на Балтике. Русско-датский союз предполагалось скрепить браком царевны Ксении Годуновой с датским герцогом Гансом. Вместе с рукой царевны Ганс должен был получить в России обширное удельное княжество — «Тверское великое княжение» (без города Твери). Датский герцог прибыл в Москву, однако в разгар свадебных приготовлений в 1602 г. он внезапно умер. Переговоры о заключении союза с Данией так и не были доведены до конца.

Речь Посполитая пыталась вмешаться в избирательную борьбу, развернувшуюся в Москве в 1598 г. Ее сейм выдвинул Сигизмунда III в качестве кандидата на царский трон. В письмах к Годунову король обещал сохранить за ним положение правителя, русским дворянам сулил шляхетские вольности¹⁰. Однако его обращения не имели успеха.

В связи с близким истечением срока русско-польского перемирия Борис Годунов выступил с предложением о возобновлении мирных переговоров. Необходимость союза между Россией и Речью Посполитой диктовалась долговременными интересами. Народам Восточной Европы угрожала турецко-татарская экспансия. Османская империя оставалась крупнейшей военной державой своего времени. В 1592—1606 гг. австрийские Габсбурги с трудом отражали вторжения турок. Наиболее дальновидные политики в Кракове и Москве все чаще обращались к проектам объединения сил для борьбы против османской угрозы.

Существенное влияние на ориентацию польской внешней политики оказало наметившееся русско-шведское сближение. Осенью 1600 г. литовский канцлер Лев Сапега привез в Москву проект «вечного мира», а также проект о федеративном объединении двух государств. Согласно польским предложениям, в качестве членов федерации Речь Посполитая и Россия должны были выработать единую внешнюю политику, совместно оборонять южные границы от татар, завести общий флот на Балтийском и Черном морях, иметь общий порт в Нарве и Ивангороде; купцы получали право свободно торговать в пределах двух государств¹¹.

Во время переговоров русские дипломаты поддержали предложения о совместной обороне против татар, развитии торговли и пр. Однако в целом проект федерации не был принят. Бояре категорически отвергли пункт, предоставлявший шляхте право на приобретение вотчин в России, отказались разрешить строить костелы, венчать православных с католиками. Много споров вызвал вопрос о выборах главы федерации. Королевская дипломатия строила расчеты на том, что Сигизмунд III был достаточно здоровым человеком в свои 34 года, тогда как 50-летнего Бориса одолевали тяжелые

болезни и ему предрекали близкую смерть. О наследнике Бориса в Польше толковали, что он слаб здоровьем и к тому же слабоумен. Условия замещения трона носили неравноправный характер. В случае бездетной смерти царя московский трон отходил к Сигизмунду III. В случае же бездетной смерти Сигизмунда III польская сторона не исключала возможности «выбрать паном господаря Русского», но на польский трон мог быть принят и любой другой кандидат в силу свободного выбора¹². Таким образом, русскому дворянству было отказано в роли равноправного участника выборов главы федерации.

Московские переговоры завершились 1 марта 1602 г. подписанием договора о 20-летнем перемирии.

Русское правительство не добилося благоприятного для себя решения балтийского вопроса, но его дипломатические усилия все же принесли свои плоды. На всех границах государства царил мир. Система договоров с соседями, казалось бы, надежно обеспечила России длительную мирную передышку. Однако мирная система, воздвигнутая Годуновым, вскоре обнаружила свою непрочность.

Глава 8 САМОЗВАНЧЕСКАЯ ИНТРИГА

Самозванство сыграло заметную роль в русской истории XVII—XVIII вв. Начало его связано с появлением на исторической арене Лжедмитрия I.

По преданию, под личиной самозванца скрывался Отрепьев. Предание оказало сильное влияние на историографическую традицию. Н. И. Костомаров первым подверг его всесторонней критике. Однако в защиту традиционной версии вскоре выступил П. О. Пирлинг¹.

Крупнейший знаток «смутного времени» С. Ф. Платонов полагал, что вопрос о личности Лжедмитрия I не поддается решению. Нельзя считать, что самозванцем был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока скрыта². В таких выражениях С. Ф. Платонов подвел итог своим наблюдениям. Столь же осторожной была точка зрения В. О. Ключевского. Как отметил историк, личность неведомого самозванца доселе остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее; трудно сказать, был ли то Отрепьев или кто другой, что, впрочем, менее вероятно. Анализируя ход «Смуты», В. О. Ключевский с полным основанием заключил, что дело было не в личности самозванца, а в роли, им сыгранной, и в исторических условиях, которые сообщили самозванческой интриге страшную разрушительную силу³.

Советские историки сконцентрировали усилия на изучении острого социального кризиса начала XVII в., породившего самозванщину, тогда как вопрос о происхождении самозванцев отступил в тень. М. Н. Покровский рассматривал Лжедмитрия I как крестьянского царя. И. И. Смирнов отверг оценку М. Н. Покровского и высказал мысль, что выступления низов в пользу «доброего царя» Дмитрия в начале XVII в. явились выражением «царистской» идеологии угнетенных масс, выступавших против феодального гнета. Будучи неспособными сформулировать программу нового политического устройства, выходящую за рамки традиционного монархического строя, угнетенные добивались свержения плохого царя и замены его добрым царем, способным защитить народ от притеснений «лихих бояр» и социальной несправедливости. Лозунг «хорошего царя», по мнению И. И. Смирнова, представлял собой своеобразную крестьянскую утопию. В. И. Корецкий считал, что самозванец был вынесен на московский престол волной крестьянского движения⁴.

К. В. Чистов рассматривал самозванство в России как «проявление определенных качеств социальной психологии народных масс, ожидавших прихода «избавителя»», как одну «из специфических и устойчивых форм антифеодального движения» в России в XVII в. Закрепощение крестьян и ухудшение их положения в конце XVI в., резкие формы

борьбы Ивана Грозного с боярством, политика церкви, окружившей престол ореолом святости, — вот некоторые факторы, благоприятствовавшие широкому распространению в народе легенды о пришествии царя-«избавителя». «В истории легенды о Дмитрие, — писал К. В. Чистов, — вероятно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что угличский царевич был сыном Ивана Грозного и мог мыслиться как «природный» продолжатель его борьбы с боярами, ослабевшей в годы царствования Федора»⁵.

В силу своеобразия положения крестьяне значительно дольше других сословий сохраняли веру в «доброе» царя. Однако это не значит, что вера в пришествие «хорошего» царя возникла как своеобразная крестьянская утопия. В начале XVII в. взгляды такого рода были распространены не только среди простого народа, служилых людей — провинциальных детей боярских помещиков, для которых царская власть была источником всех благ. Иван Грозный пролил немало крови своих подданных. Он навлек на свою голову проклятие знати. Но ни казни, ни поражение в Ливонской войне не могли уничтожить популярность, приобретенную им в народе и служилой дворянской среде после «казанского взятия». В фольклоре Иван IV остался грозным, но справедливым царем. В глазах народа Иван IV был не только представителем старой, законной династии Ивана Калиты, но и последним царем, при котором масса народа — феодально зависимые крестьяне — не утратила традиционной «воли» — права выхода в Юрьев день. Популярности Грозного способствовало и то, что он публично казнил «изменных» бояр, всенародно объявлял их вины и обращался к толпе за одобрением⁶. Иван IV наказывал приказных правителей и судей, обличенных во взятках и мошенничестве.

Бедствия, обрушившиеся на страну при Годунове в начале XVII в., придали особую устойчивость воспоминаниям о благоденствии России при «хорошем» царе Иване Васильевиче. Чем мрачнее становилось время, чем меньше оставалось места для надежд, тем пышнее расцветали всевозможные утопии.

Борис Годунов пытался играть роль царя-«избавителя», предприняв попытку оказать широкую помощь голодающему народу и временно возобновив Юрьев день. Но его попытка завершилась полной неудачей, что и подготовило почву для торжества самозванца.

Царевич Дмитрий унаследовал от отца его жестокость. Дикие забавы Дмитрия приводили в смущение современников. Восьмилетний мальчик приказывал товарищам игр лепить снежные фигуры и называл их именами первых бояр в государстве, а затем рубил им головы или четвертовал⁷. Дворянские писатели осуждали подобные «детские глумления». Однако в народе жестокость по отношению к лихим боярам воспринималась совсем иначе. Дмитрий обещал стать таким же «хорошим царем», как и его отец.

Когда отношения между царским двором в Москве и удельным двором в Угличе окончательно испортились, Борис Годунов запретил упоминать имя Дмитрия в молитвах о здравии членов царской семьи. Царевич был рожден в седьмом браке, а значит, был, по тогдашним представлениям, незаконнорожденным⁸.

Подверженные суевериям, современники Годунова считали, что большие эпилепсией («черным недугом») одержимы нечистой силой. Сын Грозного страдал жестокой эпилепсией, тем не менее даже это обстоятельство не помешало развитию легенды о добром Дмитрие.

Смерть Дмитрия вызвала многочисленные толки в народе. Но в Москве правил законный царь, и династический вопрос никого не занимал. О царевиче забыли очень скоро. Однако едва умер Федор, как в народе вновь заговорили о Дмитрие. Литовские лазутчики подслушали в Смоленске и записали толки, в которых можно было угадать все последующие события «смутного времени». Пересуды были на редкость противоречивыми. Одни говорили, будто в Смоленске были подобраны письма от Дмитрия, известившие жителей, что «он уже сделался великим князем» на Москве. Другие доказывали, что появился не царевич, а самозванец, «во всем очень похожий на

покойного князя Дмитрия»; Борис будто бы хотел выдать самозванца за истинного царевича, чтобы добиться его избрания на трон, если не захотят избрать его самого.

Толки, подслушанные в Смоленске, носили недостоверный характер. Боярин Нагой, говоря о смерти Дмитрия, будто бы сослался на мнение своего соседа «астраханского тиуна» (?) Михаила Битяговского. «Тиуна» вызвали в Москву и четвертовали, после того как он под пыткой признался, будто сам убил Дмитрия⁹.

Литовские лазутчики записали скорее всего молву простоародья, имевшего самые смутные представления о том, что происходило в столичных верхах. Как бы то ни было, слухи о царевиче порочили правителя Бориса Годунова и были проникнуты явным сочувствием к Романовым. Очевидно, их распускали люди, живо симпатизировавшие Романовым.

Имя Дмитрия оживили, по-видимому, борьба за обладание тронем и вызванные ею политические страсти. После избрания Бориса на трон молва о самозванном «царевиче» лишилась почвы и умолкла сама собой, зато версия о чудесном спасении сына Грозного получила самое широкое распространение в народе. Служилый француз Яков Маржарет, прибывший в Москву в 1600 г., отметил в своих записках: «...прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он (Борис. — *Р. С.*) с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу»¹⁰.

Новую волну слухов о спасении Дмитрия едва ли следует связывать с заговором Романовых в 1600 г. Романовы пытались заполучить корону в качестве ближайших родственников последнего законного царя Федора. К сыну Грозного от седьмого брака они относились резко отрицательно. Пересуды о наличии законного наследника Дмитрия могли помешать осуществлению их планов. Совершенно очевидно, что в 1600 г. у Романовых было не больше оснований готовить самозванца «Дмитрия», чем у Бориса Годунова в 1598 г.

Можно указать на обстоятельства, питавшие слухи о Дмитрии в 1600 г. Главной причиной явилась, по-видимому, смертельная болезнь Бориса Годунова. Кончины Бориса ждали со дня на день. Тут-то и вспомнили о младшем сыне «хорошего» царя. Если бы слухи о царевиче распространял тот или иной боярский круг, покончить с ними для Годунова было бы нетрудно. Трагизм положения заключался в том, что молва сделалась народной и потому никакие гонения не могли искоренить ее.

Как подчеркнул К. В. Чистов, легенда о Дмитрии не сразу получила социальную окраску и превратилась в силу, способную объединить выступления низов. Именно по этой причине повстанческое войско Хлопка не воспользовалось именем Дмитрия в 1603 г.¹¹

Народные толки и ожидания создали почву для появления самозванца. В свою очередь деятельность самозванца оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие народных утопий.

Самозванец объявился в пределах Речи Посполитой в 1602—1603 гг. Им немедленно заинтересовался Посольский приказ¹². Не позднее августа 1603 г. Борис обратился к покровителю самозванца князю Константину Острожскому с требованием выдать «вора»¹³. Но «вор» уже переселился в имение Адама Вишневецкого. В Москве и в дальнейшем следили за каждым шагом самозванца.

Неверно мнение, будто Годунов назвал самозванца первым попавшимся именем. Разоблачению предшествовало самое тщательное расследование, после которого в Москве объявили, что имя царевича принял беглый чернец Чудова монастыря Гришка, в миру носивший имя Юрия Отрепьева.

Московским властям нетрудно было установить историю беглого чудовского монаха. В Галиче жила вдова Варвара Отрепьева, мать Григория, а родной дядя Смирной Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин. Смирной преуспел при новой династии и выслужил чин стрелецкого головы¹⁴. Накануне бегства племянника он был «на Низу голова стрельцов». Как только в ходе следствия всплыло имя Отрепьева, царь Борис

вызвал Смирного в Москву. Власти использовали показания Смирного и прочей родни Отрепьева как при тайном расследовании, так и при публичных обличениях «вора». Как значилось в Разрядных книгах, Борис посылал в Литву «в гонцах на обличенье тому вору Ростриге дядю ево родного галеченина Смирного Отрепьева». Современник Отрепьева троицкий монах Авраамий Палицын определенно знал, что Гришку обличали его мать, родные брат и дядя и наконец «род его галичане вси»¹⁵.

Московские власти сконцентрировали внимание на двух моментах биографии Отрепьева: его насильственном пострижении и соборном осуждении «вора» в московский период его жизни. Но в их объяснениях по этим пунктам были серьезные неувязки. Одна версия излагалась в документах, составленных для внутреннего пользования, другая — в дипломатических наказах, адресованных польскому двору. В дипломатических письмах значилось буквально следующее: Юшко Отрепьев, «як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь и воровал, крал, играл в зерню и бражничал и бегал от отца многожда и заворовался, по-стригсе у чернцы...»¹⁶.

Нетрудно установить, с чьих слов составлен был этот убийственный отзыв о Юрии Отрепьеве. Незадолго до отправки наказа в Польшу в Москву вернулся Смирной Отрепьев, ездивший за рубеж по заданию Посольского приказа для свидания с Григорием-Юрием. Со слов Смирного, очевидно, и была составлена назидательная новелла о беспутном дворянском сынке.

Юшка отверг сначала родительский авторитет, а потом авторитет самого бога. После пострижения он «отступил от бога, впал в ересь и в чорнокнижье и призыване духов нечистых, и отреченья от бога у него выняли». Узнав об этих преступлениях, патриарх со всем вселенским собором, по правилам святых отцов и по соборному уложению, якобы приговорили сослать Гришку на Белоозеро в заточение на смерть¹⁷.

Посольский приказ фальсифицировал биографию Отрепьева. Цели фальсификации предельно ясны. Властям важно было представить Отрепьева как одиночку, за спиной которого не было никаких серьезных сил, а заодно обосновать версию о соборном суде над преступником, чтобы иметь основание потребовать от поляков выдачи «вора».

С дружеским венским двором царь Борис поддерживал куда более доверительные отношения, чем с польским. Поэтому в письме австрийскому императору Годунов позволил себе некоторую откровенность по поводу Отрепьева. Русский оригинал послания Бориса Рудольфу II (ноябрь 1604 г.) хранится в Венском архиве и до сих пор не опубликован¹⁸. Приведем здесь полностью разъяснения Бориса по поводу личности Отрепьева. До своего пострижения, утверждал Борис, Юшка «был в холопех у дворенина нашего у Михаила Романова и, будучи у него, учал воровата, и Михаиле за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернцах Григорием».

Почему царь Борис решил связать имя Отрепьева с именем Романовых? Быть может, он желал скомпрометировать своих противников? Но почему он не назвал тогда имена старших братьев знаменитых бояр Федора и Александра Никитичей Романовых, а указал на младшего брата Михаила, которого даже в России мало кто знал и который два года как умер в царской тюрьме?

В венском наказе видно то же настойчивое стремление, что и в польском. Царские дипломаты решительно опровергали самую возможность заговора и старались рассеять подозрения насчет того, будто за спиной самозванца могли стоять влиятельные боярские круги. От поляков вовсе скрыли, что Отрепьев служил Романову. Австрийцев убеждали в том, что Романов не был пособником «вора», а, напротив, изгнал Юшку за его воровские проделки.

Внутри страны появление самозванца долго замалчивалось. Толки о нем пресекались беспощадным образом. Но когда Лжедмитрий вторгся в пределы страны и молчать стало невозможно, с обличением Отрепьева выступила церковь. Жизнеописание

Отрепьева, составленное в патриаршей канцелярии, разительно отличалось от заявлений Посольского приказа.

Враг оказался гораздо опаснее, чем думали в Москве. Он терпел поражение в открытом бою, но посланная против него многочисленная армия не могла изгнать его из пределов страны. Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, мало кого могли убедить. Дипломатическая лож рушилась сама собой. Патриаршие дьяки были вынуждены более строго следовать фактам. Патриарх Иов известил паству о том, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, от смертные казни постригся в чернцы и был по многим монастырям», позже побыл во дворе у него, патриарха, «а после того сбежал в Литву с товарищами своими с чудовскими чернцы»¹⁹.

Власти не настаивали на первоначальной версии, будто Отрепьева постригли из-за его безобразного поведения и восстания против родительской власти. Юшка заворовался, живя на дворе у Романовых. Как видно, патриарх умышленно не назвал имени окольного Михаила: он хотел бросить тень разом и на старших Романовых! Но подобные побуждения имели все же второстепенное значение. Царские опалы, казалось бы, навсегда покончили с могуществом Романовых: старший из братьев принял монашество и сидел под стражей в глухом монастыре, трое его братьев погибли в ссылке. Никто не предвидел, что один из уцелевших сыновей Никитичей взойдет со временем на трон.

Посольский приказ старался скрыть от заграницы определенную связь между пострижением Отрепьева и службой его опальным Романовым, но в разъяснениях патриарха уже можно уловить намек на такую связь.

После смерти Годунова и гибели Лжедмитрия I царь Василий Шуйский произвел новое дознание по поводу самозванца. Его следователи имели одно важное преимущество перед Борисовыми — они видели самозванца наяву. Новый царь опубликовал результаты расследования с большими подробностями, чем Борис. Однако разъяснения при польском дворе отличались сдержанностью: любые неточности в пояснениях Москвы могли быть легко опровергнуты в Кракове. Между тем сам вопрос о самозванце приобрел теперь государственное значение.

В инструкциях дипломатам Посольский приказ больше не скрывал факта службы Отрепьева у Романовых. Царь Василий IV позволил сообщить полякам даже больше того, о чем поведала патриаршая канцелярия. Юшка, писали дьяки, «был в холопех у бояр у Микитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкаскова и, заворовався, постригся в чернцы...»²⁰. Выпад против Романовых и Черкасских носил политический характер. Едва приверженцы Шуйского выкрикнули на площади имя нового царя, как в боярской среде возник заговор. К нему примкнули Романовы, не оставившие надежду занять трон. Тогда на их голову посыпались удары. Филарет Романов, которого прочили в патриархи, лишился царской милости. Подозрение пало на ближайших родственников Филарета князей Черкасских.

Все это объясняет, почему Шуйский решился бросить тень не на одних Никитичей, но и на их шурина боярина Черкасского. Наказы Шуйского называют Отрепьева боярским холопом. Можно ли верить этому полемическому выпадку против лжецаря?

Юрий Отрепьев поступил на службу к Михаилу Романову как добровольный слуга. Однако царское уложение о холопах 1597 г. предписало всем господам в принудительном порядке составить кабальные грамоты на всех добровольных «холопов», прослуживших у них не менее полугода. Боярин Черкасский стоял в боярской иерархии значительно выше молодого окольного Михаила Романова. Поэтому Отрепьев имел причины для перехода во двор к Черкасскому. Там он, возможно, и дал на себя кабальную запись. Поздние летописи предпочитали умалчивать о службе Отрепьева у Романовых и их родни. В царствование Романовых было небезопасно или во всяком случае неприлично вспоминать этот факт из биографии «вора» и богоотступника. Вследствие этого история пострижения

Юрия Отрепьева получила совершенно превратное истолкование в летописных сочинениях. Автор «Иного сказания» сочинил романтическую сказку о том, как 14-летний Юшка случайно повстречал в Москве безвестного игумена с Вятки Трифона и под влиянием душеспасительной беседы с ним принял схиму²¹.

Отзвук подлинных событий находим в одном компилятивном «Сказании», автор которого пользовался какими-то ранними источниками. В «Сказании» причины пострижения Юшки изложены следующим образом. Царь Борис воздвиг гонение на великих бояр, послал в заточение и на смерть Федора Никитича Романова и Бориса Камбулатовича Черкасского. Юшка часто приходил в дом к Черкасскому и был у него в чести, «и тоя ради вины на него царь Борис негодова, той же лукав сый, вскоре избежав от царя, утаився во един монастырь и пострижеся...»²². В «Сказании» заметно усердное старание смягчить неприятные Романовым факты. Автор умалчивает о том, что Юшка служил Михаилу Никитичу и его шурина Черкасскому. Юшка будто бы лишь бывал при дворе боярина Бориса Черкасского и в то же время от него «честь приобретал».

И все же в намеках «Сказания» проглядывает истина. Юшка не затерялся среди многочисленной холопской дворни, а сделал карьеру при дворе боярина Черкасского и вошел у него в честь. При боярских дворах дети боярские такого ранга и происхождения служили обычно дворецкими, конюшими, воеводами в боярских городках. После ареста Романовых и Черкасского их слуга Юрий Отрепьев, не желая разделить участь своих господ, постригся в монахи и принял имя Григория. За пострижением последовали скитания по монастырям. Этот эпизод из жизни чернеца Григория Отрепьева стал предметом всевозможных легенд.

Поздние летописи противоречат друг другу, едва только начинают перечислять обители, в которых побывал новоиспеченный монах. Современники не знали толком, где постригся Юшка Отрепьев. Близкий к Романовым «Новый летописец» откровенно признает, что Юшка «во младости пострижеся на Москве, не вем где». Даже Посольский приказ, расследовавший дело по свежим следам, не мог добиться истины. При Шуйском установили только, что постригал Юшку «с Вятки игумен Трифон»²³. Обряд был совершен, как видно, в спешке на каком-нибудь монастырском подворье.

Трифон более 20 лет жительствовавший в основанном им монастыре в Вятке. Заслуги Трифона получили признание — его возвели в сан архимандрита. Но после 1602 г. он лишился сана. Что было причиной отставки? Пострижение ли Отрепьева, дружба с опальными боярами или старость? Трудно сказать.

Посольский приказ был лучше всего осведомлен о столичном периоде жизни чернеца Григория. Тут его жизнь протекала у всех на глазах. Имея под рукой множество свидетелей, приказ уточнил обстоятельства пребывания чернеца в Кремлевском Чудове монастыре. Отрепьев, значилось в посольской справке 1606 г., был «в Чудове монастыре в дияконех 3 год»²⁴. Это известие следует признать единственной достоверной хронологической вехой в ранней биографии Отрепьева.

Если обратиться к сказаниям современников, то можно увидеть, какие любопытные метаморфозы претерпели в них сведения о чудовском периоде жизни Отрепьева. «Пискаревский летописец» утверждал, будто Гришка «пребываша и безмолествова-ше в Чудове года два». Те же данные приводит «История о первом патриархе Иове», составленная после 1652 г. Троицкий монах Авраамий Палицын считал, что чернец Григорий два лета стоял на клиросе в Чудове монастыре, а потом служил во дворе у патриарха более года²⁵. Тенденция приведенных свидетельств очевидна. Летописцы продлили срок пребывания Отрепьева в столичном монастыре с одного года до двух лет.

Аналогичным образом современники описывали «житие» монаха Григория в провинциальных обителях. По свидетельству «Нового летописца», чернец Отрепьев жил год в Спасо-Ефимьеве монастыре и еще «двенадцать недель» в соседнем монастыре на Куксе. По словам другого летописца, Григорий прибыл «во обитель Живоначальные

Троицы на Железный Борок ко Иякову святому и в том монастыре постригается, и пребыша ту три лета». Летописец ошибся, назвав монастырь на Железном Борку Троицким. На самом деле то был монастырь Иоанна Предтечи²⁶. Ошибка выдает малую осведомленность автора летописи.

Пребывание в провинциальных монастырях явилось в действительности лишь кратким эпизодом в жизни Григория Отрепьева. Посольская справка, составленная при Василии Шуйском, сообщала без особых подробностей о том, что «был он, Гришка, в чернцах в Суздале в Спаском в Еуфимьева монастыре, и в Галиче у Иоанна Предтечи, и по иным монастырем...»²⁷.

Посольская справка 1606 г. не сообщает, сколько времени провел Отрепьев в провинциальных монастырях. Заполнить этот пробел биографии помогает хорошо осведомленный современник Гришки — автор повести, приписываемой князю И. М. Катыре-ву-Ростовскому. Он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил рясу очень недолго: «По мале же времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречистые обители архистратига Михаила». Обителью архистратига Михаила называли Чудов монастырь²⁸. Если верно то, что пишет названный автор, значит, Отрепьев не жительствовавал в провинциальных монастырях, а бегал по ним.

Приведенные факты позволяют установить главнейшие хронологические даты в жизни Отрепьева. Чудовский монах отправился в Литву в феврале 1602 г., после того как пробыл год в Чудове монастыре. Значит, он обосновался в Чудове в начале 1601 г. Поскольку Отрепьев прибыл в Москву «по мале... времени» после своего пострижения, значит, он постригся в конце 1600 г., т. е. именно тогда, когда Борис Годунов разгромил заговор бояр Романовых и Черкасских. Но в таком случае приведенные факты полностью подтверждают версию, согласно которой Отрепьев вынужден был уйти в монастырь в связи с гонениями на Романовых в ноябре 1600 г.

В то время Отрепьеву было примерно 20 лет. По понятиям XVI в., молодые люди достигали совершеннолетия и поступали на службу в 15 лет. Это значит, что до своего пострижения Григорий успел прослужить на боярских подворьях около пяти лет.

Установив все эти факты, попробуем заполнить самые первые страницы биографии Отрепьева.

Юрий Богданович Отрепьев родился в небогатой дворянской семье. Предки Отрепьева выехали на Русь из Литвы. Прадед Юшки Матвей Третьяк служил в Боровском уезде и как дворовый сын боярский был записан в Дворовом списке в 1552 г. Между 1552 и 1566 гг. в тот же Дворовый список был занесен «Третьяков сын Замятия» — дед Юшки, в то время «новик»²⁹. Прошло примерно 20 лет, и на службу поступили двое сыновей Замятии: Смирной и Богдан. Как установил И. А. Голубцов, отец Юшки Богдан Отрепьев получил поместье в Коломенском уезде в феврале 1577 г.³⁰ В Боярском списке он назван «новиком неслужилым». В то время Богдану было не более 15—16 лет. Его определили на службу одновременно со старшим братом Никитой Смирным. Сын Богдана Юрий не мог родиться ранее чем на рубеже 70—80-х годов XVI в., а это значит, что он был примерно одного возраста с царевичем Дмитрием. Юшка достиг совершеннолетия в самые последние годы царствования Федора.

Отец Юшки Богдан служил в стрелецких войсках, но выслужил только чин стрелецкого сотника. Он рано умер. Согласно посольской справке 1606 г., Богдана зарезал литвин на Москве в Немецкой слободе. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались уличные драки. Московские летописцы помнили, что Юшка «остался после отца своего млад зело» и воспитанием его занималась мать. От нее мальчик научился читать божественное писание, «часовник и псалмы Давидовы». Как видно, возможности домашнего образования были быстро исчерпаны, и Юшку послали «к Москве на учение грамоте». Семья Отрепьевых имела прочные связи в столице: там обретался дед Юшки, там служили его родной дядя Смирной и «свояк» семьи дьяк Семейка Ефимьев³¹.

Видимо, кто-то из приказных и выучил Юшку писать. В приказах ценили хороший почерк, и при них существовали школы, готовившие писцов-каллиграфов. Отрепьев усвоил изящный почерк, что позволило ему позже стать переписчиком книг на патриаршем дворе.

Только ранние посольские наказы изображали юного Отрепьева беспутным негодяем. При Шуйском такие отзывы оказались забыты, а поздние писатели не скрывали удивления по поводу способностей Отрепьева. Правда, при этом они выражали благочестивые подозрения: не вступил ли Юшка в союз с нечистой силой, будучи еще подростком? Так, автор «Нового летописца» писал: «Грамота же ему дая не от бога, но дьяволу сосуд учинися...» Авраамий Палицын отмечал: «Сей юн еще навыче чернокнижию»³².

Учение, очевидно, давалось Отрепьеву очень легко. В непродолжительное время Юшка стал «зело грамоте горазд»³³. Но бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежды на выдающуюся карьеру. На царской службе он едва ли мог надеяться выслужить воеводский чин. Честолюбивый провинциал искал более легких путей и поступил на службу к брату царя Михаилу Никитичу. В то время, когда многие считали Никитичей единственными законными претендентами на царский трон, служба при их дворе сулила массу выгод.

Выбор Юшки кажется случайным. Так ли было на самом деле? Отрепьевы издавна сидели целым гнездом на берегах Монзы, притока Костромы. Там же располагалась знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича село Домнино. Родители Отрепьева жительствоваали подле монастыря на Железном Борку. В 10 верстах от монастыря стоял романовский починок Кисели³⁴.

Все, что мы знаем о личности Отрепьева, заставляет предполагать, что за несколько лет службы у Никитичей он занял при их дворе достаточно высокое положение.

Опала на Романовых едва не погубила Юшку Отрепьева. Для ареста опальных бояр Борис послал отряд стрельцов, но вооруженная боярская свита оказала им отчаянное сопротивление. Под стенами романовского подворья произошло форменное сражение. Царь Иван в таких случаях подвергал дворню поголовному истреблению. Годунов не хотел следовать его примеру. Он ограничился тем, что подверг пыткам и казни ближних слуг опальных Романовых. Подобная участь грозила и Юрию Отрепьеву. По словам патриарха, Отрепьев постригся, спасаясь «от смертные казни». Царь Борис выражался еще более определенно. Боярского слугу ждала виселица!

Не благочестивая беседа с вятским игуменом, а страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. Двадцатилетнему дворянину, полному сил и надежд, пришлось покинуть свет и забыть свое мирское имя. Отныне он стал смиренным чернецом Григорием.

После пострижения Отрепьев побоялся остаться в столице и скрылся в провинции. Из посольской справки 1606 г. следует, что Отрепьев побывал в Суздальском Спасо-Ефимьеве монастыре и монастыре Иоанна Предтечи в Галиче. Оба монастыря лежат на одной прямой, связывавшей Москву с именем семьи Отрепьевых в Галичском уезде. Итак, чернец Отрепьев посетил названные монастыри не для жительства в них, а как места временного пристанища во время бегства из Москвы в свое имение.

Искал ли Отрепьев спасения в романовской вотчине близ Железного Борка? Или вернее будет другое предположение, что слуга опальных бояр искал спасения в родных краях?

Сохранились глухие известия, будто во время пребывания Отрепьева в Суздальском Спасо-Ефимьеве монастыре тамошний игумен, видя его «юна суца», отдал «под начал» духовному отцу. Жизнь «под началом» оказалась стеснительной, и чернец поспешил проститься со спасскими монахами. В прочих обителях Отрепьев задерживался и вовсе ненадолго.

Переход от жизни в боярских теремах к прозябанию в монашеских кельях был разительным. Очень скоро чернец Григорий решил вернуться в столицу. Как мог опальный инок попасть в ари-стократический кремлевский монастырь? Поступление в такую обитель обычно сопровождалось крупными денежными вкладами.

Дьяки Шуйского дознались, что при поступлении в Чудов монастырь Гришка Отрепьев воспользовался протекцией: «...бил челом об нем в Чудове монастыре архимандриту Пафнотию... (что ныне Крутицкой митрополит, добавили от себя дьяки. — *Р. С.*) бо-городицкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятии»³⁵.

Дед Григория Елизарий Замятия был примечательной фигурой. Полгода спустя после коронации Бориса Годунова он получил самое ответственное в своей жизни поручение. Новый царь назначил его «объезжим головой» в Москве. Замятия должен был охранять порядок в «меньшой» половине Белого города — от Неглинной реки до Алексеевской башни³⁶. «Объезжими головами» в столице служили обычно дворяне, хорошо зарекомендовавшие себя по службе и лично известные государю. Вскоре после московской службы Замятия, по-видимому по старости, удалился на покой в Чудов монастырь. Неизвестно, в каких отношениях находился Замятия с протопопом кремлевского Успенского собора Евфимием. Но именно помощь Евфимия помогла Замятию определить внука Григория в Чудов.

Как свидетельствует посольская справка 1606 г., «архимарит Пафнотий для бедности и сиротства взял его (Григория. — *Р. С.*) в Чудов монастырь»³⁷.

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре перевел его в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. «Живучи-де в Чудове монастыре у архимарита Пафнотия в келий, — рассказывал он знакомым монахам, — да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе». Пафнотий поспешил отличить инока, не достигшего 20 лет, и дал ему чин дьякона. «...По произволению тоя честныя лавры архимарита Пафнотия, — писали летописцы, — (Отрепьев. — *Р. С.*) поставлен бысть во дьяконы рукоположеньем святейшаго Иова патриарха...»³⁸

История последующего взлета Отрепьева описана одинаково в самых различных источниках. Патриарх Иов в своих грамотах писал, будто взял Отрепьева на патриарший двор «для книжного письма». На самом деле Иов заметил способного инока не только из-за его отличного почерка. Чернец вовсе не был простым переписчиком книг. Его ум и литературное дарование доставили ему более высокое положение при патриаршем дворе. У патриарха Григорий продолжал «сотворяти каноны святым»³⁹.

Прошло совсем немного времени, с тех пор как Отрепьев являлся во дворец в свите окольного Михаила Никитича, и перед ним вновь открылись двери кремлевских палат. На царскую думу и в совет князей церкви патриарх являлся с целым штатом писцов и помощников. Отрепьев оказался в их числе. Патриарх в письмах утверждал, что чернеца Отрепьева знают и он сам, святейший патриарх, и епископы, и весь собор. По-видимому, так оно и было. Сам Отрепьев, беседуя с приятелями, говорил им, что «патриарх-де, видя мое досужество, учал на царские думы вверх с собою водити и в славу-де есми вшол великую»⁴⁰.

Фраза Отрепьева насчет «славы» не была простым хвастовством. Карьера его на поприще монашеской жизни казалась феерической. Сначала он был служкой у монаха Замятни, затем келейником архимандрита и дьяконом и наконец стал придворным патриарха. Чтобы сделать такую карьеру в течение одного только года, надо было обладать незаурядными способностями. Не подвиги аскетизма помогли выдвинуться юному честолюбцу, а его необыкновенная восприимчивость к учению. Способности чернеца были необычны для монашеской среды, в которую он попал нечаянно. В несколько месяцев он усваивал то, на что у других уходила вся жизнь. Примерно в 20 лет Отрепьев

стал заниматься литературными трудами, которые доверяли обычно убеленным сединой подвижникам.

При царе Борисе Посольский приказ пустил в ход версию, будто чернец Григорий бежал от патриарха, будучи обличен в ереси. Церковные писатели охотно подхватили официальную выдумку. Согласно «Истории о первом патриархе Иове», Отрепьев «разсмотрен бысть» как еретик «от неких церковных» (имена их не уточнялись), и тогда патриарх отослал чернеца обратно в Чудов монастырь в соблюдение по сыску царя Бориса. Летописи снабдили описанный эпизод множеством подробностей. По «Пискаревскому летописцу», явление великого еретика предсказал ростовский митрополит Варлаам. Автор «Нового летописца» вложил в уста ростовского митрополита яркую обличительную речь. Но, сочинив суровое обличение, как нельзя лучше подходившее случаю, летописец не мог правильно назвать даже имени ростовского митрополита. Он назвал Варлаама Ионой⁴¹.

Последующая история осуждения Отрепьева сводилась к тому, что царь Борис поверил доносу митрополита и велел сослать чернеца под крепкое начало. Получив царское повеление, дьяк Смирной Васильев поручил дело дьяку Семейке Ефимьеву, но тот, будучи свояком Гришки, умолил Васильева отложить на некоторое время высылку Отрепьева. Прошло время, и Смирной будто бы забыл о царском указе. После объявления в Литве самозванца Борис призвал к ответу Смирного, но тот, «аки мертв, пред ним стояша и ничего не мог отвещати». Тогда царь велел забить Васильева до смерти на правеже⁴². История, которую поведал «Новый летописец», вполне легендарна.

Предания об осуждении Отрепьева не выдерживают критики. Борисова версия (наказ 1604 г.) сводилась к тому, что патриарх, уведав воровство чернеца, «со всем вселенским собором, по правилом святых отец и по соборному уложению, приговорили сослати с товарищи его... на Белое озеро в заточенье на смерть»⁴³. Однако уже при Шуйском власти сильно смягчили прежнюю версию. В новых посольских наказах весь эпизод изложен как бы скороговоркой в единственной строчке: злодей впал в еретичество, и его «с собору хотели сослати в заточенье на смерть». Тут нет и речи о формальном соборном суде и приговоре «по соборному уложению». Еретика хотели сослать, и не более того! Но одно дело — дипломатические разъяснения за рубежом, и другое дело — справки внутреннего назначения.

Сразу после переворота в пользу Шуйского посольские дьяки составили подборку документов, включавшую секретную переписку Лжедмитрия. Эту подборку они сопроводили следующей краткой справкой о самозванце: «...в лето 7110-го (1602 г. — *P. C.*) убежал в Литву из обители архангела Михаила, яже ся нарицает Чудов, диакон черной Григорей Отрепьев, и в Киеве и в пределах его и там во иноцех дьяконствующу, и в чернокнижество обратися, и ангельский образ сверже и обруга, и по действу вражию отступив зело от бога»⁴⁴.

Итак, в документах, составленных для внутреннего использования, посольские дьяки вовсе отбросили ложную версию осуждения еретика. Отрепьев отступил от бога и занялся чернокнижием после побега за рубеж, а следовательно, до побега у патриарха и освященного собора попросту не было оснований для осуждения Отрепьева «на смерть».

Почему же московские епископы и при Шуйском продолжали писать в Польшу, будто Отрепьев перед ними на соборе был обличен и осужден на смерть⁴⁵? Отцы церкви грешили против истины. В их показания закралась неточность. Они в самом деле осудили и прокляли Отрепьева, но не в лицо, а заочно. Произошло это, когда в Польше объявился самозванец, которого в Москве назвали именем Отрепьева.

На том же соборе выступили свидетели, «провожавшие» Отрепьева за рубеж и общавшиеся с ним в Литве. Ими были бродячие монахи Пимен из Днепровского монастыря и Венедикт из Троице-Сергиева монастыря. Из их показаний следовало, что Отрепьев ушел в Литву не один, а в компании двух своих «товарищей» — попа Варлаама и крылошанина Мисаила. Пимен «познался» с Отрепьевым и его компанией в Спасском монастыре в

Новгороде Северском и сам проводил их в Стародуб, а оттуда — за литовский рубеж до села Слободки. Монах Венедикт стал свидетелем метаморфозы Отрепьева в Литве. Он видел «вора» Гришку в Киево-Печерском монастыре, в Никольском монастыре и в дьяконах у князя Острожского. Как видно, он довольно точно назвал места скитаний Отрепьева в Литве. Но в самом важном пункте его показаний угадывается вымысел. Бродячий троцкий монах, сбежавший в Литву, явно сочинил историю того, как он пытался изловить «вора» Гришку. По его словам, печерский игумен послал старцев, слуг и его, Венедикта, «имать» Гришку, но тот ушел к Адаму Вишневецкому, по воровскому умыслу которого и стал зваться князем Дмитрием⁴⁶.

Помимо старцев перед собором выступил еще один беглец, вернувшийся из-за рубежа, — Степанко-иконник. Когда-то он жил на посаде в Ярославле, но затем ушел в Литву и завел лавочку в Киеве. Степанко сказал, что Гришка заходил в его лавку, будучи в чернеческом платье, что он был в дьяконах в Печерском монастыре. Обо всем же остальном он знал, очевидно, с чужих слов.

Власти выступили с разоблачением самозванца как Гришки Отрепьева на основании показаний двух беглых монахов. Но бродяги, неизвестными путями попавшие из-за рубежа в руки властей, были ненадежными свидетелями. Если они и знали кремлевского дьякона, то знали плохо, в течение совсем недолгого времени. Монахи не внушали доверия никому, включая правительство, которое, не церемонясь, звало бродяг «ворами».

Нужны были более авторитетные свидетели, но они объявились в Москве только через два года. В Москве произошел переворот, покончивший с властью и жизнью Лжедмитрия I. Новому царю Василию Шуйскому нужны были материалы, неопровержимо доказывавшие самозванство свергнутого «Дмитрия». В этот момент в Москве появился чернец Варлаам, подавший царю Василию «Извет» с обличением зловредного еретика Гришки. Продолжительное время историки считали сочинение Варлаама литературной мистификацией, предпринятой в угоду власти предрержащим. Но под влиянием новых находок эти сомнения в значительной мере рассеялись. Прежде всего в старинных описях архива Посольского приказа обнаружилось прямое указание на подлинное следствие по делу Варлаама: «Роспрос 113 (1605. — *Р. С.*) году старца Варлаама Ятцкого про Гришку ростригу, как он пошел с ним с Москвы и как был в Литве»⁴⁷. Очевидно, Варлаам Яцкий именно в ходе «роспроса», или следствия, и подал властям знаменитую челобитную, которая получила не вполне точное наименование «Извет».

Со временем текст челобитной был включен в состав летописи, автор которой подверг его литературной обработке и снабдил обширными цитатами из грамот Лжедмитрия. Именно эти дополнения и побуждали исследователей считать «Извет» скорее любопытной сказкой, чем показанием достоверного свидетеля. Именно так оценивал «Извет» С. Ф. Платонов. Отношение к «Извету» решительно переменялось после того, как Е. Н. Кушева и И. А. Голубцов доказали, что «Извет» — подлинная челобитная Варлаама, и обнаружили текст челобитной в списке ранней редакции⁴⁸.

Историки выражали крайнее удивление по поводу того, что Варлаам помнил точную дату выступления самозванца из Самбора в московский поход — «августа в пятый на десять день». На этом основании автора «Извета» подозревали в использовании документов и в литературной мистификации. Но точность Варлаама в этом случае легко объяснима. Старец не мог забыть день выступления самозванца из Самбора, так как именно в тот день за ним захлопнулись двери самборской тюрьмы.

В рассказе Варлаама можно обнаружить одну второстепенную деталь, которая позволяет окончательно опровергнуть предположение о том, что «Извет» — литературная мистификация. Речь идет о 5-месячном сроке заключения Варлаама в самборской тюрьме. Варлаам считал, что своим освобождением из тюрьмы после пяти месяцев заключения он был обязан доброте жены Мнишка⁴⁹. Тюремный сиделец не догадывался о подлинных причинах происшедшего. Самозванец выступил из Самбора в середине августа, а через

пять месяцев потерпел сокрушительное поражение под Добрыничами. Его армия перестала существовать. Казалось, авантюре пришел конец. При таких обстоятельствах вопрос о безопасности самозванца перестал волновать Мнишков, и они «выкинули» Варлаама из самборской тюрьмы. Таковы были подлинные причины освобождения московского монаха, оставшиеся неизвестными ему самому.

Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших историю самозванца. Выгораживая себя, Варлаам старался более точно передать внешние факты.

После перехода границы Отрепьев и его товарищи, по словам Варлаама, жили три недели в Печерском монастыре в Киеве, а затем «летовали» во владениях князя Константина Острожского в Остроге. В этом пункте показания Варлаама подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни книгу, отпечатанную в типографии князя Острожского в Остроге в 1594 г., со следующей надписью: «Лета от сотворения миру 7110-го, месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам, Григорию с братею с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во святом крещении Василей, божиею милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский»⁵⁰.

Примечательно, что дарственная надпись на книге была сделана не Острожским, не его людьми, а самими монахами. Со временем неизвестная рука дополнила «дарственную» надпись на книге Василия Великого: над словом «Григорию» появилась помета «царевичу Московскому». Поправка к надписи чрезвычайно интересна, но сама по себе не может помочь установлению тождества самозванца и Отрепьева. Скорее всего надпись по поводу «царевича» сделал один из трех бродячих монахов. Надпись на книге замечательна как подтверждение достоверности рассказа Варлаама о литовских скитаниях Отрепьева.

Рассказ Варлаама находит поразительную аналогию в «Исповеди» Лжедмитрия, записанной его покровителем Адамом Вишневецким в 1603 г.⁵¹ В «Исповеди» самозванца причудливо соединялись наивные вымыслы и реальные сведения биографического характера. «Царевич» знал очень многое из того, что касалось угличской трагедии и дворцовых дел в целом. Но едва он начинал излагать обстоятельства своего чудесного спасения, как его рассказ превращался в неискusstную сказку. По словам «царевича», его спас некий воспитатель, имя которого он не называет. Проведав о планах жестокого убийства, воспитатель подменил царевича другим мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Когда мать-царица прибежала в спальню, она смотрела на свинцово-серое лицо убитого, обливаясь слезами, и не могла распознать подмены.

В момент, когда решалась судьба интриги, «царевич» должен был собрать воедино все доказательства своего царского происхождения, какие у него только были. Однако оказалось, что доказательствами он не располагал. «Дмитрий» не мог назвать ни одного свидетеля. Он имел возможность сослаться на мнение бояр, убитых или заточенных Борисом, которые не могли опровергнуть его вымысел, но он не сделал и этого. В его рассказе фигурируют двое безымянных воспитателей, заблаговременно умерших до его побега в Польшу, да такой же безымянный монах, который «узнал» в нем царевича по царственной осанке!

Самозванный «царевич» избегал называть какие бы то ни было точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая его собственную мать, томившуюся в монастыре в России.

Знакомство с «Исповедью» самозванца обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея хорошо обдуманной и достаточно правдоподобной легенды. Как видно, на русской почве интрига не получила достаточного развития, а самозванец —

достаточной подготовки. Его рассказы кажутся неловкой импровизацией. На родине ему успели подсказать одну только мысль о царственном происхождении.

В речах «царевича» были, конечно, и достоверные моменты. Он не мог скрыть некоторых фактов, не рискуя прослыть явным обманщиком. В частности, в Литве знали, что он явился туда в монашеской одежде, служил в киевских монастырях службу и наконец сбросил рясу. Расстрижение ставило претендента в очень щекотливое положение. Не имея возможности скрыть этот факт, он должен был как-то объяснить возвращение в мир. Прежде всего он сочинил сказку, будто Годунов убедил царя Федора сложить с себя государственные заботы и вести монашескую жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре и будто Федор сделал это тайно, без ведома опекунов. Таким образом, младший «брат» лишь шел по стопам старшего «брата». О своем пострижении «царевич» рассказал в самых неопределенных выражениях. Суть его рассказа сводилась к следующему. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, войти в обитель и вести жизнь монашескую. Следуя благому совету, юноша принял монашеский образ жизни, и так им пройдена была почти вся Мос-ковия. Когда один монах опознал в нем царевича, юноша решил бежать в Польшу.

Можно констатировать совпадение биографических сведений, относящихся к Отрепьеву и самозванцу, почти по всем пунктам. Оба воспитывались в дворянской семье, оба приняли вынужденное пострижение, оба исходили Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у князя Острожского в Остроге, о переходе сначала к пану Гавриле Хойскому в Гощу, а затем к Адаму Вишневецкому в Брачин. В имении Вишневецкого в 1603 г. и был записан его рассказ.

Замечательно, что спутник Отрепьева Варлаам, описывая странствия с ним в Литве, назвал те же самые места и даты. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это знаменательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества личности Отрепьева и Лжедмитрия. В самом деле, с одной стороны, имеется полная возможность проследить за историей реального лица — Григория Отрепьева вплоть до того момента, как он пересек границу. С другой стороны, хорошо известен путь Лжедмитрия от Брачина до Московского Кремля. Превращение бродячего монаха в царевича произошло на отрезке пути от границы до Брачина. По словам Варлаама, Григорий Отрепьев прошел через Киев, Острог, Гощу и Брачин, после чего объявил себя царевичем. Лжедмитрий подтвердил, что он после пересечения границы прошел те же самые пункты, в той же последовательности и в то же время. Возможность случайного совпадения исключается, как и возможность сговора между автором «Извета» и Лжедмитрием. Варлаам не мог знать содержания секретного доклада Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

По образному выражению В. О. Ключевского, Лжедмитрий «был только испечен в польской печи, а заквашен в Москве»⁵².

Царь Борис нимало не сомневался в том, что самозванца подготовили крамольные бояре. Один из царских телохранителей, Конрад Буссов, передает, что Годунов при первых же известиях об успехах самозванца сказал в лицо своим боярам, что это их рук дело и задумано оно, чтобы свергнуть его, в чем он и не ошибся, добавил от себя Буссов⁵³.

Известный исследователь «Смуты» С. Ф. Платонов возлагал ответственность за самозванческую интригу на бояр Романовых и Черкасских. «...Подготовку самозванца, — писал он, — можно приписывать тем боярским домам, во дворах которых служивал Григорий Отрепьев»⁵⁴. Мнение С. Ф. Платонова остается не более чем гипотезой. Отсутствуют какие бы то ни было данные насчет того, что Романовы непосредственно участвовали в подготовке Лжедмитрия. Однако следует иметь в виду, что именно на службе у Романовых и Черкасских Юрий Отрепьев получил весь запас политических

взглядов и настроений. Именно от Никитичей и их родни Юшка усвоил взгляд на Бориса как на узурпатора и проникся ненавистью к «незаконной» династии Годуновых.

Множество признаков указывает на то, что самозванческая интрига родилась не на подворье Романовых, а в стенах Чудова монастыря. В то время Отрепьев уже не пользовался покровительством могущественных бояр и мог рассчитывать только на свои силы.

Авторы сказаний и повестей о «смутном времени» прямо указывали на то, что уже в Чудове чернец Григорий «нача в сердце своем помышляти, како бы ему достигнути царскова престола», и сам сатана «обеща ему царствующий град поручити». Автор «Нового летописца» имел возможность беседовать с монахами Чудова монастыря, хорошо знавшими черного дьякона Отрепьева. С их слов летописец записал следующее: «Ото многих же чудовских старцев слышав, яко (чернец Григорий. — *Р. С.*) в смехотворие глаголаше старцем, яко царь буду на Москве»⁵⁵.

Кремлевский Чудов монастырь оказался подходящим местом для всевозможных интриг. Расположенный под окнами царских теремов и правительственных учреждений, он давно попал в водоворот политических страстей. Благочестивый царь Иван IV желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все, как миряне. Близость к высшим властям наложила особый отпечаток на жизнь чудовской братии. Как и в верхах, здесь царил раскол и было много противников новой династии, положение которой оставалось весьма шатким⁵⁶.

Со слов монахов, знавших Отрепьева, летописец записал любопытный рассказ о том, что в Чудове «окаянный Гришка многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрия и проведаша накрепко»⁵⁷. Однако Отрепьев мог знать об угличских событиях не только из рассказов чудовских монахов. В Угличе жили близкие родственники Григория Отрепьева. При поступлении на службу братья Смирной и Богдан Отрепьевы поручились за своего родственника Андрея Игнатьевича Отрепьева. Против имени Андрея в дворянском списке было помечено «служит с Углича». Имеются данные о том, что угличские Отрепьевы владели двором в Угличе и что Борис Годунов купил себе место дворовое подле их усадьбы. В 1598 г. голова Тихон Отрепьев, родной дядя Гришки, привез в Соловецкий монастырь вклад Бориса Годунова на помин души царя Федора⁵⁸. Такое поручение свидетельствовало о том, что Годунов лично знал Отрепьевых и доверял им. Таким образом, можно полагать, что Отрепьевы обладали некоторым запасом семейных преданий об угличской драме.

Зная традиционную систему мышления в средние века, трудно представить, чтобы чернец, принятый в столичный монастырь «ради бедности и сиротства», дерзнул сам по себе выступить с претензией на царскую корону. Скорее всего он действовал по подсказке людей, остававшихся в тени.

В Польше Отрепьев наивно рассказал, как некий брат из монашеского сословия узнал в нем царского сына по осанке и «героическому нраву». Безыскусность рассказа служит известной порукой его достоверности. Современники записали слухи о том, что монах, подучивший Отрепьева, бежал с ним в Литву и оставался там при нем. Московские власти уже при Борисе объявили, что у вора Гришки Отрепьева «в совете» с самого начала были двое сообщников — Варлаам и Мисаил Повадьин⁵⁹. Из двух названных монахов Мисаил был, кажется, ближе к Отрепьеву. Оба жительствовавали в Чудовом монастыре, оба числились крылошанами. Они договорились отправиться за рубеж, а Варлаам, по его собственным словам, лишь присоединился к ним.

Наибольшую осведомленность по поводу Мисаила проявил автор «Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве». «Сказание» — единственный источник, назвавший полное мирское имя Мисаила — Михаил Трофимович Повадьин, сын боярский из Серпейска. Автор «Сказания» несколькими штрихами рисует портрет Мисаила. Когда Отрепьев позвал его в Северщину, тот обрадовался, так как был «прост сый в разуме, не утвержден»⁶⁰.

Сказанное рассеивает миф, будто интригу мог затеять Мисаил. Чудовский чернец был первым простаком, поверившим в Отрепьева и испытавшим на себе его влияние.

Варлаам был человеком совсем иного склада, чем Мисаил. Его искусно составленный «Извет» обличает в нем изощренный ум. Варлаам, по его собственным словам, постригся «в немощи». Отсюда можно заключить, что он был много старше 20-летнего Отрепьева. Подобно Мисаилу Повадьину и Юрию Отрепьеву, Варлаам Яцкий происходил из провинциальных детей боярских. Яцкие служили по Малому Ярославцу и Коломне. Любопытно, что в Коломенской десятне 1577 г. против имен двух Яцких (Романа Васильева и Бажена Яковлева) были сделаны однотипные записи: «Бегают в разбое»⁶¹. Подлинные обстоятельства, заставившие Варлаама покинуть службу и постричься в монахи, неизвестны.

Официальное расследование в Москве позволило установить, что поп Варлаам Яцкий и крылошанин Мисаил Повадьин были «чудовскими чернцы». В своей челобитной Варлаам намекал на то, что был вхож в самые знатные боярские дома столицы. С чудовским монахом Мисаилом он встретился в доме князя Ивана Ивановича Шуйского, подвергнувшегося царской опале двумя годами ранее⁶².

Рассказ Варлаама о том, что он впервые увидел Отрепьева на улице накануне отъезда в Литву и что последний назвался царевичем только в Брачине у Вишневецкого, выглядит как неловкая ложь. «Извет» буквально проникнут страхом автора за свою жизнь. Ожидание суровой расправы как нельзя лучше подтверждает предположение, что именно Варлаам подсказал Отрепьеву его роль.

Низшее духовенство, по-видимому, не случайно стало той средой, где окончательно сформировалась утопия о «добром» царе.

Во-первых, духовенство принадлежало к наиболее образованной части общества, способной выдвинуть новые идеи. Во-вторых, низшая монашеская братия, скитавшаяся по обителям, имела возможность первой оценить народную молву о том, что сын «хорошего» царя Ивана IV жив и от него следует ждать избавления от всех несчастий. В-третьих, кремлевские иноки поддерживали тесные связи с боярами. В «Извете» царю Василию Шуйскому Варлаам по понятным причинам назвал лишь имя опального князя Ивана Шуйского. Кем были другие покровители Варлаама и кто из них инспирировал его действия, установить невозможно. Враждебная Борису знать готова была использовать любые средства, чтобы в случае смерти царя решить династический вопрос в свою пользу. Монахи оказались подходящим орудием, чтобы обратить народную утопию в политическую интригу. Однако инициаторы авантюры были столь далеки от народной почвы, породившей утопию, что их планы потерпели полное крушение при первых же попытках практического осуществления.

Когда Отрепьев пытался «открыть» свое царское имя сотоварищам по монастырю, те отвечали откровенными издевательствами — «они же ему плеваху и на смех претворяху»⁶³. В Москве претендент на «царство» не нашел ни сторонников, ни сильных покровителей. Отъезд его из столицы носил, по-видимому, вынужденный характер. Григория гнал из Москвы не только голод, но и страх разоблачения.

В своей челобитной Варлаам Яцкий старался убедить власти, будто он предпринял первую попытку изловить «вора» Отрепьева уже в Киево-Печерском монастыре. Но его рассказ не выдерживает критики. В книгах московского Разрядного приказа можно найти сведения о том, что в Киеве Отрепьев пытался открыть печерским монахам свое царское имя, но потерпел такую же неудачу, как и в Кремлевском Чудове монастыре. Чернец будто бы прикинулся больным (разболелся «до умертвия») и на духу признался игумену Печерского монастыря, что он — царский сын, «а ходит бутто в ыскусе, не пострижен, избегаючи, укрывался от царя Бориса...». Печерский игумен указал Отрепьеву и его спутникам на дверь⁶⁴.

В Киеве Отрепьев провел три недели в начале 1602 г. Будучи изгнанными из Печерского монастыря, бродячие монахи весной 1602 г. отправились в Острог «до князя

Василия Острожского». Подобно властям православного Печерского монастыря, князь Острожский не преследовал самозванца, но велел прогнать его.

С момента бегства Отрепьева из Чудова монастыря его жизнь представляла собой цепь унижительных неудач. Самозванец далеко не сразу приноровился к избранной им роли. Оказавшись в непривычном для него кругу польской аристократии, он часто терялся, казался слишком неповоротливым, при любом его движении «обнаруживалась тотчас вся его неловкость»⁶⁵.

Будучи изгнанным из Острога, самозванец нашел прибежище в Гоще. Лжедмитрий не любил вспоминать о времени, проведенном в Остроге и Гоще. В беседе с Адамом Вишневецким он упомянул кратко и неопределенно, будто он бежал к Острожскому и Хойскому и «молча там находился». Совсем иначе излагали дело иезуиты, заинтересовавшиеся делом «царевича». По их словам, «царевич» обращался за помощью к Острожскому-отцу, но тот якобы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота замка⁶⁶.

После того как самозванческая интрига вышла наружу, Острожский пытался уверить Годунова, а заодно и собственное правительство в том, что он ничего не знает о претенденте. Сын Острожского Януш был более откровенным в своих «объяснениях» с королем. 20 февраля (2 марта) 1604 г. он писал Сигизмунду III, что несколько лет знал москвитянина, который называл себя наследственным владельцем Московской земли: сначала он жил в монастыре отца в Дермане, затем у ариан⁶⁷. Письмо Януша Острожского не оставляет сомнения в том, что уже в Остроге и Дермане Отрепьев называл себя московским царевичем.

Самозванцу надо было порвать нити с прошлым, и поэтому он решил расстаться с двумя своими сообщниками, выступавшими главными свидетелями в пользу его «царского» происхождения. Побег из Дерманского монастыря объяснялся также тем, что Отрепьев изверился в возможности получить помощь от православных магнатов и православного духовенства Украины.

Покинув Дерманский монастырь, Отрепьев, по словам Варлаама, скинул с себя иноческое платье и «учинился» мирянином. Порвав с духовным сословием, он лишился куска хлеба. Иезуиты, интересовавшиеся первыми шагами самозванца в Литве, утверждали, что расстриженный дьякон, оказавшись в Гоще, вынужден был на первых порах прислуживать на кухне у пана Гаврилы Хойского⁶⁸.

Гоща была центром арианской ереси. Последователи Фауста Социна, гощинские ариане принадлежали к числу радикальных догматиков-антитринитариев. Местный магнат пан Хойский был новообращенным арианином. До 1600 г. он исповедовал православную веру. Отрепьев недолго пробыл на панской кухне: Хойский обратил внимание на московского беглеца. Из своих скитаний по монастырям Отрепьев вынес чувство раздражения и даже ненависти к православным ортодоксам — монахам. Проповеди антитринитариев, видимо, произвели на него потрясающее впечатление. По словам современников, расстриженный православный дьякон пристал к арианам и стал отправлять их обряды, чем сразу снискал их благосклонность⁶⁹.

В Гоще Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. По словам Варлаама, расстриженного дьякона учили «по-латынски и по-польски». Одним из учителей Отрепьева был русский монах Матвей Твердохлеб, известный проповедник арианства. Происки ариан вызвали гнев у католиков. Иезуиты с негодованием писали, что ариане старались снискать расположение «царевича» и даже «хотели совершенно обратить его в свою ересь, а потом, смотря по успеху, распространить ее и во всем Московском государстве»⁷⁰. Те же иезуиты, не раз беседовавшие с Отрепьевым на богословские темы, признали, что арианам удалось отчасти заразить его ядом неверия, особенно в вопросах о происхождении святого духа и обряде причащения, в которых взгляды ариан значительно ближе к православию, чем к католицизму.

По словам Варлаама, Отрепьев жил у еретиков в Гоще до марта — апреля 1603 г., а «после Велика дни [из] Гощи пропал». Судя по всему, самозванец нашел прибежище у

запорожских казаков. По некоторым данным, Гришка будто бы бежал к запорожским казакам в роту старшины их Герасима Евангелика и был там с честью принят⁷¹. Если приведенные сведения достоверны, то на основании их можно заключить, что связи с гоцинскими арианами помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками. Когда начался московский поход, в авангарде армии Лжедмитрия I шел небольшой отряд казаков во главе с арианином Яном Бучинским. Этот последний был ближайшим другом и советником самозванца до его последних дней.

Помощь ариан помогла Отрепьеву преодолеть последствия его разрыва с православным духовенством, но в то же время нанесла огромный ущерб его репутации. Православные люди, наслышанные о «царевиче», к великому своему смущению убедились в том, что он пренебрегает обрядами православной церкви. Свидетель обвинения старец Венедикт, давший показания перед освященным собором в Москве, резко осуждал Отрепьева за то, что тот грубо нарушил пост⁷². Примкнув к арианам, Отрепьев явно не предвидел последствий своего шага. В глазах русских людей «хороший» царь не мог исповедовать никакой иной религии, кроме православия. Для московских властей переход Отрепьева в арианскую «веру» был сущей находкой. Они навеки заклемили его как еретика.

Отрепьев не порвал с арианами. Ничто не мешало ему вернуться в Гоцу и продолжать обучение в арианских школах. Однако самозванец должен был уразуметь, что он не имеет никаких шансов занять царский трон, будучи еретиком. Столкнувшись в первый раз с необходимостью уладить свои отношения с православным духовенством, «царевич» решил искать покровительства у Адама Вишневецкого, ревностного сторонника православия. «Новый летописец» подробно рассказывает, как Отрепьев прикинулся тяжелобольным в имении Вишневецкого и на исповеди открыл священнику свое царское происхождение. История о «болезни» самозванца, однако, слишком легендарна. В письме Вишневецкого нет никаких намеков на этот эпизод⁷³. Вишневецкий признал «царевича» не потому, что поверил его бессвязным и наивным басням. В затейной игре у князя Адама были свои цели. Вишневецкие враждовали с московским царем из-за земель. Приняв самозванца, князь Адам получил сильное средство нажима на русское правительство.

В конце XVI в. отец Адама князь Александр завладел обширными украинскими землями по реке Сула в Заднепровье. Сейм утвердил за ним его приобретения на праве собственности. Занятие порубежных мест, издавна тяготевших к Черниговщине, привело к столкновению между Александром Вишневецким и царем. Вишневецкие отстроили город Лубны, а затем поставили слободу на Прилуцком городище. Прибывшие из Чернигова головы прогнали их из Прилуцка, но вскоре сами подверглись нападению литовцев⁷⁴. Московские власти отдали приказ о прекращении военных действий, не желая провоцировать войну с Речью Посполитой.

После заключения русско-польского перемирия стороны вскоре приступили к уточнению линии границ. Размежевание рубежей сопровождалось многими спорами («задорами»). Работа по размежеванию началась в 1602 г. и в некоторых местах продолжалась в 1603 г. Разрядный приказ неоднократно направлял дворян с ратными людьми в Великие Луки, Торопец, Чернигов, Путивль и другие пограничные пункты. Московские дипломаты жаловались, что в ряде мест литовские судьи учинили при размежевании земель «кроворазлитие», «воинским обычаем» переходили рубеж «в нашу землю». В районе Белой, записал местный летописец, литовские люди «положили рубежи мимо договора... зашедши многие места московских городов». В свою очередь литовские межевые судьи предъявили русской стороне аналогичные обвинения⁷⁵. Самые крупные инциденты произошли на Северщине из-за городков Прилуки и Снетино. Русские власти утверждали, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господарстве в Северской земли Прилуцкое и Снетино городище осваивают»⁷⁶. Дело закончилось тем, что в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные

городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые⁷⁷.

Вооруженные стычки во владениях Вишневецкого могли привести к более широкому военному столкновению. Надежда на это и привела Отрепьева в Брачин. Самозванец рассчитывал, что Вишневецкий поможет ему втянуть в военные действия против России татар и запорожских казаков.

Борис Годунов обещал князю Адаму щедрую награду за выдачу «вора». Получив отказ, царь готов был прибегнуть к силе. Опасаясь этого, Вишневецкий увез Отрепьева подальше от границы, в Вишневец, где тот «летовал и зимовал»⁷⁸.

Первыми домогательства самозванца признали ариане. Но их признание не принесло выгоды Отрепьеву, а, напротив, поставило его в затруднительное положение. В имени Адама Вишневецкого Отрепьев добился более прочного успеха. Магнат велел прислуге оказывать московскому «царевичу» полагавшиеся ему по чину почести. По свидетельству Варлаама, он «учинил его (Гришку) на колестницах и на конех и людно»⁷⁹. Князь Адам имел репутацию авантюриста, бражника и безумца, но он был известен также и как рьяный поборник православия. Семья Вишневецких состояла в дальнем родстве с Иваном Грозным. Родня князя Адама — Дмитрий Вишневецкий был троюродным братом московского царя. Признание со стороны Адама Вишневецкого имело для Отрепьева неоценимое значение. Оно устраняло сомнения в приверженности «царевича» православию и доставляло ему очевидную политическую выгоду: Вишневецкий признал безродного проходимца «своим» по родству с угасшей царской династией. Самозванческая интрига вступила в новую фазу своего развития.

Народные толки и ожидания создали почву для появления самозванца. В свою очередь деятельность Лжедмитрия, объявившегося в Литве, оказала огромное воздействие на формирование народных утопических воззрений.

Глава 9 КАЗАЧЕСТВО

Образование многочисленного казачества стало одним из значительных явлений в истории русского общества XVI в. Отряды служилых казаков были сформированы прежде всего в южных городах, где они несли гарнизонную и сторожевую службу. Станицы вольных казаков располагались на дальних окраинах: на Дону, в Нижнем Поволжье, на Яике и Тереке.

Служилый француз Яков Маржарет утверждал, что при Борисе Годунове вольные казаки по своей численности почти вдвое превосходили служилых. «Из казаков, которые владеют землями и не покидают гарнизоны, — писал Маржарет, — наберется от 5 тыс. до 6 тыс. владеющих оружием, тогда как на Волге, на Дону, на Днепре и других реках находится от 8 тыс. до 10 тыс. настоящих казаков, которых царь может использовать и на войне». Говоря о казаках с Днепра, Маржарет имел в виду не запорожцев, а севржков — население с Левобережья Днепра. Запорожцев в России называли черкасами. По словам Маржарета, царь мог набрать на службу Черкасов «от трех до четырех тысяч»¹. Таким образом, общая численность вольных казаков от Днепра до Яика (вместе с украинцами) доходила до 11 — 14 тыс.

К концу XVI в. в развитии вольного казачества обозначились новые черты. Отдельные отряды (станцы) стали объединяться в более крупные отряды, которыми управляли круг и выборные атаманы. Процесс консолидации казачьего войска протекал наиболее активно на Дону, но и тут он не завершился к началу «Смуты». В конце XVI в. в крупнейших экспедициях донских и волжских казаков участвовали отряды, численность которых не превышала 500—600 человек². В ином положении находились служилые казаки. В 1604 г. Разрядный приказ вызвал из городов и сконцентрировал на границе 2456

служилых казаков³. Без учета факта известной разобщенности вольных казаков невозможно верно оценить их роль в гражданской войне.

На протяжении второй половины XVI в. на южных рубежах Русского государства была создана система оборонительных линий. В результате многие территории, освоенные вольными казаками, были непосредственно включены в состав Русского государства. Крепости Царицын, Саратов и Самара, снабженные артиллерией и гарнизонами, рассекли надвое земли волжских казаков и затруднили им сообщение с Доном. Благодаря строительству городов Оскол, Валуйки и Белгород правительственные войска продвинулись далеко в глубь Донецкого бассейна. Опорными пунктами Москвы на землях терских казаков стали городки Терки и Койса⁴. Территория вольных окраин, находившихся за пределами царских крепостных линий, резко сократилась.

Как отмечалось в литературе, в XVI в. в положении вольных и служилых казаков было еще немало общих черт⁵. В военных кампаниях вольные казаки участвовали наравне со служилыми. Та и другая группы казачества были связаны своим происхождением с одними и теми же низшими социальными слоями общества.

И все же вольные казаки занимали особое положение в русском обществе. Применительно к XVI—XVII вв. это понятие заключало в себе несколько моментов. Во-первых, в документах XVII в. можно встретить противопоставление «вольных» людей «письменным». Во-вторых, вольные казаки служили добровольно, тогда как для служилых государева служба была обязательной. В-третьих, вольные казаки подчинялись только своим выборным атаманам, а служилые находились в подчинении воевод.

Начиная с 80-х годов XVI в. царское правительство упорно добивалось того, чтобы атаманы войска Донского представили в Москву именные списки донских казаков, выполняющих различные поручения на царской службе. В 1584—1585 гг. в Османскую империю выехал посол Б. Благой. В связи с его возвращением из Константинополя власти распорядились переписать всех донских атаманов, которые будут охранять посольский караван: «Имяна, хто имянем атаман, и сколько с которым атаманом казаков останетца, то б есте (донцы. — *Р. С.*) имянно переписали и дали посланнику нашему Борису Благова, а мы (царь. — *Р. С.*) посланнику велели тех имяна прислати к нам». Аналогичное предписание было послано на Дон во время посольства Г. А. Нащокина к султану в 1592—1593 гг.: «А которые останутца низовые атаманы от Азова до Раздоров, и вы б (атаманы донские. — *Р. С.*) их имяна, хто имянем атаман, и сколько с которым атаманом казаков останетца, то б есте, имянно переписав, дали письмо посланнику нашему Григорию Нащокину, а мы Григорию велели тех имяна прислати к нам к Москве»⁶.

Войско Донское неизменно отвергало все попытки Москвы составить служилые казацкие списки. В 1592 г. царское правительство потребовало, чтобы донцы допустили в их «столицу» Нижние Раздоры Петра Хрущева с отрядом детей боярских и царю «послужили, по Дону и Донцу над (неприятельскими. — *Р. С.*) воинскими людьми промышляли». Хрущев должен был оставаться в Раздорах в течение по крайней мере года, ожидая возвращения Т. А. Нащокина из Турции. Однако казаки отказались подчиниться царскому предписанию. «И они, государь, — доносил посол, — отказали: прежде сево мы служили государю, а голов у нас не бывало, служивали своими головами, и ныне-де рады государю служить своими же головами, а не с Петром»⁷.

В казацких областях, присоединенных к России, царское правительство имело возможность более решительно проводить свою линию, хотя и тут оно должно было считаться с местными особенностями⁸.

В связи с посылкой Б. Я. Бельского на Северский Донец власти составили подробный наказ, который отразил многолетний опыт их отношений с вольным населением окраин. Б. Я. Бельский должен был построить на Донце крепость Царев-Борисов. После этого ему предписали созвать всех вольных атаманов и казаков с Северского Донца, Оскола и других донецких рек и объявить, что царь Борис пожаловал их теми реками и речками, «велел отдать им, донецким и оскольским атаманам и казакам,

безданно и безоброшно», чтобы они жили по своим юртам и всякими угодами владели, а государю бы служили⁹.

Прежде вольные казаки владели землей без чьей бы то ни было санкции. Теперь положение изменилось. Царскому воеводе поручалось провести перепись в казачьих станицах, чтобы зафиксировать, «в которых местех на Донце и на Осколе юрты, и кто в котором юрте атаман, и с которого юрту атаманы и казаки какими угоды владеют»¹⁰. Как следует из воеводского наказа, царь Борис не только обещал закрепить за казаками их заимки, но и гарантировал, что власти не будут облагать их ни данями, ни оброками. «Пожалование» земли казакам было сопряжено лишь с одним условием. Казаков обязывали нести государеву службу. Таким путем власти, оставляя в неприкосновенности сложившиеся на окраинах поземельные отношения, пытались приспособить их к нуждам феодального государства. Воевода Б. Я. Бельский не предлагал донецким казакам перейти под начало дворянских голов. Тем самым у вольных казаков сохранялся принцип выборности атаманов.

Служебные обязанности казаков, определенные царским наказом, не были обременительными. Донецким казакам поручалось следить за передвижениями татар в степях и противодействовать воровским казакам.

Даже в окрестностях вновь построенных крепостей правительство не могло сразу перевести вольных казаков на положение «служилых людей по прибору». Документы, вышедшие из казачьей среды, показывают, что хотя уже в начале XVII в. донское казачество осознавало себя служилым сословием, но свою службу донцы рассматривали как добровольную, противопоставляя себя казакам, служившим царю «за присягой». При царе Михаиле Федоровиче в 1632 г. донцы вспоминали, как они вместе с волжскими, яицкими и терскими казаками «выхаживали при бывших царех на украинные города: на Белгород, на Царев город, на Оскол, на Волуйки... и тех бывшие же ко кресту приводить нигде не указали...». Казаки приводили множество хитроумных доводов, призванных доказать невозможность для них присяги и записи в служилые списки. «...Мы, холопы ваши, — писали донцы царю, — своим скверным беззаконным житьем недостойны к такой страсти христовой приступити — креста целовати, а твою царскую службу вам, государям, ради служить... а росписи нам к вам, государям, прислать не угодати, потому что, живучи на Дону и на степи по запольным речкам, мы, холопы ваши, врази сами себя сметити не умеем, сколько нас, холопей ваших, вам, государям, есть...»¹¹

Существует мнение, что Борис неизменно притеснял вольных донских казаков, принимал меры к их изоляции, ужесточал эти меры и т. д.¹² В источниках можно найти множество данных на этот счет¹³. Но большинство этих источников относится ко времени Романовых, старательно чернивших политику Годунова. Царь Михаил в 1625 г. напомнил донским казакам, какая неволя им была при Борисе: «Невольно было вам не токмо к Москве проехать, и в украинные города к родимцом своим притти, и купить и продать везде заказано. А сверх того, во всех городех вас имали и в тюрьмы сажали...» «Новый летописец» лишь повторил эту официальную версию: донцам было «гонение велие» от Бориса, «не пушал их ни в город, куда они не приидут, и их везде имаше и по темницам сажуху». Записи Разрядного приказа начала XVII в. обнаруживают тенденциозность подобных известий. Весной 1604 г. воеводы Шацка и Рязска получили наказ «в городе и в слободах сыскивати донских вольных атаманов и казаков и вновь казаков прибирать и давать государеву жалованье»¹⁴. Итак, приезжавших в украинные города вольных казаков отнюдь не бросали в темницы, а прибирали на службу и выдавали царское жалованье.

Вопрос о торговле с Доном власти решали особо. В феврале 1604 г. царь Борис приказал воеводам Царева-Борисова и других южных крепостей выяснить, кто из гарнизонных детей боярских «на Дон донским атаманом и казаком посылали вино, и зелье, и серу, и селитру, и свинец, и пищали, и пансыри, и шеломы, и всякие запасы — заповедные товары» от времени, «как стал Царев-Борисов», т. е. с 1600 г., и «по нынешнего году»¹⁵. Нарушителей «заповеди» беспощадно наказывали кнутом.

Приведенные данные нельзя истолковать как свидетельство полного запрета ввоза на Дон оружия, боеприпасов и продовольствия. Дело было совсем в другом. Правительство ввело заповедь, чтобы всецело подчинить донскую торговлю своему контролю. В связи с этим торговые поездки вольных казаков в Россию также подверглись ограничению. Власти каждый раз определяли, где и когда донцы могут вести торг. Вольным казакам, отметил Яков Маржарет, «позволяется иногда являться в пограничные города, продавать там свою добычу и покупать что нужно»¹⁶.

Экономические связи между вольными окраинами и русскими городами были постоянными и прочными. Казаки не могли просуществовать без подвоза хлеба, оружия и пороха из России. Москва не намеревалась рвать эти связи и изолировать Дон.

Она лишь стремилась использовать торговлю как средство подчинения донской вольницы. Власти внимательно следили, чтобы продовольствие и оружие не доставались воровским казакам, а попадало к атаманам и «лучшим» казакам, ориентированным на Москву. Чтобы добиться своей цели и взять под контроль торговлю с окраинами, правительству пришлось позаботиться о ежегодных казенных поставках на Дон. Введение государевой десятинной пашни в южных уездах облегчило решение этой задачи. Согласно приказной справке 1620 г., «при царе Борисе с Воронежа из государева десятинного хлеба посылали всякие запасы и вино на Дон к атаманом и казаком ежелеть». Иногда казаков с Дона, Волги, Яика и Терека вызывали в пограничные города и выдавали им за службу припасы и жалованье¹⁷.

Власти старались найти опору в среде «лучших» казаков, чтобы облегчить себе дело подчинения вольных казачьих окраин. Им благоприятствовало то обстоятельство, что в казачьих станицах находили прибежище выходцы из разных сословий и «чинов», включая «оскудевших» дворян, покинувших государеву службу. Уже Рязская десятина 1579 г. упоминает имена беспоместных детей боярских, «которые на поле казакуют». В десятне по Рязску 1591 г. отмечены случаи выхода «новииков» (лиц, впервые поступавших на государеву службу) и детей боярских «в вольные казаки»¹⁸.

Выходцами из феодального сословия были известные донские атаманы князь И. В. Друцкий, С. С. Чертенский, С. Воейков, Л. Т. Безобразов. Самой примечательной фигурой среди названных лиц был, без сомнения, Смага Степанович Чертенский, происходивший из захудалого княжеского рода. В дворовых списках Ивана IV Чертенские были записаны в низший разряд «литвы дворовой». К концу XVI в. лишь немногие из них служили в «выборных» дворянах, сохраняя небольшие поместья и княжеский титул¹⁹.

Атаманы из дворян были тесно связаны с казацкой верхушкой, «лучшими», или «старыми», казаками и придерживались московской ориентации. Царь жаловал их всякого рода жалованьем, а иногда и землей. 30 сентября 1585 г. царь Федор велел передать атаману Ивану Кишкину и его товарищам, верно служившим Москве, жалованное государево слово: мы (царь) их за службу «пожалуем великим своим жалованьем да и поместья им велим подавати»²⁰. Нет сомнения, что обещания подобного рода выполнялись²¹. Став государевым помещиком, атаман не мог более оставаться на Дону. Он выбывал из сословия вольных казаков. Донские казаки резко разграничивали службу с поместий и вольную казацкую службу. Как писали донцы царю Михаилу Федоровичу в 1632 г., «служим, государи, не с поместей и с вотчин вашу государеву службу, [а] с травы да с воды и, кроме вашева государьскова жалованья, нам, холопом вашим, ожидати и надеетца не на что...»²².

При благоприятных условиях беглый дворянин, послужив вольным атаманом на Дону, мог вернуться на государеву службу в прежний чин. В Рязских десятинях начала XVII в. в списке поместных атаманов упомянут Л. Т. Безобразов. Приказные сделали следующую помету против его имени: «Из донских атаманов... ведено его написати за рязскую службу из рязких атаманов в дети боярские»²³.

Московские власти использовали всевозможные средства, чтобы привлечь вольных казаков на постоянную государеву службу. Со времен Грозного поступивших на службу

конных казаков стали обеспечивать земельными «дачами». В 1571 г. Разрядный приказ поручил воеводам набрать в Путивле и Рязске «тысячу человек казаков конных», а служить им «з земли без денег». В том же году командование реорганизовало сторожевую службу на южных границах. Многие «сторожа» из детей боярских (рязанцев и др.) были переведены на городовую службу, а на их место прибраны казаки. Они должны были нести конную службу с поместий: «...служити велено казаком сторожевая служба с земель, а земель им велено дати по 20 четь человеку, а на сторожах им велено быти о дву конь или к коню мерен добр». Служба в «сторожах» была трудной и опасной, требовала больших расходов на лошадей и вооружение. В 1577 г. казаки обратились к властям с просьбой уравнивать их в поместных окладах с рязанскими детьми боярскими, несшими сторожевую службу до них. Разрядный приказ счел их просьбу основательной и вскоре провел в южных городах смотр и перепись. «Худые» и «бесконные» казаки были отставлены от конной сторожевой службы и утратили поместья, а «добрые», или «лучшие» (старые и вновь набранные «из рядовых казаков добрых и конных»), получили более высокие поместные оклады — по 50 четвертей земли — вместе с денежным жалованьем — 3 руб. «в третьей год» (жалованье выдавалось раз в три года)²⁴.

Распространение на казаков принципа обеспечения землей привело к образованию особого чина — поместных атаманов. Нововыезжие вольные атаманы, зачислившиеся в этот чин, получали право на повышенные поместные оклады, равные низшим дворянским окладам. В 1594—1597 гг. вольные донские атаманы были испомещены большим гнездом на южных окраинах Рязанщины и имели следующие оклады, включавшие роспашу, перелог и «дикое поле»: М. А. Елькин — 255 четвертей, С. Е. Лях — 250, В. В. Храпьев — 132, П. Д. Гарманов — 100, Б. В. Недобров — 57, Ф. Я. Крупский — 41 четверть. Черкасские атаманы, выехавшие на Русь из Запорожской Сечи, имели высокие оклады: у Л. Михайлова было 350 четвертей, у С. Р. Балакшеева — 250 четвертей. Некоторые из названных атаманов успели обзавестись крестьянами и бобылями. Так, у Л. Михайлова было 8 крестьян и 8 бобылей, у Е. М. Вострой Сабли — 6 крестьян, у В. В. Храпьева 3 крестьянина и 2 бобыля, у П. Д. Гарманова — 4 крестьянина, у В. С. Солового — 3 крестьянина, 1 бобыль и 2 холопа²⁵.

Жалуя поместья и крестьян, правительство могло повлиять на поведение отдельных атаманов, но с помощью подобных мер было невозможно подчинить вольные казацкие земли. Тот, кто поступал на государеву службу и становился помещиком, должен был навсегда покинуть казачьи станицы. Несмотря на появление категории «лучших» казаков, среди которых были отдельные выходцы из дворян, правительству не удалось превратить казацкую верхушку в свою надежную опору. Это было связано с рядом обстоятельств, и в частности с тем, что процесс социальной дифференциации лишь в небольшой мере затронул население казачьих окраин. Подавляющую массу населения вольных станиц, без сомнения, составляли выходцы из низших слоев русского общества. В конце XVI в. крестьянские и бобыльские дети, вольные гулящие люди могли поступить на государеву службу, определившись в казаки во вновь построенные южные крепости. Беглые холопы были лишены такой возможности — их запрещалось брать в казаки. Если им все же удавалось поступить на службу, их в любой момент могли опознать и без промедления выдать прежним господам. Беглые холопы чувствовали себя в полной безопасности лишь на вольных казачьих окраинах. На протяжении XVI в. царские дипломаты многократно заявляли, что казаки — это беглые боярские холопы. Едва ли можно полностью доверять их утверждениям. В казачьих станицах находили прибежище немало обнищавших крестьян и посадских людей. Тем не менее заявления дипломатов насчет холопского происхождения казацкой вольницы заключали в себе некоторую долю истины.

Много лет проживший в России Исаак Масса писал, что «в казаки шли по большей части убежавшие от своих господ холопы». Автор русского «Хронографа» начала XVII в. называл казаков беглыми холопами и ярыжными ворами. Важные сведения заключает

в себе «Повесть об Азовском осадном сидении» XVII в., составленная в казачьей среде. Герои повести — вольные донские казаки недобрим словом вспоминали о своем холопском прошлом: «Отбегаем мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства невольного, от бояр и дворян государевых». Дополнительные факты можно найти в «распросных речах» «царевича Петра» 1607 г. По словам «Петра», из пяти старых казаков, затеявших самозванческую интригу на Тереке в 1606 г., двое были боярскими холопами и служили один у князя В. Черкасского, а другой — у князя В. Трубецкого. Молодой казак Илейка Муромец, принявший имя «царевича Петра», до поступления в казачью станицу был кабальным холопом сына боярского Г. Елагина²⁶. Можно сослаться также на биографии казаков, извлеченные из подлинных кабальных книг конца XVI — начала XVII в. Некто Спиридон Фомин показал в 1599 г., что прежде служил в добровольных холопах у государева конюха А. Быкасова на Москве, «а как на Ондreja (Быкасова. — *Р. С.*) пришла государева опала, и их (холопов. — *Р. С.*) ропустили на волю, и он был в казаках на поле, а с поля пришел, бил челом в службу Семену Львову волею». Как видно, Фомин был боевым холопом. Побыв в казаках, он вернулся в Свиту феодала. Казак С. Дмитриев при поступлении в вооруженную свиту помещика И. Чортова сказал, что родом он крестьянский сын, «побыл в поле в казаках у атамана у Ворона у Носа (донской атаман, воевавший в полках год Выборгом. — *Р. С.*) лет с восемь, а с поля пришел в Новгород проведывати родимцов», тут и попал в кабалу²⁷.

Беглые боярские послужильцы — боевые холопы сыграли заметную роль в формировании вольного казачества по той причине, что они в отличие от других представителей низших слоев имели военный опыт и располагали оружием. Приток беглых в казачьи станицы резко усилился в годы великого голода 1601 — 1603 гг., когда многие феодальные господа отказывали в пропитании своим дворовым людям и особенно боевым холопам, которых десятилетняя мирная передышка сделала ненужными в их глазах. Появление беглых усиливало настроения недовольства на казачьих окраинах.

Строительство крепостей на Северском Донце, Дону, Нижней Волге, Яике и Тереке заключало в себе прямую угрозу вольностям казачества. Крепостнический строй не мог окончательно укорениться в центре России, пока существовали вольные окраины. Это обстоятельство оказало определенное влияние на политику Бориса Годунова. На протяжении двух десятилетий правительство настойчиво пыталось добиться полного подчинения вольного казачества. Вскоре ему пришлось пожать плоды своей политики. Донские казаки приняли самое активное участие в гражданской войне начала XVII в.

Глава 10 ГОСУДАРЕВА ДЕСЯТИННАЯ ПАШНЯ

Поддержание военно-оборонительной системы на южных границах требовало от казны крупных расходов. Стремясь сократить эти расходы, правительство ввело в южных городах государеву десятинную пашню. С. Ф. Платонов оценил меру как неосмотрительную. Размеры десятинной пашни в начале XVII в. были очень велики. Обязанность обрабатывать столь значительную площадь земли ложилась на местное служилое население тяжелым бременем. Недовольство десятинной пашней, как полагал С. Ф. Платонов, явилось одной из причин «Смуты» в южных городах и уездах¹.

Десятинная пашня получила широкое распространение уже в XVI в. Крестьяне дворцовых земель помимо обработки своего надела были обязаны отбивать барщину на государевых десятинах, урожай с которых шел в пользу Дворца.

Власти степных крепостей организовали государеву десятинную пашню, опираясь на опыт Дворцового приказа. Однако условия в южных уездах были особыми, что неизбежно вело к видоизменению традиционных форм. На вновь присоединенных землях было немного распаханной пашни, крестьянское же население было крайне

малочисленным. В таких условиях власти были вынуждены возложить обработку государственной десятинной пашни на служилых людей.

Дети боярские и прочие служилые люди, получившие крохотные «дачи» в «диком поле», не имели возможности в короткий срок распахать отведенные им в степи участки, а значит, не могли обеспечить себя необходимыми жизненными средствами. Это неизбежно вело к резкому увеличению казенных затрат на содержание южных гарнизонов, ибо мелких помещиков переводили в разряд «оброчников», пользовавшихся правом на получение хлеба из государевых житниц. Властям приходилось отправлять из Нечерноземного центра все более крупные партии хлеба в южные города, стоявшие на черноземе. Стремясь возможно скорее снабдить степные города собственным хлебом, правительство приказало местным военным властям завести в них казенную пашню, а для обработки ее ввело государственную натуральную повинность. Во вновь построенных городах посадское население по большей части отсутствовало, а потому барщину на государственной пашне должны были нести служилые люди².

В городе Воронеже, основанном в 1585 г., распаханых земель к началу XVII в. было больше, чем в новопоставленных городах. Получив приказ о заведении государственной пашни, местные воеводы отрезали 300 десятин из земельных «дач» местных казаков и стрельцов. Пашню стали пахать «всем городом». Характерно, что в годы «Смуты» служилые люди поспешили вернуть себе отрезки и стали пахать «те десятины... на себя»³.

В Белгороде, основанном в 1596 г., писцы отвели под государственную пашню 900 десятин. «Разодрать» ковыльную степь было нелегко, поэтому в обработке находилось только 600 государевых десятин. Прочую отведенную землю воеводы раздали присланным в город служилым людям. Поскольку постоянный гарнизон Белгорода был невелик, основные сельскохозяйственные работы выполняли пешие стрельцы, направленные в крепость на лето из других украинских городов. Они должны были пахать землю, собирать урожай и пр. Ранние весенние работы вменялись в обязанность стрельцам и казакам из местного гарнизона. До прибытия пеших стрельцов они вспахивали зябь, а после их отъезда с наступлением зимы молотили собранный с государственной пашни хлеб. Пешие стрельцы не имели лошадей, земледельческих орудий и пр. Поэтому воеводы посылали на полевые работы лошадей с государевых конюшен. В Белгороде постоянно держали 130 лошадей. На воеводском дворе были заведены склады с инвентарем. На барщине стрельцы использовали «сошники и серпы государевы». В страдную пору приказные выдавали «на 10 человек на месяц по осмине круп да по осмине толокна». Стрелецкие сотни делились на десятки во главе с десятниками⁴. Способ распределения провианта по десяткам указывает на то, что на полевых работах стрельцы сохраняли свою военную организацию.

В ряде южных городов, например в Осколе, порядок обработки государственной десятинной пашни был таким же, как и в Белгороде⁵.

Наиболее интересны сведения об организации государственного зернового хозяйства в Ельце. Согласно приказной справке 1620 г., возобновив после «Смуты» десятинную пашню в Ельце, «что пахали при царе Борисе», власти распорядились обрабатывать ее «по-прежнему детьми боярскими ельчаны, и елецкими стрельцы, и казаки, и пушкари, и затинщики, и всякими служилыми и жилецкими людьми». Постоянный гарнизон в Ельце был достаточно велик, поэтому барщину на пашне тут несли преимущественно местные служилые люди. В 1593 г. хлебное жалованье в Ельце получали 150 детей боярских, 200 стрельцов, 600 казаков, 45 пушкарей и казенных ремесленников. Их труд в основном и использовали на десятинной пашне. На 1000 человек приходилось 600 государевых десятин. В 1592—1593 гг. елецкие воеводы получили разрешение набирать в казаки крестьян и крестьянских детей. Многие прибыли туда с лошадьми и хозяйством. Дети боярские держали скот в своих поместьях. В связи с этим на полевых работах в Ельце не использовали лошадей с государевых конюшен. «Всякие люди» пахали тут десятинную пашню «на своих лошадях»⁶.

Совершенно так же, как и в Ельце, было организовано государственное барщинное зерновое хозяйство в Курске⁷.

Государева десятинная пашня относится к числу важных экономических нововведений времени Бориса Годунова. Города Воронеж, Елец, Курск, Оскол, Белгород располагались в черноземной полосе. Земля здесь была плодороднее земли в Нечерноземном центре. Первые урожаи на целине были исключительно высокими. Отпала необходимость снабжать хлебом гарнизоны вновь построенных крепостей. Более того, хлебные запасы из этих крепостей стали использовать на казенные нужды в самых разных местах. Согласно приказной справке 1620 г., при царе Борисе собранный с десятинной пашни хлеб давали «на Ельце атаманом и казаком, и московских и украинских городов стрельцом и казаком, которые были на службах, и елецким оброчником всяким людем»⁸.

Оброчниками называли людей, имевших право получать хлебное жалованье из царских житниц. После того как служилые люди в Ельце распахали отведенные им земельные «дачи», система распределения хлеба изменилась. «...А как на Ельце всякие оброчники устроены землями и почали хлеб пахати сами, и десятинной хлеб давай служилым людем, которые стояли на Ельце на службе, и иной десятинной хлеб проваживали в Царев-Борисов город»⁹. Царев-Борисов был основан в 1600 г., и там распашка целины только началась.

В Воронеже местные «оброчники» и «всякие люди» тоже получали хлеб с десятинной пашни, пока не были «устроены землею». Высвободившиеся запасы десятинного хлеба при царе Борисе ежегодно посылали «на Дон к атаманом и казаком». Из государевых житниц Белгорода запасы везли не только на ближние, но и на отдаленные казачьи окраины. «А при царе Борисе, — значит в приказной справке 1620 г., — десятинной хлеб давай в Белгороде на жалованье атаманом волским и яицким и донским...»¹⁰

Истощение почвы и низкая производительность принудительного барщинного труда привели вскоре к резкому падению урожайности зерновых на государственной пашне в степных уездах. По расчетам И. Н. Миклашевского, средний урожай ржи на десятинной пашне в Ельце составлял сам-2,2. В 1605—1615 гг. елецкая государева пашня была заброшена «за войною и за смутою»¹¹.

Состав землевладельцев на вновь освоенных южных территориях отличался исключительной пестротой, что и определяло своеобразие политики Годунова в отношении южных помещиков из числа детей боярских, атаманов и казаков. Указ о привлечении мелкопоместных детей боярских к участию в работах на государственной десятинной пашне в некоторых южных уездах был проявлением того же пренебрежения к интересам низшего слоя феодальных землевладельцев, которое столь ярко отразилось в крестьянской политике Бориса Годунова.

Государственная натуральная повинность вызывала наибольшее негодование не среди казаков, а среди мелких помещиков южных уездов, что и явилось одним из факторов, определивших их поведение в период «Смуты». Заведение десятинной пашни в южных уездах вовсе не было неосмотрительной или опрометчивой мерой. В годы «великого разорения» центральные уезды понесли наибольший ущерб и буквально обезлюдели. Тем не менее их население должно было обеспечивать постоянные поставки хлеба во вновь построенные южные города, располагавшиеся в черноземной полосе.

Власти широко использовали труд «посошных людей» — крестьян, отбывших государственную повинность, — на строительстве Воронежа, Ельца, Белгорода и других крепостей. Но эти крепости располагались на большом удалении от прочих уездов. Поэтому воеводы привлекали на строительные работы стрельцов и казаков из местных гарнизонов. Поставив задачу обеспечить южные города местным хлебом, власти обратились к тому же контингенту рабочей силы. Феодальное государство могло достичь поставленную цель лишь доступными ему средствами: оно ввело отработочную

государственную повинность для всего без исключения населения, переброшенного в южные уезды и несшего гарнизонную службу. Таким путем власти добились того, что в степной полосе появились первые крупные по тем временам распашки степной целины — «дикого поля».

Государева десятинная пашня могла нормально функционировать в мирное время. Но едва началась война, она оказалась заброшенной по всем южным городам.

Глава 11 ПОДГОТОВКА МОСКОВСКОГО ПОХОДА

В конце XVI в. Речь Посполитая переживала острый внутренний кризис. Магнаты и шляхта, жестоко угнетавшие украинских и белорусских крестьян, столкнулись с открытым сопротивлением масс. В 1591 г. гетман Косинский возглавил восстание казаков, продолжавшееся два года. Летом 1593 г. Косинский погиб при осаде Черкасс. По некоторым сведениям, он был предательски убит людьми черкасского старосты Александра Вишневецкого. Летом 1594 г. Наливайко и Лобода возглавили новое восстание. На этот раз движение приобрело более грозный размах. По всей Украине прокатилась волна крестьянских восстаний, запылали феодальные усадьбы, с Украины движение перебросилось на Белоруссию. Речи Посполитой пришлось собрать все свои военные силы, чтобы нанести решительное поражение казакам.

К 1602—1603 гг. брожение вновь охватило украинские земли. Можно было ждать взрыва в любой момент. Наибольшее беспокойство властей вызывала Запорожская Сечь — центр казацкой вольницы. Запорожцы закупали оружие, вербовали охотников, запасались продовольствием. Самозванец рассчитывал использовать недовольство казаков.

Польское правительство опасалось, как бы выступление запорожцев не стало сигналом к новым массовым восстаниям на Украине. 2(12) декабря 1603 г. Сигизмунд III издал грозный универсал, воспрещавший под страхом смертной казни продавать казакам оружие и боеприпасы. Власти пытались затруднить приток добровольцев в Сечь¹. Однако запорожцы не обратили на королевский универсал никакого внимания.

Появление претендента на русский трон в пределах Речи Посполитой стало вскоре предметом сложной политической борьбы. Наиболее дальновидные политики Польши во главе с коронным гетманом Яном Замойским оценили действия Адама Вишневецкого как авантюру. Замойский пользовался огромным авторитетом в государстве, и князь Адам был вынужден представить ему свои объяснения. В письме от 27 сентября (7 октября) 1603 г. Вишневецкий принес свои извинения за то, что с запозданием дал знать гетману о появлении московского «царевича». «Поскольку в мой дом, — писал князь Адам, — попал человек, который доверился мне, что он сын Ивана, этого тирана... и хочет попросить помощи [у короля]... прошу Вашего совета, что с этим делать». Оправдывая свои действия, Вишневецкий выдвинул на первый план два момента: получение из России новостей, благоприятных для претендента, и показания перебежчиков. «Причина того, — писал князь Адам, — что я не сразу оповестил Вас о нем, та, что я сам в этом весьма сомневался, а теперь, когда к нему прибежали совсем недавно более 20 москалей, признавшие, что царство по естественному праву принадлежит ему, то, воспринимая это как доказательство, посылаю Вашей милости новости из Московии...»²

Замойский немедленно посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить и самого претендента либо к королю, либо к нему, гетману³.

22 октября 1603 г. Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его о появлении в имени Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Дмитрием и намеревается вернуть себе наследственный трон при помощи казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти претендента в Краков и представить подробное донесение о его личности⁴. Князь Адам переслал Сигизмунду III

подробную запись рассказа Лжедмитрия. Однако переписка с Замойским убедила его в том, что правительство Речи Посполитой не склонно поддерживать самозванческую интригу, и поэтому он не спешил передать самозванца в руки официальных властей. Имеются сведения, что А. Вишневецкий уже в январе 1604 г. стал собирать армию для самозванца в пределах своей вотчины в Лубнах, на Суле⁵. Собранных сил было слишком мало, чтобы помышлять о серьезном вторжении в Россию. Но Лжедмитрий и его покровитель рассчитывали найти союзников на Украине и за ее пределами. Особые надежды они возлагали на крымского хана.

Отношения между Россией и Крымом были неустойчивыми. В любой момент можно было ждать войны. Угроза татарского вторжения резко усилилась в 1604 г. В Москве уже весной получили известие о том, что крымский хан разорвал мир с царем и готовится идти на Русь⁶.

Приступив к сбору армии в Лубнах, Вишневецкий рассчитывал вторгнуться в пределы России в тот момент, когда ее воинские силы будут связаны борьбой с татарами или понесут серьезное поражение в этой борьбе. По-видимому, самозванец и его покровитель пытались завязать сношения с ханом. В 1604 г. крымский гонец сообщил царю, что Вишневецкий уведомил хана о прибытии к нему «царевича» и заявил, что он в отличие от короля не связан присягой о мире с Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором⁷. Лубны находились на кратчайшем расстоянии от сожженных царскими воеводами Прилук. Вишневецкий вел свою особую войну с Борисом. Однако его расчеты на столкновение между Россией и Крымом не оправдались.

В значительной мере успех авантюры зависел от того, найдет ли идея «добротного царя» поддержку среди казацкой вольницы и православного населения Украины. Семья Вишневецких сохранила связи с казацкой старшиной и церковными православными иерархами. Эти связи были пущены в ход. Самозванец не жалел обещаний, чтобы привлечь на свою сторону запорожцев⁸.

Однако вольные казаки не проявляли особого энтузиазма. Они предпочитали иметь дело с подлинным царем на Москве, откуда по временам приходило государево жалованье. Отрепьев жаловал их лишь на словах. 2 февраля 1604 г. гоудоновские агенты доносили с Украины, что «Дмитрий» вел переговоры с посланцами из Запорожья и «им имелся у Путивли за их службы их жаловат, как, кажет, мене на Путивль насадите»⁹. Как видно, военные планы Вишневецкого и Отрепьева определились в конце 1603 г. Самозванец рассчитывал с помощью казаков занять Путивль. Однако его обращение к казацкой вольнице не имело успеха (см. гл. 20).

Лжедмитрий пытался втянуть в авантюру не только запорожских, но и донских казаков. Он обратился к ним в Раздоры с грамотой. Содержание грамоты подробно пересказано в ответном послании атаманов. Аутентичность казацкого письма и грамоты не вызывает сомнения, однако его текст сохранился в испорченном польском переводе. Письмо с Дона было составлено от имени «донского низового атамана Ивашки Степанова, и всех атаманов казацких, и всего войска»¹⁰. Упомянутого Ивана Степанова можно отождествить со Смагой Степановым Чертенским, главным атаманом войска в годы «Смуты»¹¹. В своих грамотах в Москву атаман именовал себя Смагой Чертенским. В царских грамотах его называли Смагой Степановым¹². Лишь в письме Лжедмитрию атаман назвал свое подлинное имя — Иван.

Самозванец ссылался на авторитет своего мнимого отца и обещал казакам «полную волю». Атаманы процитировали его обращение в своем письме: «Писал ты до нас [через] запорожских казаков: святой памяти отца своего, а нашего государя прирожденного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и всего достоинства царского относительно полных вольных лет, что тебя, государя, бог укрыл от неповинной смерти». Обещание насчет полной воли произвело большое впечатление на донских казаков. С удивительной наивностью они адресовали свой ответ «по воле и благословиению бога дарованному государю царевичу, воскресшему, как Лазарь, из мертвых...». Донцы были

готовы признать себя подданными законного царевица: «Мы, холопы твои или подданные твои, государя прирожденного, все радуемся такому долгожданному утешению и, выполняя волю бога и твою, государеву... послали до тебя, государя, двух атаманов...» В Литву выехали атаманы Корела, Михаил Межаков и пять казаков. При них находилась войсковая грамота, датированная 15 ноября 1603 г.¹³

Когда послы с вольного Дона появились в пределах Украины, князь Януш Острожский велел арестовать их. «Некоторые из них, — писал о захваченных казаках Острожский, — лица важные, именно: один — старший среди них; другой — который ездил к ним (донским казакам. — *Р. С.*) за союзом (конфедерацией); третий — который их туда (на Дон) провожал...»¹⁴

Обнаруженные у послов пакеты Острожский немедленно отослал Замойскому. 2(12) января 1604 г. князь Януш известил короля, что на Украине «ширятся волнения своевольных людей, которые собираются в Лубнах (резиденции Вишневецких за Днепром. — *Р. С.*) и желают возвести того москвитянина на московское княжество». 9(19) февраля 1604 г. Острожский сообщил королю об отобранных у донских атаманов документах, сделав по этому поводу следующее пояснение: «...их, думаю, гетман переслал теперь к Вам... и Вы поэтому познакомились с содержанием союза (конфедерации), который он (Дмитрий. — *Р. С.*) имеет с низовцами». Письмо, которое везли послы, было составлено от имени «донских низовых атаманов». Очевидно, их и имел в виду Острожский, упоминая о «низовцах». Рассчитывая на поддержку Замойского, Острожский предлагал королю принять срочные военные меры против казаков еще до того, как вскрыется лед на Днепре. Иначе, писал Острожский, произойдет «воровство», которое приведет к тому, что казаки, соединившись, или вторгнутся в Московскую землю, или получат возможность произвести великие беспорядки на Украине¹⁵. Однако письмо Острожского осталось без ответа. В правительственных кругах Речи Посполитой произошел крутой поворот. Немногочисленные, но влиятельные сторонники войны с Россией взяли верх при королевском дворе.

Неожиданно для своих подданных Сигизмунд III приказал освободить послов с Дона и доставить их в Краков к Лжедмитрию. 13 марта 1604 г. король обратился к коронному гетману Яну Замойскому за советом, а фактически предложил ему возглавить поход на Москву¹⁶. Гетман, возглавлявший оппозицию королю в Польше, решительно отверг это предложение.

В письме от 14(24) марта 1604 г. Замойский отверг план похода в Россию как «противозаконный» и отметил, что силы предполагаемой экспедиции, имевшей целью водворить «Дмитрия» в Россию, невелики, а русское правительство уже осведомлено об этом плане, так что дело может закончиться только поражением; успех был бы возможен, если бы против Бориса выступили сами бояре, но и в таком случае успех проблематичен. Будучи дальновидным политиком, Замойский подчеркивал, что авантюра не принесет никакой пользы Речи Посполитой: «Самое большее, на что может рассчитывать князек, что тамошние бояре свергнут московского князя» (Бориса). «Однако, — продолжал гетман, — давно мы имеем о том сведения, что Борис одних видных людей приказал казнить, других посадил» (в темницу), что он хорошо платит двору, при поддержке которого сел на трон и которому принадлежит «всей земли сила». Замойский призвал короля трезво рассудить «о земле Московской, ее порядках и мощи ее князя».

Мир был настоятельной необходимостью не только для Русского государства, но и для Польши. Польско-литовские войска вели трудную борьбу со шведами в Ливонии. Канцлер Ян Замойский уже в конце 1602 г. предложил заключить союз с Россией и скрепить его браком короля с Ксенией Годуновой. Однако Сигизмунд III решительно отклонил предложения канцлера. Король подозревал, что Москва попытается доставить шведскую корону своему ставленнику королевичу Густаву, сыну свергнутого шведского короля Эрика XIV. Подозрения были беспочвенными, поскольку в 1601 г. Густав был сослан из Москвы в Углич и подвергся царской опале¹⁷. Следуя личным расчетам,

Сигизмунд III постарался убедить сенат и шляхту, будто Россия угрожает Речи Посполитой и ее интересам в Ливонии, что никак не соответствовало действительности¹⁸.

Решительная позиция, занятая гетманом Замойским и другими сенаторами, оказала влияние на королевский двор. Сигизмунд III вынужден был отказаться от официальной поддержки дела самозванца и не предлагал более послать свою армию в пределы России. В письмах к разным лицам король не скрывал тревоги по поводу возможной войны с царем. В то же время Сигизмунд III старался убедить сенаторов в том, что вмешательство в русские дела сулит короне огромные выгоды: «Этот важный случай послужит к добру, славе и увеличению Речи Посполитой, ибо, если бы этот Дмитрий при нашей помощи был посажен на царство, много бы выгод произошло из этого обстоятельства: и Швеция в таком случае могла быть освобождена, и инфлянты были бы успокоены...»¹⁹. Выставляя на первый план свою заботу о Речи Посполитой, Сигизмунд III в действительности преследовал свои династические интересы. Он готов был помочь самозванцу, чтобы облегчить себе дело «возвращения» шведского трона.

Самым решительным сторонником немедленной войны с Россией выступил сенатор Юрий Мнишек, не принадлежавший к числу влиятельных государственных чиновников того времени. Гетман С. Жолкевский, наблюдавший за интригами сторонников войны, писал, что Мнишек действовал посредством лести и лжи, но особенно важна была для него помощь его родственника кардинала Б. Мациевского, имевшего в то время большой вес при дворе короля. Мнишек помог самозванцу заручиться поддержкой литовского канцлера Льва Сапеги. Канцлер во всеуслышание заявил, что «Дмитрий» очень похож на покойного царя Федора, и позже пообещал снарядить и прислать в помощь «царевичу» 2000 всадников²⁰.

Перед тем как представить королю самозванца, покровители Отрепьева организовали неловкую инсценировку.

На службе у Сапеги в течение двух лет подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший пленником в Москву в детском возрасте. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого теперь стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу. Петрушка («Петровский») был срочно отправлен к Вишневецкому, чтобы удостоверить личность претендента. Встреча произошла в Жаложницах, куда самозванца доставил зять Мнишка Константин Вишневецкий. По словам Мнишка, «Петровский» сразу признал москвитя за истинного царского сына, указав на знаки, «которые он на его геле видел». На самом деле встреча в Жаложницах едва не кончилась скандалом. При виде самозванца пан «Петровский» не нашелся что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, громогласно заявил, что узнает бывшего слугу, и уверенно стал с ним беседовать. Холоп тут же «вызнал» царевича²¹.

Встреча в Жаложницах имела место скорее всего в конце января либо в начале февраля 1604 г. Результаты были тотчас доложены королю. В письме от 4(14) февраля 1604 г. Сигизмунд III известил об этом Замойского, отметив, что «инфлянтец» («Петровский». — *P. C.*) прислуживал царевичу Дмитрию и, более того, находился при нем, когда «совершили убийство истинного ли сына или подложного младенца»²².

Московские власти установили, что под именем «инфлянца Петровского» скрывался беглый холоп Петрушка, в младенчестве увезенный сыном боярским И. Михневым из Ливонии и выросший в его тульском поместье. Когда Михнев ездил в Вильну в посольской свите, холоп бежал от него. Сапега взял Петрушку к себе взамен своего холопа, сбежавшего от него в Москве, и держал его в «худых людях». При Шуйском московские дипломаты в глаза обличали Льва Сапегу за неловкий обман. «Тебе, Льву, — говорили послы, — самому про него ведомо: служил он на Москве у сына боярского у Истома Михнева, а звали его Петрушею, а не Юрьем Петровским... а на Угличе он николи не бывал, и царевича Дмитрия не видал, и у нас таких страдников ко государским детем не припускают»²³.

Из Жаложниц князь Константин, не теряя времени, отвез самозванца в Самбор. Там провели новые «смотрины», о которых Мнишек рассказал следующее: «В Самборе некоторый слуга господина воеводы (Юрия Мнишка. — *Р. С.*), который под Псковом пойман был и, несколько лет находясь в Москве в неволе, знал его (царевича Дмитрия. — *Р. С.*) еще в детстве и признал его (самозванца. — *Р. С.*) за того же»²⁴.

При Шуйском произошло любопытное объяснение между царскими и королевскими послами. Пояснив причины, побудившие короля поверить самозванцу, польские дипломаты отметили: «И для таковых всих мер, а не за свидетельством Петровского и двух чернцов (!) и хлопца пана воеводиного (Мнишка. — *Р. С.*) яко есте написали, склонившись веру дать тому» («Дмитрию») ²⁵.

Несколько иначе очертил круг свидетелей старец Варлаам. Князя Угличского, по его словам, узнали «пять братьев Хрыпуновых, да Истомин человек Михнева Петрушка («Петровский». — *Р. С.*), да Ивашко, что вож, да мужики посадцкие киевляне»²⁶. Братья Хрипуновы покинули Россию в 1603 г. Их измена и бегство не имели никакого отношения к самозванческой интриге. В Литве они были приняты на королевскую службу. После появления самозванца в Кракове Хрипуновы оказали услугу Сигизмунду III, «вызвав» в Отрепьеве царевича. По понятным причинам Варлаам не назвал в числе главных свидетелей «двух чернецов», каковыми были он сам и старец Мисаил. Показания двух бродячих монахов, двух холопов и нескольких изменников-дворян были двусмысленными и зыбкими. Но сторонники войны с Россией готовы были принять на веру любые свидетельства.

Престарелый Юрий Мнишек пользовался дурной репутацией. Он снискал расположение слабого короля Сигизмунда II Августа, оказывая ему самые разные, подчас сомнительные услуги. После смерти короля из дворца исчезли все его драгоценности. Ораторы сейма открыто обвинили в грабеже Юрия Мнишка. Последнему с трудом удалось избежать судебного разбирательства.

Благодаря связям при дворе Мнишек добился должности воеводы сандомирского и старосты львовского и самборского. Под его управление поступили доходные королевские имения в Червонной Руси. Однако Мнишек распорядился королевскими доходами столь плохо, а его страсть к роскоши и расточительству была столь велика, что к концу жизни он совершенно запутался в своих финансовых делах и оказался на грани полного разорения. Постоянные задержки с уплатой сборов в казну привели к тому, что в 1603 г. королевские чиновники явились в Самбор, угрожая наложить арест на имущество Мнишка. Воеводе пришлось спешно продать одно из своих имений, чтобы уплатить неотложные долги. Но поправить дела ему не удалось, и Мнишек обратился со слезным прошением к Сигизмунду III, умоляя позволить ему на год задержать выплату королевских доходов с Самбора²⁷.

Современники утверждали, что разорившийся магнат оказал покровительство самозванцу из меркантильных побуждений, «ослепленный корыстолюбием и гордостью»²⁸. Зная замыслы короля, Мнишек надеялся вернуть себе его милость и тем самым разрешить вопрос по недоимкам и долгам. Его расчеты вполне оправдались. Сигизмунд III давно потерял надежду получить недоимки с Самборской экономии и потому охотно согласился предоставить «царевичу» помощь — 4000 флоринов в счет доходов с Самбора. Таким образом, вопрос о выплате очередных годичных сборов в королевскую казну и недоимок разрешался сам собой. Мнишек спешил взять в свои руки интригу. Он не только принял Отрепьева с царскими почестями, но и решил породниться с ним. Поощряемый Мнишком, самозванец сделал предложение его дочери Марине. Отец встретил новость благосклонно, но объявил, что даст ответ после того, как «царевич» будет принят королем в Кракове.

Сватовство дало Мнишку благовидный повод для обращения Отрепьева в истинную веру. Будучи ревностным католиком, воевода не желал иметь православного зятя. Находившиеся в Самборе бернардинцы пришли ему на помощь. Отрепьеву волей-

неволей пришлось участвовать в ученых диспутах с ними. Отрепьев защищал православие без всякого воодушевления и, более того, дал понять собеседникам, что за ним дело не станет и вопросы веры могут быть решены к общему удовольствию²⁹. В своей рискованной игре Мнишек добился бесспорного успеха. Воспитанник иезуитов, Сигизмунд III был ревностным поборником католической контрреформации. Обещания Мнишка относительно перехода московского «царевича» в католичество усилили интерес короля к интриге.

Признание самозванца означало войну. Но король не мог решить вопрос о войне без совета сенаторов и постановления сейма. К началу марта 1604 г., когда Мнишек привез Отрепьева в Краков, большинство сенаторов четко выразили свое мнение по поводу затеваемой авантюры. Польский канцлер Замойский решительно высказался за необходимость соблюдения мирного договора с Россией. Его мнение разделяли лучшие из польских военачальников (Я. Ходкевич и С. Жолкевский) и многие другие сенаторы³⁰. Со всех сторон король получал настойчивые советы немедленно созвать сенат для рассмотрения вопроса. Партия войны не могла рассчитывать на поддержку в правительстве и сенате, и король прибегнул к методам тайной дипломатии, действуя вразрез с конституцией Речи Посполитой.

Поначалу Сигизмунд III пытался использовать для осуществления своих планов авторитет папского нунция Рангони и иезуитов. Король рассчитывал, что они, рассмотрев вопрос о московском «царевиче», признают его истинным сыном царя Ивана и объявят недействительным мирный договор с Борисом³¹. Однако Ватикан занял осторожную позицию в деле православного «царевича». Папа римский, получив донесение из Кракова, сделал на его полях скептическую помету с упоминанием о португальских самозванцах. Иначе повел себя кардинал Мациевский, двоюродный брат Мнишка. Он виделся с Отрепьевым и вручил ему книгу о соединении церквей, едва тот прибыл в Краков. Католикам не пришлось оказывать давление на самозванца. Он сам выражал нетерпение принять истинную, римско-католическую веру, признал папу главой христианской церкви, обещал выстроить костелы в Москве, клялся, что пешком отправится на поклонение католическим святыням в Ченстохов. Наряду с краковским епископом покровительство самозванцу стали оказывать духовник короля и в особенности краковский воевода Николай Зебжидовский³².

Сигизмунд III вел дело к войне, не имея на то согласия сенаторов и сейма и грубо попирая интересы страны. 5 марта 1604 г. он велел арестовать московского «канцлера» дьяка А. Власьева, возвращавшегося из Дании в Россию через польские владения. Расчет состоял в том, чтобы осложнить русско-польские отношения. В тот же день Отрепьев получил частную аудиенцию в королевском замке в Вавеле.

Итальянец А. Чилли был очевидцем переговоров в Кракове. По его словам, папский нунций Рангони лишь делал вид, будто не имеет к самозванческой интриге никакого отношения. В действительности именно он передал самозванцу предложение о встрече и устроил ему аудиенцию во дворце. Претендент поцеловал руку короля, после чего, «дрожа всем телом, рассказал ему в кратких словах, за кого себя считает...». Выслушав сбивчивый рассказ, Сигизмунд III отослал самозванца и стал совещаться с глазу на глаз с Рангони. Затем Отрепьева повторно ввели в зал, и король обратился к нему с милостивым словом, обещая свое покровительство. Претендент не смог вымолвить ни слова в ответ и лишь угодливо кланялся³³.

Сигизмунд III согласился предоставить самозванцу помощь на определенных условиях, зафиксированных в письменных «кондициях». Этот документ обнаруживал всю лживость рассуждений короля о «русской угрозе», все лицемерие мирных заверений, адресованных Борису Годунову. С помощью самозванца Сигизмунд III рассчитывал перекроить русские границы и добиться от России значительных территориальных уступок, а кроме того, получить от Москвы военную помощь для овладения шведской короной³⁴.

Как доносил в Рим нунций Рангони, претендент взял на себя обязательство предоставить Сигизмунду III войска для борьбы со шведами. В случае необходимости «царевич» должен был лично повести войска на Стокгольм³⁵.

Позже в инструкции польскому послу в Риме королевские чиновники дали подробные разъяснения по поводу истинных планов Сигизмунда III на востоке. Посол должен был напомнить, что в свое время Ватикан выделил огромные пособия королю Баторию в связи с его намерением покорить Московию, а потом такое же намерение изъявил пресветлейший король Сигизмунд III «по другому случаю (в связи с появлением Лжедмитрия I. — *Р. С.*), который, можно сказать, был дан свыше, и тем с большим жаром, что кроме других величайших выгод для всего христианства, которые могут быть от покорения Московии, он (король. — *Р. С.*) предвидит отсюда отчасти возможность возвратить королевство Швецию не столько под свою власть, сколько во власть сего святого апостольского престола»³⁶.

Перспективы победы католической контрреформации в Швеции и насаждения католичества в Московии встретили понимание в католических кругах Кракова и Рима. 9 марта 1604 г. папский нунций Рангони имел длительную беседу с Отрепьевым³⁷. Воспользовавшись поддержкой Рангони и иезуитов, Ю. Мнишек и краковский воевода Н. Зебжидовский быстро завершили дело обращения самозванца в католическую веру.

Противодействие Яна ЗамоЙского, самого влиятельного из польских политиков, поставило в трудное положение покровителей самозванца. Весной 1604 г. Юрий Мнишек засыпал ЗамоЙского градом писем. Некоторые из них были составлены за подписью «царевича». Владелец Самбора откровенно пытался прельстить гетмана выгодами, которые ему сулило участие в интриге. «Царевич, — писал Мнишек, — богобоязненный (письмо было написано после обращения Отрепьева в католичество. — *Р. С.*), легко соглашающийся на то, что ему разумно указывают, склонный к заключению всяких договоров и трактатов...»³⁸

Тайный договор, подписанный самозванцем в Самборе 2 июня 1604 г., вполне раскрывает смысл слов Мнишка. В силу королевских «кондиций» самозванец обязался уступить короне Чернигово-Северскую землю. Обязательство было затем подтверждено особым договором о передаче короне и Речи Посполитой шести городов в княжестве Северском (очевидно, Чернигова, Новгорода Северского, Путивля и др.) «со всем, что к оным принадлежит». Однако раньше, как можно догадаться, Отрепьев обещал передать Северскую землю Юрию Мнишку: «То мы ему (Мнишку. — *Р. С.*) обещаем и ручаем и, что уже мы однажды присягою подтвердили, то ныне ни в чем неотменно и ненарушимо подтверждаем»³⁹. Оказавшись в трудном положении, Отрепьев решил любой ценой удовлетворить обоих своих покровителей. Было выработано соглашение о разделе Северской земли между королем и Мнишком. Беглый монах согласился передать Мнишку в виде компенсации за северские города Смоленскую землю. Тогда Сигизмунд III в нарушение «кондиций» потребовал себе половину Смоленской земли.

Поскольку Мнишек находился ближе к самозванцу, чем король, он мог удовлетворить свою алчность в полной мере и должен был получить большую добычу при грядущем разделе России. «Царевич» подписал грамоту о передаче Мнишку и его наследникам на вечные времена Северской земли (без шести городов), Смоленской земли, включая «самый замок с городом Смоленском и со всем, что к половине онаго принадлежит», а также смежных земель «из другога государства, близь Смоленской земли, еще много городов, городков, замков»⁴⁰. На какие именно города претендовал еще Мнишек — неясно. Как видно, он старался компенсировать себе «уступленную» королю половину Смоленщины.

Одним из пунктов «кондиций» Сигизмунда III был брак самозванца. Речь шла не столько о позволении, сколько об обязательстве Лжедмитрия жениться на подданной короля. «Позволяем ему жениться в наших государствах, чтобы с королевой (так Сигизмунд III привычным для него словом назвал будущую московскую царицу. — *Р. С.*)

на то дал присягу». Имя будущей царской невесты не было названо в «кондициях». У короля были свои замыслы, но в конце концов он дал самозванцу и Мнишку «полную свободу располагать их личными делами», хотя втайне и выражал свое неудовольствие⁴¹.

Соглашение в Кракове определило всю дальнейшую судьбу Марины Мнишек. По возвращении в Самбор Мнишек без помех довел дело до конца. Под страхом проклятия Лжедмитрий обязался жениться на панне Марине. «А не женюсь, — значилось в его записи от 15 (25) мая 1604 г., — яз проклятво на себя даю». Условия брачного контракта сводились к следующему. Самозванец обещал выплатить Мнишку миллион польских злотых из московской казны на уплату долгов и переезд в Москву. Марина в качестве царицы должна была получить на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли с думными людьми, дворянами, духовенством, с пригородами и селами, со всеми доходами. Самозванец торжественно обещал Мнишкам, что Новгород и Псков фактически будут выведены из-под управления Москвы. «А мне (царю. — *Р. С.*), — значилось в документе, — в тех обоих государствах, в Новгороде и во Пскове, ничем не владети и в них ни во что не вступаться». Удел закреплялся за Мариной «в веки». Царица получала право «приказати наместником своим (читай: родне. — *Р. С.*) владети ими (Новгородом и Псковом. — *Р. С.*) и судити», давать поместья и вотчины своим служилым людям с правом купли и продажи земли, строить римские монастыри и костелы, самой без помех исповедовать католическую веру.

В смысле религии набожные Мнишки поставили беглому монаху самые строгие условия. Он должен был привести все православное царство Московское в католическую веру за год. В случае несоблюдения срока Мнишек и его дочь получали право «развестися» с «царем», разумеется сохранив при этом все земельные пожалования. Сандомирский воевода милостиво соглашался подождать обращения Московии в истинную веру «до другого году», но никак не позже⁴². Таково содержание удивительного брачного контракта, подписанного самозванцем в Самборе 15 мая 1604 г. Осуществление на практике самборских обязательств Лжедмитрия I привело бы к расчленению России. Однако интересы собственного народа и государства мало заботили авантюриста. Подобно азартному игроку, он думал лишь о ближайшей выгоде.

После свидания с королем самозванец через своих покровителей заказал парадный портрет. Надпись к портрету была продиктована, по-видимому, им самим. Она гласила: «Дмитрий Иванович, великий князь Московии. 1604. В возрасте своем 23». Надпись доказывает, что Отрепьев не знал точного времени рождения Дмитрия Угличского, которому летом 1604 г. было бы менее 22 лет. Не указал ли самозванец в надписи к портрету собственный возраст?⁴³

На портрете изображен молодой человек с темными волосами и волевым лицом. Облик претендента несколько идеализирован по сравнению с гравированным портретом. Судя по сохранившимся словесным портретам и гравюрам, Отрепьев обладал характерной внешностью. Приземистый, гораздо ниже среднего роста, он был непропорционально широк в плечах, почти без талии, с короткой шеей. Руки его отличались редкой силой и имели неодинаковую длину. В чертах лица сквозили грубость и сила. Признаком мужества русские почитали бороду. На круглом лице Отрепьева не росли ни усы, ни борода. Волосы на голове были светлые с рыжиной, нос напоминал башмак, подле носа росли две большие бородавки. Тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

Во время переговоров с королевскими чиновниками в Кракове Отрепьев выразил пожелание, чтобы король приставил к нему своего сенатора (Мнишка) и позволил продолжать военные приготовления — собирать казаков и добровольцев из числа польски! подданных. Столкнувшись с противодействием сенаторов и сейма, Сигизмунд III не смог использовать коронную армию для войны с дружественным соседним государством. Как писали польские хронисты, Юрий Мнишек, Константин Вишневецкий и другие паны собрали войско для самозванца «на свой счет»⁴⁴. Однако мнение, будто армию Лжедмитрия снарядили на частные средства, ие вполне точно. Ни Сигизмунд III,

ни член сената Речи Посполитой Ю. Мнишек не были частными лицами, а прямая поддержка короля имела решающее значение для успеха авантюры.

Военные приготовления в Самборе и Львове приобрели широкий размах. Коронный гетман Ян Замоиский потребовал у Мнишка объяснений, почему тот собирает солдат без ведома его, гетмана, как высшего воинского начальника, «чего никогда не бывало»⁴⁵. Замоиский строго предупредил сенатора, что его своевольные действия могут нанести большой ущерб Речи Посполитой.

Незаконные действия Мнишка компрометировали короля, что не могло не вызвать тревогу при дворе. Стремясь успокоить Си-гизмунда III, Мнишек писал ему 4(14) июня 1604 г.: «Я смиренно прошу ваше величество быть уверенным в том, что я выполняю свои планы с такими предосторожностями, как будто я никогда не нарушал свой долг»⁴⁶.

Самборская казна была постоянно пуста, и Мнишек не мог выделить Отрепьеву даже тех 4000 злотых, которые король пожаловал «царевичу» на содержание. Тем не менее сенатору удалось получить кое-какие ссуды, и он приступил к формированию наемной армии. К середине августа 1604 г. покровители самозванца собрали в окрестностях Львова некоторое количество конницы и пехоты. Под знамена самозванца слетались наемники, оставшиеся без дела после прекращения боевых действий в Ливонии. Среди тех, кто готов был запродать оружие московскому «царевичу», можно было встретить и ветеранов Батория, и всякий сброд — мародеров и висельников. Ставки на наемных солдат стояли в Европе на очень высоком уровне, и Мнишку трудно было оплачивать услуги наемного воинства. Не получая денег, «рыцарство» принялось грабить львовских мещан. Дело дошло до убийств⁴⁷.

Несмотря на заверения канцлера Льва Сапегы, самозванец не получил никакой помощи из Литвы. Не желая войны с Россией, литовские магнаты решительно отказались поддержать авантюру. Общее настроение повлияло даже на ревностного приверженца «Дмитрия» Льва Сапегу. Канцлер полностью отмежевался от его затеи и заявил: «Царь извещен о готовящейся экспедиции (самозванца. — *Р. С.*) на Украину и готов в ответ послать войска на Литву»⁴⁸.

Коронный гетман Ян Замоиский не отвечал на обращения «царевича», но письменно предупредил Ю. Мнишка, что тот делает противозаконное дело, за которое может быть призван к ответу⁴⁹. В последний момент даже главный покровитель Отрепьева предался малодушию. Януш Радзивилл, будучи подо Львовом, видел, как там собиралось войско самозванца. В своих письмах он живо описал столкновение между Мнишком и наемниками. Когда Мнишек вдруг заколебался и был намерен отложить поход, писал Я. Радзивилл, то собравшиеся для войны с Москвой шляхтичи прямо заявили, что в таком случае они разместятся в его имениях на зимовку⁵⁰. В противовес знати мелкая шляхта с энтузиазмом поддержала планы войны с Россией. Обедневшие дворяне, находившиеся на грани разорения, надеялись поправить свои дела с помощью военной добычи и не желали слышать об отсрочке похода. Московская дипломатическая переписка сохранила известия о том, что Сигизмунд III предпринимал попытки подтолкнуть к войне с Россией крымского хана. Не позднее лета 1604 г. крымский мурза А. Сулешев известил Москву, что король виделся с крымским гонцом Д. Черкашенином и пообещал уплатить Крыму казну за два года, если хан согласится помочь тому, кого Польша решила «возвышать», т. е. московскому «царевичу». По возвращении в Крым гонец доложил о предложении короля, и Казы-Гирей «на той думе был»⁵¹. Но секретное обращение короля не имело успеха, ибо не было подкреплено посылкой денег в Крым. Без согласия сейма Сигизмунд III не мог выполнить своих щедрых обещаний.

Политика Сигизмунда III была двуличной и лицемерной. На словах глава государства выступал за соблюдение существующих мирных соглашений, а на деле — готовил войну. Пока наемное войско стояло во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Лишь спустя полторы недели после того, как Мнишек покинул Львов и выступил в поход, Сигизмунд III издал запоздалое

распоряжение о роспуске собранной им армии. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов⁵².

Тем временем армия самозванца медленно приближалась к русским границам. Отряды делали в день не более 2—3 миль. Сохранилась подневная записка похода, составленная неизвестным лицом из окружения Мнишка. Записка содержит полный перечень имений, в которых «рыцарство» останавливалось на постой. Мнишек владел селами в окрестностях Львова, но наемники отдыхали там не более одного дня. Значительно больше времени они провели во владениях князей К. Вишневецкого и Ружинского, киевского католического епископа и других лиц⁵³.

Самозванец щедро одаривал кредиторов долговыми расписками. Погасить их предполагалось за счет богатой московской казны. Пока же все тяготы по содержанию наемного сброда должны были нести украинские крестьяне из тех имений, где останавливались солдаты.

Лжедмитрий рассчитывал на то, что в пути его войско пополнится вооруженными отрядами крупных магнатов — князей Вишневецких, Сапеги, Ружинского и др., но его надежды не оправдались. Князь Ружинский письменно обязался присоединиться к Лжедмитрию с несколькими сотнями солдат. Пан Халецкий и пан Струсь обещали привести тысячу всадников. Однако выполнение своих обещаний они отложили на будущее⁵⁴.

К концу первых двух недель похода самозванец оседал в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября 1604 г. был проведен смотр. Рыцарство собралось в «коло» и произвело выборы командиров. В полном соответствии с волей Мнишка сам он был избран главнокомандующим, Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками, а сын Мнишка Станислав стал командиром гусарской роты⁵⁵. Таким образом, Мнишек, его ближайшие друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

К началу сентября 1604 г. армия Мнишка насчитывала около 2500 человек. В нее входили 580 гусар, 500 человек пехоты, 1420 казаков и пятигорцев. К моменту перехода границы численность казаков увеличилась до 3000⁵⁶. В армию самозванца пошли некоторые «надворные» казаки, находившиеся на службе у магнатов. Таким образом, на долю украинцев приходилось две трети армии самозванца. Кроме православного украинского населения подле самозванца начали собираться московские люди. Уже в конце 1603 г. А. Вишневецкий сообщил королю о прибытии к «царевичу» 20 москалей. Если бы среди них были дворяне, покровитель самозванца непременно бы указал на это. Видимо, первые приверженцы «царевича» были выходцами из простонародья. Источники подтверждают подобное предположение. Один киевский житель, тайно служивший царю, жаловался черниговским воеводам в 1604 г., что не смеет возвращаться в Киев, где его разоблачил некий Васька, холоп сына боярского Чубарова. Холоп бежал в Литву из Монастыревского острога⁵⁷.

К началу похода в лагере самозванца собралось до 200 московитов, бежавших за рубеж «из разных городов». Польские источники называют по имени лишь одного из московских предводителей — Ивана Порошина. Семья Порошиных не принадлежала к «государеву двору». Но некий Ждан Порошин выслужил дьяческий чин в Приказе Большого прихода в 1592—1597 гг. После воцарения Бориса Годунова его карьера оборвалась. Не из дьяческой ли семьи происходил Иван Порошин? Среди дворян, узнавших «царевича», самыми видными были братья Дубенские-Хрипуновы. В России они служили как выборные дворяне из Зубцова. Не позднее лета 1603 г. дьяки сделали помету в Боярском списке: «Иван, да Кирило, да Данило Путятины дети Хрипунова. Изменники». Хрипуновы бежали в Литву не потому, что решили поддержать Лжедмитрия, а потому, что были подкуплены канцлером Львом Сапегой. Они снабжали канцлера всякого рода секретной информацией, но были разоблачены и, спасая жизнь,

бежали за рубеж⁵⁸. Измена Хрипуновых была щедро оплачена: пять братьев — Иван, Кирилл, Данила, Прокофий и Иван Меньшой — получили земельные владения и 1000 злотых на год⁵⁹.

Православная церковь третировала католиков как худших врагов истинной веры. Поэтому православные люди, оказавшиеся в лагере Лжедмитрия, с тревогой наблюдали за появлением в его окружении иезуитов и прочих латынян. Неблагоприятные толки дошли до Юрия Мнишка, и он решил прибегнуть к строгостям, чтобы поставить московитов на место. Воспользовавшись доносом одного из русских, Мнишек велел схватить сына боярского Якова Пыхачева и без суда казнить его. Мнишек сам сообщил об этой казни папскому нунцию Рангони в письме от 8(18) сентября 1604 г. Согласно версии Мнишка, Пыхачев был будто бы подослан в Самбор Борисом Годуновым для убийства «царевича». Однако верить его утверждению трудно. Сандомирский воевода не упускал случая очернить тиранию Бориса, чтобы оправдать войну с ним. По словам Варлаама, Пыхачев пострадал из-за того, что называл «царевича» Гришкой Отрепьевым, иначе говоря, усомнился в его царственном происхождении⁶⁰.

Пособник самозванца Варлаам Яцкий поспешил в Самбор, привлеченный слухами о его успехе. Он рассчитывал пожать плоды затеянной интриги, но жестоко просчитался. Варлаам знал слишком много об Отрепьеве и его истинном происхождении, и тот решил отделаться от своего наставника. Уезжая из Самбора, самозванец приказал бросить Варлаама в тюрьму⁶¹.

Не позднее июля 1604 г. из Самбора на Дон выехал литвин Счастный Свирский с запорожцами. Он отвез казакам «царское» знамя — красное полотнище с черным двуглавым орлом посередине⁶². Донцы снарядили в Польшу новых послов. Они явились в лагерь самозванца 25 августа 1604 г. В грамоте казаки вновь подтвердили свою готовность выступить на помощь своему «прирожденному государю»⁶³.

Московские власти своевременно узнали о появлении гонцов от самозванца на Дону и попытались предотвратить восстание казаков. С этой целью они направили к ним дворянина Петра Хрущева. Последний был хорошо известен казакам. Прошло лишь 12 лет с тех пор, как правитель Борис Годунов предлагал донцам принять Хрущева в столице их войска Раздорах в качестве головы. В то время вольные казаки категорически отвергли домогательства Москвы. В 1604 г. миссия Хрущева также завершилась провалом. Казаки связали царского посланца и увезли в Польшу, где выдали Отрепьеву. Как выяснилось на допросах, Хрущев должен был склонить донцов к участию в войне с «царевичем»⁶⁴.

Канцелярия Мнишка подвергла допросные речи Хрущева тенденциозной обработке, превратив их в памфлет. В Польше памфлет был немедленно использован для воздействия на общественное мнение. Авторы памфлета приписали Хрущеву басню о том, что вдова Федора царица Ирина признала «царевича» природным государем, за что, по слухам, была убита своим братом Борисом Годуновым. В Москве тот же тиран приказал умертвить «двух главных господ» — Смирнова Васильева и Меньшого Булгакова — только за то, что те пили у себя дома за здоровье царевича Дмитрия⁶⁵.

«Главные господа» действительно были царскими дьяками: Васильев служил в приказе Большого дворца, а Булгаков — в Казенном приказе, но оба благополучно пережили и Годунова, и самозванца. Примечательно, что Булгаков пользовался полным доверием царя Бориса до самой его смерти. 19 марта 1605 г. «под-казначей» (так именовали дьяка англичане) Меньшой Булгаков привез английским послам царские подарки. Приведенный факт обнаруживает лживость допросных речей Хрущева, составленных людьми Мнишка. Ни малейшего доверия не внушает воспроизведенная в памфлете запись разговора между Хрущевым и знатным воеводой Петром Шереметевым. «Трудно против природного государя воевать», — якобы заявил Шереметев⁶⁶.

Небылицы насчет жестоких казней в Москве понадобились Мнишку для того, чтобы изобразить Бориса тираном и оправдать вторжение в Россию, предпринятое будто бы в защиту справедливости, в интересах законного государя московского.

Противники войны с Россией (Ян Замойский и др.) не только протестовали против действий Мнишка, но и принимали практические меры, чтобы не допустить нарушения мирного договора с Москвой. Еще в мае 1604 г. Януш Острожский известил короля, что он употребит насилие, чтобы задержать продвижение отрядов самозванца к русской границе. У краковского кастеляна были собственные войска, и его поддерживали другие магнаты с Украины. Не позднее июня Острожский обратился к «царевичу» с предупреждением, что он не допустит его к Днепру. Острожский подкрепил свою угрозу тем, что собрал южнее Киева значительные воинские силы. Он действовал, как видно, в полном согласии с Замоиским. Один из участников московского похода, служивший в «царской роте», записал в своем дневнике: «Идя к Киеву, мы боялись войска краковского кастеляна князя Острожского, которого (войска) было несколько тысяч и которое стерегло нас до самого Днепра, поэтому мы были очень осторожны, не спали по целым ночам и имели наготове лошадей»⁶⁷.

Киевский воевода Василий Острожский и его сын Януш опасались, как бы соединение воинства самозванца с казаками не вызвало нового взрыва казацко-крестьянского восстания по всей Украине. Расположив свои войска к югу от Киева, князь Януш перерезал пути, которые вели через Запорожье на Дон. Военные меры Острожских преследовали и другие цели. Зная о насилиях наемников во Львове, они пытались предотвратить грабежи и бесчинства и в Киеве и его округе. В своих письмах Януш Острожский не раз выражал опасения по поводу того, что «Дмитрий» втянет Речь Посполитую в войну с Москвой, а казацкие отряды, поддерживающие «царевича», смогут затеять новый бунт на Украине наподобие недавнего бунта Наливайки⁶⁸. В посланиях королю Острожский подробно изложил план санкций против «своевольников», нарушивших мир и спокойствие на Украине. Опасение вызвать гнев Сигизмунда III и присутствие сенатора Ю. Мнишка в армии самозванца помешали ему осуществить этот план. Угроза не допустить Лжедмитрия к московской границе была осуществлена лишь частично. Князь Януш велел угнать все суда и паромы с днепровских переправ под Киевом.

В течение нескольких дней войска Лжедмитрия I стояли на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили те самые «киевские мужики» — православные жители Киева, которые еще раньше признали его истинным царевичем. В грамоте, подписанной после переправы через Днепр, значилось, что «для перевозу войска нашего через реку Днепр тые ж мещане киевские коштом и накладом своим перевоз зготовавши»⁶⁹.

Проделав за два месяца путь от Львова до Днепра, армия Мнишка собралась на берегах Десны, изготовившись к вторжению в пределы России.

Глава 12 НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ

Нарушение договора о перемирии и поддержка, оказанная Лжедмитрию I Сигизмундом III, побуждали Бориса Годунова искать союзников в разных концах Европы. С лета 1604 г. он обратился с предложением о союзе к австрийским Габсбургам. Царские дипломаты разработали проект передачи польского трона австрийскому эрцгерцогу Максимилиану и присоединения Литвы к России. Проект включал пункт о браке между Максимилианом и Ксенией Годуновой¹.

Не имея сил вести борьбу с Речью Посполитой один на один, Швеция тоже домогалась союза с Габсбургами. Шведы предлагали австрийцам объединить усилия, изгнать Сигизмунда III из Польши и возвести на трон Максимилиана. Согласно шведскому проекту, в отвоеванной у поляков Ливонии предполагалось образовать немецкое вассальное княжество, которое перешло бы под протекторат Габсбургов. Борис Годунов готов был согласиться со шведским проектом и взять на себя уплату военных

издержек при условии, что «немецкий» князь из Габсбургской императорской фамилии вступит в брак с царевной Ксенией².

Планы заключения тройственного союза, однако, потерпели полную неудачу. Австрийские Габсбурги отклонили предложения России и Швеции.

С февраля 1605 г. шведский король Карл IX предложил прислать в Россию войска для совместных действий против Речи Посполитой. В обмен на «дружескую» помощь русские должны были уступить союзнику важнейшие пограничные крепости на северо-западе (Ивангород, Ям, Копорье и Корелу). Некоторое время спустя Карл IX составил новые инструкции послам, поручив им добиваться уступки Корелы³.

Борис Годунов неизменно отклонял все предложения шведов, хорошо понимая их истинную цель. Однако его сын и преемник Федор Борисович в мае 1605 г. оказался в безвыходном положении и начал переговоры о союзе с Карлом IX⁴.

Наибольших успехов московские дипломаты добились в переговорах с Данией. Зимой 1603—1604 гг. главный посольский дьяк А. Власьев ездил в Копенгаген, чтобы ускорить заключение русско-датского союза, имевшего антишведскую направленность⁵. Идея создания антишведской коалиции на Балтике вскоре утратила актуальность для России. Союз с Данией приобрел характер торгового соглашения.

Будучи фактическим преемником Ивана Грозного, Борис Годунов усвоил его взгляд на значение заморской торговли. Царь Борис сознавал, сколь необходимы для России торговые и культурные связи со странами Западной Европы, и деятельно заботился о расширении торговли с Западом. В 1603 г. русское правительство вело в Москве переговоры с посольством Любека и Штральзунда. Немецкие города добивались права беспошлинной и свободной торговли на всей территории России. Они желали открыть немецкие торговые дворы в Москве, Новгороде, Пскове, Ивангороде и просили разрешить немецким купцам чеканить монету на русских денежных дворах⁶.

От имени Бориса послам было заявлено, что ганзейским купцам будет предоставлено право свободно торговать по всей России, использовать русские пристани на Белом море, строить торговые дворы в городах, чеканить монету из своего серебра. Однако, когда Посольский приказ изготовил и вручил послам царскую грамоту в немецком переводе, те убедились, что «многие пункты, утвержденные на царской аудиенции, были опущены, другие изложены темно и двусмысленно»⁷.

С помощью ганзейских городов русское правительство надеялось наладить морские сообщения с западноевропейскими странами через Ивангород и устье Наровы. Однако Швеция, располагавшая первоклассным флотом на Балтике, решительно препятствовала всем попыткам такого рода. Ссылаясь на условия Тязинского вечного мира, шведы блокировали Ивангород с моря⁸.

Главными морскими воротами страны в начале XVII в. оставались пристани в устье Северной Двины. По-прежнему основным торговым партнером России была Англия. Однако торговля английской компании в Москве клонилась к упадку. В 1602 г. Московская компания снарядила в Россию всего два корабля с товарами. Торговые обороты ее резко сократились. Спустя три года долги компании превысили 6000 ливров⁹.

Англичане предпринимали неоднократные усилия, чтобы избавиться от конкуренции со стороны других западноевропейских купцов, в первую очередь голландских. Но они не добились успеха. После воцарения Бориса Годунова некоторые из самых влиятельных голландских купцов получили разрешение торговать в Москве и во внутренних областях государства. В 1600 г. королева Елизавета направила в Москву посла Ричарда Лея. Добиваясь торговой монополии, посол обещал, что англичане «будут снабжать Московию всем необходимым, что их товары будут дешевле и лучше, нежели у голландцев и других народов». Царь Борис отклонил домогательства Ричарда Лея, указав ему на то, что он желает торговать со всеми нациями, ибо «все нации в этом отношении для него равно любезны... сверх того, исправно платят подати и пошлины, составляющие

доход государей московских, и, значит, имеют право вести торговлю так же, как и англичане»¹⁰.

Будучи осведомлен об убытках Московской компании, Борис был не прочь предоставить англичанам некоторые дополнительные льготы, с тем чтобы оживить англо-русскую торговлю. Кроме того, он подтвердил торговые привилегии, ранее предоставленные Московской компании. В начале XVII в. англичане держали свои торговые дома (фактории) в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах и Архангельске. На севере за членами компании были закреплены пять пристаней (в Корельском Устье, на Печенге, Варзуге, Мезени и Шунге), тогда как за голландскими купцами — только две (на Коле и в Пудоожском устье Двины). На Коле получили право приставать также и французские корабли¹¹.

Развитие торговли со странами Запада способствовало знакомству русских с успехами западноевропейской культуры. В Москве возникли проекты преобразований, имевшие целью развитие просвещения в России. По свидетельству современников, Борис Годунов лелеял планы учреждения в Москве университета и школ, в которых преподавали бы ученые, приглашенные из-за рубежа. По словам Конрада Буссова, Годунов предполагал выписать знающих людей из всех главнейших европейских стран — Англии, Германии, Испании, Италии, Франции, с тем чтобы с их помощью наладить преподавание в Москве и обучить русских людей всем основным европейским языкам¹². Отпуская за рубеж разного рода иноземцев, царь нередко поручал им приискивать за границей ученых людей, согласных поехать в Москву.

Итальянец М. Бритий получил от Бориса «опасную грамоту» на проезд в Россию венецианских ученых — докторов, знающих разные науки и согласных выехать в Россию, дабы «облагодетельствовать ее своими познаниями»¹³.

Некий Ганс Крамер, подданный императора австрийского, в 1600 г. ездил с аналогичным поручением в Прагу. Посетив ученого правоведа Тобиаса Лонциуса, Крамер сообщил ему о поручении царя привезти из немецких земель ученых людей и художников и в подтверждение показал несколько паспортов — «опасных грамот». Крамер настойчиво просил Лонциуса принять предложение царя, намеревавшегося «учредить в своем государстве школы и университет». Когда Лонциус убедился в том, что намерения московского царя вполне серьезны, он направил в Москву обширное письмо — своего рода проект развития в России наук и художеств. Лонциус писал, что для развития наук в России надо не только отыскать и пригласить ученых, но и оказать им почет и помощь, «не опасаясь при том расходов»¹⁴. Переговоры с Лонциусом не были доведены до конца. В России начался трехлетний голод, поглотивший все внимание правительства.

Борис предпринимал настойчивые попытки вызова в Россию западных специалистов. Завязав переговоры с Любеком, царь немедленно направил туда своего агента Р. Бекмана. В наказе Бекману значилось: «Посланы с ним опасные грамоты суконным мастерам, рудознатцам, которые умеют находить руду золотую и серебряную, часовникам; так ему промышлять накрепко, чтоб мастерские люди ехали к царскому величеству своим ремеслом послужить»¹⁵.

Труд ученых и мастеров на Западе ценился очень высоко. Любые переговоры о найме начинались с вопроса о «подъемных» деньгах. В Праге Т. Лонциус сразу объявил царскому эмиссару Г. Крамеру, что он отправится в путь, если тот снабдит его «достаточной суммой денег на путевые издержки» для него лично и для его «имущества, товарищей и слуг»¹⁶. Однако Казенный приказ избегал оплачивать услуги иностранных ученых без предварительного их испытания. Даже медики, приглашенные двором, должны были занимать деньги на проезд. Казна оплачивала расходы иноземных врачей по прибытии их в Россию. На границе им давали «корм» и подвод для проезда в Москву. В столице приезжих тщательно расспрашивали об их учености и мастерстве и лишь после этого назначали денежные оклады¹⁷.

Приглашая иностранных специалистов в Россию, Борис использовал методы личной дипломатии. Он прибегал к посредничеству частных лиц, реже вел переговоры с западными властями. Впрочем, власти пограничных с Россией государств, опасаясь усиления ее военного могущества, слишком часто чинили помехи мастерам, пытавшимся пробраться в Москву. Даже медики, следовавшие в Россию, вынуждены были выдавать себя за купцов, оставлять на родине всякого рода медицинские книги, опасаясь разоблачения на границе¹⁸.

Лишь Англия, ценившая торговые привилегии, предоставленные ее купцам в России, неизменно оказывала помощь Москве в отношении специалистов. В 1600 г. из Англии в Москву прибыли трое ювелиров, в 1603 г. — опытные архитекторы и каменщики. Тогда же в Россию вторично приехал Френшэм, основавший одну из первых московских аптек во времена Ивана Грозного¹⁹. Аптекарь привез с собой всевозможные лечебные и другие препараты, включая шесть видов сахара, неизвестного тогда в России, семь видов «спиритуса», девять видов масел, всякого рода травы и кору.

Внутри России проекты учреждения университета и приглашения западных ученых неизменно наталкивались на сопротивление духовенства. Руководство православной церкви упорно не желало допустить в Москву иноверных ученых людей и доверить им дело образования и воспитания русской молодежи. По словам современников, монахи говорили, что земля Русская велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи; если же и иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры²⁰.

В конечном итоге попытки Годунова привлечь в Россию большое число западных специалистов не увенчались успехом. Немалую роль в этом сыграли финансовые трудности, вызванные трехлетним неурожаем. Затратив на борьбу с голодом огромные суммы, казна не смогла выделить средства для осуществления образовательных проектов. Не имея возможности пригласить видных западных ученых, московские власти в ряде случаев довольствовались приглашением студентов из западноевропейских университетов. С первых лет царствования Бориса в правительственных кругах обсуждались проекты отправки на Запад русских студентов²¹. В 1600 г. при обсуждении проекта унии России и Речи Посполитой польские дипломаты предложили включить в договор следующий пункт: «Свободно посылать в обе стороны для обучения юношей, как московитов к нам, так и наших в Москву». В ходе переговоров русские выразили согласие на то, чтобы после заключения договора разрешить русским посылать детей в Речь Посполитую «в службу и в науку»²².

В связи с развитием русско-английских торговых и дипломатических отношений возник замысел обмена учащимися с целью подготовки знающих переводчиков. План был осуществлен благодаря усилиям Д. Мерика, агента торговой компании. В 1600 г. в Лондон с Мериком выехали двое иностранных студентов, обучавшихся русскому языку в Москве. Через два года русские власти направили в Англию четырех русских студентов «для науки разных языков и грамотам». Царь Борис сам представил Мерика русских юношей и просил королеву, чтобы им позволено было получить образование и при этом сохранить свою веру. Мерик согласился взять на себя «заботу о их воспитании»²³.

Для учебы за рубежом были посланы Никифор Алферьев сын Григорьев, Софон Михайлов сын Кожухов, Казарин Давыдов, Федор Семенов Костомаров. То были дети боярские из дьяческих семей. Московские приказные люди принадлежали к наиболее образованной части русского общества.

Личное обращение царя к королеве возымело действие. В Лондоне студентам из Москвы был оказан наилучший прием. Осенью 1602 г. Д. Чемберлен сообщил, что прибывшие юноши будут обучаться английскому языку и латыни и с этой целью их предполагается определить в различные школы, как-то: Винчестер, Итон, Кембридж и Оксфорд²⁴. Перед русскими «робятами» открылись двери лучших учебных заведений Англии.

Год спустя московское правительство решило направить за рубеж вторую группу учащихся. На этот раз местом обучения была избрана Германия. После успешных переговоров с царем послы города Любека в июне 1603 г. выехали на родину. В пути к ним присоединились пять студентов, имевших при себе грамоту от Бориса Годунова. Царь просил послов представить русских учащихся городскому совету в Любеке и поместить в школу для обучения немецкому и латинскому языкам. Царь выразил пожелание, чтобы русские юноши оставались в православной вере и не забывали русских обычаев, и сообщал, что берет на себя все расходы на их содержание. В ответном письме царю послы обещали, что московских учащихся поместят в учебные заведения в Любеке и они будут там под присмотром добрых и почтенных людей²⁵.

Учителя немецкой школы в Москве располагали достоверной информацией об образовательном проекте Годунова. С их слов Конрад Буссов записал сведения о том, что русские студенты были посланы не только в Англию и Любек, но и во Францию. Однако никаких подробностей о лицах, посланных во Францию, не сохранилось. По данным Петра Петрея, несколько русских учеников находились в Стокгольме. Буссов засвидетельствовал, что один из учеников, по имени Дмитрий, позже вернулся на родину из Стокгольма²⁶.

Судьба русских студентов за рубежом сложилась неудачно. В России наступила «Смута», Борис Годунов умер, и царская казна перестала отпускать средства на содержание студентов за границей. Заброшенные на чужбину «робятки» вынуждены были искать свои пути в жизни.

Борис Годунов не жалел средств, когда речь шла о приглашении искусных докторов и аптекарей. При нем в Москве возник Аптекарский приказ, выделившийся из состава дворцового ведомства. По свидетельству Якова Маржарета, главой приказа был «аптечный боярин», ведавший всеми врачами и аптекарями в государстве. Новая должность считалась одной из высших в Боярской думе²⁷. Аптекарский приказ был придворным учреждением и обслуживал царскую семью и близкий к ней круг боярской знати. Ведущим медиком Аптекарского приказа был Кристофер Рихтингер, венгр по происхождению. Он прибыл в Москву с рекомендательным письмом от королевы Елизаветы в свите ее посла. Рихтингер был практикующим врачом и не имел ученого диплома. Посол просил, чтобы в России ему дали «имя докторское», что и было исполнено. В дальнейшем Борис Годунов благодарил королеву за доктора Кристофера Венгерца, излечившего его от опасной болезни²⁸.

В качестве служащих Аптекарского приказа врачи получали поместье с 30—40 крепостными крестьянами. По своему денежному окладу доктора приравнивались к окольныхчим. Из дворца медикам ежемесячно отпускали всякого рода натуральное обеспечение: четыре бочки меда, четыре бочки пива, 60 возов дров, примерно 150 руб. на приобретение свежих продуктов и пр. Каждый раз, когда прописанное врачом лекарство помогало царю, медик получал в награду 40 соболей либо бархат на кафтан²⁹.

Борис Годунов придавал деятельности Аптекарского приказа столь большое значение, что назначил руководить им боярина Семена Никитича Годунова, главу сыскного ведомства³⁰.

Функции Аптекарского приказа были весьма разнообразны. Во время переговоров о браке царевича Федора Годунова с английской принцессой посол Р. Варне сослался на отсутствие у него хроники с родословными лучшими английских фамилий. Канцлер А. Власьев тотчас сказал ему, что какая-то английская хроника хранится в Аптеке и он тотчас пришлет ее послу³¹.

Борис ценил своих ученых докторов и много времени проводил в их обществе. Он расспрашивал их об иноземных порядках, советовался о важных государственных делах, особенно религиозных³². Сближение православного царя с иноземными докторами вызывало осуждение со стороны приверженцев старины. Русские писатели считали этот

грех Годунова едва ли не худшим: «Едино же имея неисправление и от бога отличие, ко врачом сердечное прилежание...»³³

Правление Бориса было временем расцвета Немецкой слободы на Кокуе, в предместье Москвы³⁴. Среди нескольких сот жителей Немецкой слободы преобладали выходцы из Ливонии, принадлежавшие к протестантскому вероисповеданию. По просьбе немецких врачей Годунов позволил им выстроить себе кирху³⁵. Члены немецкой колонии в Москве собрали столь много денег на строительство кирхи, что на оставшиеся после окончания постройки деньги они открыли школу в слободе³⁶.

Под влиянием «немцев» в московский быт стали проникать некоторые новшества³⁷. Самым пагубным из них поборники православия считали обычай брить бороду. К великому возмущению монахов Борис не только не осуждал, но и поощрял брадобритие³⁸.

Годунов проявил исключительную заботу о благоустройстве столицы, строительстве и укреплении городов. При нем в жизнь Москвы вошли неслыханные новшества. В Кремле был сооружен водопровод с мощным насосом, благодаря которому вода из Москвы-реки поднималась «великой мудростью» по подземелью на Конюшенный двор. Борис велел выстроить каменный мост «з зубцы» через Неглинную против Тверской улицы. Сооружение использовали для устройства плотины и мельницы, расположенной под мостом. По аналогичному проекту был построен мост-плотина через Волхов в Новгороде³⁹.

Архитекторы Бориса приступили к сооружению нового царского дворца в Кремле. Строители успели заложить фундамент — «взруб каменной за Сретением, от Москвы-реки, а на том было взрубе ставити хоромы». Подле Архангельского собора были выстроены обширные палаты для военных приказных ведомств. За Неглинной мастера поставили новый земский двор, служивший управой благочиния, посреди Красной площади сделали «лобное место каменное, резана, двери-решетки железные». После большого пожара в Китай-городе Годунов выделил из казны средства для постройки там каменных торговых рядов⁴⁰.

Строительство превратилось в подлинную страсть Бориса Годунова. По его приказу надстроили столп колокольни Ивана Великого и «подписали» на нем имя Бориса. Искусные мастера слили для колокольни огромный колокол — «таков колокол весом не бывал». Из-за неслыханной тяжести его так и не смогли поднять наверх и сложили для него особую деревянную «колокольницу». Царские архитекторы приступили к возведению грандиозного каменного собора «святая святых» на площади за Иваном Великим. Рабочие успели забить сваи и завезти на строительную площадку камень и известь. Смерть Бориса помешала довести дело до конца⁴¹.

К числу шедевров русской архитектуры принадлежат каменные церкви, воздвигнутые в годуновских вотчинах в селах Хорошево и Вяземы под Москвой.

В строительной деятельности Годунова примечательны два момента. Во-первых, некоторые из его построек оставили заметный след в развитии русской архитектуры. Во-вторых, Годунов нередко подчинял свои проекты благотворительным целям. В годы голода он продолжал строительство в столице, чтобы обеспечить заработок для неимущей бедноты.

Борис Годунов покровительствовал талантливым строителям и архитекторам. Благодаря его поддержке в полной мере раскрылся талант Федора Коня. Под руководством этого замечательного мастера строители опоясали Белый город в Москве мощными каменными стенами с 27 башнями. Федор Конь руководил возведением грандиозных крепостных сооружений в Смоленске. Борис сам участвовал в закладке смоленской крепости. По его приказу крепость строили «все города Московского государства». Строительство велось с неслыханным размахом. Спеша с завершением работ, власти в 1600 г. временно запретили по всему государству все каменные постройки, не связанные с нуждами казны, с тем чтобы собрать каменщиков и мастеров в Смоленске.

Тем, кто нарушал государеву «заповедь», грозила смертная казнь⁴². Каменный город в Смоленске стал твердыней русской обороны на западных подступах к Москве.

При Годунове были достигнуты успехи в типографском деле. По словам московского летописца, при Борисе книги были «печатаны в розных городах». Новейшие исследования подтверждают достоверность летописного известия. Имеются прямые свидетельства о заведении типографии в Казани⁴³.

Современники с похвалой отзывались о приверженности Бориса делу просвещения, о его обширном строительстве и многом попечении «о державе своей». Люди, знавшие Годунова, считали его редким оратором и восхищались его речами. Как писал англичанин Джером Горсей, Борис одарен хорошими способностями, неучен, но быстрого ума; от природы красноречив и имеет звучный голос⁴⁴. Будучи человеком «сладкоречивым», Борис не любил тратить время в пустой болтовне. Как отметили послы из Любека, на царских аудиенциях в Кремле «пространные разглагольствования не допускаются, так как государь не любит подолгу оставаться в сидячем положении»⁴⁵.

В 1602 г. Борис посетил смертельно больного герцога Ганса Датского, прибывшего в Москву в качестве жениха царевны Ксении Годуновой. Каждый раз при появлении царя у постели герцога разыгрывалась одна и та же сцена. Борис рыдал, вместе с ним выли и причитали все бояре. В комнате стоял невообразимый шум. Один из членов датской свиты услышал и записал в дневнике «плач» Бориса у постели Ганса. «Не заплакала бы и трещина в камне, что умирает такой человек, от которого я ожидал себе величайшего утешения, — причитал царь. — В груди моей от скорби разрывается сердце!»⁴⁶

Обладая несокрушимой волей, Годунов производил впечатление мягкого человека. В минуты душевного волнения он давал волю слезам. В отличие от Ивана IV Борис проявлял редкое постоянство в семейной жизни, был привязан к детям. Перечисляя добродетели Годунова, русские писатели подчеркивали его отвращение к богомерзкому винопитию⁴⁷.

Русским писателям принадлежат лучшие словесные портреты Годунова. По словам одного из них, Борис имел облик благородный и благообразный, «благолепием цветущ и образом своим множество людей превзошед»⁴⁸.

Англичанин Джером Горсей отметил величественные манеры Годунова, красоту его лица и приветливость в обращении с людьми. Английские послы, побывавшие в Москве в 1604—1605 гг., утверждали, что царь был рослый и дородный человек, выделявшийся своей представительностью, имел правильные черты лица, черные редкие волосы, отличался в упор смотрящим взглядом. Голландец Исаак Масса, живший в России, писал, что Борис Годунов был дороден и коренаст, невысокого роста, лицо имел круглое, волосы и бороду — поседевшие; обладал превосходной памятью и «знал все лучше тех, которые много писали»⁴⁹.

В полной мере современники оценили мудрость Бориса в годы «Смуты», когда трон достался его ничтожным преемникам. Хотя и явились после Бориса другие умные цари, дипломатично заметил дьяк Иван Тимофеев, но их разум лишь тень по сравнению с его разумом. Даже враги, отдавая должное Борису, писали, что у него было множество великих замыслов и только неблагоприятные обстоятельства помешали ему их осуществить⁵⁰.

Трехлетний голод и начавшаяся вслед за тем гражданская война привели к тому, что строительство по всей стране было свернуто и власти не смогли претворить в жизнь проекты развития культуры и просвещения.

Глава 13 ВТОРЖЕНИЕ

В 1604 г. на всех русских границах царил мир. Однако с весны резко ухудшились отношения между Россией и Крымом. Русский посол в Крыму Ф. Барятинский 15 мая

1604 г. уведомил Бориса Годунова о том, что «крымский царь Казы-Гирей на своей правде, на чем шерть дал, не устоял, разорвал с государем царем... вперед миру быть не хочет, а хочет итти на государевы... украины». Одновременно из южных пограничных городов поступили донесения о том, что «на поля ходят крымские татаровья и станичников и сторожей громят, а татаровья конны и цветны и ходят резвым делом о дву конь, и чают их от больших людей»¹.

Тревога оказалась ложной. Тем не менее она определила всю расстановку русских военных сил летом 1604 г. С марта Разрядный приказ направил воеводу М. Б. Шеина с тремя полками в район Мценска, Новосили и Орла. Царь Борис объявил о том, что он сам возглавит поход против татар, и произвел смотр артиллерии в Серпухове².

С наступлением лета воеводы П. Н. Шереметев и М. Г. Салтыков с отборными силами выступили в степи и заняли позиции в Ливнах, преградив путь татарскому вторжению³. Военские люди были посланы к засекам на всем пространстве от Перемышля до Рязани. К осени военная тревога миновала. Служба в степных городах была утомительной, и дворяне требовали, чтобы их распустили по домам. Командование не видело необходимости держать дальше армию на южных границах. Дворяне разъехались по своим поместьям.

С чисто военной точки зрения вторжение Лжедмитрия в пределы России имело мало шансов на успех. У самозванца не было ни осадной артиллерии, ни достаточного количества войск, чтобы принудить к сдаче хорошо укрепленные русские крепости. Планируя интервенцию, Мнишек и прочие покровители Отрепьева рассчитывали нанести удар России в тот момент, когда все ее военные силы будут скованы на южной границе крымским вторжением. Расчеты сторонников самозванца не оправдались. К тому же Мнишек не успел собрать к лету войско. Летнее время, наиболее удобное для начала военных действий, было безвозвратно упущено. Осенью шли дожди и непролазная грязь затрудняла передвижение войск по дорогам.

В Москве знали о военных приготовлениях самозванца, но не придавали им значения, а, кроме того, предполагали, что он не выступит в поход осенью. Московское командование всецело полагалось на свои пограничные крепости, укомплектованные гарнизонами и артиллерией. В Москве знали, что ведущие политические деятели Речи Посполитой (Ян Замойский и др.) категорически отвергали планы войны с Россией. Борис Годунов не предвидел того, что сторонники интервенции возьмут верх при королевском дворе, и считал, что ему удастся избежать войны с помощью дипломатических средств.

В 1604 г. в Краков выехал стрелецкий голова Смирной Отрепьев, дядя самозванца. Он должен был собрать сведения о своем беглом племяннике, а затем публично изобличить его, добившись личной с ним встречи. Летом казаки захватили и выдали самозванцу царского воеводу Петра Хрущева. После этого Борис направил в Польшу гонца Постника Огарева. Гонец заявил протест по поводу пограничных инцидентов, вызванных действиями старосты Остра М. Ратомского. Он передал также требование освободить и отпустить на родину Петра Хрущева⁴.

Царская грамота, составленная в сентябре 1604 г., не оставляет сомнения в том, что в то время в Москве не догадывались о близком вторжении самозванца. При любой угрозе нападения воеводы получали приказ делать засеки на дорогах. В конце лета 1604 г. Петр Хрущев на допросе у самозванца показал, что в Северской земле нет никаких засек: хотя в Москве и знают, что «царевич в Литве есть, но войска его в Северской земле не ждут». Черниговские воеводы, попавшие вскоре в руки Отрепьева, полностью подтвердили показания П. Хрущева⁵.

Осенью 1604 г. московское командование не приняло никаких мер к усилению западных пограничных гарнизонов и не собрало полевую армию. Все это подтверждает вывод о том, что вторжение застало страну врасплох.

Самозванец был прекрасно осведомлен о положении дел на западной границе России. Он решил наступать на Москву не по кратчайшей дороге — через Смоленск, а

кружным путем — через Чернигов. В Чернигово-Северской земле не было таких мощных крепостей, как Смоленская.

Наряду с военным фактором важное значение имели факторы социального характера. Правительство предпринимало настойчивые попытки насадить на юго-западной и южной окраинах государства поместную систему землевладения, расширить и укрепить уездные дворянские корпорации. Все эти меры лишь отчасти оправдали себя. На южных окраинах дворянство было относительно малочисленным и экономически слабым. Среди городских детей боярских преобладали мелкие и мельчайшие помещики. Не имея свободных фондов распаханной земли, власти наделяли помещиков необработанными участками целины в «диком поле». Такие «дачи» не приносили владельцам дохода. Трехлетний неурожай имел катастрофические последствия для владельцев мельчайших поместий. Возобновление Юрьева дня грозило разорением даже состоятельным помещикам, которые имели в своих владениях крестьян и бобылей. Правительство использовало всевозможные средства, чтобы заселить плодородные земли на Юге России, не задумываясь над последствиями своих мер. Оно рассматривало окраину как подходящее место для ссылки опальных. В конце Ливонской войны царь Иван приказал ссылать в Севск и Курск и «писать» там в казаки опальных холопов, наказанных за доносы на своих господ⁶. Указ имел в виду не столько пашенных холопов, сколько военных по-служильцев, чем и объясняется необычность наказания: доносчиков записывали на государеву службу в казаки.

Объясняя успех самозванца, царские дипломаты указывали на то, что «в совете с тем вором с розстригою з Гришкою с Отрепьевым» были «воры — казаки и беглые холопы»⁷. Ссылный люд и беглые холопы действительно принадлежали к тем группам населения Юго-Запада России, которые наиболее энергично поддерживали Лжедмитрия.

После разгрома восстания Хлопка некоторые из «разбоев», уцелевших от расправы, нашли убежище в северских и южных городах. По словам очевидцев, старые «воры», «иже на конех обыкше и к воинскому делу искусни» (боевые холопы), «отхождаху» в Северщину, где и выступили на стороне Лжедмитрия с оружием в руках: «За се же (за дело Дмитрия. — *Р. С.*) яшяся крепце вси они вышепомянутые бегуны, северских и польских градов жители, веч-ныя холопы московские...»⁸

Свои первые решающие успехи самозванец одержал на Северщине. В северских городах было некоторое количество русских помещиков, имелись воинские контингенты, присланные из Москвы. Кроме беглых и ссылных холопов в северских городах осело немало беженцев из центральных уездов, пораженных голодом. Но в массе своей местное население было украинским.

В конце XVI в. по Украине прокатилась мощная волна народных восстаний. Они были жестоко подавлены шляхтой. Многие их участники бежали за Днепр в пределы России. В итоге северские города к началу «Смуты» оказались переполнены беглым недовольным людом как русского, так и украинского происхождения. Одни попали сюда из России, другие — с Правобережной Украины.

Православное население Украины жестоко страдало от гнета шляхетской Речи Посполитой. Появление православного «царевича» в пределах Литвы подало низам надежду на перемены к лучшему. Украинское население Черниговщины поддерживало тесные торговые связи с Киевщиной. Поэтому слухи о пришествии «добрého» царя мгновенно распространились из Киева в северские города.

Объясняя причины «Смуты», русские власти заявляли, что с появлением Лжедмитрия I в пределах Северской земли «тутошние мужики — севрюки глупые — прельстились и поверили» ему. Севрюками называли украинцев, живших в пределах Чернигово-Северской земли. Говоря о мужиках севрюках, московское правительство имело в виду низший слой местного населения. Объясняя сдачу северских городов, русские летописцы писали: «...сиверские мужики и всякие люди чаяли, что он прямой царевич Дмитрей...»⁹. Сторонники самозванца отводили Северщине особое место в своих планах.

В течение многих месяцев они употребляли всевозможные средства, чтобы привлечь на сторону Лжедмитрия жителей Чернигова и его пригородов. Центром их агитации стал замок Остер, стоявший на Десне против Нового Монастыревского острога. Местный староста Михаил Ратомский был одним из самых энергичных приверженцев «царевича». Ратомский не раз засылал лазутчиков в Чернигов. По его приказу литвин Т. Дементьев привез в Монастыревский острог именное письмо «царевича» к тамошнему стрелецкому сотнику. Позже И. Лях и И. Билин из Остра подплыли к острогу и разбросали по берегу грамоты от «Дмитрия»¹⁰.

Агитация в пользу «добрého» царя принесла свои результаты. Обрушивавшиеся на страну бедствия приучили население винить во всех своих бедах царя Бориса. Упоывая на «добрého Дмитрия», народ с нетерпением ждал «исхода» «истинного» царя из-за рубежа. На пути из Львова до Киева немало крестьян «показались» и вступили в войско самозванца. Киевские мужики помогли ему переправиться за Днепр. Совершенно так же встречало войско «царевича» украинское население Северщины.

13 октября 1604 г. войско Лжедмитрия, перейдя границу, стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Монастыревскому острогу. Предпринимая нападение на соседнее дружественное государство, главнокомандующий самозванца Ю. Мнишек сознавал, что не сможет в случае неудачи и пленения воспользоваться защитой Речи Посполитой. По этой причине он принимал всевозможные меры предосторожности.

Приказав атаману Белешко с казаками двигаться по дороге прямо к Монастыревскому острогу, Мнишек углубился в лес, раскинувшийся кругом на много верст. При нем находились самозванец, шляхта, отряды наемных солдат, экипажи и обозы. Сопровождавшие армию Мнишка иезуиты подтвердили в своих письмах, что шли к Монастыревскому острогу (Моровску) не по дороге, а «через леса и болота». Ротмистру С. Борше начало похода запомнилось тем, что его солдаты нашли в лесу множество вкусных ягод¹¹.

Атаман Белешко беспрепятственно подошел к Монастыревскому острогу и выслал гонца для переговоров. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он сообщил, что следом идет сам «Дмитрий» с огромными силами. Застигнутые врасплох воеводы Б. Лодыгин и М. Толочанов пытались организовать сопротивление. Но в городке началось восстание. Жители связали воевод и выдали их казакам. При всем своем усердии народ не смог немедленно сдать острог «Дмитрию». Войско Мнишка забило в леса и болота так глубоко, что ему понадобилось несколько дней, чтобы выбраться из чащи на дорогу и попасть в городок. 18 октября 1604 г. казаки донесли Мниш-ку о своей победе. На другой день жители крепости доставили «царевичу» захваченных воевод, и лишь 21 октября в 7 часов вечера Лжедмитрий вместе со своим главнокомандующим принял острог из рук восставших¹².

Захлестнувшие Северщину слухи о скором появлении избавителя — «хорошего» царя расчистили путь самозванцу. Мнимый сын Грозного был встречен ликующими возгласами: «Встает наше красное солнышко, ворочается к нам Дмитрий Иванович!»¹³

Известие о сдаче Монастыревского острога и приближении «царевича» вызвало волнение в Чернигове. Простой народ требовал признать власть законного государя. Среди местных служилых людей царили разброд и шатания. Воевода князь И. А. Татев заперся со стрельцами в замке и приготовился к отражению неприятеля. Но он оставил посад в руках восставшего народа, что решило исход дела. Чтобы справиться с воеводой, черниговцы призвали на помощь прибывший в окрестности города казачий отряд атамана Белешко¹⁴. Русское командование использовало задержку самозванца на границе и проявило исключительную расторопность. На выручку к черниговским воеводам стремительно двигался окольный П. Ф. Басманов с отрядом стрельцов. Он находился в 15 верстах от города, когда там произошло восстание.

Призванные черниговцами казаки Белешко бросились к замку, но были отбиты залпами стрельцов. Раздосадованные потерями казаки и прибывшие следом наемные солдаты самозванца воспользовались тем, что горожане открыли им ворота, и бросились грабить посад. Все воинские заслуги армии Мнишка при взятии Чернигова свелись к грабежу города. События в замке развивались своим чередом. Князь Татев не смог удержать в повиновении находившихся при нем казаков, стрельцов и служилых людей.

Русские и иностранные источники одинаково описывают обстоятельства падения Чернигова. По свидетельству «Нового летописца», И. А. Татев пытался оборонять крепость, но среди гарнизона открылась измена, «и приидоша ж вси ратные люди и ево поимаше, и сами здалися к Ростриге...». Согласно Разрядным книгам, черниговцы захватили и выдали самозванцу воевод князя И. А. Татева, князя П. М. Шаховского и Н. С. Воронцова-Вельяминова. Автор «Сказания о Гришке Отрепьеве» обвинил в «Смуте» прежде всего «черных людей» Чернигова: «...смутишася черные люди и перевязаша воевод...» Иезуиты, вступившие в Чернигов вместе с самозванцем, отметили, что восставшие черниговцы с ожесточением напали на воевод, одних ранили, других повлекли в тюрьму. Среди дворян одни упорно сопротивлялись, другие тайком соглашались на сдачу¹⁵. Самозванец вступил в Чернигов на другой день после его сдачи. Он выразил гнев по поводу разграбления города, но не смог или не захотел заставить солдат и казаков вернуть награбленное¹⁶. Уже в Чернигове обнаружилось, сколь различным было отношение к самозванцу со стороны верхов и низов русского общества. Народ приветствовал вновь обретенного «царевича», невзирая на свои несчастья. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать расстригу своим государем. Отрепьев приказал убить его. Казнь устрасила дворян, взятых в плен. Воеводы Татев, Шаховский и другие поспешили принести присягу Лжедмитрию.

Заняв Чернигов, Мнишек с самозванцем явно боялись углубляться на территорию России. Находившиеся при армии иезуиты писали 1 (11) ноября 1604 г.: «Два или три дня спустя войско двинется отсюда в глубь Московии, где, как говорят, путь будет идти миль на 30 лесами к Белгороду»¹⁷. Верный себе Мнишек вновь решил углубиться в леса и, обходя крепости, двигаться вдоль кромки русских земель к Белгороду, где можно было ждать помощь с Дона. Однако под влиянием благоприятных вестей Мнишек вскоре изменил свои планы и выступил к Новгороду Северскому. В авангарде его армии шли две сотни казаков во главе с Я. Бучинским. Казаки пытались завязать переговоры с городскими жителями, грозили воеводам жестокой расправой в случае неповиновения. Но в Новгороде Северском они не добились успеха.

Оборону города возглавил энергичный воевода П. Ф. Басманов. Не успев оказать помощь Чернигову, он отступил в Новгород Северский и в течение недели подготовил крепость к обороне. Число местных служилых людей в городе было невелико: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. Басманов привел с собой небольшой отряд. Не довольствуясь наличными силами, он запросил подкрепление из близлежащих крепостей. Гарнизон Новгорода Северского был пополнен за счет 59 дворян из Брянска, 363 московских стрельцов и 237 казаков из Кром, Белева и Трубчевска¹⁸.

Власти успели перебросить в крепость «даточных людей» — наспех собранных крестьян из дворцовой Комарицкой волости на Брянщине. Если верить поздним Разрядным записям, в Новгород Северский были присланы пять голов «з даточными людьми: Ондрей Матвеев сын Воейков, Иван Петров сын Биркин, Ондрей Бунаков, Борис Угрюмов, Данило Яблочков, а с ними комаричан по пятьсот человек». И. И. Смирнов понял буквально приведенную запись и рассчитал, что в Комарицкой волости было собрано 2500 «даточных людей»¹⁹. Однако имеются основания считать, что в копии Разрядной книги допущено искажение²⁰. Согласно подлинному наградному списку Годунова, Борис Угрюмов и Данила Яблочков участвовали в обороне Новгорода Северского, но первый числился сотником московских стрельцов, а второй — сотником белевских казаков. Андрей Бунаков в течение двух предыдущих лет служил головой в

гарнизоне Рыльска, а Иван Биркин был в 1604 г. головой в Пронске. Вполне возможно, что они прибыли на Северщину с подчиненными им ратными людьми. Один Андрей Воейков с 1603 г. числился головой в Новгороде Северском²¹. Не он ли был послан в Комарицкую волость за «даточными людьми»? Всего Басманов успел собрать в Новгороде Северском до 1000 ратников и, возможно, 500 «даточных людей»²².

Когда казаки из армии Мнишка подступили к городу, воевода П. Ф. Басманов приказал стрелять по ним и отогнал от стен крепости. Узнав о неудаче, Мнишек два дня не решался идти вперед. Его армия стояла обозом в поле²³. Наконец он преодолел замешательство. 11 ноября 1604 г. войско самозванца расположилось лагерем у Новгорода Северского. Три дня спустя солдаты предприняли попытку штурма, но потеряли 50 человек и отступили. В ночь с 17 на 18 ноября последовал генеральный штурм. Басманов имел лазутчиков во вражеском лагере и успел хорошо подготовиться к отражению нападения. Солдаты использовали «примет», чтобы поджечь деревянные стены замка. Но приступ не удался.

Никогда прежде Отрепьев не нюхал пороху, и первая же неудача повергла его в уныние. Он был близок к обмороку, проклинал наемных солдат. Поражение посеяло в его лагере страх и неуверенность. В войске назревал мятеж. После недолгих совещаний наемники решили немедленно отступить от города и вернуться на родину. Однако они не успели осуществить свое решение, поскольку в тот самый момент в лагере стало известно о сдаче Путивля²⁴.

Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным северским городом, располагавшим каменной крепостью. Лишь овладев Путивлем, самозванец мог добиться подчинения Северной Украины. Кто владел Путивлем, тот владел Северщиной. Отрепьев понимал это, и уже его первые военные планы, составленные в 1603 г., предусматривали занятие Путивля как первоочередную задачу. Вторгшись в Россию, Лжедмитрий не посмел напасть на Путивль, поскольку у него не было ни многочисленной армии, ни осадной артиллерии.

Падение мощной крепости поразило современников. Некоторые из них подозревали, что Путивль был сдан вследствие измены воевод. Управляли Путивлем трое присланных из Москвы воевод — М. М. Салтыков, князь В. М. Мосальский и дьяк Б. И. Сутупов. Шведский резидент Петр Петрей записал сведения о том, что Борис Годунов поручил Мосальскому доставить в Путивль казну, а тот якобы отвез деньги в лагерь самозванца. Другой иностранный мемуарист — Исаак Масса утверждал, что к Лжедмитрию бежал дьяк Сутупов, посланный с деньгами в Путивль. Записи Разрядного приказа обнаруживают недостоверность приведенных свидетельств. В Разряде, составленном не позднее лета 1604 (7112) г., против имени Б. Сутупова помечено: «Богдан послан з государевым денежным жалованьем в северские города»²⁵.

Итак, дьяк Сутупов прибыл в Путивль за несколько месяцев до вторжения самозванца и, следовательно, не мог по пути из Москвы заехать в его лагерь. Судя по Разрядам, В. М. Мосальский и Б. И. Сутупов прибыли к месту назначения раньше главного воеводы М. М. Салтыкова. Как значится в книгах Разрядного приказа, «в Путивль послал государь окольничего Михаила Михайловича Салтыкова, а там готовы князь Василей княж Михайлов сын Мосальской да дьяк Богдан Иванов»²⁶.

Авторы русских сказаний давали разноречивые оценки поведению путивльских воевод. По словам «Нового летописца», «в Путивле окаянный князь Василей Рубец Масальской да дьяк Богдан Сутупов здумаша так же (как черниговцы. — *Р. С.*)... послаша с повинною». В «Сказании о Гришке Отрепьеве» можно прочесть, что Мосальский примкнул к изменникам «черным людям» вместе с Сутуповым. Автор «Повести 1626 г.», напротив, считал, что Мосальский, как и Салтыков, противился мятежу и убеждал народ, что «вор» — это Гришка Отрепьев²⁷.

Письмо, написанное неизвестным поляком из-под Новгорода Северского в дни мятежа в Путивле, не оставляет сомнения в достоверности второй версии. Поляк писал,

что двое путивльских воевод (один из них сенатор и любимец Бориса) пытались противодействовать мятежу, но их связали и увезли в лагерь самозванца. Из письма следует, что только один воевода из трех примкнул к «черни» и добровольно встал на сторону Лжедмитрия. Этим воеводой был, очевидно, дьяк Сутупов, человек незнатного происхождения. Член Боярской думы М. М. Салтыков решительно отказался присягнуть самозванцу, чем навлек на себя гнев народа. Путивляне поволокли воеводу к «царевичу» на веревке, которую привязали к его бороде²⁸.

Путивль был главным торговым центром Северной Украины и имел многочисленное посадское население²⁹. Однако в путивльском восстании участвовали не только посадские люди, но и местный гарнизон. Крупнейшим воинским соединением гарнизона был приказ из 500 конных пищальников, которых называли на украинский манер самопальниками. Приказ был сформирован лет за 10 до «Смуты». Власти предполагали укомплектовать приказ за счет мелкопоместных детей боярских, но им удалось организовать лишь одну дворянскую сотню. Прочие самопальники были набраны из числа местных казаков (севрюков), выходцев с Правобережной Украины (черкас), стрельцов, пушкарей, посадских людей. Детей боярских наделяли небольшими поместьями — по 30—50 четвертей пашни. Среди прочих самопальников рядовые имели по 20, атаманы — по 30 четвертей земли. Иногда зачисленным в самопальники лицам оставляли те же участки, которые они прежде держали на оброке. Более половины отведенной служилым людям земли составляла нераспаханная пашня в «диком поле». Самопальники должны были сами распахать целину, обрабатывать надел и одновременно нести службу.

Путивльские служилые люди приняли участие в восстании, рассчитывая на то, что «добрый» царь облегчит их участь. Гарнизон Путивля встал на сторону восставшего народа. Верность Борису сохранили лишь московские стрельцы, присланные в город вместе с воеводами.

Самозванец узнал об аресте путивльских воевод 18 ноября 1604 г. День спустя жители города дали знать о «поимании 200 стрельцов московских». 21 ноября повстанцы выдали «царевичу» голову сгрелецкого с сотниками. Приведенная запись из польского походного дневника дает основание предполагать, что посланные в Путивль московские стрельцы оказывали сопротивление восставшим в течение одного-двух дней.

Путивльские дворяне составляли малочисленную прослойку по сравнению с другими группами населения, но они были наилучшим образом вооружены и сохраняли значение ведущей политической силы. Московским воеводам, возможно, удалось бы подавить народные выступления, если бы они располагали прочной поддержкой местных дворян. Однако имеется множество признаков того, что путивльские дети боярские «всем городом» выступили на стороне «Дмитрия», а это и определило исход восстания. Руководителями путивльского повстанческого лагеря стали местные дети боярские Ю. Беззубцев и С. Булгаков. По-видимому, они сыграли выдающуюся роль в перевороте, чем и объясняется их последующая карьера.

Вступив на трон, Лжедмитрий I предоставил путивльским помещикам исключительные льготы, на 10 лет освободив их земли от податей. Не менее важное значение имел указ Лжедмитрия I о крестьянах, суливший наибольшие выгоды северским и южным помещикам. Дворяне Путивля, подобно дворянам многих других южных уездов, не несли службу в составе «государева двора», что также сказалось на их позиции. Заручившись поддержкой «служилого города» в Путивле, самозванец добился важного политического успеха. Очень скоро Путивль стал признанным центром повстанческого движения в России.

В Путивле в воеводской казне хранились крупные суммы, предназначенные для выплаты жалованья служилым людям и крепостного строительства. Во время восстания дьяк Б. Сутупов уберег казну, а затем доставил ее самозванцу в его лагерь.

В наемной армии под Новгородом Северским назревал мятеж. Восставшие путивляне спасли положение, снабдив самозванца казной. Последовав примеру черниговских воевод, В. М. Мосальский присягнул «царевичу». Довольно скоро Мосальский и Сутупов стали самыми деятельными помощниками Лжедмитрия.

Пять недель шла борьба за северские города, прежде чем восстание перебралось из Северной Украины на смежные русские уезды. Расположенные поодаль от границы, русские города были затронуты агитацией в пользу самозванца значительно меньше, чем северские города. Тем не менее в них было много горючего материала. Из Путивля восстание перебралось в Рыльск, Курск и далее на северо-восток. В самом начале кампании московское командование перебрало в Рыльск 300 московских стрельцов. Однако рыльский воевода А. Загряжский не сумел подавить восстание населения. Весть о событиях в Рыльске была получена в лагере под Новгородом Северским 25 ноября 1604 г., а 1 декабря восставшие привели к «царевичу» пять воевод из Рыльска³⁰. В тот же день стало известно о восстании в Курске.

Летом 1604 г. Разрядный приказ назначил воеводой Курска князя Г. Б. Рощу-Долгорукого. Его помощником был голова Я. Змеев. Куряне связали воевод и доставили их к Лжедмитрию. Воеводам пришлось выбирать между милостями нового «государя» и тюрьмой, и они поспешили присоединиться к тем, кто согласился служить «вору». Прошло совсем немного времени, и Лжедмитрий назначил Г. Б. Долгорукого и Я. Змеева своими воеводами в Рыльск³¹.

Усматривая в описанных событиях крестьянскую войну, И. М. Скляр высказал предположение, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы «за царя Дмитрия» оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян...»³². Факты не подтверждают такой вывод. В ряде северских городов дети боярские «всем городом» переходили на сторону Лжедмитрия, чем определялась легкость переворота. Восставший народ нападал на воевод, московских стрельцов и других лиц, выступавших против «доброего» царя, но принимал их в свою среду и даже подчинялся их авторитету, коль скоро те переходили на сторону Лжедмитрия.

Источники сохранили мало данных о настроениях и действиях крестьян. Однако следует подчеркнуть один существенный момент. К осени 1604 г. деревня еще не преодолела последствий трехлетнего неурожая и голода.

Архивы Новодевичьего монастыря сохранили материалы, живо характеризующие положение крестьян в монастырских вотчинах на Юге страны. Крестьяне Оболенских сел жаловались, что многие из них «пашен своих ко 112-му (1604. — *Р. С.*) году не сеяли, потому что хлеба на семена взяти негде». Проверка подтвердила, что пашня в Оболенских селах в 1604 г. продолжала сокращаться, что крестьяне терпят нужду: «У иного корова да кляча есть, а у иного нет, а хлебом добре нужны». Власти богатого столичного монастыря решили сложить с сел денежный оброк, чтобы «крестьяне в Оболенских селех скрепились и не разбежались». Однако казна продолжала неукоснительно взыскивать с разоренной деревни царские подати. Между тем оболенские крестьяне в своих челобитных 1604 г. жаловались в особенности на непосильность государевых поборов и повинностей. Власти «правили» на них «ямским охотником подмоги хлебные и денежные», привлекали к трудовой повинности по строительству острога в Серпухове³³. С началом войны на деревню были возложены новые обременительные обязанности. За счет принудительных наборов среди крестьян были укомплектованы отряды «даточных людей» и многотысячная посошная рать, перевозившая войсковые обозы и артиллерию.

Положение на Брянщине и Орловщине мало чем отличалось от положения в Серпуховском округе, где находились Оболенские села.

Плодородные земли Северной Украины были затронуты неурожаем и голодом в меньшей мере. Но именно поэтому казна отказывала местным крестьянам в каких бы то ни было податных льготах, стремясь компенсировать огромные недоимки в других уездах. Из-за осенней распутицы власти не имели возможности своевременно набрать

«даточных» и «посошных» людей в отдаленных уездах государства, и поэтому тяжесть этой повинности испытали на себе прежде всего крестьяне юго-западных районов, ближе всего расположенных к театру военных действий.

Первой крестьянской волостью, примкнувшей к восстанию в пользу Лжедмитрия, явилась обширная Комарицкая волость на Брянщине. 25 ноября (5 декабря) 1604 г. автор поденной записки похода самозванца пометил в своем дневнике: «...из Комарицкой волости люди приехали с объявлением о подданстве и двух воевод привели». Борьба в волости продолжалась по крайней мере пять дней. 1 (11) декабря в дневнике появилась запись о том, что комаричи привели еще двух воевод «из Комарицкой волости»³⁴.

Объясняя причины восстания в Комарицкой волости, И. И. Смирнов высказал предположение, что еще при царе Федоре эта волость была передана во владение Борису Годунову, а тот олицетворял собой и боярина-феодала, и главу крепостнического государства. Однако данные, обнаруженные В. И. Корецким, не оставляют сомнения в том, что при царе Борисе Комарицкая волость была дворцовой. Дворцовые крестьяне находились в лучшем положении, нежели закрепощенные частновладельческие крестьяне. По словам Исаака Массы, Комарицкая волость была населена богатыми мужиками. Русские источники подтверждают это известие³⁵. Трехлетний неурожай сказался на положении и этой богатой волости, но все же комаричи не испытали тех бедствий, которые выпали на долю населения многих других районов, массами умиравшего от голода.

Для управления обширной дворцовой волостью власти еще в 1603 г. направили к комаричам голову: «Во Брянском уезде в Комаритцкой волости голова Иван Нарматцкой». Боярские списки подтверждают его назначение. Нармацкий ранее служил дьяком в приказе, а потому имел опыт, необходимый дворцовому приказчику³⁶.

Невзирая на неурожай, комаричи должны были выплатить казне и дворцу подати и оброки. Еще более тяжелыми оказались натуральные повинности. Когда И. Нармацкий обязал волостных людей выставить для войны с «Дмитрием» 500 человек «даточных людей», негодование крестьян достигло предела. Какой бы обширной ни была Комарицкая волость, там не могло быть четырех воевод. Очевидно, автор польского походного дневника именует «воеводами» приказных людей детей боярских, захваченных в Комарицкой и в других соседних волостях.

Характерно, что в 1603 г. одновременно с посылкой И. Нармацкого в Комарицкую волость власти назначили сына боярского У. А. Матова в Сомовскую волость, располагавшуюся на Орловщине, в 30 верстах от Карачева. Осенью 1604 г. воевода А. Р. Плещеев получил приказ спешно идти в Карачев и в Комарицкую волость. С ним были несколько десятков жильцов, «да конюхи, да псари»³⁷. Необычный состав отряда позволяет высказать предположение, что Плещеев возглавлял карательные силы, предназначенные для подавления крестьян в карачевских и брянских волостях. Сомовская волость находилась в 40 верстах к северу от Комарицкой. Возможно, очаг крестьянских восстаний включал не только Комарицкую, но и соседнюю Сомовскую волость, а также некоторые другие волости³⁸.

3 декабря 1604 г. в лагере Лжедмитрия стало известно, что «волость Кромы поддалась». Службу в Кромах несли в 1603—1604 гг. осадный голова Иван Матов и городовые приказчики Осип Виденьев и Иван Грудинов. Власти не ждали нападения на Кромы и ослабили и без того малочисленный гарнизон. Дело дошло до того, что Матову пришлось отослать в действующую армию четырех своих конных боевых слуг. Согласно польскому походному дневнику, на сторону «Дмитрия» перешла «волость Кромы»³⁹. Иначе говоря, восстание в небольшой крепости было поддержано населением сельской округи.

Уцелевший фрагмент разрядных документов, посвященный военным действиям в районе Кром и Орла, показывает, какую роль играло крестьянское население в распространении восстания от уезда к уезду. В конце 1604 г. власти города Орла донесли

в Москву, что пришли «на орловские места войною Околенские волости мужики и кромчане»⁴⁰.

Кромы располагались к югу от Орла, на дороге Курск — Орел. Околенки — центр Околенской волости — находились к западу от Орла, на расстоянии 42 верст от Карачева. Через Околенки проходила прямая дорога из Орла на Карачев. Восстание в Околенской волости создало угрозу для Карачева. На помощь местному гарнизону был послан отряд правительственных войск: «В Карачев послан Алексей Романов сын Плещеев, а с ним посланы жильцы, да конюхи, да псары»⁴¹.

Восставшие «мужики» из Околенской волости действовали очень энергично. Они объединились с отрядами из Кромской волости и попытались поднять против царя Бориса население Орла. Если бы кромчанам удалось «смутить» Орел, это открыло бы восставшим прямой путь на Москву. Оценив опасность, командование перебросило в Орел голов Г. Микулина и И. Михнева с дворянскими сотнями. Из-за недостатка сил в Орел были вызваны дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещовска, несшие годовую службу в Белгороде⁴².

Царь Борис доверял Г. Микулину и в 1600 г. направлял его послом в Лондон. Микулин не допустил восстания в Орле, поскольку имел возможность опереться на сильные дворянские отряды. Высланная из города дворянская сотня наголову разгромила «мужиков» и отбросила их от Орла.

Несмотря на неудачу повстанцев под Орлом, восстание на Брянщине и Орловщине существенно изменило ситуацию на театре военных действий. Теперь самозванец имел обеспеченный тыл и возможность пополнить свои ресурсы.

Вести об успехах «истинного» царя проникли в осажденный Новгород Северский и посеяли там семена смуты. Воеводе П. Ф. Басманову с трудом удалось справиться с кризисом.

После отступления Лжедмитрия власти щедро наградили всех участников обороны крепости. Не были забыты ни стрелецкие дети, ни бортники, ни монахи, ни слепой старец, ходивший лазутчиком в «воровской» стан, однако среди награжденных не было посадских людей и «даточных» — комаричей. С. Ф. Платонов склонен был объяснить этот факт отсутствием сколько-нибудь значительного посада в Новгороде Северском. Однако с таким объяснением трудно согласиться. Современники отмечали, что Басманов, прибыв в город, приказал сжечь примыкавший к крепости посад, а жителей загнал в острог. Запись дневника участника осады дает ключ к отмеченному С. Ф. Платоновым парадоксу. 28 ноября (8 декабря) 1604 г., записал автор поденной записки, «передалось москвы из замка 80»⁴³. Как видно, среди населения Новгорода Северского произошли волнения. Сторонники «царевича» пытались поднять мятеж, но потерпели неудачу и бежали из крепости.

Начиная с 1 декабря 1604 г. осаждавшие стали обстреливать Новгород Северский из тяжелых орудий, привезенных из Путивля. Канонада не прекращалась ни днем, ни ночью. Гарнизон нес большие потери. После недельного обстрела враги «разбиша град до обвалу земного»⁴⁴.

Чтобы выиграть время, П. Ф. Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и просил о предоставлении ему двухнедельного перемирия, будто бы необходимого для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и самозванец согласились на просьбу воеводы. Басманов использовал перемирие, чтобы получить подкрепления из городов, сохранивших верность Годунову. Отряд правительственных войск, действовавших неподалеку от Новгорода Северского, предпринял успешную попытку прорваться в осажденную крепость. 14 (24) декабря, отметил автор польского походного дневника, «москвы 100 вошло в замок». Автор дневника называл «москвой» всех русских ратников — и местных, и присланных из Москвы⁴⁵.

Не располагая крупными силами, московское командование было вынуждено посылать против Лжедмитрия и его сторонников разрозненные отряды. Вслед за П. Ф.

Басмановым «в Северу» выступил воевода М. Б. Шеин. В Орел на помощь тамошним головам прибыл воевода Ф. И. Шереметев, вскоре переброшенный под Кромь. По словам Я. Запорского, осада Кром продолжалась в общей сложности 23 недели, иначе говоря, она началась в первых числах декабря 1604 г. В роспись главной армии 1604 г. дьяки включили списки, озаглавленные «Да в большом же полку з бояры и воеводами жильцов и дворян выборных из городов, которые были с воеводою с Федором Шереметевым...»⁴⁶. Поименованные дворяне из отряда Шереметева не были учтены в итоговых цифрах росписи, составленной к концу ноября 1604 г. Это значит, что список шереметевских дворян был включен в общую роспись в декабре, во всяком случае до 21 декабря, поскольку некоторые из этих дворян участвовали в неудачной битве под Новгородом Северским⁴⁷. Воевода Ф. И. Шереметев лишился даже собственной вооруженной свиты: еще до выступления в поход 60 его боевых холопов были отряжены в главную армию⁴⁸. Не располагая достаточными силами, Шереметев был вынужден прервать на время осаду Кром.

Борис Годунов объявил о мобилизации всего дворянского ополчения после того, как узнал о первых успехах самозванца. Разрядный приказ получил распоряжение собрать полки в течение двух недель. Царское повеление было повторено трижды, но выполнить его не удалось. Потребовалось не менее двух месяцев, чтобы вызвать дворян из их сельских усадеб в места формирования армии. Осенняя распутица затрудняла мобилизацию.

В октябре 1604 г. Разрядный приказ составил две росписи. Согласно первой, князь Д. И. Шуйский с тремя полками должен был выступить к Чернигову, согласно второй — к Брянску. Однако даже армию из трех полков удалось укомплектовать лишь в ноябре. Д. И. Шуйский начал поход «на Северу» только 12 ноября, «на Дмитриев день». Участник похода Конрад Буссов называет ту же дату. По его словам, Борис сурово наказал тех, кто уклонялся от службы: некоторых доставили к месту службы под стражей, у других отписали поместья, третьих наказали батогами; наконец дворяне собрались в Москве ко дню св. Мартина, т. е. к 12 ноября⁴⁹. В Брянске армия сделала длительную остановку, ожидая пополнений. Туда прибыл главнокомандующий князь Ф. И. Мстиславский⁵⁰. Собранная в Брянске армия была разделена на пять полков.

Анализируя первые распоряжения Годунова, С. Ф. Платонов сделал вывод, что его ошибки весьма способствовали успеху самозванца. Опасаясь вторжения войск самозванца со стороны Орши, царь назначил сборным пунктом для главной армии Брянск, одинаково близкий к Смоленску и к Орше, вследствие чего воеводы потеряли много времени⁵¹. Повидимому, это не совсем верно. Брянск был выбран местом сосредоточения по той простой причине, что через этот город проходила большая дорога, издавна связывавшая Москву с Северной землей.

Несмотря на все старания Разрядного приказа, главные силы русской армии смогли войти в соприкосновение с войском Мнишка лишь через два месяца после начала интервенции. Царские воеводы действовали вяло и нерешительно. Они прибыли в окрестности осажденного Новгорода Северского 18 декабря 1604 г. и провели три дня в полном бездействии. 20 декабря войска выстроились друг против друга на поле, но дело ограничилось мелкими стычками. Самозванец старался оттянуть битву переговорами, и это ему отчасти удалось. Мстиславский ждал подкреплений и не спешил с битвой.

Сохранилась Разрядная роспись полков Ф. И. Мстиславского с точными данными о численности царской армии. По наблюдению В. Д. Назарова, составление росписи было закончено в первых числах декабря 1604 г. В росписи имеются пометы о гибели дворян, убитых в сражении с войсками самозванца. Издатели росписи С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский полагают, что названные пометы относились к битве под Добрыничами 21 января 1605 г., из чего следует, что Разрядную роспись продолжали пополнять и в январе 1605 г.⁵² Полагаем, что пометы «в полону», «убит» следует отнести к битве под Новгородом Северским в декабре 1604 г., поскольку разгром и бегство армии самозванца

в битве под Добрыничами исключали возможность пленения годуновских дворян. После 21 декабря 1604 г. роспись, по-видимому, не пополнялась новыми сведениями. Именно поэтому в нее не попали сведения о прибытии в армию в январе 1605 г. значительных подкреплений из Москвы во главе с боярином князем В. И. Шуйским, занявшим пост второго воеводы⁵³.

Боевой состав царской армии, по росписи, составлял 25 336 человек. Яков Маржарет считал, что у Мстиславского было до 40—50 тыс. человек⁵⁴. Видимо, в это число входили боевые холопы, «посошные люди» при обозе и пр.

По данным А. Гиршберга, армия самозванца насчитывала 38 тыс. человек⁵⁵. Указанная им цифра лишена достоверности. Без сомнения, войско Мнишка в количественном отношении далеко уступало армии Мстиславского. Самозванец оказался в трудном положении, имея в тылу осажденную крепость, а перед фронтом — превосходящие силы неприятеля. Накануне битвы Басманов велел палить из всех пушек и делал частые вылазки, вследствие чего Мнишек отрядил против крепости часть казацкого войска.

Между тем Мстиславский не сумел использовать всех выгод своего положения. Мнишек перехватил инициативу. 21 декабря 1604 г. польские гусарские роты стремительно атаковали правый фланг армии Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил, увлекая за собой соседние отряды. Среди общего смятения одна из гусарских рот, следуя за отступающими русскими, повернула вправо и неожиданно оказалась позади расположения большого полка, подле ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко и захватили стяг. Они сбили с коня Мстиславского и нанесли ему несколько ударов в голову. Безрассудно храбрый налет не мог дать больших результатов. Подоспели стрельцы. Кто из гусар успел вовремя повернуть коня, спасся. Прочие же вместе с их капитаном Домарацким попали в плен.

Царские воеводы имели возможность использовать свое численное превосходство, но они так и не ввели в дело главные силы. Ранение главнокомандующего вызвало растерянность. В. В. Голицын, А. А. Телятевский и другие воеводы поспешили отвести свои полки и полностью очистили поле боя⁵⁶.

Самозванец мог праздновать победу. По утверждению его соратников, поляки потеряли убитыми около 120 человек, тогда как русских полегло до 4 тыс. Данные о русских потерях были сильно преувеличены. Кроме того, надо иметь в виду, что поляки считали всех убитых русских вместе — и государевых ратников, и «воровских» людей. Хоронили их без разбора в трех больших могилах. Опытный солдат Яков Маржарет, участвовавший в битве, отметил, что обе армии после двух-трехчасовой стычки разошлись без особых потерь. Его слова подтверждаются малочисленными пометами об убитых дворянах в упомянутой выше росписи русской армии⁵⁷.

Успех Мнишка носил частный, преходящий характер. Общее положение на театре военных действий не изменилось. Мнишку предстояло продолжать утомительную и бесплодную осаду Новгорода Северского и ждать нового натиска многочисленной царской рати.

Самым неотложным для самозванца вопросом было безденежье. Одержав верх над Мстиславским, наемники немедленно потребовали у «царевича» плату. Казна, привезенная из Путивля, была почти вся истрачена. Но «рыцарство» не желало слышать ни о каких отсрочках. Чтобы успокоить недовольных, Лжедмитрий тайно раздал деньги роте, заслужившей его особую милость. Об этом немедленно узнали другие роты. 1 января 1605 г. в лагере вспыхнул открытый мятеж. Наемники бросились грабить обозы. Они хватали все, что попадало им под руки: запасы продовольствия, снаряжение, всякого рода скарб. Мнишек пытался прекратить грабеж, но добился немногого. Следующей ночью мятеж возобновился с новой силой. Тщетно самозванец ездил между солдатских палаток, падал на колени перед рыцарством и умолял не оставлять его. Наемники вырвали

у него знамя, а под конец сорвали с него соболью ферязь. Отрепьева осыпали площадной бранью. Кто-то крикнул ему вдогонку: «Ей-ей, быть тебе на колу!»⁵⁸

Наемная армия стала распадаться. Большая часть солдат, по словам очевидцев, покинула лагерь и 2 января 1605 г. отправилась к границе. В тот же день самозванец сжег лагерь и отступил из-под Новгорода Северского по направлению к Путивлю. Мнишек, еще недавно уговаривавший солдат остаться на «царской» службе, внезапно сам объявил об отъезде из армии. 4 января главнокомандующий и его люди «разъехались с его милостию царевичем»⁵⁹. Престарелый магнат не желал более испытывать судьбу. Его отъезд в Польшу дал новое направление самозванческой интриге. До поры до времени Отрепьев оставался не более чем куклой в руках польских покровителей. Теперь интрига стала ускользать из-под контроля Мнишка и тех, кто стоял за его спиной.

Отъезд Мнишка был связан не только с распадом собранной им наемной армии. В чисто военном отношении прибывшее сильное запорожское войско вполне компенсировало потерю наемников. Мнишка не устраивало другое. Его пугало то, что «царевича» поддерживало простонародье и мелкие служилые люди. Надежды на восстание недовольных Годуновым бояр не оправдались.

Главные московские бояре прислали в лагерь под Новгород Северский грамоты, адресованные лично Мнишку и полные угроз. Королевский сенатор чувствовал себя неуютно среди восставшей русской черни. Он утратил надежду склонить на сторону «царевича» начальных бояр. Посольский приказ так прокомментировал отъезд гетмана из «воровского» войска: «Отошел воевода сендомирский от того вора собою после того, как ему был бой с бояры, а отходил для помочи тому вору, а не за королевским повелением, и староста остринский Михаил Ратомской, и Тышкевич, и ротмистры остались»⁶⁰.

При отъезде Мнишек уверял нареченного зятя, что на сейме, на котором ему надлежит быть, он будет защищать дело «царевича», пришлет ему подкрепления и пр. Вместе с гетманом Юрием Мнишком, его главным полковником Адамом Жулицким, ротмистрами Станиславом Мнишком и Фредрой за рубеж ушли около 800 солдат. Лжедмитрию удалось удержать при себе пана Тышкевича, Михаила Ратомского и некоторых ротмистров. Немалую помощь ему оказали иезуиты, находившиеся в войске. На развилке дорог они последовали не за Мнишком, а за «царевичем». Их пример подействовал на многих колеблющихся солдат. Благодаря помощи ротмистров и капелланов Отрепьев удержал при себе от 1500 до 2000 солдат⁶¹.

С отъездом Мнишка в окружении Лжедмитрия возобладали сторонники решительных действий. Покинув лагерь под Новгородом Северским, самозванец мог затвориться в каменной крепости Путивля или уйти в Чернигов, поближе к польской границе. Вместо этого он двинулся в глубь России.

В начале января 1605 г. Лжедмитрий беспрепятственно занял Севск, располагавшийся в центре Комарицкой волости. Восставшая волость предоставила войску самозванца не только теплые квартиры, продовольствие и фураж, но и воинские контингенты. По словам Якова Маржарета, под Севском он «набрал доброе число крестьян, которые приучались к оружию». Данные о потерях в битве под Добрыничами показывают, что повстанческая армия достигла наибольшей численности как раз во время пребывания Лжедмитрия в Комарицкой волости. В ее составе было по крайней мере 4 тыс. запорожцев, несколько сот донских казаков⁶². Еще более многочисленными были повстанческие отряды, сформированные из комарицких мужиков и жителей восставших городов.

Армия Лжедмитрия была вновь готова к бою. По своему обличью она заметно отличалась от армии Мнишка. Впервые в ее состав вошло значительное число крестьян. Однако руководили воинством самозванца те же силы, что и прежде. Наемные роты возглавляли польские шляхтичи. Отряды детей боярских из Путивля и других северских городов имели своих предводителей. После неудачного столкновения под Новгородом Северским царь Борис не только не объявил опалу Мстиславскому, но, напротив,

пожаловал князя — «велел о здравии спросить» и прислал придворного врача для его излечения. В особом послании Годунов поблагодарил боярина за то, что тот, помня бога и присягу, пролил свою кровь. Борис оказал честь всем ратным людям, участвовавшим в битве, повелев здравствовать их⁶³.

Прошел месяц, прежде чем Мстиславский оправился от ран. Разрядный приказ использовал затянувшуюся паузу для того, чтобы пополнить таявшую армию свежими силами. В январе 1605 г. на помощь Мстиславскому прибыл князь Василий Шуйский с царскими стольниками, стряпчими и «большими» московскими дворянами⁶⁴. Первостатейная столичная знать должна была разделить с уездным дворянством тяготы зимней походной службы. 20 января Мстиславский разбил свой лагерь в большом комарицком селе Добрыничи, неподалеку от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о появлении царской рати, самозванец созвал военный совет. Наемные командиры предлагали не спешить с битвой, а затеять переговоры с боярами. Но в повстанческой армии их голос все же не имел прежнего значения. Ротмистр С. Борша записал, что «царевич» перед битвой долго советовался, в особенности же с казаками, «потому что в них полагал всю надежду». Атаманы высказались за то, чтобы немедленно атаковать воевод, не вступая с ними ни в какие переговоры⁶⁵.

Повстанцы вели войну своими способами. С наступлением ночи комарицкие мужики только им известными тропами провели ратников Лжедмитрия к селу Добрыничи. Восставшие намеревались поджечь село с разных сторон и вызвать панику в царских полках накануне решающей битвы. Однако стража обнаружила их на подступах к селу.

Рано утром 21 января 1605 г. армии сблизилась и завязали бой. Гетман Дворжецкий решил в точности повторить маневр, который обеспечил успех самозванцу под Новгородом Северским. Гусары должны были опрокинуть правый фланг русских, а пехота, оставленная в тылу, довершить победу. Запорожская конница имела задачу сковывать силы русских в центре. Пешие казаки прикрывали пушки, стоявшие позади фронта.

Следя за передвижениями противника, Мстиславский выдвинул вперед полк правой руки под командой Шуйского, а также отряды Маржарета и Розена, составленные из служилых иноземцев. Гетман Дворжецкий немедленно атаковал Шуйского, собрав воедино свою немногочисленную конницу. В атаке участвовало около 10 конных отрядов: 200 гусар, 7 рот конных копейщиков, отряд шляхты из Белоруссии и отряд русских всадников⁶⁶. Не выдержав яростной атаки, воевода Шуйский дрогнул и стал отступать. Расчистив себе путь, конница Дворжецкого повернула к селу, на окраине которого стояла русская пехота с пушками. Тут она была встречена мощными орудийными и ружейными залпами и повернула назад. Отступление завершилось паническим бегством.

Взаимная ненависть и недоверие шляхты и вольных запорожцев раздирали армию самозванца изнутри. Ротмистры утверждали, будто виновниками катастрофы были запорожцы. Когда ветер принес со стороны русского лагеря клубы дыма, писал С. Борша, запорожцы будто бы испугались и бросились бежать, а гусары бросились вслед, убеждая их вернуться. По словам Г. Паэрле, казаки изменили и побежали, потому что были подкуплены Борисом, что открылось уже после битвы⁶⁷. Сам самозванец, пытаясь скрыть от своих покровителей личное участие в неудачной битве, в письме Рангони от 8 (18) апреля 1605 г. утверждал, будто недавно узнал о причинах прискорбного бегства к крепости Севск (в Комарицкой области) III экспедиции под командованием стольника И. Папроцкого, которое «произошло из-за того, что запорожская пехота без всякой причины оставила поле боя... и бежала в смятении»⁶⁸.

На самом деле в поражении повинны были не казаки. Свидетельство участника боя Маржарета позволяет точно определить, кто первым побежал с поля битвы. Залп из 10—12 тыс. ружейных стволов, писал Маржарет, поверг атакующую польскую конницу в

ужас, и она в полном смятении обратилась в бегство. Участники атаки единодушно утверждали, что пальба сама по себе причинила немного вреда нападавшим: было убито менее десятка всадников. Однако поляки хорошо помнили, чем кончилась безрассудно лихая атака капитана Домарацкого под Новгородом Северским. На поддержку запорожцев они не рассчитывали, не доверяя им. По словам Маржарета, оставшаяся у самозванца конница и пехота пытались поддержать атаку гусар и с редким проворством двинулись им на помощь, думая, что дело выиграно. Однако, столкнувшись с отступавшими в полном беспорядке гусарами, казаки повернули вспять⁶⁹.

Вопреки утверждению самозванца именно казаки предотвратили полное истребление его войска. Преследуя гусар, русские натолкнулись на батарею, которую прикрывала пехота. По признанию Борши, казаки, оставленные при орудиях, хорошо держались против русских⁷⁰. Брошенные на произвол судьбы, они почти все полегли на поле боя.

Самозванец потерял почти всю свою пехоту. Конница понесла меньшие потери, чем отряды казаков и комарицких мужиков. Поляки исчисляли свои потери 3 тыс. человек. Маржарет считал, что у противника было 5—6 тыс. убитых. В официальных отчетах воевод фигурировала еще бóльшая цифра. Согласно Разрядной записи, на поле боя было найдено и предано земле 11,5 тыс. трупов. Большинство из них (7 тыс.) составляли будто бы «черкасы» (украинцы). В руки победителей попали 15 знамен и штандартов и вся артиллерия — 30 пушек⁷¹.

Лжедмитрий возглавлял атаку гусар вместе со своим гетманом Дворжецким. Первая и последняя в его жизни атака закончилась позорным бегством. Во время отступления под ним была ранена лошадь, и он чудом избежал плена. Самозванец сначала укрылся на Чемлыже, а затем скрытно от всех покинул лагерь и ускакал в Рыльск. Запорожцы, узнав о его бегстве, пустились по его следам, «но под стенами Рыльска их встретили ружейной пальбой и поносными словами как предателей государя Дмитрия Ивановича». Некоторые русские источники подтверждают польскую версию о том, что запорожцы хотели расправиться с самозванцем и отомстить за своих погибших товарищей⁷².

Дворянские полки устроили повстанцам кровавую баню на поле боя. Но этим дело не ограничилось. В руки воевод попало множество пленных. Их разделили на две неравные части. Полякам была дарована жизнь, и их вскоре увезли в Москву. Всех прочих пленных — детей боярских, стрельцов, казаков, комаричей — повесили посреди лагеря.

Воеводы не удовлетвоались казнью «воров», захваченных с оружием в руках. Как поведал Буссов, царские дворяне, заняв Комарицкую волость, «стали чинить над бедными крестьянами, присягнувшими Дмитрию, ужасающую беспощадную расправу». По словам того же автора, экзекуции подверглось несколько тысяч крестьян, их жен и детей. Несчастных вешали за ноги на ветвях деревьев, а затем «стреляли в них из луков и пищалей, так что на это было прискорбно и жалостно смотреть»⁷³.

Конрад Буссов возлагает ответственность за казни на русских вообще и ничего не пишет о приказе, исходившем от Годунова. Исаак Масса, будучи обличителем Бориса, именно на него возложил всю вину за кровопролитие. По словам Массы, Годунов будто бы призвал к себе касимовского царя Симеона Бекбулатовича и велел ему истребить Комарицкую волость. Степень достоверности его рассказа, однако, невелика. Полуслепой Симеон жил в своем тверском селе и не участвовал в войне с самозванцем. Масса записал слухи, циркулировавшие в Москве. Достоверным в них было, по-видимому, лишь указание на участие в экзекуциях отрядов из Касимова. Согласно Разрядной росписи, в полку Мстиславского находилось «татар касимовских, царева двора Исеитова полку старых и «новики» 450 человек»⁷⁴. После разгрома Лжедмитрия воеводы отдали им на поток и разграбление мятежную крестьянскую волость.

Слухи о погроме в Комарицкой волости распространились по всей земле. Автор «Иного сказания» записал, что царь приказал опустошить Комарицкую волость и в ярости

убивал «не токмо мужей, но и жен и безлобвых младенцев, ссущих млека, и поби от человек до скота». Волость была разграблена: «И имения их расхищены быша и домове до конца разорены быша и огнем пожжены быша, вся в прах преврати»⁷⁵. Террор против населения Комарицкой волости имел ярко выраженную социальную окраску. То был первый случай в истории «Смуты», когда мужики подняли оружие против властей, пренебрегли присягой московскому царю, взяли под стражу его воевод и приказных людей. Власти проявили неслыханную жестокость при подавлении мужицкого бунта.

Восстание на Брянщине можно считать первым массовым восстанием крестьян в «смутное время». Оно охватило не одну, а несколько волостей. Разгром армии самозванца позволил правительственным войскам погасить самый крупный очаг крестьянского движения.

А. А. Зимин оценивал события 1604—1606 гг. как крестьянскую войну, осложненную борьбой с иностранной интервенцией⁷⁶. Приведенные выше факты не подтверждают мнения А. А. Зимина.

И. И. Смирнов считал, что война с самозванцем сопровождалась острой вспышкой классовой борьбы, но эга вспышка была подавлена феодальным государством, не успев перерасти в крестьянскую войну. Московский поход Лжедмитрия I представлял, по его мнению, особую форму интервенции польских феодалов. Авантюрист использовал борьбу социальных низов в целях, чуждых антифеодальным элементам русского общества⁷⁷.

Трудно согласиться с тем, что московский поход самозванца был формой внешнего вмешательства. Интервенция, затеянная польскими магнатами при прямой поддержке короля Сигизмунда III, послужила толчком к гражданской войне внутри России. Однако даже на первом ее этапе силы вторжения играли ограниченную роль. После отъезда Мнишка из-под Новгорода Северского интервенция резко пошла на убыль. Вслед за поражением под Севском остатки иноземных наемных отрядов бежали из пределов России. Фактор интервенции в основном исчерпал себя.

Подавление очагов крестьянского восстания и фактическое прекращение внешнего вмешательства неизбежно отразились на дальнейшем ходе гражданской войны. Факторы, консолидировавшие феодальное дворянство в первые месяцы иноземного вторжения и «Смуты», стали ослабевать.

Глава 14 МЯТЕЖ В ЮЖНЫХ КРЕПОСТЯХ

Воеводы Мстиславский и Шуйский одержали победу над самозванцем, но не осмелились преследовать его армию и довершить ее уничтожение. Иезуиты Чижевский и Лавицкий, находившиеся в лагере Лжедмитрия под Севском, записали в своем дневнике: «Враг мог гнаться за нами, догнать, перебить и сжечь лагерь, но он остановился от нас, не дойдя мили, и не решился воспользоваться своей удачей»¹. Причиной медлительности явилось не предательство, а, скорее, бездарность бояр. Князь Мстиславский, князя Василий и Дмитрий Шуйские были представителями самых родовитых семей, но они не обладали никакими воинскими доблестями.

Воеводы могли двинуться к границе, чтобы изгнать самозванца из пределов страны. Но, оставаясь под впечатлением одержанной победы, бояре считали, что самозванцу не удастся собрать новое войско и что война практически уже закончена².

Мстиславский прибыл в окрестности Рыльска на другой день после бегства оттуда Отрепьева. Лишившись армии, Лжедмитрий не мог укрепить гарнизон Рыльска сколько-нибудь значительными силами. Покидая город, он поручил его оборону местному воеводе князю Г. Б. Долгорукому. В распоряжении Долгорукого было несколько казачьих и стрелецких сотен. Имея несколько десятков тысяч человек, бояре рассчитывали быстро покончить с сопротивлением Рыльска. Но они ошиблись. В обороне города участвовало все население Рыльска. Горожане знали, что им нечего ждать пощады, и сражались с

исключительной стойкостью. На все предложения о сдаче они отвечали, что стоят «за прирожденного государя». В течение двух недель царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Однако выстрелы пушек с городских стен не позволили им придвинуться вплотную к городу. Общий штурм крепости не удался, и на другой день после приступа Мстиславский снялся с лагеря и отступил к Севску³.

После того как воеводы покинули окрестности Рыльска, жители города произвели вылазку и разгромили русский арьергард, который должен был оставить лагерь в последнюю очередь. В их руки попало немало имущества, которое воеводы не успели вывезти из лагеря. Самозванец поспешил распусть слух о том, что Мстиславский понес серьезное поражение, потеряв до 1000 убитыми и 200 пленными⁴.

Дворянское ополчение не привыкло вести войну в зимних условиях, среди заснеженных лесов и полей. Трудности усугублялись тем, что армии приходилось действовать в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения. Находясь в окрестностях Рыльска, армия не имела надежных коммуникаций. Она оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. Странники Лжедмитрия удерживали в своих руках на севере — Кромы, на юге — Путивль, на западе — Чернигов. Они отбивали обозы с продовольствием, чинили помехи заготовке провианта и фуража.

После утомительной зимней кампании царские полки стали таять. Не спрашивая «отпуска» у воевод, дворяне толпами разъезжались по своим поместьям. В таких условиях главные воеводы — Мстиславский, Шуйские и Голицын — приняли решение вывести армию из восставшей местности и распусть ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Отступление воевод от Рыльска вызвало гнев царя Бориса. Не теряя времени, царь направил в полки окольного П. Н. Шереметева и главного дьяка А. Власьева с наказом сделать выговор воеводам: «...пенять и расспрашивать, для чего от Рыльска отошли»⁵. Годунов строжайше запретил боярам распускать ратных людей, что вызвало открытый ропот в армии.

Царские воеводы разгромили плохо вооруженную армию Лжедмитрия в открытом полевым сражении. Но все их попытки занять восставшие крепости неизменно терпели неудачу. То, что произошло под Рыльском, повторилось под Кромами.

В мирное время гарнизон Кром не превышал нескольких сотен людей. В первые недели войны власти отозвали сотню кромских казаков для обороны Новгорода Северского⁶. К моменту восстания в Кромах было совсем немного ратных людей.

После нападения повстанцев из Кром на Орел московское командование решило направить туда воеводу Ф. И. Шереметева с отдельным корпусом. Однако Шереметев не смог своевременно ввести в дело свой отряд. Назревало столкновение под Новгородом Северским, и Разрядный приказ, отобрав у Шереметева часть подчиненных ему сил, передал их Мстиславскому⁷.

В Кромах засел видный дворянин Григорий Акинфиев. Подобно рыльскому воеводе Долгорукому, он успел доказать преданность самозванцу. Силы кромского гарнизона были невелики до того времени, пока на помощь ему не прибыли донские казаки. Если верить Конраду Буссову, атаман Корела с 400—500 донскими казаками отступил под Кромы вслед за битвой под Добрыничами (21 декабря 1604 г.). Приведенное известие вызывает сомнение. После поражения Лжедмитрий намеревался бежать в Польшу, считая свое дело проигранным. В такой ситуации Корела едва ли стал бы искать убежище в крепости, располагавшейся вдали от границы.

Кромы могли легко превратиться для него в мышеловку. По данным Исаака Массы, Кореле пришлось пробиваться в Кромы через осадный лагерь царских воевод⁸. По-видимому, Лжедмитрий направил казаков в Кромы сразу после перехода из-под Новгорода Северского в Комарицкую волость.

Кромы превратились в форпост повстанческих сил задолго до битвы под Добрыничами. Правительственные войска осаждали эту крепость в течение многих недель, теряя людей. В январе 1605 г. Разрядный приказ распорядился доставить в лагерь под Кромы осадную артиллерию. Отряду Ф. И. Шереметева были приданы две мортиры — «верховые пищали» — и пушка «Лев Слободской». Из Мценска на помощь Шереметеву прибыл воевода князь И. Г. Щербатый. В феврале Ф. И. Мстиславский направил под Кромы стольника В. И. Бутурлина с сотнями из всех полков⁹. Однако подкрепления оказались недостаточными. В ходе длительной осады отряд Шереметева понес большие потери и его положение стало критическим. В таких условиях московское командование направило к Кромам армию Мстиславского.

Отвод главной армии из-под Рыльска к Кромам был связан не столько с поражением отряда Шереметева, сколько с неблагоприятным положением, постепенно складывавшимся на южной окраине государства.

На начальном этапе гражданской войны главным очагом повстанческого движения стали Северская Украина и прилегающие к ней Брянские земли. С юго-запада восстание распространилось не на центральные уезды, где основную массу населения составляли помещичьи крепостные крестьяне и многочисленный посадский люд, а на южные степные уезды с незначительным крестьянским и посадским населением.

Политика освоения «дикого поля» принесла к началу XVII в. свои плоды. С основанием крепостей Воронеж, Ливны (1585—1586 гг.), Елец (1592 г.), Белгород, Оскол, Валуйки (1593 г.) и Царев-Борисов (1599 г.) границы государства были отодвинуты далеко на юг. Началось заселение крестьянами района старых засечных линий (Елец — Воронеж — Курск). Однако в районе новопостроенных крепостей (Валуйки, Царев-Борисов) крестьянские поселения отсутствовали, а их место занимали редкие заимки вольных казаков. После основания Царева-Борисова царские писцы провели первую перепись казацких «юртов» на Осколе и Северском Донце и вменили в обязанность станичникам несение сторожевой службы. Вольные казаки не примирились с новыми для них порядками. Брожение в их среде подготовило почву для восстания на южных окраинах.

Южные города отличались от северских по составу своего населения. Лишь Воронеж имел более или менее значительное посадское население. Небольшие посады были в Ельце и Белгороде¹⁰. Прочие южные крепости были типичными военными городками с крупными гарнизонами и с малочисленным городским населением.

В степных гарнизонах, наспех сформированных в конце XVI в., численно преобладали стрельцы и казаки. Через год после основания Ельца в его гарнизоне числилось 150 детей боярских, 200 стрельцов и 600 казаков¹¹.

Стрелецкие и казацкие контингенты набирались из низших сословий. По указу 1592 г., елецкие воеводы получили разрешение вербовать на службу помещичьих крестьян (если те могли оставить замену на своем пашенном наделе), вольных людей с посадов, вольных казаков, казачьих и стрелецких детей. В елецком гарнизоне искали прибежище беглые помещичьи крестьяне. Помещики южных уездов, в которых проводился набор, завалили жалобами Москву. Тогда власти уточнили предыдущий указ и предписали воеводам брать на службу «из вольных людей, а не из холопства и не с пашни»¹².

Как бы то ни было, в гарнизоне Ельца преобладали стрельцы и казаки, в массе своей набранные из крестьянских детей и крестьянских захребетников, из казачьих и стрелецких детей, казаков, гулящих людей. Эти люди, многие из которых стали вольными благодаря поступлению на государеву службу, приняли самое активное участие в восстании на южных окраинах.

Из-за нехватки ратных людей в южных крепостях Разрядный приказ периодически посылал туда стрельцов из других городов. Они несли службу с весны и до осени, после чего возвращались домой. Такие посылки надолго отрывали стрельцов от их промыслов и семей, вследствие чего в их среде неизбежно возникали настроения недовольства.

Не только провинциальные, но и столичный гарнизон должен был периодически направлять контингенты для службы в пограничных крепостях. Один из столичных стрелецких приказов (около 500 человек) нес службу в Цареве-Борисове¹³.

Московские стрельцы жили отдельными слободами, держали торг и промыслы. Они пользовались значительно большими привилегиями, нежели городские стрельцы. Не удивительно, что посылку в глубь «дикого поля», во вновь построенную крепость, они рассматривали как наказание для себя. Негодование стрельцов на Бориса усилилось, когда власти вынуждены были задержать их в Цареве-Борисове на неопределенное время. Появившийся в Северной земле «добрый царь» должен был помочь им вернуться к своим семьям и промыслам, брошенным в столице. Дворовые стрельцы, служившие Годуновым верой и правдой в Москве, примкнули к мятежу в надежде вернуть себе утраченные привилегии.

Сколь бы многочисленными ни были контингенты стрельцов и казаков в степных крепостях, ядро их гарнизонов составляли дворянские отряды. По данным, относящимся к первому десятилетию после «Смуты», 627 детей боярских несли службу в Ельце, 431 — в Ливнах, 221 — в Воронеже, 164 — в Белгороде, 155 — в Осколе¹⁴. Значительное число детей боярских служило в Цареве-Борисове, располагавшем одним из самых крупных гарнизонов.

Правительство пыталось форсировать развитие поместной системы в южных уездах, но там не было ни достаточного фонда распаханых земель, ни достаточного количества крестьян. Ввиду этого дворяне неохотно переселялись в степи. Власти проводили наборы и отправляли «на житье» в южные уезды детей боярских из мелкопоместных семей: «от отцов — детей, от братии — братьев, от дядей — племянников»¹⁵. На Юге детей боярских наделяли небольшими поместьями. В ряде городов их привлекали к барщине на государевой десятинной пашне. Из-за недостатка дворянских контингентов на поместную службу в некоторых случаях верстали казаков и крестьянских детей.

Условия службы в степных крепостях были исключительно тяжелыми, и присланные туда служилые люди покидали гарнизоны при первой возможности, не получая «отпуска» у воевод. Разрядный приказ пытался пресечь их побег с помощью строгих наказаний. В 1595 г. в Ливны было прислано следующее предписание: «А которые дети боярские и казаки, не дождавсь перемены, с поля збежат, и вы б тех воров велели имать и, бив их кнутъем, велели сажать в тюрьму до нашего указа, да о том к нам писали, и мы тех воров велим казнить смертною казнью»¹⁶.

Вновь сформированные служилые корпорации Юга не были сплочены изнутри. Южные помещики не служили в составе «государева двора», объединявшего дворян различных уездов. Они были обеспечены землями так же плохо, как и северские помещики. Агитация сторонников Лжедмитрия нашла отклик в их среде. Официальные источники не могли сослаться на то, что мятеж в степных крепостях учинили мужики, «чернь», поскольку в Цареве-Борисове и ряде других южных крепостей почти вовсе не было посадского населения. Разрядные записи кратко сообщали о том, что «польские» (выстроенные в «диком поле») города «смугились» и целовали крест «вору». По-видимому, мелкие помещики «польских» городов повели себя так же, как путивльские дети боярские, перейдя на сторону Лжедмитрия «всем городом». Крестьянские законы Годунова нанесли ущерб интересам мелких феодальных землевладельцев. Аналогичные законы Лжедмитрия предоставляли преимущества мелкопоместным служилым людям южных уездов. Исключительные услуги, оказанные ими самозванцу в критический для него момент, были вознаграждены.

Самые ранние и достоверные сведения о восстании на Юге заключены в письмах иезуитов Чижевского и Лавицкого, написанных в феврале — марте 1605 г. Названные лица, принадлежавшие к ближайшему окружению самозванца, сообщили в письме от 26 февраля (8 марта), что в Путивль приведены побежденные из пяти крепостей, сдавшихся светлейшему князю: из Оскола, Валук, Воронежа, Борисовграда и Белгорода¹⁷. Города

Воронеж, Царев-Борисов, Белгород разделены были большим расстоянием. Чтобы собрать воедино пленных воевод из пяти отдаленных крепостей и доставить их в Путивль через местности, занятые правительственными войсками, требовалось много дней и недель. Следовательно, восстание охватило южную «украину» не в момент написания письма 26 февраля, а значительно раньше: в январе или начале февраля 1605 г.

Разрядные записи подтверждают известие о том, что захваченные в степных крепостях воеводы были отведены в Путивль. «Польские» города, значится в Разрядах, принесли присягу самозванцу и «воевод к нему в Путивль отвели: из Белгорода князя Бориса Михайловича Лыкова да голов, из Царева Нового города князя Бориса Петровича Татеева да князя Дмитрия Васильевича Туренина»¹⁸.

Приведенная Разрядная запись требует некоторых уточнений. Князь Д. В. Туренин служил воеводой не в Цареве-Борисове, а в Валуйках. Во время мятежа он был арестован вместе с головой А. Поводовым. В Осколе служили воевода Б. С. Сабуров и голова И. И. Загряжский; в Белгороде — князь Б. М. Лыков, головы князь Ф. Волконский, П. Извольский, М. Зиновьев; в Цареве-Борисове — князь Б. П. Татеев, головы И. Н. Ржевский, И. В. Левашов, М. Б. Зыбин; в Воронеже — князь Б. Н. Приимков-Ростовский и голова Ф. Лодыженский¹⁹. Пленение полутора десятка знатных воевод и дворянских голов само по себе свидетельствовало о масштабах событий, разыгравшихся в степных уездах.

Успеху восстания на Юге способствовало то, что к началу 1605 г. часть воинских людей была отозвана из южных гарнизонов в действующую армию²⁰. Впрочем, эти меры затронули преимущественно тыловые крепости — Воронеж, Елец, Ливны. Из Воронежа командование отрядило в полки 100 стрельцов, из Ливен — 200 конных казаков, из Ельца — 100 стрельцов и 400 конных казаков с пищальями. Одновременно власти усилили гарнизон Царева-Борисова. Из Белгорода в Царев-Борисов были переведены «для польской посылки» (действий против мятежников «в поле») воевода А. Измайлов и дворянский голова Б. Хрущев.

Царев-Борисов служил форпостом московской обороны на Юге, и командование постоянно держало там крупные военные силы. Падение крепости поразило Бориса как гром среди ясного неба. Годунов возлагал особые надежды на приказ дворовых стрельцов, находившийся в Цареве-Борисове. Но стрельцы сами приняли участие в мятеже и после ареста воевод немедленно покинули Царев-Борисов. По свидетельству очевидцев, дворовые стрельцы, носившие красные кафтаны, явились в Путивль и присягнули там на верность Лжедмитрию²¹.

При Борисе Годунове южные пограничные города были связаны между собой единой системой обороны. Переход в руки повстанцев Курска создал угрозу для засечной черты в районе Воронежа и Оскола. Мятеж в Кромах и поражение отряда Шереметева в ходе осады этой крепости поставили под угрозу оборонительные линии в районе Ливен и Ельца. Польские источники позволяют установить, что восстание в Ельце и Ливнах запоздало по сравнению с восстанием в дальних степных крепостях по крайней мере на одну-две недели. 7(17) марта 1605 г. Чижевский и Лавицкий сообщили своим корреспондентам свежую новость о том, что власть «Дмитрия» признали крепости Елец и Ливны. От себя иезуиты добавили, что Ливны не уступают по размерам Путивлю и что значение этого города в военное время исключительно велико²².

В Разрядных книгах есть известие о том, что во время мятежа в Ливнах повстанцы захватили воеводу князя Д. М. Борятинского и отправили его к «вору» в Путивль. В действительности Д. М. Борятинский служил в сторожевом полку у Мстиславского и попал пленником в Путивль после неудачной стычки под Новгородом Северским. В Ливнах и Ельце в момент мятежа служили воеводы князя С. А. Татеев и А. В. Хилков, головы князь М. П. Волконский и Б. Селиверстов²³.

Если бы воеводы южных крепостей могли опереться на поддержку городских детей боярских, мятеж неизбежно привел бы к большому кровопролитию. В действительности воеводы оказались в изоляции и не смогли помешать быстрому

распространению восстания по всей территории степных уездов. Сведения о казнях воевод, сохранивших верность Борису Годунову, отсутствуют. Жертвами народного гнева стали лишь некоторые из дворян, активно пытавшихся противодействовать мятежу. В дворянских родословцах можно обнаружить сведения о том, что в дни восстания в Белгороде был убит дворянин Д. Е. Хитрово «за то, что вору разстриге креста не целовал»²⁴.

Восстание в южных крепостях изменило всю военную ситуацию, смешав планы московского командования. Ввиду распространения смуты на южную «украину» воеводы так и не смогли осадить лагерь Лжедмитрия в Путивле. Из-под Кром Шереметев слал в Москву отчаянные призывы о помощи. Русское командование вовремя оценило опасность. В случае окончательного поражения Шереметева и снятия осады с Кром возникла бы угроза слияния двух очагов восстания — в Северщине и в южных крепостях «на поле».

4 марта 1605 г. армия Мстиславского разбила лагерь в районе Кром. Воевода князь И. М. Барятинский, находившийся в Карачеве, получил приказ везти всю осадную артиллерию к Кромам, чтобы соединиться с главными воеводами, «не доходя Кром версты за три или четыре, где пригоже»²⁵. Позиция под Кромами имела большие преимущества. Путь через Орел и Тулу надежно связывал главную армию с Москвой, откуда можно было беспрепятственно получать подкрепления и провиант. Армия Мстиславского имела возможность прикрыть подступы к Москве в том случае, если бы восстание перебралось из района Ливен и Ельца еще дальше на север.

Кромы были небольшой крепостью. Ее стены были выстроены из дуба за 10 лет до осады. Главное преимущество городка состояло в его исключительно выгодном положении на местности. Крепость стояла на вершине холма подле реки, и ее со всех сторон окружали болота и камыши. Наверх вела единственная узкая тропа. С наступлением весны топи вокруг Кром становились непроходимыми. Следуя приказу из Москвы, воеводы Мстиславский и Шуйские предприняли попытку штурма Кром еще до того, как была введена в дело вся тяжелая артиллерия. По свидетельству летописи, деревянные стены Кром были подожжены не огнем артиллерии, а пехотой. Посреди ночи боярские холопы, казаки и стрельцы подобралась к стенам крепости и «зажогши град». Атаман Корела с донскими казаками принуждены были покинуть горящий город и отступили в острог. Ратные люди заняли вал с обрушившейся стеной. Но закрепиться на пожарище им не удалось. Вал и посад простреливались с цитадели. Штурмующие несли огромные потери.

Боярин М. Г. Салтыков, руководивший штурмом, не стал дожидаться приказа главных воевод и свел людей с вала, чтобы спасти отряд от полного истребления. Летописец подозревал, что Салтыков «норовил» окаянному вору Гришке Отрепьеву²⁶. Однако подлинные причины неудачи были другими.

Кромы занимали столь выгодное положение, что Мстиславский и Шуйские были лишены возможности использовать все находившиеся в их распоряжении громадные силы. В армии Мстиславского М. Г. Салтыков был вторым воеводой передового полка²⁷. А это значит, что в штурме участвовали лишь отряды из состава передового полка.

Неудача повлияла на дальнейший ход осады. Воеводы устроили батареи, придвинули пушки к городу и стали бомбардировать Кромы изо дня в день, не жалея пороха. Никто не спешил повторить опыт Салтыкова и предпринять новый кровопролитный штурм.

В Кромах сгорело все, что могло гореть. Цитадель была разрушена до самого основания. На месте, где проходил пояс укреплений, осталась одна земляная осыпь. Но донские казаки решили не даваться живыми в руки воевод и сражались с яростью обреченных. Они углубили рвы и вырыли лабиринт окопов. С помощью глубоких лазов они могли теперь незаметно покидать крепость и возвращаться внутрь. Свои жилища — «норы земные» — казаки устроили под внутренним обводом вала. Во время обстрела они

отсиживались в лазах, а затем проворно бежали в окопы и встречали атакующих градом пуль²⁸.

В ходе боев не только осаждавшие, но и осажденные несли большие потери. Атаман Корела предупредил Лжедмитрия, что ему придется сдать крепость, если он не получит подкреплений. Руководители повстанческих сил в Путивле уяснили значение Кром и не побоялись пойти на риск. Собрав сколько можно ратных людей, они отправили их на помощь Кромам. Главный центр восстания — Путивль остался почти без воинских сил, необходимых для его собственной обороны. Лжедмитрий назначил командовать отрядом путивльского сотника Юрия Беззубцева²⁹.

В лагерь Мстиславского, занимавший огромное пространство, постоянно прибывали подкрепления. Караулы приняли казаков Беззубцева за своих, и отряд беспрепятственно проскользнул в крепость, проведя обозы с продовольствием.

Бои под Кромами продолжались несколько недель, но затем атаман Корела был ранен, и осажденные прекратили вылазки. Со своей стороны воеводы отказались от попыток возобновить штурм. В военных действиях наступило затишье³⁰.

Власти использовали всевозможные средства, чтобы удержать дворян в лагере под Кромами. Сохранились сведения, что в 1605 г. под Кромами воевода князь М. Кашин по приказу из Москвы «верстал» дворян деньгами и землями. Некоторые служилые люди получили значительные прибавки к поместьям. Так, «во 113 году за кромскую службу» Д. В. Хвостов получил к поместью в 350 четвертей дополнительно 100 четвертей. И. Н. Ушакову «за кромскую службу» было придано 150 четвертей³¹.

Приказ царя Бориса, воспретивший Мстиславскому распустить дворян на отдых, вызвал в полках такое возмущение, что никакие милости и пожалования не могли исправить положение. Дворяне роптали. Вместо долгожданного отдыха им предстояли бои посреди болотистой местности, в пору весенних дождей и половодья.

Весной в лагере вспыхнула эпидемия дизентерии («мыта»). Невзирая на грозные приказы из Москвы, дворяне покидали полки и разъезжались по домам. Рано или поздно в столице должны были понять, что власти Годуновых грозили не столько отряды самозванца, запертые в Путивле и Кромах, сколько восстания населения и гарнизонов в южных уездах. Держать огромные силы под стенами крохотной крепости было явно нецелесообразно, и с марта 1605 г. Разрядный приказ начинает рассылать воевод и голов с сотнями преимущественно из армии Мстиславского для укрепления гарнизонов в таких городах, как Данков, Епифань, Новосиль, Одоев, Тула и др. По наблюдениям В. Д. Назарова, всего власти произвели назначение воевод и голов не менее чем в 16 крепостей³².

Охваченные восстанием южные города давно уже превратились в главный театр военных действий. Однако война шла не только в пределах России, но и на Северном Кавказе, где войско воеводы И. М. Бутурлина понесло тяжелое поражение.

Внешнеполитические затруднения осложнили ход внутреннего кризиса.

Глава 15 В «ВОРОВСКОМ» ЛАГЕРЕ

После битвы под Добрыничами Лжедмитрий намеревался бежать из России вслед за своим наемным воинством. Армия самозванца подверглась такому разгрому, что, «говоря собственными его словами, — свидетельствовал А. Чилли, — он ни о чем более не помышлял, как о спасении жизни, и не воображал, что мог когда-либо собрать какое-нибудь войско»¹. В феврале 1605 г. Отрепьев неоднократно спрашивал совета у иезуитов, не следует ли ему прекратить войну и укрыться в Польше.

Жители Путивля помешали осуществлению планов самозванца. Они «со слезами» просили «царевича» остаться, говорили, что не желают разделить участь комаричей, претерпевших «лютые и горькие муки» за поддержку, оказанную ими «царевичу». Лже-

дмитрий не внял их просьбам. Тогда повстанцы пригрозили, что силой задержат его в Путивле, чтобы Борису «добить челом, а тобою заплатить вину свою»². Самозванец подчинился, опасаясь, что путивляне выполнят свою угрозу и выдадут его правительству.

Восставший народ заявил о своей готовности продолжать борьбу. Путивляне заверили Лжедмитрия, что готовы служить доброму «царевичу» с оружием в руках: «Пойдем мы с тобой все своими головами». Торговые люди, по словам летописцев, откликнулись на призыв о добровольном пожертвовании средств. Некоторые якобы принесли по сто и даже по тысяче рублей³.

Можно установить имена главных руководителей повстанческих сил в Путивле. Ими были путивльские дети боярские Сулеш Булгаков и Юрий Беззубцев, владевшие небольшими поместьями⁴. Лжедмитрий в критической для него ситуации послал Сулеша Булгакова за помощью в Польшу, а Юрию Беззубцеву приказал идти на выручку гарнизону Кром.

Отрепьев был далек от понимания того, что только народное восстание может помочь ему одолеть Бориса Годунова. В Путивле самозванец вернулся к своим старым планам, суть которых сводилась к тому, чтобы поднять против России Крымскую орду и Речь Посполитую.

Столкновение России с Османской империей на Северном Кавказе подало Лжедмитрию надежду на то, что ему удастся подтолкнуть Крым к нападению на Русское государство. В конце апреля 1605 г. посланцы Отрепьева повезли дары крымскому хану. Еще раньше его гонцы выехали к князю Иштереку в Большую Ногайскую орду.

Борис Годунов поддерживал распри внутри Ногайской орды, чтобы не допустить ее усиления. Он велел доставить из России в орду Янарослана-мурзу, главного соперника Иштерека, и обязал соперников жить в мире и кочевать вместе. Опасаясь за свою власть, Иштерек принял путивльского гонца и принес присягу на верность Лжедмитрию. Самозванец приказал ногайцам перенести свои кочевья к Цареву-Борисову, с тем чтобы иметь возможность использовать их конницу для наступления на Москву. Русские хронографы отметили, что Иштерек, признав власть Лжедмитрия, намеревался прислать ему в помощь войска⁵.

Будучи в Путивле, Отрепьев предпринимал отчаянные усилия, чтобы добиться вмешательства Речи Посполитой в русские дела. Он послал к королю Сигизмунду III путивльского сына боярского Сулеша Булгакова в качестве представителя восставшей Северной земли. Позже польские власти напомнили московским дипломатам, что при «царе Дмитрие» к королю приезжал посол «ото городов и мест, яко от Путивля и иных, от духовных и свецких людей московских Шулеш Булгаков з грамотою»⁶.

Текст письма от имени северских городов сохранился в копии. В конце письма имеется помета: «Из Путивля лета 7113, месяца января 21 дня». Публикуя грамоту, А. Гиршберг вполне основательно выразил сомнение насчет аутентичности указанной в тексте даты. По предположению Гиршберга, дата на письме была искажена при копировании русского оригинала: переписчик прочел 27 января как 21 января из-за сходства в написании единицы и семерки⁷. Однако Гиршберг не учел, что русские употребляли буквенную систему цифр, в которой единица нисколько не напоминает семерку.

Представляется, что самозванец сознательно обозначил в письме неверную дату. 21 января 1605 г., в день неудачной битвы под Добрыничами, Лжедмитрий находился не в Путивле, а под Севском. Подлог был связан с ложной версией, согласно которой битву под Добрыничами проиграли люди самозванца в его отсутствие. Очевидно одно: письмо было составлено в момент наибольших неудач Отрепьева, когда он прибыл в Путивль, потеряв всю свою армию. Грамота заканчивалась отчаянным призывом к королю, чтобы «соизволил как можно быстрее дать помощь нам (городам Северной земли. — *P. C.*) и государю нашему»⁸.

Текст письма был составлен от имени «жителей земли Северской и иных замков, которые ему («царевичу». — *Р. С.*) поклонились». Однако жители Путивля и прочих восставших городов ничего не знали о тайном договоре Лжедмитрия с Сигизмундом III, и для них смысл обращения был совсем иным, чем для расстриги.

В грамоте к королю «убогие сироты и природные холопы государя Дмитрия Ивановича» просили с плачем, покорностью и уничижением, чтобы король смиловался над ними и взял их, убогих, «под крыло и защиту свою королевскую». Письмо жителей заключалось словами: «При том сами себя и убогие службы наши под ноги вашего королевского величества отдаем»⁹. Самозванец был связан с королем обязательством о передаче под власть короны главных северских городов. Теперь он давал понять королю, что готов выполнить свое обязательство. Авантюрист сознательно старался разжечь конфликт между Россией и Польшей. В случае если бы Сигизмунд III принял под свое покровительство отвоєванные Лжедмитрием города, конфликт между Речью Посполитой и Русским государством стал бы неизбежен.

Вторжение самозванца, поддержанное королем, закончилось полным крахом. Это смешало все планы и расчеты военной партии при королевском дворе. Не только Мнишек, но и Сигизмунд III оказался в двусмысленном положении. Опозоренный Мнишек подвергался нападкам с разных сторон. Доверившиеся его обещаниям кредиторы жалели о деньгах, потраченных на самозванца. Ведущие политические деятели спешили напомнить о своих предостережениях против участия в аванюре, повлекшего за собой нарушение мирного договора с Россией.

В таких условиях Сигизмунд III не осмелился использовать благоприятную ситуацию и на основании тайного договора присоединить к коронным владениям северские города.

Лжедмитрий направил в Варшаву для переговоров с Сигизмундом III и членами сейма князя Ивана Татєва. Однако посла демонстративно задержали на границе до окончания сейма¹⁰.

Польский сейм, открывшийся 10 января 1605 г., решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замойский резко осудил авантюру Лжедмитрия. Этот враждебный набег на Московию, говорил он, губителен для блага Речи Посполитой. Самого самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками: «...тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана»¹¹.

Литовский канцлер Лев Сапега поддержал Замойского. Он осудил затею Мнишка и заявил, что не верит в царское происхождение «Дмитрия», ибо законный наследник царя Ивана нашел бы иные средства для восстановления своих прав¹². Воевода Януш Острожский требовал, чтобы сейм наказал виновных.

Подготовленный сеймом проект предусматривал наказание тех, кто нарушает мир с соседями. Но король не утвердил проект. Московский посол П. Огарев потребовал объяснений по поводу очевидного нарушения польской стороной договора о перемирии с Россией. Отвечая ему, литовский канцлер Лев Сапега сказал совсем не то, что говорил перед членами сейма. Согласно заявлению Сапеги, король не помогал «Дмитрию», а лишь хотел выведать о его намерениях и сообщить о них в Москву; из королевских владений «Дмитрий» бежал к запорожским казакам, королю не известно, делал ли он с ними набеги на русские земли¹³. Сапега мистифицировал русского посла, пользуясь тем, что тот покинул Россию в сентябре 1604 г. и содержался в Польше в строжайшей изоляции, не получая никаких вестей с родины.

Из-за противодействия сейма Сигизмунд III не мог принять предложения самозванца и оказать ему прямую военную поддержку. Гонец с письмом от города Путивля был принят при дворе, но его миссия закончилась безрезультатно.

Как бы то ни было, эмиссары Лжедмитрия имели возможность свободно действовать в пределах Речи Посполитой. В то самое время, как литовский канцлер объяснялся с русским послом, в Польшу прибыли из Путивля ротмистры С. Борша и Е. Бялоскорский. Самозванец поручил им возобновить вербовку наемников. Ротмистрам удалось убедить некоторых участников московского похода вернуться на службу к «царевичу». Но число их было невелико¹⁴.

Не осложненная вмешательством извне, гражданская война с весны 1605 г. вступила в новую фазу. Восставшие жители Путивля, Курска и других городов помогли самозванцу развернуть агитацию по всей южной окраине. Гонцы с письмами Лжедмитрия появлялись в казачьих станицах, пограничных городах и даже в столице.

В «прелестных» письмах Лжедмитрия трудно уловить какие-то социальные мотивы. Всех подданных без различия чина и состояния «Дмитрий» обещал пожаловать «по своему царскому милосердному обычаю, и наипаче свыше, и в чести держати и все православное христианство в тишине и в покое и во благоденственном житии учинить». Тяжесть царских податей и натуральных повинностей, трехлетний голод и разорение породили в народе глубокое недовольство, а потому люди воспринимали обличения самозванца против злодея царя, сидевшего в Москве, как откровение. Вчерашний боярин Борис Годунов был, как утверждал «царевич», изменником и убийцей, желавшим предать «злой смерти» их законного, «прирожденного государя»¹⁵.

Уставшее от бедствий население охотно верило посулам Лжедмитрия и связывало с именем «законного» царя надежды на перемену к лучшему.

Участие в восстании принесло определенные материальные выгоды податному населению. Сбор тяжелых государственных податей был сорван по всей Северской земле. С наступлением весны казаки северских и южных степных городов перестали пахать государеву десятинную пашню. Народные ожидания своеобразным образом преломлялись в социально-утопических идеях, получивших в народе широкое распространение. Не надеясь на собственные силы, низы ждали спасения от царя-«избавителя».

Большие надежды на «доброе» царя возлагали мелкопоместные дети боярские восставших южных уездов. Они ждали от новой династии прежде всего улучшения своего земельного обеспечения и денежного жалованья. Отрепьев раздавал самые щедрые обещания дворянам и детям боярским, оказавшимся в его лагере. Самозванец обладал редкими способностями, но не получил достаточного образования. В дни своего недолгого монашества он успел выучить Новый завет и некоторые другие священные книги. В других областях его познания были отрывочными и путанными. Пользуясь досугом в Путивле, «царевич» решил заняться своим образованием. 10 апреля 1605 г. он вызвал в избу своих тайных духовников-иезуитов и объявил им, что намерен брать у них уроки. С утра час отводился изучению философии, вечером наступала очередь грамматики и литературы. Во время занятий Отрепьев стоял с непокрытой головой, прилежно повторяя урок, слово в слово, за своими учителями¹⁶. Самозванцу хватило терпения и прилежания на три дня, после чего он распростился со школой раз и навсегда.

После трапезы Отрепьев охотно проводил время в обществе польских «товарищей» и капелланов. Чаще всего он обсуждал с ними две темы. Первой было невежество, праздность и беспутная жизнь русских монахов, о которых он не мог говорить без отвращения. Второй темой являлась необходимость просвещения для России. Самозванец старался выставить себя рьяным поборником просвещения. В России, говорил он, следует насадить школы и академии, для чего он выпишет в Москву множество учителей, а заодно и учеников. Русских молодых людей он отправит для обучения за границу и пр.

Отрепьев вел двойную жизнь, рассчитывая обмануть всех разом. При русских он прилежно играл роль ревнителя православия, при поляках столь же усердно поклонялся католическим святыням, пил за здоровье генерала Ордена иезуитов.

Еще будучи в Севске, самозванец в письмах к своим покровителям в Польшу сетовал на то, что среди русских распространился слух о его отречении от православия.

Чтобы прекратить неблагоприятные для него толки, Лжедмитрий в Путивле стал выказывать особое почтение православным святыням. Когда из Курска в Путивль привезли икону божьей матери, он вышел навстречу к ней и велел устроить крестный ход. Затем он поместил эту икону в своих покоях¹⁷.

Между тем московскому правительству удалось заслать в путивльский лагерь лазутчиков. Сведения об этом эпизоде можно обнаружить в письмах иезуитов из Путивля и записках Г. Паэрле.

В письме от 7(17) марта 1605 г. иезуиты Чижевский и Лавицкий сообщали о том, что неделю назад, т. е. 1 марта, в Путивль явились три монаха, подсланные Годуновым. Они доставили грамоты от царя и патриарха. Иов грозил путивлянам проклятием за поддержку беглого расстриги. Борис Годунов обещал им полное прощение и милость, если они убьют «вора» вместе с окружавшими его ляхами или выдадут его в цепях законным властям. Однако монахи были арестованы еще до того, как они успели обнародовать привезенные грамоты. Лжедмитрий велел пытать их, и они во всем сознались¹⁸.

Г. Паэрле, использовавший рассказы находившихся в Путивле поляков, воспроизвел более подробную версию происшедшего. По его словам, Борис прислал в Путивль трех монахов кремлевского Чудова монастыря, хорошо знавших Отрепьева. Монахи должны были обличить перед населением беглого дьякона. После ареста два монаха были подвергнуты пытке, но ни в чем не признались. Третий лазутчик, чтобы избежать пытки, донес, что его сотоварищи имели поручение отравить «царевича» ядом. Монахи якобы успели втянуть в свой заговор двух придворных самозванца. Последний велел выдать избличенных изменников — «бояр» на расправу народу. Их привязали к столбу посредине рыночной площади, и путивляне расстреляли их из луков и пищалей¹⁹.

О казнях в Путивле упоминают как иностранные, так и русские источники. По данным А. Поссевино, «царевич» передал на суд народу одного из находившихся при нем московитов, который в секретном письме к Борису просил дать ему войско и обещал живьем захватить самозванца. Путивляне расстреляли московита. В русских источниках можно обнаружить данные о том, что в 1605 г. в Путивле был казнен тульский дворянин Петр Хрущев²⁰. Он попал в плен к самозванцу еще в сентябре 1604 г. и тогда же признал его царевичем. Таким путем он попал в число придворных Лжедмитрия. Подлинные обстоятельства его гибели, однако, неизвестны.

В Самборе Мнишек велел обезглавить сына боярского Пыхачева, обвинив его в покушении на жизнь «царевича». В Путивле Отрепьев действовал с одинаковой жестокостью и вероломством. Он велел казнить своего «придворного», чтобы терроризировать тех, кто знал правду о его происхождении и тайном обращении в католичество.

Отрепьев понимал, что одни жестокости и преследования не помогут ему рассеять неблагоприятные для него толки. Поэтому он прибегнул к новой мистификации. Будучи в Путивле, Отрепьев попытался отделаться от своего подлинного имени с помощью двойника. 26 февраля (8 марта) 1605 г. иезуиты, бывшие с Лжедмитрием в Путивле, записали: «Сюда привели Гришку Отрепьева, известного по всей Московии чародея и распутника... и ясно стало для русских людей, что Дмитрий Иванович совсем не то, что Гришка Отрепьев»²¹.

Факт появления Лжеотрепьева был широко известен современникам. Польские дипломаты в переговорах с Василием Шуйским не раз ссылались на то, что подлинного Отрепьева ставили в Путивле «перед всеми, явно обличаючи в том неправду Борисову». Появление «Отрепьева» в лагере самозванца было еще одной загадкой в истории Лжедмитрия. Французский историк де Ту отметил, что знаменитого чародея Гришку Отрепьева захватили в Лихвине и оттуда привели в Путивль²². Но француз писал с чужих слов. А очевидцы происшествия иезуиты, близкие к особе самозванца, предпочли выразиться неопределенно: Отрепьева привели невесть откуда.

Появление Лжеотрепьева при особе самозванца на время прекратило нежелательные для Лжедмитрия толки. Капитан Маржарет, служивший позже телохранителем при «царе» Дмитрие, писал: «...дознано и доказано, что Разстриге было от 35 до 38 лет; Дмитрий же вступил в Россию юношею и привел с собой Разстригу, которого всяк мог видеть...»²³ Как видно, инициаторы фарса не позаботились о том, чтобы придать инсценировке хотя бы внешнее правдоподобие. Отец истинного Отрепьева был всего лишь на восемь лет старше Лжеотрепьева. В конце концов истинный Отрепьев решил упрятать своего двойника в путивльскую тюрьму, чтобы лучше укрыть обман²⁴. Со временем московские власти дознались, что под личиной Лжеотрепьева скрывался некий старец бродяга Леонид²⁵.

Самозванец позаботился и о том, чтобы сведения о появлении «истинного» Отрепьева стали известны в Москве. Наконец он нанес последний удар властителю Кремля. Прощенные им монахи написали письмо Борису и патриарху Иову о том, что «Дмитрий есть настоящий наследник и московский князь и поэтому Борис пусть перестанет восставать против правды и справедливости»²⁶. Мистификация с Лжеотрепьевым произвела огромное впечатление на народ. Но она привела в замешательство также и Годуновых. Официальная пропаганда с ее неизменно повторявшимися обличениями против расстриги оказалась парализованной. В борьбе за умы самозванец одержал новую победу над земской династией. Отрепьев овладел северскими городами благодаря восстанию низов и местных служилых людей. Однако его нисколько не привлекала роль народного вождя. При первой же возможности он стал формировать свою «Боярскую думу» и «двор» из захваченных в плен дворян. Не следует представлять себе дело так, будто народ бил и вязал воевод, тащил их к самозванцу, а последний тут же возвращал им воеводские должности, жаловал в бояре и пр. Не все пленные дворяне сделали карьеру при «дворе» Лжедмитрия, а некоторые из них были казнены за отказ присягнуть «истинному государю». Среди пленников Отрепьева только один М. М. Салтыков имел думный чин окольничего и далеко продвинулся по службе. Он рано попал в руки «воровских» людей, но не оказал самозванцу никаких услуг и не удостоился его милостей.

В Путивле Лжедмитрий пытался опереться на людей, которые были всецело обязаны ему своей карьерой. Самой видной фигурой при его «дворе» стал князь Мосальский. В отличие от высокородного Салтыкова Мосальские, несмотря на свой княжеский титул, не принадлежали к первостатейной знати. Они давно выбыли из думы, и при Грозном лишь один из них выслужил чин земского казначея.

Заместничавший с ним опричник заявил в то время, что не ведает, «почему Мосальские князи и кто они». Казначей стерпел обиду и ответил, что «своего родства Мосальских князей не помнит». При дворе царя Федора князь В. В. Мосальский служил стряпчим с платьем. Царь Борис послал его на самую глухую сибирскую окраину, приказав выстроить городок в Мангазее²⁷.

Про Мосальского говорили, будто он спас самозванца, отдав ему своего коня во время бегства из-под Севска. Скорее всего этот рассказ является легендой. Беседуя с Конрадом Буссовым и другими наемниками, Лжедмитрий I признался, что в битве под Севском едва не попал в плен, но раненый конь вынес его с поля сражения. По приказу самозванца конь был затем вылечен и приведен в Москву²⁸. Так или иначе, Мосальский не покинул Лжедмитрия после разгрома. Лжедмитрий оценил это, тем более что при нем осталось совсем немного старых советников. Мосальский едва ли не первым получил от «вора» чин ближнего боярина.

Дьяк Богдан Сутупов занимал самое скромное положение в московской приказной иерархии. В 1600—1603 гг. он служил помощником у дворянских голов, поддерживавших порядок в столице. Сутупов добровольно перешел в «воровской» лагерь, за что был удостоен неслыханной чести. Отрепьев сделал его своим «канцлером» — главным дьяком и хранителем «царской» печати²⁹.

Благодаря подобным пожалованиям дворяне, различными путями попавшие в Путивль, вполне оценили возможности, которые открывала перед ними служба у новоявленного «царя».

Воевода князь Г. Б. Роша-Долгорукий был арестован народом в Курске. После присяги самозванцу его направили на воеводство в Рыльск. По приказу царя Бориса бояре вешали всех изменников, поступивших на службу к «вору». Страхась опалы и казни, Долгорукий упорно оборонял Рыльск. За это самозванец пожаловал его в окольные³⁰. Козельский дворянин князь Г. П. Шаховской в начале войны собирал детей боярских в Курске. Вероятно, там он и попал в плен к повстанцам. К моменту восстания в Белгороде Шаховской успел прослужить Лжедмитрию несколько месяцев. Самозванец пожаловал Шаховскому чин воеводы и послал управлять Белгородом³¹. Знатный дворянин чашник князь Б. М. Лыков и головы А. Измайлов и Г. Микулин, захваченные в Белгороде, после присяги были оставлены Лжедмитрием в Путивле. Со временем они также получили от самозванца думные или воеводские чины.

К началу XVII в. знать сохраняла прочные позиции в государстве. Борис Годунов должен был считаться с этим фактом. Его крестьянская политика ограждала интересы боярской аристократии и дворянских верхов, удовлетворяла нужды состоятельных феодальных землевладельцев в ущерб интересам низших слоев господствующего класса — мелкопоместных городских детей боярских. Гражданская война расколола феодальное сословие. Пока Борис Годунов занимал престол и положение династии оставалось достаточно прочным, боярская аристократия и «государев двор» служили верной опорой трона. Напротив, мелкопоместные дети боярские из южных уездов вскоре оказались вовлеченными в восстания против Годуновых. Случаи измены представителей боярских семей и членов «государева двора» носили единичный характер³². Большинство дворян, получивших от Лжедмитрия думные и придворные чины, попали в повстанческий лагерь как пленники.

Если в первые месяцы войны Отрепьев именовал себя царевичем и великим князем всея Руси, то в Путивле он присвоил себе титул царя³³. Титул «царь» употреблен в письме Лжедмитрия Сигизмунду III, написанном из Путивля в конце января 1605 г.³⁴ Первые достоверные разряды путивльского «государя», содержащие сведения о пожаловании думных чинов, датируются концом мая — июнем 1605 г. Пленные воеводы из южных крепостей были привезены в Путивль не ранее второй половины марта 1605 г. Если большинство из этих пленников (князя Б. М. Лыков, Б. П. Татев и Д. В. Туренин, голова А. Измайлов) получили от самозванца думные чины два месяца спустя, то на это были свои причины.

Весной 1605 г. политическое положение в государстве претерпело разительные перемены. Борис Годунов умер, и знать подняла голову. Многие бояре, прежде поневоле терпевшие худородного царя, стали искать пути, чтобы избавиться от выборной земской династии. Лжедмитрий сумел использовать наметившийся поворот. Спешно формируя свою «думу» из знатных московских дворян, он старался расчистить себе путь к соглашению с правящим московским боярством.

Глава 16 ВЛАСТИТЕЛЬ КРЕМЛЯ

Некогда Борис снискал поддержку земщины, положив конец опрично-дворовой политике. В конце жизни он пошел на частичное возрождение репрессивного режима.

В течение 20 лет управлял Россией Годунов — сначала как правитель, а затем как самодержец. В последние годы его жизни все большую роль в делах управления играла Ближняя дума («Тайный совет»). Среди ее членов три лица из числа родственников Бориса занимали «высшие должности в России»: конюший боярин (Д. И. Годунов), аптечный боярин (С. Н. Годунов), дворецкий боярин (С. В. Годунов). После смерти

престарелого конюшего С. Н. Годунов стал фактически главой Ближней думы. Современники записали прозвище Семена Никитича — «Правое ухо царев»¹. В Москве он слыл крайне жестоким человеком.

Семен Годунов попытался расширить систему сыска в стране. Польские послы, побывавшие в Москве в дни суда над Романовыми, писали, что у Бориса среди подданных много недоброжелателей, строгости по отношению к ним растут с каждым днем, так что москвитянин шага не сделает, чтобы за ним не следили два-три соглядатая².

Власти стремились держать в тайне все, что было связано с арестом и пытками сторонников Лжедмитрия в Москве. Но их старания приводили лишь к обратным результатам. По стране распространились самые преувеличенные слухи обо всем, что происходило на Пыточном дворе.

По словам Исаака Массы, стоило человеку произнести имя Дмитрия, как царские слуги хватили его и предавали жалкой смерти вместе с женой и детьми: «...и вот день и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли и прижигали каленым железом и спускали людей в воду, под лед». Яков Маржарет обвинял Годунова в том, что после появления «Дмитрия» Борис «с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу», «тайно множество людей были подвергнуты пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены»³.

Вдумчивый наблюдатель дьяк Иван Тимофеев писал, что к концу жизни Бориса всем надоело его притеснительное, с лестью, кровожадное царство, и не из-за податных тягот, а из-за пролития крови многих неповинных⁴. Подобного рода свидетельства красноречивы, но они почти ничего не дают для того, чтобы составить даже примерное представление о подлинных масштабах террора.

Своими успехами Лжедмитрий I был обязан поддержке со стороны «черни» — низших сословий. Этот факт определил направленность правительственных репрессий. Династия сознавала, с какой стороны ей грозит смертельная опасность, и стремилась подавить выступления низов с помощью жестокости.

Меры в отношении дворян носили совсем иной характер по сравнению с мерами в отношении «черни». Борис щадил дворянскую кровь совершенно так же, как и самозванец. Крайние меры применялись лишь к немногим дворянам-перебежчикам, к лицам, захваченным на поле боя с оружием в руках, и к посланцам «вора», подстрекавшим народ к мятежу. Последних вешали без суда на первом попавшемся дереве.

Сыскное ведомство постоянно расширяло свою деятельность. И все же ему не удавалось искоренить социальную утопию, все шире распространяющуюся в народе. Ждали пришествия «доброего» царя, и с этим ничего нельзя было поделать.

Наращение репрессий вело к тому, что ведомство Семена Годунова стало приобретать все более широкие политические функции. Сохранились сообщения о том, что Семен Годунов настаивал на казни заподозренных в измене членов Боярской думы⁵. Между тем дума была высшим органом государства, а сыскное ведомство — лишь одной из ее многочисленных комиссий.

Признаки недовольства в столице и городах множились день ото дня. Но после разгрома Комарицкой волости власти уяснили, к каким неблагоприятным последствиям приводит политика террора⁶. Обладая огромным опытом государственной деятельности, Борис понимал, что насилие лишь осложняет ситуацию.

Прежде деятельный и энергичный, Борис в конце жизни все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворца, и никто не мог его видеть. Прошло время, когда Годунов охотно благодетельствовал сирым и убогим, помогал им найти справедливость, давал управу на сильных. Теперь он лишь по великим праздникам показывался на народе, а когда челобитчики пытались вручить ему свои жалобы, их разгоняли палками⁷.

Фатальные неудачи порождали подозрительность, столь чуждую Борису в лучшие времена. Царь перестал доверять своим боярам, подозревал в интригах и кознях своих придворных и все чаще обращался за советами к прорицателям, астрологам, юродивым.

Еще Горсей отмечал склонность Бориса к «чернокнижью». Один из членов польского посольства в Москве в 1600 г. писал: «Годунов полон чар и без чародеек ничего не предпринимает, даже самого малого, живет их советами и наукой, их слушает...»⁸. Однажды Борис пригласил в Москву некоего немца-астролога из Ливонии. Когда в небе над Москвой появилась яркая комета, царь попросил его составить ему гороскоп. Астролог посоветовал Борису «хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому же он оказывает доверие крепко стеречь рубежи»⁹.

Годунов обращался к знаменитой в Москве юродивой Олене. Юродивая предсказала ему близкую кончину. Другая «ведунья» — Дарьица давала официальные показания о ворожбе во дворце у Бориса уже после его смерти. Дарьица, по ее собственным словам, нагадала, что «Борису Федоровичу быти на царстве некоторое время»¹⁰.

Члены английского посольства, видевшие Годунова в последние месяцы его жизни, отметили многие странности в его характере. Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скарденность в мелочах. Живя отшельником в Кремлевском дворце, Борис по временам покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, запорты и запечатаны ли входы в дворцовые погребы и в кладовые для съестных припасов. Скупость, по замечанию англичан, будто бы стала одной, притом не самой последней причиной его падения¹¹.

Многие признаки в поведении Годунова указывали на его преждевременно наступившее одряхление. Принимая посла английского короля Якова I, царь впал в слезливый тон, говоря об умершей королеве Елизавете. В конце жизни Годунов, тревожась за будущее сына, держал его при себе безотступно, «при каждом случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия». Однажды один из ученых иноземцев попытался убедить Годунова, что ради долголетия царевича и просвещения его ума ему надо предоставлять некоторую самостоятельность в занятиях. Однако Борис неизменно отклонял такие советы, говоря, что «один сын — все равно что ни одного сына» и он не может и на миг расстаться с ним¹².

В последние дни Годунова более всего мучили два вопроса. Твердо зная, что младший сын Грозного мертв, царь по временам впадал в сомнение, «почти лишился рассудка и не знал, верить ли ему, что Дмитрий жив или что он умер»¹³. Другой вопрос заключался в том, сподобится ли он вечного блаженства на том свете. По этому поводу Борис советовался не только со своим духовником, но и с учеными немцами. Невзирая на различие вер, царь просил их, «чтобы они за него молились, да сподобится он вечного блаженства». После таких бесед Борис нередко приходил к мысли, что для него «в будущей жизни нет блаженства»¹⁴.

Под влиянием неудач и тяжелой болезни Годунов все чаще погружался в состояние апатии и уныния. Физические и умственные силы его быстро угасали. Недруги распространяли всякого рода небылицы по поводу смерти Бориса, последовавшей 13 апреля 1605 г. Согласно одной версии, Годунов будто бы принял яд ввиду безвыходности своего положения; по другой версии, он упал с трона во время посольского приема¹⁵.

Осведомленные современники описывают кончину Годунова совсем иначе: «...царю Борису, вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на лево болезнь люта, и едва успе поновитись и постричи, в два часа в той же болезни и скончался». Как записал автор Хронографа, Годунов скончался после обеда: «...по отошестве стола того, мало времени минувшю, царь же в постельной хранине сидящу, и внезапно случися ему смерть». Борис умер скоропостижно, и монахи лишь «успели запасными дары причастити» умирающего¹⁶.

Члены английского посольства описали последние часы Годунова со слов лечивших его медиков. По обыкновению, врачи находились при царской особе в течение всего обеда. Борис любил плотно покушать и допускал излишества в еде. Доктора, видевшие его хороший аппетит за обедом, убедились в его добром здравии и разъехались по домам. Но через два часа после обеда Борис почувствовал дурноту, перешел в спальню хоромы и сам лег в постель, велел вызвать врачей. Но до того, как те вернулись во дворец, у Бориса отнялся язык и он умер. Перед кончиной Бориса стоявшие подле его постели бояре спросили, не желает ли он, чтобы дума в его присутствии присягнула наследнику. Умиравший, дрожа всем телом, успел промолвить: «Как богу угодно и всему народу». Вслед за тем духовные особы поспешно совершили над ним обряд пострижения в иноки¹⁷.

Близкий к царскому двору Яков Маржарет передает, что Борис скончался от апоплексического удара¹⁸.

Смерть Бориса дала новый толчок развитию «Смуты» в Русском государстве.

Глава 17 ВОССТАНИЕ ПОД КРОМАМИ

Бояре и духовенство нарекли царевича Федора Борисовича на царство через три дня после кончины Бориса. Записи в книгах Разрядного приказа наводят на мысль о том, что в этом акте участвовали все чины, обычно входившие в состав Земского собора. «Того же месяца апреля, — значит в Разрядах, — патриарх Иев Московский и всеа Руси, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и со всем освященным собором вселенским, да бояре и окольные, и дворяне и стольники и стряпчие, и князи, и дети боярские, и дьяки и гости, и торговые люди, и все ратные и черные люди всем Московским царством и всеми городами, опричь Чернигова и Путивля, нарекли на Московское государство государем царевича князя Федора Борисовича всеа Руси»¹.

Разрядные записи находят аналогию в епископских посланиях, разосланных по городам сразу после наречения Федора. Отцы церкви подробно описывали, как патриарх с освященным собором, весь царский синклит — Боярская дума, гости и торговые люди и «всенародное множество Российского государства» просили царицу Марию Григорьевну, чтобы она «была на царстве по-прежнему», а сына великого государя царевича князя Федора благословила «быти царем и самодержцем всей Русской земли»². Царевич не презрел «слез и моления» чинов и по благословению и приказу отца «произволил» быть царем.

В действительности наречению царевича Федора не предшествовали ни «моления» чинов Земского собора, ни шествия «всенародного множества».

После своего избрания Борис Годунов сделал сына соправителем и приказал именовать его государем царевичем, «всеа Руси». Царевич самостоятельно сносился с иноземными дворами³. Скорее всего сам Борис позаботился о том, чтобы заблаговременно подготовить всю процедуру передачи власти наследнику. В обращении патриарха к народу было сказано, что царь Борис, умирая, после себя приказал на царство сына и благословил его крестами, которыми «венчаютца на царство», после чего Федор Борисович «з божьей помощью на своих государствах сел». Патриарх с освященным собором благословили нового царя, а члены Боярской думы, дворяне, дети боярские, приказные люди, гости и всех сотен торговые всякие люди в присутствии патриарха принесли присягу на верность Федору Борисовичу⁴.

Очевидцы свидетельствуют, что именно так все и произошло. Бояре, дворяне, купцы и простой народ были вызваны в Кремль и приведены так к присяге⁵.

Вслед за тем царица Мария и царь Федор Борисович разослали в города наказ, повелев созвать в церковь дворян, служилых людей, посадских людей, пашенных крестьян и всяких «черных» людей и привести их к присяге по специальной записи⁶.

Приказные люди записывали имена присягнувших в специальные книги, которые надлежало затем отправить в Москву.

В главных городах — Новгороде, Пскове, Казани, Астрахани, городах Замосковья, Поморья и Сибири присяга прошла без затруднений. Составленные там книги были спешно присланы в столицу. В царском архиве хранилась «свяска, а в ней записи целовальные... после царя Бориса царице Марье и царевичу Федору всяким людем по чином, и записи шертовальные по чином иноземцом»⁷. Православные целовали крест, иноверцев приводили к шерти.

Текст подкрестной записи царя Федора полностью повторял текст, составленный при воцарении Бориса Годунова. Он содержал непомерно длинный перечень обязательств, ограждавших безопасность царской семьи. Подданные обещали над царицей и ее детьми «в еде и питье, ни в платье, ни в ином чем лиха никакого не учинить и [их] не испортить, и зелья лихого и коренья не давать»; «и людей своих с ведовством и со всяким лихим зельем и с корень-ем не посылать, и ведунов не добывать на [царское] лихо»; когда государь куда пойдет, «на следу [его] всяким ведовским мечтанием не испортить и ведовством по ветру никакого лиха не насылатъ»⁸.

Проекты возведения на трон Симеона Бекбулатовича давно утратили актуальность. Тем не менее советники Федора упомянули его имя в тексте присяги, запретив подданным всякие сношения с ним. Реальная угроза династии исходила от самозванца. Но пояснения насчет самозванца в «целовальной записи» были краткими и маловразумительными. Подданные клятвенно обязывались «к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать и с ним и с его советники ни с кем не ссылатись ни на какое лихо и не изменити и не отъехати...»⁹.

Текст присяги отразил замешательство, царившее среди властителей Кремля. Длительное время церковь предавала анафеме зловердного еретика Гришку Отрепьева. Затем все узнали, что в Путивле «царевич» выставил на всеобщее обозрение колдуна Гришку Отрепьева. Чудовские монахи, посланные для обличения расстриги перед жителями Путивля, прислали царю Борису письмо, подтверждавшее истинность сына Грозного. В Москве не могли сразу разобраться в новых мистификациях самозванца и не знали, что думать. Вместо того чтобы следовать раз принятой линии обличения «вора», царица и ее советники решили вовсе не упоминать в «записи» имени Отрепьева. Составители присяги сделали худшее, что могли. Они свели на нет все достижения официальной пропаганды. Присяга не только не внесла успокоения в умы, а усилила брожение.

Династия Годуновых имела мало шансов на то, чтобы уцелеть в обстановке кризиса и гражданской войны. Федор получил превосходное для своего времени образование, но в 16 лет ему не доставало политической опытности и самостоятельности. Царица Мария Григорьевна была фигурой крайне непопулярной. Знать и население столицы не забыли массовых избиений и казней, в свое время организованных ее отцом опричным палачом Малютой Скуратовым. По Москве ходила молва о крайней жестокости царицы.

Борис наводнил Боярскую думу своими родственниками. Но к началу 1605 г. все наиболее значительные деятели из рода Годуновых сошли со сцены, а оставшиеся не пользовались никаким авторитетом, несмотря на свои блистательные титулы. В трудный час подле Федора не оказалось никого, кто мог бы твердой рукой поддержать пошатнувшуюся власть.

Прошло несколько дней после присяги, и бессилие правительства перед лицом глубокого кризиса обнаружилось с полной очевидностью. Крушению власти немало способствовало то, что в решающий момент у царя не оказалось достаточных военных сил: в течение многих месяцев царь Борис отправлял в действующую армию всех способных носить оружие, включая стольников, жильцов (дворцовую охрану), конюхов и псарей.

Еще при жизни царь Борис стал жертвой политической клеветы. Его обвиняли в убийстве последних членов законной династии, включая царя Ивана, царя Федора и царевича Дмитрия. Клевета подготовила почву для торжества сторонников Лжедмитрия. По Москве распространялись самые невероятные слухи. Упорно толковали, будто Борис сам наложил на себя руки в страхе перед «сыном Грозного»¹⁰.

Волнения в Москве нарастали с каждым днем. Следуя традиции, новый царь объявил о прощении всех преступников и опальных. Однако амнистия не распространялась на политических противников Годунова. Столица не желала мириться с такой несправедливостью. Как записал очевидец, «народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко дворцу, крича о знатных боярах, бывших при Борисе в немилости и ссылке, другие кричали о матери Дмитрия, старой царице, что ее надобно посадить у городских ворот, дабы каждый мог услышать от нее, жив ли еще ее сын или нет»¹¹. Власти были вынуждены уступить требованиям народа. Они вернули в столицу Б. Я. Бельского, находившегося в ссылке в деревне, удельного князя И. М. Воротынского, бывшего в опале и изгнании, и других лиц. В лице Бельского династия приобрела опаснейшего противника, великого мастера политических интриг, озлобленного преследованиями со стороны царя Бориса.

Правительство могло бы использовать старицу Марфу (Марию) Угличскую для обличения самозванца. Но царица Мария Годунова и слышать не желала о ее возвращении в Москву.

Воеводы расставили заставы на всех дорогах и отдали приказ вешать гонцов Лжедмитрия без промедления. Тем не менее лазутчики продолжали проникать в столицу и доставлять «прелестные» листы.

Царь Федор предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать контроль за положением в столице. Казна раздала населению огромные суммы на помин души Бориса, на самом же деле, чтобы успокоить население. Но щедрая милостыня не достигла цели.

Не видя иного выхода, царица Мария и ее сын срочно вызвали из армии в Москву руководителей Боярской думы Ф. И. Мстиславского и братьев Шуйских, чтобы прекратить беспорядки в столице. «...Князь Мстиславский был отозван из стана в Москву помочь молодому царю решать и вершить дела правления...» — полагал Конрад Буссов. За боярами под Кромь был послан жилец И. К. Карамышев¹². Подобная мера казалась вполне оправданной. Страх перед назревавшим выступлением низов побуждал бояр заботиться о порядке в столице и действовать в интересах династии, невзирая на собственные политические симпатии.

Когда толпа в очередной раз заполнила площадь перед Кремлевским дворцом, князь В. И. Шуйский вышел на крыльцо и долго увещевал народ одуматься и не требовать перемен, которые приведут к распаду царства и ниспровержению православия. Боярин поклялся самыми страшными клятвами, что царевича Дмитрия давно нет на свете, что он сам своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский «вор» — это беглый монах и расстрига Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи¹³.

Возвращение главных бояр в Москву и речи Шуйского внесли успокоение в умы. Волнения в столице на время утихли.

Почти сразу после смерти Бориса правительство осуществило смену высшего командования в армии под Кромами. Среди Годуновых и их родни не оказалось никого, кто мог бы взять на себя руководство военными действиями, и царь Федор поневоле должен был вверить свою судьбу людям, ничем не связанным с династией, кроме милостей умершего царя. Новым главнокомандующим в армию был назначен князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, его помощником — боярин Петр Федорович Басманов¹⁴.

М. П. Катырев получил боярство одним из первых, сразу после коронации Бориса. Катырев ничем не успел проявить себя на военном поприще, и его назначение было продиктовано формальными местническими соображениями. До опричнины Катыревы-

Ростовские занимали высокое положение в думе. На этом основании М. П. Катырев, получив боярство, пытался местничать с главой думы Ф. И. Мстиславским¹⁵.

Наибольшие надежды Годуновы возлагали на П. Ф. Басманова.

В столице Басманова знали как первого щеголя среди дворян и человека, популярного среди населения. По словам английских современников, простой народ «считал его единственным своим защитником». Басманов сделал карьеру в считанные месяцы благодаря успешной обороне Новгорода Северского. Царь Борис вызвал его ко двору, столица чествовала Басманова как героя. Из-за ран воевода не мог ехать верхом, и Борис выслал навстречу ему свой выезд. В царских санях Басманов проследовал через всю столицу в Кремль. Годунов пожаловал Басманову боярский чин, земли, 2 тыс. руб. денег и множество подарков¹⁶.

Старшим воеводой в Новгороде Северском был боярин князь Н. Р. Трубецкой. Однако наибольшие награды за оборону города получил не он, а Басманов. Услуги, оказанные Басмановым Годунову, имели особый характер. Старший воевода осуществлял общее военное руководство обороной крепости. Роль же Басманова состояла в том, что он своевременно обнаружил измену в гарнизоне Новгорода Северского и железной рукой подавил мятеж.

После возвращения в Москву Басманов неоднократно просил царя отправить его в действующую армию. Но Борис неизменно отказывал ему, ссылаясь на то, что воевода еще не оправился от тяжелых ран. Невзирая на болезнь, Годунов надеялся возглавить летнюю кампанию против самозванца и обещал дать Басманову назначение в своей армии. Исаак Масса утверждал, что правительство решило послать Басманова в лагерь под Кромы еще при жизни Бориса, когда последний увидел, что измена ширится день ото дня, и заподозрил в предательстве самого Мстиславского. Басманов будто бы поклялся, что захватит «вора» или сам сложит голову¹⁷.

По своему местническому положению Басманов никак не мог претендовать на руководство главными силами русской армии. Бояре, находившиеся в полках, были много старше его по рангу и службам. Правительство имело много соглядатаев в лагере и своевременно получало сведения о «шатости» в людях. Басманову отводилась та же роль, которую он уже сыграл однажды при обороне Новгорода Северского.

Явившись в лагерь под Кромы, Катырев и Басманов привели полки к присяге. Патриарх Иов по немощи не мог покинуть Москву, и поэтому церемонией присяги руководил новгородский митрополит Исидор — второе в церковной иерархии лицо. Никто не оказал воеводам открытого неповиновения. Но по свидетельству русских летописей, некоторые ратные люди в общей сутолоке уклонились от церемонии крестоцелования. В Москве церковное руководство оказало немалую помощь новому царю, но на действующую армию влияние духовенства не распространялось. Бояре поспешили выпроводить Исидора из лагеря под Кромами, едва закончилась присяга¹⁸.

После смерти Бориса вопрос о единстве в думе и высшем военном командовании приобрел первостепенное политическое значение. В свое время Годунов, питавший особое доверие к бывшему опричнику князю Андрею Телятевскому, приставил его к Мстиславскому в качестве помощника. Попытка подчинить большой полк Телятевскому вызвала негодование многих воевод. После того как царевич Федор отозвал в Москву Ф. И. Мстиславского и В. И. Шуйского, большой полк фактически перешел в распоряжение Телятевского: «...воем же начальницы останася князь Ондрей Телятевской...»¹⁹.

Вмешательство Семена Годунова, главы сыскного ведомства, в дела Разрядного приказа привело к полной неразберихе в полках. После отъезда П. Ф. Басманова под Кромы Семен Годунов настоял на назначении князя А. А. Телятевского главным воеводой сторожевого полка, что доставило ему большие местнические преимущества. Новый главнокомандующий князь М. П. Катырев привез под Кромы одну роспись, а через три дня в лагерь прибыл гонец с новым Разрядом, не согласованным ни с Катыревым, ни с Басмановым. Разрядные дьяки утверждали, будто новый государь ничего не знал о втором

Разряде. По их словам, «тое-де роспис, как бояром и воеводам велено быть по полком, послал Семен Годунов для зятя своево князя Ондreja Телятевского, а царевич-де князь Федор Борисович гое росписи не ведает»²⁰.

Вмешательство сыскного ведомства посеяло раздор среди воевод, на которых династия возлагала наибольшие надежды. П. Ф. Басманов с головой погрузился в местническую тяжбу с А. А. Телятевским. Воевода полка левой руки З. И. Сабуров отказался подчиняться М. П. Катыреву и отослал ему полковые списки «для того, не хотечи быть менши князя Ондreja Телятевского». К тому же второй воевода полка правой руки князь М. Ф. Кашин-Оболенский «бил челом на Петра Басманова в отечестве, и на съезд не ездил, и списков не взял»²¹.

В армии назревал заговор, и местнические распри способствовали его успеху. Душой заговора были братья Голицыны. Свой род князь Голицыны вели от литовской великокняжеской династии. По знатности они превосходили главу Боярской думы Ф. И. Мстиславского, потомка младшей линии литовской династии. Но к концу XVI в. местническое положение Голицыных пошатнулось. Попытки тягаться с Трубецкими и Шуйскими закончились для них полной неудачей²². После смерти царя Федора Ивановича Голицыных не было среди претендентов на трон. Кончина Бориса Годунова пробудила в них честолюбивые надежды. Положение династии стало непрочным, и Голицыны первыми из бояр покинули ряды ее сторонников.

Некоторые летописи причисляли к числу организаторов заговора воеводу боярина М. Г. Салтыкова²³. Однако очевидец мятежа Яков Маржарет утверждал, что М. Г. Салтыков был захвачен изменниками. Слова Маржарета находят подтверждение в Разрядных книгах пространной редакции. Другой осведомленный современник — Петр Петрей также писал, что заговорщики захватили М. Г. Салтыкова и жестоко терзали его. Швед Петрей знал Салтыкова как воеводу Орешка²⁴.

Выдающуюся роль в организации мятежа сыграли Прокофий Ляпунов и его братья. Ляпуновы занимали видное положение среди выборных рязанских дворян. Они обладали неукротимым нравом, и летописцы не прочь были подчеркнуть их склонность к авантюрам.

После смерти Грозного Ляпуновы вместе с другими рязанцами участвовали в московских беспорядках, едва не погубивших правителя Бориса Годунова. За год до войны с самозванцем царь Борис велел наказать Захара Ляпунова кнутом за посылку заповедных товаров к вольным казакам на Дон. Мятежные алексинские дворяне выдвинули из своей среды Захара Бибикова. Он числился выборным дворянином от Алексина и имел оклад в 500 четвертей земли. После переворота Лжедмитрий I пожаловал ему за особые заслуги рязанское поместье в 200 четвертей, взятое у И. П. Вельяминова²⁵.

Организации заговора в годуновской армии способствовали многие обстоятельства, но два из них имели решающее значение. Первым было появление знати в путивльском лагере, вторым — смерть Бориса. Конрад Буссов записал слухи о том, что изменники Бориса затеяли переписку с самозванцем будто бы сразу после его поражения под Севском. Они советовали «царевичу» не отступаться от своего и обещали тайную поддержку²⁶. Достоверность этих слухов сомнительна. Скорее всего заговорщики установили связь с Путивлем в более позднее время. Лжедмитрий многократно посылал листы к царским воеводам, но последние откликнулись на них лишь после того, как обращения самозванца поддержали хорошо известные им лица.

Родовитая знать не смирилась со своим поражением в период династического кризиса, и ей не всегда удавалось скрыть свое истинное отношение к выборному земскому царю Борису. За два-три года до вторжения самозванца власти получили донос о том, что князь Борис Михайлович Лыков, «сходясь с Голицыными да с князем Борисом Татевым, про него, царя Бориса, разсуждает и умышляет всякое зло». Названный круг лиц был связан тесной дружбой, а отчасти и родственными связями²⁷.

В силу превратностей гражданской войны одни члены этого кружка оказались заброшенными в путивльский лагерь, где их обласкал самозванец, другие же остались в царских полках. В былые времена злые речи Голицыных и их друзей против царя Бориса не были подкреплены никакими практическими шагами, а потому Годунов не придал доносу никакого значения. После смерти Бориса ничто не мешало претворить помыслы в действие.

Князь Борис Петрович Татев и князь Борис Михайлович Лыков, как видно, оказали Лжедмитрию исключительные услуги, поскольку первый вскоре же получил боярство, а второй стал кравчим самозванца. Вероятно, Лыков поддерживал наиболее тесные связи с заговорщиками, поскольку именно ему Лжедмитрий поручил организовать присягу в сдавшихся царских полках²⁸.

Характерно, что князь Б. П. Татев владел крупным поместьем в Рязани²⁹. Рязанское дворянство было охвачено брожением и сыграло особую роль в событиях под Кромами. В отличие от северских и южных городов дети боярские рязанских городов несли службу в «государевом дворе». Участники боярского заговора Ляпуновы и Измайловы принадлежали к высшему и наиболее влиятельному слою феодальных землевладельцев Рязани. За Прокофием Ляпуновым числилось 550 четвертей пашни в поместье и небольшая вотчина. Измайловы владели обширными родовыми вотчинами в Рязанском уезде. В числе других лиц в южных городах был захвачен Артемий Измайлов. За считанные недели этот рязанский дворянин из пленника превратился в дворецкого, думного дворянина и ближнего человека «царевича». Измайлов был приятелем Ляпунова. Многие родственники Измайлова служили в армии Ф. И. Мстиславского³⁰. Скорее всего именно Артемий Измайлов помог организовать заговор среди рязанских дворян, за что и был удостоен исключительных милостей.

Переговоры между путивльскими «советниками» самозванца и заговорщиками в армии под Кромами были окружены глубочайшей тайной. Но некоторые подробности о них все же стали известны в Польше. Некто Петр Арсудий, подвизавшийся в Польше в качестве доверенного лица Ватикана по делам восточной церкви, получил подробные сведения о секретных переговорах «царевича» с боярами от виленского епископа Войны. В начальный момент организации самозванческой интриги покровители самозванца попытались заручиться поддержкой Войны. Епископ занял двусмысленную позицию. Королю он советовал известить Годунова об экспедиции как «частном предприятии своевольных людей», но одновременно считал необходимым послать гонца к «царевичу», чтобы «таким известием не был нарушен его покой»³¹. С тех пор Война имел возможность получать доверительную информацию от лиц, окружавших «царька».

По словам епископа, заговорщики обещали «истинному» Дмитрию престол на следующих условиях: православная вера остается нерушимой, самодержавная власть сохраняется, и Дмитрий будет пользоваться теми же правами, что и его отец Иван IV; царь не будет жаловать боярского чина иноземцам и не назначит их в Боярскую думу, но волен принимать их на службу ко двору и даст им право приобретать земли и другую собственность в Русском государстве; принятые на службу иноземцы могут строить себе костелы на русской земле³².

Приведенные сведения, если они достоверны, позволяют сделать интересные выводы. По-видимому, соглашение о будущем устройстве Русского государства было в основных чертах выработано в результате переговоров между членами «воровской» Боярской думы и польскими советниками самозванца. Вместе с Мнишком лагерь Отрепьева покинула почти вся польская знать, принимавшая участие в аванюре. Это обстоятельство должно было облегчить сговор. Московская знать, оказавшаяся в Путивле, заботилась о сохранении своих привилегий. Немногие польские советники (Бучинский, Дворжецкий, Иваницкий), оставшиеся при особе «царевича» в Путивле, выговорили себе право служить при царском дворе, владеть вотчинами и поместьями, а также устроить себе церкви по своему вероисповеданию.

Самозванец постоянно совещался с находившимися при нем иезуитами. Они также могли быть довольны секретным соглашением: Москва впервые раскрывала свои двери католицизму. Иезуиты скорее всего и передали информацию в Польшу, где она стала известна виленскому епископу.

В последних числах апреля 1605 г. к самозванцу в Путивль из-под Кром прискакал сын боярский арзамасец Абрам Бахметов и сообщил, что царь Борис умер, что Петр Басманов прибыл под Кромы и 19 апреля привел полки к присяге. Войско Отрепьева получило аналогичное известие из Кром. Казаки сообщили, что они сделали вылазку из крепости и захватили языков, от которых узнали, что «Бориса не стало и что в войске их великое смятение: одни держатся стороны Борисова сына, а другие — нашей»³³.

Положение в царском лагере стало критическим к началу мая.

Когда П. Ф. Басманов прибыл под Кромы, он горячо убеждал войско служить Федору Годунову. Одновременно он начал охоту за тайными приверженцами Лжедмитрия. Что ни день воевода рассылал «по всему лагерю людей, которые подслушивали, что там говорили, и доносили обо всем ему, так что открылось, что больше людей на стороне Дмитрия, чем на стороне московитов»³⁴. Сведения Басманова полностью совпадали с показаниями языков, захваченных казаками Корелы. Воеводе предстояло железной рукой покарать сторонников Лжедмитрия в интересах Годуновых. Но положение династии было шатким.

Сохранив верность Годуновым, Басманов должен был бы пролить потоки крови. В числе первых ему пришлось бы арестовать воевод князей Голицыных, истинных вдохновителей заговора. Однако по матери Голицыны доводились братьями Басманову, и он издавна привык считаться с авторитетом старшей по знатности родни. Все это не могло не повлиять на исход дела³⁵.

Голицыны понимали, что рискуют головой, и не жалели сил, чтобы втянуть Басманова в заговор. Кроме милостей Бориса, ничто не привязывало Басманова к правящей династии. Переход власти к царице Марии Скуратовой и Семену Годунову не мог не поколебать его верность трону. Между родом Бельских и родом Басмановых существовала кровная вражда. Именно отец царицы Малюта Скуратов положил конец блестящей карьере Басмановых в опричнине. По его навету инициатор опричнины А. Д. Басманов был казнен, а его сын Ф. А. Басманов умерщвлен в тюрьме. П. Ф. Басманов не имел оснований щадить дочь Малюты и его внука царевича Федора Борисовича.

Получив предложение примкнуть к заговору, Басманов не долго колебался. Сын знаменитого опричника, Басманов был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благоденствия. После взлета в опричнине Плещеевы-Басмановы надолго сошли со сцены, и воеводе предстояла жестокая борьба, чтобы возродить былую «честь» фамилии. Разрядная роспись, присланная в полки после присяги, нанесла удар честолюбивым надеждам П. Ф. Басманова. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евял и бил челом боярам и воеводам всем: «Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма был дважды большии деда князя Ондреева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи князю Ондрею Телятевскому, и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору»»³⁶.

Басманов не мог смириться с «потерькой» фамильной чести. Но вернее будет предположить, что он искал благовидный предлог для предательства. Примкнув к заговорщикам, Басманов быстро привел дело к решительной развязке.

Силы заговорщиков были невелики. Большинство дворян принесли присягу царевичу Федору и сохраняли верность династии. Мятеж кучки заговорщиков посреди вооруженного лагеря мог быть легко подавлен вооруженной рукой. И тем не менее заговор в лагере имел успех.

После трех месяцев, прошедших в бесполезной осаде Кром, в правительственной армии произошли большие перемены. Дисциплина в ней держалась, пока дворянское

ополчение громило «воров» — казаков и комарицких мужиков. Неудача под Кромами и бездеятельность деморализовали полки. Дворяне осуждали приказ Бориса, воспретившего воеводам распустить ратных людей на отдых. Они не понимали, зачем царю понадобилось держать 50-тысячную армию под стенами крохотной крепости, для осады которой было достаточно небольшого отряда³⁷.

Мелкие помещики не успели оправиться от последствий трехлетнего голода. Многие опасались, что из-за длительного отсутствия дела в их поместьях придут в полное расстройство. С наступлением весны бегство землевладельцев из армии усилилось. Немало столичных дворян использовали смерть Бориса в качестве предлога для отъезда в Москву «на царское погребенье»³⁸.

В то время как дворянское ополчение таяло, число «даточных людей» и «посошных» мужиков в лагере росло. Под Кромы был доставлен огромный артиллерийский парк, большие запасы пороха и ядер. Лагерь оказался наводнен «посошными людьми», занятыми перевозкой пушек, подвозом боеприпасов и пр.

Поначалу северные города получили от правительства льготу, будучи освобожденными от обязанности выставить в поле ратных людей. Однако ко времени осады Кром Борис отменил их льготу.

Начиная с февраля 1605 г., писал Масса, через Москву каждодневно проходило много ратников, отправлявшихся на помощь войску Мстиславского. Многочисленные отряды снарядили города Тотьма, Устюг Великий, Вычегда и др.³⁹ Монастыри набирали отряды «даточных людей» из крестьян и служек.

При военном лагере возникло торжище. Каждый день окрестные и дальние крестьяне везли на продажу продукты питания и разные товары. Вместе с ними на торг беспрепятственно проникали лазутчики из Путивля с «воровскими» листами. Чем больше ратники в сермягах заполняли лагерь, тем успешнее шла агитация в пользу «истинного» царя Дмитрия.

При Василии Шуйском Посольский приказ объяснил происшедшее под Кромами следующим образом: многие бояре и дворяне разъехались из-под Кром, остались же там «немногие бояре и воеводы, а с ними только ратные люди северских и украинских городов — стрельцы и казаки и черные люди; и те люди... смуту в полках учинили»⁴⁰. В предназначенных для поляков объяснениях дяки намеренно исказили картину, отрицая причастность некоторых бояр и дворян к мятежу. Но они довольно точно уловили роль мелких служилых людей, «посохи» и «мужиков» в последовавшем перевороте.

Отрепьев не имел ни сил, ни решимости, чтобы отважиться на новое сражение с воеводами. Тем не менее он оценил важность полученных из Кром сообщений и в начале мая отдал приказ о выступлении в поход. Участник похода С. Борша писал: «Мы... не дождавшись из Польши на помощь ни одного человека, пошли с царевичем против того войска». Уже после выступления армии хорунжие привели из Путивля подкрепление: около 500 конных шляхтичей — «пятигорцев»⁴¹.

Русские официальные представители отметили прибытие последних значительных подкреплений к самозванцу из Польши. Они припомнили полякам, как в Путивль к «вору» пришел Ратомский со многими людьми. Отвечая на этот упрек, польские послы заявили, что «Ратомский, отъехавши от него (Лжедмитрия. — Р. С.), долгий час при нем не был» и вернулся к нему в Путивль, когда «ему вже вси люди московские здавались». Вся миссия Ратомского и вновь прибывших войск свелась якобы к тому, что они «проводили» Лжедмитрия до Москвы⁴².

До прибытия Ратомского численность наемных солдат в путивльском лагере не превышала 300 человек. Несмотря на настойчивые просьбы Корелы и Беззубцева о помощи, Лжедмитрий смог послать к Кромам лишь небольшой отряд Яна Запорского. В письмах из Путивля иезуиты сообщали, что перед походом Запорский принял у них благословение и что вместе с ним выступили 200 рейтар с конями и 100 пеших поляков. Поляки имели самое примерное представление о численности повстанческих отрядов. По

их словам, к отряду Запорского присоединилось то ли 10 тыс., то ли 3 тыс. московитов. Однако сам Ян Запорский в письме из-под Кром сообщал, что с ним было всего 200 конных копейщиков и 800 донских казаков⁴³.

На пути к Кромам Запорский получил подтверждение относительно смерти Бориса. 30 апреля 1605 г. он направил донесение об этом гетману А. Дворжецкому. В начале мая Запорский ждал удобного случая, чтобы прорваться в Кромы и соединиться с казаками. Ради достижения этой цели он послал в Кромы трех «шпиков» с письмами, в которых сообщал, что он ведет на выручку 20 тыс. копейщиков и 20 тыс. казаков при 300 орудиях. Вскоре Запорский имел стычку с отрядом татар, несшим сторожевую службу на подступах к Кромам. Поляки разогнали отряд и взяли в плен 150 человек⁴⁴.

Запорский считал, что именно его хитрость, а также «победа» над русскими вынудили правительственные войска сложить оружие и принести присягу Лжедмитрию. Его оценку приняли С. Борша и Г. Паэрле. В действительности и письма Запорского, и стычка с татарами оказали небольшое влияние на события, происходившие в лагере под Кремами.

Как повествуют русские источники, «в полках под Кромами, немного время погодя после крестного целованья, рязанцы Прокофей Лепунов з братьею и с советники своими и иных заречных городов втайне вору крест целовали... и, собрався, приехали к разрядному шатру, где бояре и воеводы сидели...»⁴⁵. Итак, заговорщики приняли решение о выступлении сразу после завершения церемонии присяги в полках. Тогда же они вошли в тайный сговор с Корелой в Кромах. Весть о приближении войска самозванца укрепила их решимость.

Записи Разрядного приказа не оставляют сомнения в том, что дворяне и дети боярские Рязани и ее пригородов, Тулы, Алексина, Каширы и ряда других заокских уездов выступили на стороне Лжедмитрия «всем городом», т. е. так же, как ранее выступили дети боярские Путивля и южных степных уездов. Различие заключалось в том, что, во-первых, в Рязани сохранялось крупное вотчинное и помещстное землевладение и «лучшие» рязанские дворяне издавна несли службу в составе «государева двора»; во-вторых, рязанское и тульское дворянство было значительно многочисленнее, чем мелкопоместное дворянство Юга. В Разрядных книгах можно обнаружить следующую запись: «И украинных городов дворяне и дети боярские резанцы, туленя, коширена, олексинцы и всех украинных городов, удумав и сослався с крамчаны, вору Ростриге крест втайне целовали и бояр и воевод на съезде переимали...» В Разрядных записях пространной редакции сведения об участниках мятежа дополнены некоторыми подробностями: Голицыны и Петр Басманов «подговорили князей и дворян и детей боярских Северских и Резанских всех городов до однова человека; да новгородцких помещиков и псковских и лутцких князей и детей боярских... немногих, и крест Ростриге целовали...»⁴⁶.

Исаак Масса, многократно ссылавшийся на свои беседы с немцами-наемниками, описал события под Кромами с их слов. Заговорщики, писал Масса, подняли мятеж 7 мая до рассвета. По условному сигналу казаки из Кром произвели нападение на лагерь. Вслед за тем Басманов приказал связать по рукам и ногам всех начальников и отправил их с «дмитровцами»⁴⁷.

Судя по Разрядам, П. Ф. Басманов в самом деле предполагал, используя свои прерогативы, созвать всех воевод в шатре главнокомандующего и «переимать» их на съезде. Но его план не удался.

Наибольшего успеха заговорщики добились в передовом полку, где им удалось захватить и связать дядю нового царя И. И. Годунова, а также воеводу боярина М. Г. Салтыкова. Этот успех нетрудно объяснить. Во-первых, в течение всей кампании против самозванца передовым полком командовал глава заговора князь В. В. Голицын. Полк был передан И. И. Годунову за несколько дней до переворота. Во-вторых, в отряде, непосредственно подчиненном Голицыну, с начала войны числилось 1,5 тыс. дворян и детей боярских, но из них 1 тыс. приходилась на долю рязанцев и более 200 человек — на

долю алексинцев⁴⁸. В отряде М. Г. Салтыкова служило четыре сотни рязанских детей боярских.

Братьям Ляпуновым удалось увлечь за собой служилых людей из Рязани и Тулы. По Разрядам, 700 тульских детей боярских служили в полку левой руки. Главным воеводой в полку был преданный династии З. И. Сабуров. Мятежникам не надо было вязать его, потому что он лежал «конешно (тяжело) болен». Второй воевода полка, князь Л. О. Щербатый, видимо, примкнул к заговору, ибо самозванец вскоре дал ему более высокий воеводский пост⁴⁹.

В полку правой руки, который В. В. Голицын незадолго до того принял от Д. И. Шуйского, дела шли много хуже. Второй воевода полка князь М. Ф. Кашин-Оболенский решительно отказался поддержать планы мятежников. Служившие в полку дети боярские из Суздаля, Нижнего Новгорода и других городов также сохраняли верность присяге. Среди дворян и воевод, оставшихся верными царю Федору Борисовичу, автор «Иного сказания» особо упоминает Семена Чемоданова. Последний, как можно установить, был самым видным из выборных дворян по Суздалю⁵⁰.

Опасаясь провала мятежа, В. В. Голицын на всякий случай велел слугам связать себя, чтобы в дальнейшем избежать каких бы то ни было обвинений в измене⁵¹.

В большом полку события развивались совсем не так, как рассчитывали Басманов и Голицын. С начала кампании в полку служили 300 детей боярских из Каширы. Подобно служилым людям из соседних «заречных» (заокских) городов, они приняли участие в «воровстве» все поголовно. Но в большом полку несли службу также много сотен новгородских и псковских помещиков. Из них заговорщиков поддержали лишь отдельные лица. Только автор «Иного сказания» утверждал, будто к заговорщикам присоединились «многие дети боярские новгородские»⁵². Однако его свидетельство решительно расходится с показаниями всех остальных источников.

Басманову не удалось арестовать главнокомандующего князя М. П. Катырева-Ростовского. Окольный В. П. Морозов был смещен Борисом с поста глашго воеводы полка левой руки и переведен «в ряд» в большой полк. Обида на Годунова, однако, не поколебала его верности присяге. Морозов поддержал Катырева. Главному воеводе непосредственно подчинялся начальник артиллерии воевода «у наряда» В. Б. Сукин, имевший чин думного дворянина. Он сопротивлялся мятежникам до последнего момента, как и главный воевода сторожевого полка князь А. А. Телятевский. Под командой последнего служили дети боярские из Владимира, Переяславля, Можайска, Углича, не участвовавшие в заговоре. Князь Телятевский, повествует Масса, «до последней возможности оставался у пушек, крича: «Стойте твердо и не изменяйте своему государю!»»⁵³

Мятеж в расположении многотысячной армии казался безрассудной авантюрой. Верные воеводы без труда раздавили бы его, если бы армия не вышла у них из повиновения. События в лагере развивались с той же неумолимой последовательностью, что и события в Северщине.

Интенсивный процесс дробления поместья в уездах рязанской и тульской «украин» привел к тому, что земельное обеспечение уездных детей боярских значительно ухудшилось. Многие из них выбыли с конной полковой службы и перешли в разряд пищальников. В Рязске соотношение названных категорий было один к десяти. Симптомы кризиса феодального сословия приобрели в южных уездах наиболее резкую форму. Не удивительно, что заговорщикам удалось привлечь на свою сторону многих детей боярских из Рязани, Тулы и северских городов.

В Москве, Новгороде, замосковных городах кризис поместной системы не достиг такой остроты, как в южных уездах. Местные дворяне были лучше обеспечены землями и давали основной контингент для конного поместного ополчения. Они энергично поддерживали царское правительство в его борьбе с восставшим народом. Заговорщики не нашли поддержки в их среде.

Действия верных династии воевод были парализованы тем, что на стороне заговорщиков выступила лагерная «чернь» — многочисленные «посошные» мужики, холопы, казаки и пр. Большая часть армии, по-видимому, оставалась на стороне Годуновых, но верные присяге отряды оказались разобщены и дезорганизованы в обстановке хаоса, воцарившегося в лагере в момент восстания.

Рязанские дворяне и прочие заговорщики первыми бросили клич: «Да здравствует царь Дмитрий!» Клич был тут же подхвачен «посохой», «даточными людьми», казаками, частью стрельцов. Заговорщики сделали все, чтобы посеять в полках панику. Их люди подожгли лагерные постройки в нескольких местах. Ратные люди выбегали из палаток и землянок, не успев как следует одеться.

Поднялась страшная суматоха. Как говорили Массе очевидцы, никто «не мог уразуметь, как и каким образом это случилось, и не знали, кто враг и кто друг, и метались, подобно пыли, ветром вздымаемой». Одни кричали: «Да хранит бог Дмитрия!», другие: «Да хранит бог нашего Федора Борисовича!» По свидетельству Петра Петрея, «те, которые кричали «Дмитрий», вставали на одну сторону, а те, которые кричали «Федор», — на другую...». Очень многие старались как можно быстрее покинуть лагерь. Они бросали оружие, оставляли повозки и телеги, выпрягали лошадей, чтобы бежать скорее⁵⁴.

Ляпуновы позаботились о том, чтобы захватить наплавной мост через реку Кром и соединиться с войском, выступавшим из Кром. Вскоре на мосту собралось так много народа, что мост стал тонуть. Много людей оказалось в воде. Конные пытались переправиться за реку вплавь.

Среди общего хаоса одни немцы-наемники сохраняли некоторый порядок. В большом полку с начала кампании числилось до тысячи иноземцев. Они выстроились под знаменем и приготовились к отпору. Басманов послал свой шпашак со значками капитану иноземцев Вальтеру фон Розену и потребовал, чтобы он присягнул «законному» государю. Немцы, бежавшие в Москву, рассказывали, что капитан не хотел подчиниться приказу Басманова, но, «когда его много раз призвали к тому, он передался вместе с другими». Однако поляки утверждали иное. По их словам, Басманов и Голицын вели переговоры с Розеном накануне переворота. Розен не сразу поверил воеводам и заподозрил, что те желают испытать его верность. Убедившись в обратном, он будто бы дал свое согласие⁵⁵.

В день переворота немцы колебались и выжидали, прежде чем перешли на сторону Лжедмитрия. Верные воеводы не использовали их колебаний. Басманов оказался расторопнее их.

Воеводы А. А. Телятевский и В. Б. Сукин распоряжались на батареях. Они могли пустить в ход пушки, разбить наплавной мост, рассеять собравшуюся на нем толпу и помешать соединению мятежников с гарнизоном Кром. Однако Телятевский не решился начать кровопролитие.

По молчаливому согласию обе стороны, по-видимому, так и не пустили в ход оружие. Переворот был бескровным. Мятежники беспрепятственно переправились за реку Кром и соединились с кромчанами, «даша им путь сквозь войско свое»⁵⁶.

Пропустив нестройную толпу ратников, Корела с донскими и путивльскими казаками и «с кромляны» ворвался в лагерь и «на достальную силу московскую ударишася». По совету заговорщиков казаки «напали на тех воинских людей, у которых была артиллерия и которые размещались по левую сторону от крепости, ибо там были самые ярые противники Гришки»⁵⁷.

Даже после соединения восставших отрядов с кромским гарнизоном численное превосходство оставалось на стороне верных правительству войск. По словам современников, мятежников было полторы сотни на тысячу. Однако нападение казаков усугубило панику в полках и помешало Катыреву, Телятевскому и другим воеводам организовать сопротивление и удержать лагерь за собой. Характерно, что Корела отдал приказ не применять оружия. Деморализованные изменой ратники «плещи даша и

побегоша», донцы же «гоняще их, сетчи же их щадяху», «в сечи же и убиства место плетми бьюще их и, гоняще, глаголюще: «Да потом на бой не ходите противу нас!»» Как отметил Петрей, казаки выбили воевод из лагеря, воспользовавшись возникшей там смутой и суматохой⁵⁸.

Воеводы М. П. Катырев, А. А. Телятевский, В. П. Морозов, М. Ф. Кашин, В. Б. Сукин бежали в Москву⁵⁹. Вместе с ними лагерь покинуло много тысяч дворян, детей боярских и прочих ратных людей. В течение трех дней беглецы шли через Москву расстроенными толпами, возвращаясь в замосковные и северные города. Когда бояре спрашивали их, почему они так поспешно бежали из-под Кром, они «не умели ничего ответить»⁶⁰.

Руководители мятежа предпринимали энергичные усилия для того, чтобы удержать инициативу в своих руках. Без армии династия Годуновых была обречена на гибель. Голицыны и Басманов сделали все, чтобы ускорить ход событий в Москве. Они отправили в столицу с тайной миссией к столичным боярам — противникам Годуновых — нескольких знатных лиц, чтобы привлечь думу и население на свою сторону⁶¹.

Голицыны убедили захваченного в плен М. Г. Салтыкова присоединиться к ним, после чего тот был освобожден из-под стражи. По-видимому, им удалось привлечь на свою сторону Ф. И. Шереметева, находившегося с ратными людьми в Орле, и князя И. С. Куракина, бывшего главным воеводой в Туле⁶². Оба названных воеводы вскоре присоединились к Лжедмитрию.

Попытки подавить массовые выступления в южных городах закончились провалом. Экономические затруднения, связанные с неизжитыми последствиями трехлетнего голода, и военные неудачи способствовали деморализации мелкого дворянства. В связи с развитием поместной системы на южных окраинах государства возникла категория детей боярских, владевших мельчайшими поместьями и несших службу не в конном дворянском ополчении, а «с пищалями» в пехоте. Участие южных помещиков в мятеже доказывает, что настроения недовольства получили в их среде широкое распространение. Запустение фонда поместного землевладения и измельчание поместий побудили правительство вдвое увеличить нормы «уложенной службы». Оказалось нарушенным традиционное соотношение численности дворян и их слуг в полках. В конце концов дворянское ядро потонуло в массе боевых холопов, казаков, стрельцов, «даточных людей» и крестьянской «посохи». Все эти люди принадлежали к низам общества, охваченным брожением.

Выступление дворянских заговорщиков под Кромами привело в действие по существу тот же самый механизм, который позволил сторонникам Лжедмитрия одержать верх во время антиправительственных мятежей в Путивле и в других южных крепостях. Новым в событиях под Кромами было то, что против династии Годуновых впервые выступили «всем городом» дворяне и дети боярские таких крупных городов, как Рязань и Тула, с близкими к ним городами Каширой и Алексином. Наряду с мелкими уездными дворянами службу в названных городах несли «большие дворяне», принадлежавшие к составу «государева двора». Двор всегда был наиболее прочной опорой власти. Раскол в составе двора имел роковые для Годуновых последствия.

Глава 18 ПОХОД НА МОСКВУ

Главные вожди переворота не спешили на поклон к самозванцу. Располагая многотысячной армией, они имели все основания считать себя господами положения. Самозванец создал это и сделал все, чтобы не попасть в западню. Как отметил С. Борша, в походе на Москву «царевич», не доверяя «тому войску (бояр Голицыных и Басманова. — Р. С.), приказывал ставить его в полумиле от себя, а иногда в расстоянии мили, а около

царевича при остановках и в пути до самой столицы были мы — поляки; ночью мы ставили караул по 100 человек»¹.

Настроения в лагере под Кромами были неопределенными и изменчивыми. В первый день в лагере толковали, будто «царевич» находится совсем близко: то ли в Курске, то ли в Рыльске. Затем узнали, что он еще не покинул Путивля. Через несколько дней в лагере произошло брожение. Многие говорили, что «Дмитрий» бежал в Польшу, что он «не истинный [Дмитрий], а злой дух, смутивший всю землю». После пира наступило похмелье. Многие ратники не скрывали сожаления о том, что им не удалось уйти из лагеря в Москву. Трудно сказать, от кого исходили неблагоприятные для самозванца слухи. Голицын и прочие бояре, унимая ратников, были во всяком случае весьма немногословны. «Дождитесь конца, — будто бы говорили они, — а до тех пор молчите»².

На пятый день после переворота в Путивль прибыл брат В. В. Голицына князь Иван. Он не имел думного чина и по своему положению в полках далеко уступал прочим руководителям заговора. С Голицыным прибыло несколько сот дворян, стольников и «всяких чинов людей», представлявших дворян разных «поветов» — уездов и городов³.

В Путивле И. В. Голицын проявил крайнюю угодливость перед самозванцем, стремясь завоевать его доверие. Оправдывая свое предательство, он ссылался на двусмысленность присяги, данной им и другими воеводами царевичу Федору Годунову. Прежде и патриарх, и царь Борис неизменно называли «царевича» Отрепьевым. В присяге это имя вовсе не было названо. Если «царевич» — не Гришка, то почему он не может быть настоящим сыном царя Ивана Васильевича? Голицын клеймил Бориса Годунова самыми бранными словами, клялся в вечной верности прирожденному государю и умолял немедленно идти в Москву и занять престол⁴.

Отрепьев, как видно, не слишком доверял словам Голицына и принял все меры предосторожности, прежде чем выехать в Кромы. Через несколько дней после переворота он прислал в русский лагерь посланца князя Б. М. Лыкова, который привел к присяге полки и объявил милостивый указ «царя Дмитрия». Отрепьев сделал то, чего ждали от него уставшие ратники. Он приказал немедленно распустить на отдых (на три-четыре недели) всех дворян и детей боярских, у которых были земли «по эту сторону от Москвы»⁵. Иначе говоря, роспуску подлежали прежде всего дворяне из заокских городов — Рязани, Тулы, Алексина, Каширы и пр. Именно эти дворяне были главной опорой заговора в полках.

Лжедмитрий распустил из лагеря также многих стрельцов и казаков, что имело самые губительные последствия для Годуновых: «А стрельцов и казаков, приветчи х крестному целованью, отпустили по городом и от того в городех учинилась большая смута»⁶.

Теперь господином положения был самозванец, а не бояре-заговорщики, поскольку половина их армии была распущена по домам, а оставшаяся — отправлена из лагеря на Орел и далее на Тулу⁷. Названные города были заняты без всякого сопротивления, и их воеводы присягнули на верность Лжедмитрию.

Отрепьев покинул Путивль 16 мая 1605 г., на девятый день после мятежа. 19 мая он прибыл в лагерь под Кромами, где уже не было никаких войск. Сопровождавший самозванца капитан С. Борша утверждал, будто в войске у «царевича» было 2 тыс. поляков копейщиков и могло быть около 10 тыс. русских. В своих записках Борша желал доказать, что именно поляки сыграли решающую роль в московском походе, и потому преувеличивал цифры. На самом деле силы Отрепьева были весьма невелики. При нем находилось не более 600—700 польских всадников, 800 донских казаков и некоторое количество других ратных людей. Я. Маржарет утверждал, что «царь Дмитрий» держал при себе поляков и казаков и лишь «немного» русских, так что общая численность его войска не превышала 2 тыс. человек⁸.

Самозванца окружали его «думные» люди, которые, однако, не занимали никаких постов в его польско-казацком войске. Согласно «воровским» разрядам, при нем были

«бояре» князя Б. Татев, В. Мосальский и Б. Лыков, окольный князь Д. Туренин, думные дворяне А. Измайлов и Г. Микулин⁹.

Что касается бояр-заговорщиков, то они присоединились к свите Лжедмитрия где-то на пути между Путивлем и Орлом. Первыми явились к самозванцу бояре П. Ф. Басманов и М. Г. Салтыков, имевшие при себе 200 дворян¹⁰. Орловский воевода Ф. И. Шереметев и боярин В. В. Голицын встретили Лжедмитрия скорее всего под Орлом¹¹.

В Кромах самозванец оставался несколько дней. Его спутники с удивлением разглядывали лагерные укрепления, множество палаток и брошенные русскими пушки. Лжедмитрию досталось 70 больших орудий, крупные запасы пороха и ядер, войсковая казна, много лошадей и прочее имущество¹². Во время остановки в Кромах к самозванцу привели «из достальных (северских и украинских. — *Р. С.*) городов воевод и осадных голов и приказных людей»¹³. В рязанском городе Шацке воеводой служил стольник князь Ю. П. Ушатый. Очевидно, после сдачи Шацка Ушатый получил воеводский чин от Лжедмитрия. Окольный Б. М. Шеин сдал самозванцу Новгород Северский, Я. П. Барятинский — крепость Новосиль¹⁴.

Воеводы дальних городов появились в лагере, когда Отрепьев сделал остановку в Орле. По свидетельству родословцев, в числе других в лагерь Лжедмитрия были приведены воеводы и головы из Поволжья: «Во 112 (1604. — *Р. С.*) году послан был Наум Плещеев на службу в Царицын город, и как вор Растрига пришел в Путивль во 113 (1605. — *Р. С.*) году, а в низовых городах Растриге крест целовали, и в те поры Наума Плещеева царицынские казаки, связав, привели к Растриге под Орел, как Растрига шол под Москву...»¹⁵

Будучи под Орлом, Отрепьев устроил судилище над теми из воевод, которые, попав в плен, отказались ему присягать: «...придоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститися, оне же ему оклеветанны быша, тех же повеле переимати и разслати по темницам»¹⁶. Среди других в тюрьму был отправлен боярин И. И. Годунов.

На всем пути до Орла бесчисленное множество народа из всех сословий и званий собиралось большими толпами, чтобы увидеть новообращенного государя¹⁷.

Затевая заговор под Кромами, В. В. Голицын установил тесные связи со своими сторонниками в Москве. Эти последние стали теперь действовать почти открыто.

Среди «торговых мужиков» Москвы наибольшим доверием самозванца пользовался Федор Андронов. Как видно, он переметнулся на сторону «вора» раньше других.

Имеются сведения о том, что первая делегация от москвичей явилась к Отрепьеву уже во время его остановки в Орле. Посланцы из Москвы заявили, что столица готова признать своего «прирожденного государя»¹⁸.

Миновав Орел, Отрепьев сделал остановку недалеко от Тулы — в Крапивне. По русским известиям, именно из Крапивны «с реки Плавы» он решил послать в Москву своих гонцов с обращением к московской думе и чинам¹⁹.

Посылка грамоты в Москву была сопряжена с большим риском. За опасное поручение взялся дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин. В начале войны с самозванцем он был послан в Белгород в помощники князю Б. М. Лыкову. Оттуда его пленником привезли в Путивль. Русские разряды и летописи подчеркивали, что Г. Г. Пушкин сам напросился («назвался») на «воровство»: «...над царицею Марьею и над царевичем Федором промышлять, и московских людей прельщать, и на ростригино имя их крестному целованью Москву подводить»²⁰.

Лжедмитрий поручил Пушкину доставить в Москву грамоту, в которой он требовал от москвичей покорности и старался убедить их, что провинция уже прекратила всякое сопротивление. «А поволжские города нам, великому государю, — писал самозванец в 20-х числах мая 1605 г., — добили ж челом и воевод к нам привели, и

астраханских воевод Михаила Сабурова с товарищи к нашему царскому величеству ведут, а ныне они в дороге в Воронеже»²¹.

Заявления Отрепьева не отвечали истине. Положение на Нижней Волге оставалось сложным и неопределенным. Весной 1605 г. казаки пытались захватить Астрахань, но были отбиты. Воевода М. Сабуров продолжал оборонять город от повстанцев. Чтобы подтвердить ложь, Лжедмитрий послал вместе с Г. Пушкиным захваченного царицынского воеводу Н. Плещеева, велел ему «на Москве объявить, что ему («Дмитрию». — *Р. С.*) низовые города добились челом»²².

Между тем отряды самозванца попытались из Тулы продвинуться к Серпухову. В распоряжении правительства оставалось несколько тысяч дворовых стрельцов. Царь Федор отпустил их на Оку и приказал им занять все переправы. 28 мая 1605 г. стрельцы дали бой отрядам Лжедмитрия и отбили все их попытки перейти Оку. По словам очевидцев, московские стрельцы, «пребывая верными до конца, сражались за Москву»²³.

Приведенные из-под Кром войска обнаружили полную небоеспособность. Войскам самозванца, выступившим на завоевание Москвы, пришлось выдержать один бой, но и его они проиграли.

Глава 19 ПЕРЕВОРОТ В СТОЛИЦЕ

Антигодуновское восстание в Москве привлекало внимание многих историков¹. С. В. Бахрушин оценивал его как крупнейшее проявление классовой борьбы в русских городах в начале XVII в. Он указывал, что Борис Годунов лишь террором удерживал «низы» московского населения в повиновении, но с его смертью положение переменилось. Антигодуновское выступление вылилось в большое народное движение, направленное против господствующего класса в целом². По мнению Д. П. Маковского, Лжедмитрий получил трон в 1605 г. не в результате сговора бояр с низами, а «при помощи нового подъема крестьянской войны, когда в борьбу вступили горожане...». В. Д. Назаров обратил внимание на то, что в своей политике «посадского строения» Годунов, как правило, отстаивал интересы феодальных верхов, что не могло не вызывать недовольство посадских людей. Строительство кабаков, дававших большие доходы казне, увеличение торговых пошлин, затрагивавшее русских торговцев, и одновременное предоставление привилегий иноземным купцам — все это, по наблюдению И. П. Кулаковой, раздражало московское торговое население, отождествлявшее политику Годунова с политикой Ивана IV, прозванного «английским царем» за покровительство английским купцам³.

Власти ждали волнений в столице со времени великого голода. Начавшаяся в стране гражданская война и смерть Бориса Годунова ускорили развязку. Весной 1605 г. в Москве сложилась опасная ситуация. Народ оказывал прямое неповиновение властям. 30 мая в столице вспыхнула внезапная паника. Поводом послужила весть о приближении к городу неприятельского войска. Толпа москвичей, собравшаяся подле Серпуховских ворот, внезапно обратилась в бегство, увлекая встречных: «всяк бежал своим путем, полагая, что враг гонится за ним по пятам, и Москва загудела как пчелиный улей». Царевич Федор Годунов и его мать царица Мария долго не могли узнать толком, что происходит в городе. Наконец они выслали ближних бояр к народу на Красную площадь. После долгих увещаний толпа нехотя разошлась по домам.

Неприятель, которого ждали 30 мая, появился в окрестностях столицы на другой день. Казачий отряд атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке и 31 мая разбил лагерь в 6 милях от города⁴.

Если бы у стен Москвы появились полки Басманова и братьев Голицыных, они не произвели бы такого переполоха, какой вызвали казаки. Само имя Корелы было ненавистно начальным боярам и столичному дворянству, пережившим много трудных месяцев в лагере под Кромами. Власть имущие имели все основания опасаться того, что вступление казаков в город послужит толчком к общему восстанию. Как только «лучшие»

люди узнали о появлении Корелы, они тотчас начали прятать имущество, зарывать в погребах деньги и драгоценности. Правительство удвоило усилия, чтобы как следует подготовить столицу к обороне. Как отметили очевидцы, в городе проводились демонстративные военные приготовления, «для того чтобы обуздать народ, ибо чрезвычайно страшались простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве...»⁵. Фактически столица была переведена на военное положение, как и в дни восстания Хлопка. Царские посыльные объезжали Пушечный двор и оружейные кладовые в поисках пригодных к бою пушек. Весь день 31 мая москвичи наблюдали за тем, как ратные люди свозили отовсюду пушки и устанавливали их на крепостных стенах. С некоторой долей наивности Исаак Масса повествует о том, как 1 июня 1605 г. в столицу смело въехали два гонца Лжедмитрия, что «поистине было дерзким предприятием». На площади гонцы огласили грамоту самозванца, после чего толпа пала ниц и признала его своим царем. Совершенно так же описывают события русские летописцы, назвавшие по именам гонцов Лжедмитрия. По их утверждению, Москву «смутили» дворяне Г. Пушкин и Н. Плещеев, которые привезли и зачитали народу «прелестные» грамоты «вора»⁶.

Приведенный рассказ превратился в своего рода историографическую традицию, хотя он и включает в себе очевидные черты легенды. Лжедмитрий не раз посылал своих гонцов в Москву, но все они неизменно оказывались в тюрьме или на виселице. Что же позволило Пушкину пройти через стрелецкие заслоны на Оке, проникнуть внутрь крепостных сооружений столицы и добиться успеха? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить последовательность основных событий. 31 мая 1605 г. в окрестности Москвы прибыл отряд Корелы. На другой день утром Пушкин вошел в город. Как видно, эти события находились в неразрывной связи между собой. Именно казаки доставили посланцев Отрепьева в Москву, что и позволило тем избежать расправы в городе, напминавшем вооруженный лагерь. Многие вопросы получают объяснение, если предположить, что самозванец, задумав «смутить» столицу, поручил дело Пушкину вместе с казаками Корелы.

Пушкин и Плещеев прибыли в Подмосковье из района Орла и Тулы. Но в столицу они вошли не по Серпуховской или Рязанской дороге, а по Ярославской, из района Красного села, которое располагалось за рекой Яузой, к северо-востоку от Москвы. Отмеченный факт можно поставить в прямую связь с действиями отряда Корелы. По свидетельству Якова Маржарета, «Дмитрий» послал войско к столице, чтобы «отрезать съестные припасы от города Москвы»⁷. Заокские города были охвачены смутой, и столица не могла рассчитывать на подвоз хлеба с юга. Зато замосковные города сохраняли верность династии, так что обозы шли оттуда непрерывным потоком. Особенно оживленной была дорога из Ярославля, проходившая через Красное село. Чтобы выполнить приказ Лжедмитрия, Корела должен был перерезать прежде всего эту дорогу. По-видимому, он так и сделал.

По некоторым сведениям, Лжедмитрий обратился к жителям Красного села с особым посланием. Самозванец писал, что не раз посылал своих гонцов к ним, в село, и в Москву, но все они были убиты. Наконец он требовал, чтобы красносельцы явились к нему «с повинной», и грозил в случае сопротивления истребить их всех, включая детей во чреве матери⁸.

Присутствие казаков Корелы спасло Пушкина и Плещеева от участи предыдущих гонцов. Красносельцы, повествует Конрад Буссов, с уважением выслушали послание «Дмитрия» и решили собрать народ, чтобы проводить его гонцов в столицу. Как значится в Разрядных записях, Пушкин и Плещеев приехали «с прелестными грамотами сперва в Красное село и, собрався с мужики, пошли в город...». По русским летописям, гонцы Лжедмитрия «стали в Красном селе и почали грамоты Ростригины честь... что он прямой царевич, и иные многие воровские статьи». Обращение «прирожденного» государя

привело к тому, что «красносельцы, смутясь сами, и привели их (гонцов. — Р. С.) к Москве на Лобное место с теми воровскими грамотами»⁹.

Каким бы большим ни было Красное село, население его по столичным масштабам было немногочисленным. Возникает вопрос: как удалось горстке красносельцев провести Гаврилу Пушкина через тройное кольцо крепостных сооружений Москвы, пройти через трое ворот (Земляного и Белого города и наконец Китай-города), охранявшихся стражей?

В Москве власть оставалась в руках Федора Годунова. В его распоряжении находилось несколько тысяч верных дворян и стрельцов. Власти заблаговременно подготовились к отражению казаков. В день восстания Годуновых своевременно известили о том, что красносельские «мужики изменили и хотяху быти в городе» (Москве). Тем не менее посланные в Красное село дворяне не дошли до села, «испужався, назад вороташся»¹⁰. Невероятно, чтобы воевод испугала горстка красносельских мужиков, вооруженных чем попало. Остается предположить, что они столкнулись с войском Корелы, силу которого они испытали под Кромами.

На столичных улицах к красносельцам «пристал народ многой»¹¹. Однако следует учитывать, что массовое восстание москвичей началось позже, уже после оглашения письма Лжедмитрия на Красной площади. До того посланцам «вора» надо было прорваться через усиленно охраняемые городские укрепления. Без казаков Корелы они бы не добились успеха.

Прошло три недели с тех пор, как Корела со своими казаками ворвался в лагерь под Кромами и с помощью заговорщиков, а также «посошных» мужиков и прочего люда принудил к бегству главного воеводу и верных присяге дворян, не пустив в ход оружие. Возникает вопрос: не повторили ли казаки в Москве то, что ранее проделали под Кромами? Не они ли, смешавшись с толпой мужиков-красносельцев, провели эмиссаров самозванца на Красную площадь, разогнав по пути стражу у крепостных ворот и опрокинув заслоны, выставленные московскими воеводами?

Казаки доставили Пушкина и Плещеева на Красную площадь в четвертом часу дня, иначе говоря, около 9 часов утра¹².

С Лобного места Гаврила Пушкин огласил послание «истинного» царя. Письмо было адресовано Мстиславскому, Шуйским и прочим боярам, дворянам московским и городовым, дьякам, гостям, торговым лучшим людям, а также и всему народу — «средним и всяким черным людем». Самозванец клеймил Бориса Годунова как изменника и возлагал на его сына вину за происшедшее «кро-воразлитие». Стремясь привлечь на свою сторону бояр, Отрепьев снимал с них всякую ответственность за разорение северских земель и разгром его войска. Все то, писал Лжедмитрий, бояре делали по незнанию («неведомостью») и боясь казни от Годунова. Царица Мария и ее сын Федька не жалели о земле, «да и жалети им было нечево, потому что чужим владели».

Самозванец напоминал боярам, какое «утеснение» претерпели они от Бориса; какое «разорение и ссылки и муки нестерпимые» были от него дворянам и детям боярским; каким поборам подвергал он купцов, лишая их «вольности» в торговле и забирая в счет пошлин «треть животов ваших, а мало не все иманы». Его обещания имели в виду преимущественно власть имущих. Боярам было обещано не трогать их прежних вотчин, а также учинить им «честь и повышение»; дворянам и приказным самозванец посулил царскую милость, торговым людям — льготы и облегчение в пошлинах и податях.

Что касается народа, то ему Лжедмитрий обещал кратко и неопределенно «тишину», «покой» и «благоденственное житье».

Щедрые обещания в письме самозванца перемежались с угрозами. Непокорным «вор» грозил тем, что им «нигде не избыть» наказания от его «царские руки»¹³.

Толпа, собравшаяся на Красной площади, жадно слушала обличения против Годуновых и верила, что «прирожденный» государь избавит страну от междоусобиц, чрезвычайных поборов, обременительной военной службы. Вскоре у Лобного места собралось «Московского государства всяких чинов людей многое множество»: «Пожар

полон людей и у Троицы на рву (церкви Василия Блаженного. — *Р. С.*), и по лавкам и до Кремля-города и до Фроловских ворот...»¹⁴

В Кремле с утра находились не только ближние люди («Тайный совет»), но и вся Боярская дума. Узнав о появлении толпы на площади, бояре поспешили к патриарху и известили его о «злом совете московских людей». Престарелый Иов со слезами на глазах умолял их сохранить верность присяге, но «ничего не успеваю»¹⁵. Источники сохранили несколько версий относительно позиции Боярской думы в день переворота. По одной версии, народ ворвался в Кремль («миром же приидоша во град») и, захватив бояр, привел их на Лобное место¹⁶.

Разрядные записи содержат известие, согласно которому сигнал к мятежу подал окольный Богдан Бельский. Он будто бы поднялся на Лобное место и «учал говорить в мир: «Яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то я и терпел от царя Бориса»»¹⁷. Это свидетельство, однако, не находит подтверждения в записках очевидцев и современников.

Конрад Буссов, находившийся в Москве, писал, что царица Мария Григорьевна сама выслала на площадь бояр, сохранивших верность ее сыну. Чтобы пресечь агитацию посланцев «Дмитрия», бояре пригласили их в Кремль. Однако толпа помешала попытке убрать Пушкина и Плещеева с площади¹⁸.

Ни русские летописи, ни иностранные авторы (К. Буссов, Я. Маржарет, И. Масса) ничего не упоминают о переходе на сторону восставшего народа кого-нибудь из бояр¹⁹. По словам Якова Маржарета, «Мстиславский, Шуйский, Бельский и другие были посланы (на площадь к народу. — *Р. С.*), чтобы усмирить волнения». Несмотря на появление бояр, письмо «Дмитрия» было оглашено и вызвало мятеж²⁰.

Записки Буссова позволяют установить происхождение ошибки в русских Разрядных записях. Окольный Богдан Бельский в самом деле выходил к народу на Лобное место и, поцеловав крест, поклялся, что государь — прирожденный сын царя Ивана Васильевича, говоря, что «он (Бельский) сам укрывал его на своей груди до сего дня...»²¹. Однако эта сцена, описанная очевидцем, имела место не в момент появления в Москве Гаврилы Пушкина, а три недели спустя, когда в Кремль прибыл сам Лжедмитрий. Авторы Разрядов перепутали последовательность событий.

Подробные сведения о московском восстании заключает в себе опубликованное в 1605 г. английское сочинение, написанное на основе записей и рассказов членов английского посольства, только что вернувшегося из Москвы²². Суть этих сведений сводится к следующему.

Народ, собравшийся на Красной площади, потребовал к ответу думных бояр, особенно же бояр Годуновых. Поначалу царевич Федор им отказал, но затем некоторые из бояр все же выехали из Кремля на площадь, так как простой народ грозил привести их насильно. На Лобное место возшел дьяк Афанасий Власьев — лучший у москвитов оратор. Он спросил у москвичей о причине необычного собрания. Вслед за тем бояре просили толпу разойтись, указывали на то, что в государстве объявлен траур. Они обещали разобрать любые просьбы и ходатайства народа после коронации царевича Федора. Англичане отметили, что речи бояр были двуличными. Сановники говорили таким безразличным тоном, «что видно было, что при этом участвует один язык». На самом деле бояре, и так не отличавшиеся красноречием, лишились дара речи при виде разбушевавшегося народа.

Англичане подробно описали инцидент, послуживший толчком к восстанию. Гаврила Пушкин не успел прочесть грамоту Лжедмитрия и до половины, когда москвичи доставили на площадь двух прежних «воровских» гонцов, вызволенных ими из тюрьмы²³.

Свидетельство англичан позволяет объяснить одно непонятное известие Буссова. По его словам, в письме к москвичам «Дмитрий» требовал ответа на вопрос, куда они дели его предыдущих посланцев: убили ли их сами, или это сделали тайком господ Годуновы и пр.²⁴ Парадокс состоит в том, что в подлинной грамоте самозванца не

упоминалось ни словом ни о каких гонцах. Очевидно, в памяти Буссова события сместились, и он стал приписывать освобождение заключенных воле Лжедмитрия.

Дополнительные сведения насчет роли тюремных сидельцев в восстании можно обнаружить в польских источниках. Иезуит А. Ла-вицкий, прибывший в Москву в свите самозванца, сообщает, что в день восстания народ открыл тюрьмы, благодаря чему «наши поляки, взятые в плен во время боя под Новгородом Северским и заключенные в оковы Борисом, избавились от темничных оков и даже оказали содействие народу против изменников»²⁵.

Приведенные факты имеют решающее значение для реконструкции событий, послуживших непосредственным толчком к выступлению народа в столице. Согласно английскому источнику, тюремных сидельцев освободили еще до того, как Пушкин дочитал грамоту Лжедмитрия и собравшийся на площади народ взялся за оружие. Отсюда следует, что восстание в Москве началось с разгрома тюрем. Кому принадлежал почин в этом деле? На этот вопрос источники не дают прямого ответа.

Можно предположить, что нападение на тюрьмы осуществили те же люди, которые опрокинули охрану в городских воротах и провели Пушкина на Красную площадь, т. е. атаман Корела с донскими казаками. В московских тюрьмах к лету 1605 г. собралось огромное число «воров» из простонародья, а также пленных поляков и других лиц, захваченных на поле боя. Освобожденные от оков, они немедленно присоединились к казакам. Их появление на площади произвело на толпу огромное впечатление. «Воры», подвергавшиеся избиению и пыткам в царских застенках, стали живым обличием годуновской тирании. Недаром англичане писали, что появление узников на площади явилось как бы искрой, брошенной в порох²⁶. В московском восстании участвовали представители самых различных социальных слоев: «чернь вся, и дворяня, и дети боярские, и всякие люди москвичи»²⁷. С военной точки зрения участие хорошо вооруженных служилых людей имело существенное влияние на исход выступления. Пушкин, Плещеев, другие дворяне, перешедшие на сторону самозванца, сыграли немалую роль в московских событиях. Но подлинными героями восстания были все же не они, а атаман вольных казаков Корела и его сподвижники. Корела был одним из тех народных вождей, которые появляются при всяком по-настоящему глубоком движении масс.

Годуновы могли затвориться в Кремле. Крепость была заранее подготовлена к осаде. Но атаман Корела оказался расторопнее Годуновых.

Повстанческий отряд, вступивший в столицу, был невелик в количественном отношении. Тем не менее его действия явились одним из главных факторов, обеспечивших быструю победу восстания.

Взявшись за оружие, восставшее население Москвы действовало с большой решительностью. Собравшаяся на площади толпа разделилась надвое: «одни учали Годуновых дворы грабить, а другие воры с миром (все вместе. — *Р. С.*) пошли в город (Кремль. — *Р. С.*), и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицны пограбили»²⁸.

Согласно летописям, восставшие захватили во дворце царевича Федора и его мать царицу Марию, отвели их на старый двор Бориса Годунова и приставили к ним стражу²⁹.

Однако более достоверным следует признать свидетельство англичан. По их словам, царица Мария воспользовалась суматохой и в самом начале мятежа покинула дворец, укрывшись в безопасном месте. По пути с нее сорвали жемчужное ожерелье. Этим и ограничились ее злоключения в день восстания. Федору Борисовичу, совещавшемуся с думой, помогли укрыться его рабы, т. е. дворцовые служители³⁰. Низложенный царевич и его семья подверглись аресту, по-видимому, не в самый день восстания, а позже.

Дворцовая стража разбежалась, не оказав нападавшим сопротивления. Толпа ворвалась в опустевший дворец и принялась в ярости крушить «храмины» и уничтожать все, что попадалось под руку. В прощальной грамоте патриарх Иов с особым

возмущением писал о том, что москвичи среди других вещей захватили во дворце и разодрали в мелкие клочки златотканую материю, подготовленную на «господню плащаницу», и лоскуты, «на копыя и на рогатины встыкая, по граду и по торжищу носяху». Народ разгромил не только дворец, но и старое подворье Бориса Годунова. Не обнаружив нигде царскую семью, восставшие бросились в вотчины Годуновых, находившиеся в окрестностях столицы. Там они «не токмо животы пограбили, но и хоромы разломаша и в селах их и в поместьях и в вотчинах также пограбиша»³¹.

Вслед за тем толпа напала на дворы, принадлежавшие боярам Годуновым. Тесно связанные с династией, бояре Годуновы олицетворяли в глазах народа феодальную власть и богатство. Труднее объяснить нападение на Сабуриных и Вельяминовых. К моменту восстания никто из них не входил в Боярскую думу и не принадлежал к высшему правительственному кругу. В грамоте к московскому населению Лжедмитрий обличал одних Годуновых и не называл по имени ни Сабуриных, ни Вельяминовых. Вся вина их заключалась в отдаленном родстве с низложенной династией. Погрому подверглись не только подворья Годуновых, Сабуриных и Вельяминовых, но и многие другие богатые дворы, вовсе не принадлежавшие родне Годуновых³². Как записали дьяки Разрядного приказа, люди «миром, все народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуриных и Вельяминовых всех грабили»³³.

Сколь бы малочисленными ни были казачьи сотни Корелы, они не затерялись в массе восставшего московского населения. Участие «черного» посадского населения, «меньших людей», а также холопов, с одной стороны, и повстанческого казачьего отряда — с другой, привело к тому, что движение сразу же приобрело яркую социальную окраску. Как писали англичане в своем отчете, «весь город был объят бунтом: и дома, и погреба, и канцелярии думных бояр, начиная с Годуновых, были преданы разгрому»; «московская чернь, без сомнения, сделала все возможное»; «толпа сделала, что только могла и хотела; особенно досталось наиболее сильным мира, которые, правда, и были наиболее недостойными»; «более зажиточные подвергались истязанию, жалкая голь и нищета торжествовала»; «с богатых срывали даже одежду»³⁴.

Во время других восстаний народ, доведенный до отчаяния притеснениями, требовал выдачи ненавистных ему чиновников и расправлялся с ними. Переворот 1605 г. имел свои отличительные черты. Несмотря на все обличения самозванца, народ имел собственное представление о правлении Годуновых. Как видно, в массе столичного населения их не считали ни жестокими угнетателями, ни кровопийцами. По этой причине в день восстания никого не убивали и не казнили. Правительство со своей стороны не сделало никаких попыток к вооруженному подавлению мятежа. И все же в день переворота не обошлось без жертв.

Добравшись до винных погребов, люди разбивали бочки и черпали вино кто шапкой, кто башмаком, кто ладонью. «На дворах в погребах, — записал летописец, — вина опилися многие люди и померли...» Исаак Масса, любивший всякого рода подсчеты, записал, что после мятежа в подвалах и на улицах нашли около 50 человек, упившихся до смерти. Англичане утверждали, что после бунта в Москве было не менее 100 умерших и помешавшихся от пьянства в уме людей³⁵.

Внезапно вспыхнув, восстание так же внезапно улеглось после полудня того же дня. На улицах появились бояре, старавшиеся навести порядок³⁶. Восстание в Москве стало важной вехой в политическом развитии Русского государства. Царевич Федор Годунов и царица Мария были низложены и взяты под стражу. Первая выборная земская династия рухнула под напором народных выступлений, охвативших южную окраину, а затем перебросившихся в столицу.

Всего семь лет минуло с того времени, как «всенародное множество» — столичный народ помог Борису Годунову утвердиться на троне. Что изменилось с тех пор? Вступая на престол, Борис обещал, что будет править по справедливости, покончит с нищетой, будет искать «всем — всего народа людям — полезная», чтобы все его подданные имели

«изобилование, житие немятежное и неповредимый покой у всех равно»³⁷. Годунов был едва ли не первым царем, обещавшим благоденствие всему народу. Но голод развеял в прах иллюзии, порожденные его обещаниями. Проекты искоренения нищеты оказались неисполнимыми. В стране не было крупных запасов хлеба, и правительство, истощив казну, отказалось от попыток спасти голодающих. Случилось так, что при Годуновых население испытало бедствия, затмившие все их прежние несчастья. Вслед за тяжким экономическим потрясением страна испытала ужасы гражданской войны, в ходе которой земская династия окончательно лишилась поддержки народа.

Следует заметить, что годуновская администрация все же не стала предметом ненависти в глазах «всенародного множества». По этой причине восстание 1605 г. в Москве оказалось самым бескровным из всех московских восстаний XVII в.

Глава 20

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Вольные казаки сыграли значительную роль в событиях, положивших начало гражданской войне в России. По мнению С. Ф. Платонова, именно действия казаков обеспечили Лжедмитрию успех на Юге. После вторжения самозванца, записал автор «Иного сказания», одно его войско вело наступление на Чернигов, а другое пошло по Крымской дороге на Царев-Борисов и Белгород. С. Ф. Платонов принял на веру данные «Иного сказания» и высказал предположение, что второе войско Лжедмитрия, двигавшееся по Крымской дороге, состояло из казаков: донцы шли через Путивль и Рыльск, а запорожцы — через Белгород на Рыльск, Курск и Кромы. «Города, стоявшие на этих путях, оказались в районе казачьего движения и были увлечены его потоком очень рано», — отметил С. Ф. Платонов. Он положил в основу своего построения данные «Иного сказания», поскольку считал, что автор этого памятника «был современником рассказанных им событий и писал вскоре после того, как они совершились»¹.

Е. Н. Кушева опровергла такую оценку, доказав, что «Иное сказание» было составлено в 20-х годах XVII в.² Воспоминания, записанные по памяти через 15—20 лет после того, как события совершились, уступают в достоверности ранним источникам, из которых следует, что войско самозванца вело наступление не на двух, а на одном направлении.

И. М. Скляр описал события начального периода гражданской войны, следуя схеме С. Ф. Платонова. По мнению И. М. Скляра, первыми к Лжедмитрию примкнули запорожцы и донские казаки с их атаманом Корелой, двинувшиеся в недавно освоенные районы «дикого поля»; видимо, уже в пути к ним присоединились вольные казаки, жившие в бассейне рек Сейма, Оскола, Северского Донца, т. е. в районе Белгорода, Оскола и Царева-Борисова. И. М. Скляр отметил, что все эти выступления вольных казаков носили характер социального протеста³.

В новейшей литературе факт активного участия казаков в «Смуте» послужил основой для более широких обобщений. Проанализировав события Крестьянской войны начала XVII в., В. Д. Назаров сделал вывод, что «объективно роль активного начала в открытой классовой борьбе, роль ее «идеолога» и в известной мере организатора взяло на себя казачество». Трудно утверждать, что именно казачество выдвинуло первого самозванца на Руси, пишет В. Д. Назаров, однако именно активные выступления запорожских и донских казаков «наряду с развитием открытой классовой борьбы в южных районах Русского государства сыграли решающую роль в его победе»⁴.

Вопрос об участии запорожцев в походе Лжедмитрия I нуждается в более детальном исследовании. Характерной чертой украинского казачества была его социальная разнородность. Беглые крепостные крестьяне постоянно пополняли ряды «голоты» — неимущих казаков. Среди старшин можно было встретить шляхтичей, владевших селами. Неоднородность состава сказывалась на ориентации различных

прослоек. Некоторые группы (в особенности часть богатых казаков) через «реестр» были тесно связаны с королевской властью. Запорожская вольница поддерживала давние связи с Москвой. После того как Речь Посполитая навязала Украине церковную унию, симпатии православных казаков к России усилились.

В конце XVI в. связи между Москвой и Запорожской Сечью расширились. В 1591 г. русская столица отразила нападение крымского хана. В следующем году московские власти направили послов в Запорожскую Сечь и на Дон, чтобы заручиться поддержкой вольных казаков в борьбе с крымцами. Охваченная брожением Запорожская Сечь приняла царских послов с распростертыми объятиями. Гетман К. Косинский и казаки возлагали немалые надежды на помощь, предложенную Москвой. Все это вызвало тревогу у королевских властей. Расправившись с Косинским, Александр Вишневецкий объявил повсюду, что убитый гетман присягнул московскому великому князю со всем войском запорожским и отдал под его власть территорию Запорожской Сечи на сто миль у границы, за что царь прислал ему сукна и деньги и теперь называет себя «царем запорожским, черкасским и низовским»⁵.

Россия была ослаблена поражением в Ливонской войне. Ей пришлось отбивать нападения крымцев и шведов. В таких условиях русское правительство и не помышляло о том, чтобы вступить в борьбу с Речью Посполитой за Украину. Сведения А. Вишневецкого по поводу новых царских титулов были вымыслом. Но его письмо интересно в другом отношении. Начав борьбу за национальное освобождение, украинский народ все чаще связывал свои надежды с помощью со стороны братского русского народа. Идея воссоединения носилась в воздухе.

Россия и Украина подвергались постоянным крымским набегам. В борьбе с кочевниками Москва была естественным союзником Запорожской Сечи. В 1600 г. Борис Годунов принимал в Москве послов от запорожских казаков, а в 1602 г. запорожское войско ходило походом на Крым. Хан жаловался, что казаки нападают на его владения по четыре раза ежегодно⁶.

Когда самозванец в 1604 г. предложил запорожцам организовать вторжение в Россию вместе с крымскими татарами, Сечь отклонила его домогательства. Призывы царя выступить против «басурман» — турок и татар оказались более действенными. Отрепьев не скупился на обещания, но у него не было денег. Царь Борис прислал в Запорожье Ивана Солонину с оружием и денежным жалованьем. Получив помощь от Годунова, старшина Семен Скалозуб летом 1604 г. собрал до 3700 казаков и отправился против турок. Борис Годунов, вскоре же получивший полный отчет об этой экспедиции, писал в конце 1604 г., что запорожцы сожгли два турецких городка и доходили до Царьграда, освободив много русского полона из неволи⁷.

В первом столкновении с Годуновым самозванец потерпел неудачу. Ему не удалось втянуть запорожское войско в войну с Россией. Тогда-то он и стал искать помощь у католических кругов Речи Посполитой.

Мнишек приступил к сбору армии летом 1604 г., когда запорожское войско находилось в походе. Отсюда следует, что силы вторжения не включали в себя запорожских вольных казаков. Кем же были те 2 тыс. украинских казаков, которые откликнулись на призыв «царевича» и Мнишка? Не были ли это в основном реестровые казаки, числившиеся на королевской службе? Можно привести некоторые факты в пользу такого предположения. Исполняя королевскую службу, гетман С. Кишка с отрядом в 2 тыс. казаков воевал со шведами в Ливонии в 1601—1602 гг. После гибели С. Кишки (по слухам, его убили сами казаки) гетманом ненадолго стал Иван Куцко (Куцкович). Куцко не мог справиться с казаками и вскоре сложил с себя полномочия. Тот же самый Куцко, бывший реестровый гетман, стал одним из казацких предводителей в армии Мнишка в момент ее вторжения в пределы России⁸. Казна плохо оплачивала «реестр», тем не менее верхи «реестра» были тесно связаны с королевским правительством. Мнишек сформировал войско при прямой поддержке короля.

Кроме реестровых казаков в походе Лжедмитрия приняли участие многочисленные добровольцы из числа православного украинского населения. Иезуиты, сопровождавшие самозванца в походе, писали из Чернигова 22 октября (1 ноября) 1604 г.: «...к нам на пути присоединилось много казаков, так что их уже считается около трех тысяч (вместе с собранными ранее 2000. — *Р. С.*), и это только из тех сел и городов, через которые мы проходили»⁹. По самому примерному подсчету, к армии самозванца присоединилось около 1000 украинцев, объявивших себя казаками.

В том же письме иезуиты писали, что «царевич» ждет прибытия 1 тыс. казаков, именуемых запорожцами. Однако через два дня они сделали приписку к письму с сообщением о прибытии 4 тыс. запорожцев¹⁰. Приписка требует критической проверки. Не представляет сомнения, что информацию насчет «точной» численности казаков иезуиты получали от Юрия Мнишка и самозванца, склонных к мистификации. После перехода границы Мнишек пытался любыми средствами убедить своих высоких покровителей в Кракове и Риме, что его военное положение превосходно. С этой целью он сознательно распространял сведения о прибытии к нему крупных подкреплений с Украины и Дона. Но эти сведения были, по-видимому, полностью недостоверны.

Подлинный дневник похода, составленный неизвестным-лицом из окружения Мнишка и представляющий строго фактические подневные записи, позволяет заключить, что запорожское войско, которое ждали с начала ноября 1604 г., прибыло в лагерь самозванца с большим запозданием. 22 декабря 1604 г. автор дневника сделал следующую запись: «Января 1 (по новому стилю. — *Р. С.*): там же (под Новгородом Северским. — *Р. С.*) войска запорожского пришло 4000». Воспоминания участников похода подтверждают приведенную дневниковую запись. По словам С. Борши, в конце декабря под Новгород Северский прибыло 12 тыс. запорожцев. Аналогичные данные привел в своих записках Г. Паэрле¹¹. Названные авторы, однако, втрое преувеличили численность запорожского войска. Свидетельства очевидцев не дают оснований для предположения о том, что запорожцы шли Крымской дорогой от Белгорода на Рыльск и Кромы и что восстания в южных крепостях были связаны с их передвижениями.

Итак, Лжедмитрию удалось склонить вольных запорожцев на свою сторону лишь после того, как он прочно утвердился в Северной Украине и ряд русских городов признал его царем. Запорожское войско пробыло в лагере самозванца всего лишь в течение месяца. После неудачной битвы под Севском в январе 1605 г. запорожцы в массе своей покинули пределы России. К моменту наступления на Москву под знаменами Лжедмитрия находилось только 500 украинских казаков¹².

Едва ли случаен тот факт, что самая крупная вспышка крестьянского восстания (в Комарицкой волости и смежных районах) произошла в то время, когда вольные казаки (запорожцы и пр.) стали ведущей силой в лагере самозванца. Значение этого кратковременного эпизода, однако, не следует преувеличивать.

Донское войско сыграло, по-видимому, более важную роль в событиях «Смуты». Главным донским атаманом был Иван Степанович Смага Чертенский. В 1603 г. он написал письмо Лжедмитрию, обещая ему помощь от имени всего казачьего войска. Смага был человеком весьма осторожным. Он считался с настроениями рядовых казаков и в то же время последовательно придерживался московской ориентации. Чертенский не выполнил обещания оказать немедленную помощь претенденту на трон и оставался в Раздорах на Дону, пока Лжедмитрий вел неравную борьбу с царскими войсками. Смерть Бориса, сдача войска под Кромами и восстание в Москве принесли самозванцу победу, и лишь после этого Чертенский со своим войском явился на поклон к нему в Тулу¹³. Главный донской атаман не принимал никакого реального участия в военной кампании самозванца.

Видную роль в лагере Лжедмитрия играли два донских атамана — Корела и Постник Лунев. Оба прибыли в Москву вместе с Отрепьевым, оба пожертвовали значительные суммы монастырям «на помин души». Лунев пользовался широкой

известностью на Дону и занимал там более высокое положение, чем Корела. В челобитной войска Донского на имя царя Михаила Романова упоминалось, как при царе Федоре выходили с Дона «отоман Посник Лунев, многие отоманы, козаки царю Федору Ивановичу под Ругодевым и под Ыванямгородом служили, а через год Посник жа Лунев да опять с ним многие отоманы, козаки з бояры» ходили к Выборгу¹⁴.

Посник Лунев, видимо, пользовался на Дону не меньшим влиянием, чем Смага Чертенский. Едва ли случаен тот факт, что по прибытии в Москву он сделал денежное пожертвование в Соловецкий монастырь от имени всего войска Донского. Соловецкий игумен Антоний, ездивший в Москву в 1605 г., сам принял вклад из его рук. Согласно записи Антония, «Посник Лунев дал отто всего Донского войска заветных денег пол-пяты рубли». Самозванец щедро наградил Лунева за службу, о чем свидетельствует личный вклад атамана. Согласно записи в приходных книгах Соловецкого монастыря, «донской атаман Посник Лунев дал вкладу 20 золотых, и те золотые продали и взяли на них 12 рублев»¹⁵.

Корела оказал самозванцу еще большие услуги, чем Лунев. Современники знали лишь прозвище этого атамана, но не знали его подлинного имени. Только в «Ином сказании» фигурирует атаман Григорий Корела¹⁶. Но насколько осведомлен был автор этой летописи, трудно сказать. Предпочтение следует отдать приказным документам, в которых среди других старых донских атаманов назван Андрей Корела. В 1593 г. он приезжал с Дона с вестями в Москву и получил за службу 8 руб. денег и камку¹⁷. Вместе с Другими казаками самозванца Андрей Корела, попав в Москву, сделал денежный вклад в Кирилло-Белозерский монастырь: «...казак Ондрей Тихонов сын Корела дал 3 золотых да 2 гривны денег»¹⁸. Монастырские приходные книги являются единственным документом, в котором имя известного казацкого предводителя названо полностью.

Какой была численность донских казаков, поддержавших Лжедмитрия? Самые ранние сведения на этот счет носят достоверный характер. Захватив атамана Корелу и других посланцев войска Донского в 1604 г., Я. Острожский на основании их показаний заключил, что «царевич» может рассчитывать на поддержку примерно 2 тыс. донцов и других злодеев. Однако донцы не смогли присоединиться к армии Мнишка ко времени вторжения в Россию. Чтобы ободрить своих приверженцев, Мнишек сознательно распространял ложные слухи о численности выступивших на его стороне казаков. В письме от 29 августа (8 сентября) 1604 г. он писал, что уже нанял 10 тыс. донцов и они скоро придут к нему на помощь¹⁹. Из письма Мнишка названная цифра попала на страницы исторических сочинений. Однако надо иметь в виду, что данные Я. Острожского были значительно ближе к истине, чем данные Ю. Мнишка. Помимо всего прочего общая численность войска Донского в начале XVII в. не превышала 2000—4000 человек²⁰.

Раньше других в лагерь самозванца прибыл Корела, не принадлежавший к числу главных атаманов войска Донского. Когда это произошло, в точности неизвестно. Скорее всего Корела присоединился к армии Мнишка в Чернигове. В начале ноября 1604 г. иезуиты сообщали из Чернигова, что туда в один день с запорожцами прибыло 9 тыс. донцов. Источником их информации был Ю. Мнишек. Главный воевода самозванца лишь повторил версию, выдвинутую им еще в Польше и призванную дезинформировать общественное мнение.

Первые отряды донцов, прибывшие в Северскую Украину с Корелой, были, по-видимому, немногочисленными. Известно, что Корела оборонял Кромы, имея под командованием примерно 400—500 донских казаков. Со временем самозванец прислал ему в помощь еще 500 казаков²¹. Но среди этих последних преобладали, видимо, служилые казаки из Путивля. Об этом свидетельствует следующая Разрядная запись: «Пришел в Кромы из Путивля от Ростриги Юшко Беззубцов с путимцы на помощь кромским сидельцам»²². Ю. Беззубцев был сотником у путивльских казаков, служивших «с самопалами».

После посылки Беззубцева в Кромы в Путивле почти не осталось войск. В этот критический момент на помощь к самозванцу прибыли новые подкрепления с Дона. По словам Г. Паэрле, в Путивле к «царевичу» прибыло войско в 4 тыс. донских казаков. Как видно, Г. Паэрле преувеличил численность подкреплений минимум в 4 раза. По свидетельству участника похода Я. Вислоуха, в путивльском лагере насчитывалась всего 1 тыс. казаков. Один из главных помощников Лжедмитрия, капитан Я. Запорский, сообщал, что он двинулся из Путивля к Кромам, имея под своим начальством 800 донцов²³. Таким образом, на долю донских казаков приходилась подавляющая часть из той тысячи («москвы 1000 казаков»), о которой упомянул Я. Вислоух. Подкрепления с Дона привел скорее всего атаман Постник Лунев.

Итак, к весне 1605 г. в лагере Лжедмитрия собралась примерно половина войска Донского. Нет никакого сомнения в том, что с военной точки зрения донские казаки сыграли выдающуюся, а может быть, и решающую роль в кампании Лжедмитрия. Обороняя Кромы, Корела несколько месяцев сковывал главные силы царской армии. В решающие майские дни 1605 г. казаки Корелы ворвались в царский лагерь у стен Кром и своими решительными действиями помогли кучке заговорщиков одержать верх над верными Годуновым воеводами. 1 июня 1605 г. отряд донских казаков атамана Корелы вступил в Москву и возглавил народное восстание, завершившееся свержением Федора Годунова.

Приведенные факты подтверждают, что вольные казаки с Дона были главной боевой, а отчасти и организационной силой широкого повстанческого движения на первом этапе гражданской войны. Мнение, согласно которому казаки взяли на себя функцию «идеологов» открытой классовой борьбы, нуждается в более строгих доказательствах.

В 1606 г. царское правительство выступило с официальными разъяснениями за рубежом, из которых следовало, что авантюру Лжедмитрия I поддержали одни донские казаки, тогда как волжские и прочие казаки не приняли участия в его походе²⁴. Эта информация была не вполне точной.

В середине марта 1605 г. самозванец отправил гонцов на Волгу, Терек и Яик с призывом к восстанию. Казаки получили приказ идти на соединение с «Дмитрием» под Ливны. Призывы Лжедмитрия пали на подготовленную почву. Не позднее конца мая — первых чисел июня 1605 г. астраханский воевода М. Сабуров известил терского воеводу, что не сможет выполнить его просьбу о подкреплениях, ибо «у них в Асторохани от воров от казаков стала смута великая и для того им людей послать немочно, покаместо устроютца с казаки». Описав восстание 1 июня в Москве, Исаак Масса отметил, что к тому времени лишь Астрахань не признавала власти Лжедмитрия «и ее еще держали в осаде казаки, которых послал туда зимой Димитрий... но они не могли ее взять»²⁵.

Зимой 1605 г. самозванец не имел сил для посылки их к Астрахани. Город был осажден восставшими вольными казаками с Волги. Их поддержали восставшие казаки с Терека, свидетельством чему могут служить расспросные речи «царевича Петра»²⁶, одного из вождей Крестьянской войны.

Илейка Муромец, принявший имя Петра, появился на Тереке в 1604 г. Летом этого года он участвовал в неудачном походе воеводы Бутурлина в Тарки, нанявшись в слуги к стрелецкому пятидесятнику. После похода, завершившегося гибелью почти всего войска, Илейка оказался в бедственном положении и по возвращении в Терский городок дал на себя кабалу дворянину, «приказался во двор Григорью Елагину». Зазимовав у Елагина, холоп сбежал под Астрахань, где, по его словам, «их взяли казаки донские и волжские». Илейка давал показания судьям царя Василия Шуйского в ожидании казни. Желая смягчить свою вину, он умалчивал об одних фактах и искажал другие. Так, он заявил, что присоединился к войску князя И. Хворостинина, посланного в Астрахань Борисом Годуновым. На самом деле это войско послал Лжедмитрий. Илейка умолчал о том, что делали под Астраханью донские и волжские казаки вместе с подошедшими терскими казаками.

Как раз в это время восставшие вольные казаки осаждали Астрахань, но были отбиты от ее стен. Рассказывая свою жизнь, Илейка назвал десяток имен хозяев и нанимателей, которым он служил, указал на время и место службы, но весьма немногословно описал свои «занятия» летом 1605 г. Как видно, после отступления казаков Илейка «из-под юртов (из станиц? — *Р. С.*) от Козаков ушел в Асторохань, а в Асторохани побыл с 4 недели, а из Асторохани вышел к козаком же».

Из хронологии рассказа Илейки совершенно выпадает время, проведенное им в Москве якобы с 25 декабря 1604 по 29 июня 1605 г. Илейка упомянул о вступлении в войско Хворостинина, но тот прибыл в Астрахань сравнительно поздно, в конце августа 1605 г.²⁷ Как бы то ни было, достоверно известно, что часть повстанческих казачьих отрядов с Волги успела присоединиться к Лжедмитрию до его вступления в Москву. Как записал один современник, «в лето 7113 (1605 г. — *Р. С.*) июня в 20 день, в четверг, пришел во град Москву на свои праотече престол прирожденный государь наш», а с ним «много множества литовского войска и казаки волгские и донские...»²⁸. Возможно, автор приведенной записи и был очевидцем вступления армии Лжедмитрия в Москву, но он имел самые превратные представления о составе этой армии. Самозванца сопровождала кучка «литвы», а отнюдь не «много множества». Среди казаков донские, а не волжские казаки занимали первое место.

На востоке прибежищем вольных казаков оставалась река Яик. О появлении «Дмитрия» яицкие казаки узнали еще осенью 1604 г. Посланцы «вора» должны были прибыть на Яик не позднее апреля — мая 1605 г. Однако на восточной окраине казаки действовали совершенно так же, как и на юго-западе — в Запорожье. Вместо того чтобы немедленно отправиться на помощь «царевичу», яицкие казаки собрали круг и решили идти в поход на «басурман» в пределы Средней Азии.

Среди яицких казаков сохранилось предание о том, что атаман Нечай собрал отряд в 500 казаков и захватил с ними богатый город в Хивинском ханстве, но затем отряд был перебит хивинцами. Среднеазиатские исторические сочинения позволяют уточнить обстоятельства похода. По данным Абдул-Гази, весной 1605 г. яицкие казаки захватили несколько среднеазиатских купцов, от которых получили необходимые им сведения о местонахождении хивинского хана и его войска. В начале июня тысяча казаков с Яика захватила Ургенч, но затем была истреблена спешно вернувшимся из Хивы войском²⁹.

На Украине самозванец обращался за помощью одновременно к запорожцам и крымским татарам, в Поволжье — к яицким казакам и ногайским князьям и мурзам. Он не учитывал состояния войны и раздора между «басурманами» и казацкой вольницей. В этом была лишь одна из причин неудачи Лжедмитрия, когда он обратился за поддержкой на Яик.

Приведенные факты дают более точное представление о подлинной роли вольного казачества в событиях гражданской войны.

Глава 21 БОЯРЕ И САМОЗВАНЕЦ

В день восстания Москва оказалась в руках народа, который не знал, что делать с властью, а потому и утратил ее очень скоро. Поскольку москвичи взялись за оружие во имя доброго царя Дмитрия, власть подхватили люди, которые стали вершить дела его именем.

После смерти Бориса Годунова его вдова царица Мария Годунова-Скуратова вернула в Москву своего двоюродного брата Богдана Бельского. По словам очевидцев, Бельский в качестве опального сразу оказался «в большой чести у простого народа, и ему, поскольку он больше всех других преследовал Годуновых (в момент восстания. — *Р. С.*), поручили управление в Кремле от имени Дмитрия»¹.

Прошло 20 лет с тех пор, как народ сверг Бельского, видя в нем ненавистного опричного правителя. Теперь любимец Грозного вернулся в Кремль и заявил о своем праве на власть в качестве бывшего опекуна Дмитрия. Бельский позаботился о том, чтобы затворить ворота и выставить караулы по всему Кремлю. Распоряжения оказались нелишними. Посреди ночи в городе ударили в набат, и толпа вновь собралась у ворот Кремля. Распространился слух, будто сторонники Годуновых приготовили 400 лошадей, чтобы увезти из столицы царскую семью. Убедившись в том, что никто не собирается похищать низложенного царя, толпа разошлась².

Автор русского Хронографа считал, что Боярская дума принесла присягу Лжедмитрию в день восстания: «...бояре и всяких чинов люди крест ему целовали, иные волею и иные неволею, бояся смертного убойства»³.

В действительности дело обстояло значительно сложнее. В день переворота противники династии исподтишка направляли ярость народа на Годуновых, их родню и приверженцев. Уже на другой день утром было ясно: с земской выборной династией покончено раз и навсегда. Наступило короткое междуцарствие.

Прошло два дня, прежде чем Боярская дума приняла решение направить своих представителей к «царевичу». Никто из старших и наиболее влиятельных бояр не согласился ехать на поклон к нему. Со времени избрания Бориса Годунова Боярская дума во второй раз должна была согласиться на передачу трона неугодному и, более того, неприемлемому для нее кандидату. Как и в 1598 г., вопрос о престолонаследии был перенесен из дворца на площадь. Но в 1605 г. передача власти из рук в руки была осложнена кровопролитной гражданской войной.

Борису Годунову помогли шествия «всенародного множества» на Новодевичьем поле. Лжедмитрия подняли к власти восстания на южных границах и в столице. Годунов не смог добиться присяги от бояр после наречения на царство в Новодевичьем монастыре. Отрепьев пересилил бояр и заставил их явиться к нему в лагерь. Английские известия довольно точно очертили круг лиц, добившихся от думы признания самозванца. Соответствующее решение, по словам англичан, было принято внезапно, «благодаря тому что члену Боярской думы Богдану Бельскому с некоторыми другими частным образом стало известно об отъезде Дмитрия из лагеря»⁴. Как видно, именно Бельский поддерживал тайные связи с боярами, перешедшими на сторону Лжедмитрия. У Бельского было не много приверженцев в годуновской думе. Тем не менее ему удалось запугать членов думы известием о наступлении Лжедмитрия на Москву.

Наученный бегством из-под Севска, Отрепьев старался держаться подальше от своих полков, продвигавшихся к Москве. Лишь получив известие о перевороте в столице, Отрепьев 5 июня 1605 г. перешел в Тулу⁵. Там его встречали духовенство с крестами, воеводы, дворяне и народ. Прежде Лжедмитрию преподносили хлеб-соль. В Туле его поздравляли как признанного на Москве царя и, по обычаю, преподносили драгоценные подарки.

Самозванец поручил командование авангардом П. Ф. Басманову и Я. Запорскому. По словам последнего, в их полках кроме поляков было 30 тыс. «москвы» и донских казаков. По свидетельству Разрядов, самозванец «как пришел на Тулу и с Тулы послал в Серпухов воевод по полкам: в большом полку боярин и воевода Петр Федорович Басманов, в передовом полку князь Василий Григорьевич Долгорукий Чертенок, в сторожевом полку воевода князь Алексей Григорьевич Долгорукой же Чертенок»⁶. Приведенный Разряд не оставляет сомнений в том, что в подчинении П. Ф. Басманова находилось немного воинских людей. За несколько лет до войны с самозванцем главный помощник Басманова В. Г. Долгорукий служил вместе с Гаврилой Пушкиным в крохотной сибирской крепости Пелыме⁷. Его брат А. Г. Долгорукий вообще не имел воеводского чина.

Разрядные данные подтверждают известие современников о том, что Лжедмитрий, будучи в Туле, «распустил по домам много войска»⁸. Поражение на переправах под

Серпуховом убедило Отрепьева, что сдавшиеся под Кромами войска деморализованы и не способны вести боевые действия в обстановке гражданской войны.

Лжедмитрий потребовал, чтобы Ф. И. Мстиславский и прочие бояре немедленно ехали к нему в лагерь. Дума постановила послать в Тулу князя И. М. Воротынского, бывшего 20 лет не у дел, и таких второстепенных бояр и окольных, как князь Трубецкой, князь А. А. Телятевский, Н. П. Шереметев, а также думного дьяка А. Власьева и представителей других чинов — дворян, приказных и гостей⁹.

3 июня делегация Москвы выехала в Серпухов. Вместе с представителями столичных «чинов» туда отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. П. Ф. Басманов, распоряжавшийся в Серпухове именем своего государя, не пропустил родню Годуновых в Тулу. Несмотря на то что Сабуровы и Вельяминовы целовали крест Лжедмитрию, их «недруг» Басманов велел взять их под стражу, «потому что, — поясняют Разряды, — Петру Басманову у Растриги время было». Басманов заслужил милость у самозванца тем же способом, что и у Годунова. Он повсюду искал изменников и беспощадно карал их. По его навету Сабуровы и Вельяминовы в количестве 37 человек были ограблены донага и брошены в тюрьму. Этот факт, отмеченный Разрядными росписями, находит подтверждение в челобитных грамотах Вельяминовых, поданных правительству после «Смуты». «И нас, — писали Вельяминовы, — Рострига, пограбя, сослал на Низ, а поместья наши роздал в роздачу»¹⁰.

Между тем П. Ф. Басманов был отозван из Серпухова в Тулу. Там ему представился случай расправиться с другим своим недругом — А. А. Телятевским¹¹.

Отрепьев был взбешен тем, что главные бояре отказались подчиниться его приказу и прислали в Тулу второстепенных лиц.

На поклон к Лжедмитрию в начале июня приехал с Дона атаман вольных казаков Смага Чертенский. Чтобы унижить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке донцов раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и позорили их. «Царь» обратился к Чертенскому с милостивым словом, а допущенных следом Воротынского с товарищами «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын»¹².

Боярина А. А. Телятевского фактически выдали казакам на расправу. Казаки били его смертным боем, а затем едва живого отвели в тюрьму¹³. Сцена, разыгравшаяся в Туле, была последним отголоском того периода самозванщины, когда поддержка восставшего народа и донцов имела для «вора» решающее значение.

Из Тулы Лжедмитрий выступил в Серпухов. Дворовыми воеводами при нем числились князь И. В. Голицын и М. Г. Салтыков; ближними людьми — боярин князь В. М. Мосальский и окольный князь Г. Б. Долгорукий; главными боярами в полках — князь В. В. Голицын, его родня князь И. Г. Куракин, Ф. И. Шереметев, князя Б. П. Татев и Б. М. Лыков¹⁴. Навстречу Лжедмитрию в Серпухов выехали князь Ф. И. Мстиславский, князь Д. И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы — гости¹⁵.

Московские верхи сделали все, чтобы облегчить соглашение с путивльским «вором», которого они в течение семи месяцев безуспешно пытались уничтожить. Бояре велели извлечь на свет божий огромные шатры, в которых Борис потчевал дворян в дни серпуховского похода накануне своей коронации. Шатры имели вид крепости с башнями и были весьма вместительными. Изнутри стены главного шатра были расшиты золотом. В Серпухов заблаговременно прибыли служители Сытенного и Кормового дворца, многочисленные повара и прислуга с запасами. Бояре и московские чины дали пир Лжедмитрию. По словам очевидцев, на пиру присутствовали разом 500 человек¹⁶.

Пир и приемы были не более чем декорацией, скрывавшей от дрсторовдших глаз переговоры между самозванцем и боярами. Переговоры завершились соглашением. По некоторым сведениям, была составлена запись, скрепленная 12 «послами» Лжедмитрия (6 москвитями и 6 поляками) и советом всех бояр. Достоверность польского источника, сообщающего подробности об этом соглашении, не слишком велика¹⁷.

Прибытие в Тулу главного дьяка А. Власьева и других приказных людей привело к тому, что управление текущими государственными делами начало переходить в руки самозванца. Получив от А. Власьева полную информацию о последних дипломатических переговорах, Лжедмитрий распорядился задержать английских послов, готовившихся покинуть Россию. Агент Московской компании Джон Мерик был вызван самозванцем в Серпухов. «Царь» предложил возобновить союз, некогда заключенный его мнимым отцом с королевой Елизаветой. Грамота была подписана в Туле 8 июня 1605 г.¹⁸

Находясь в Туле, Лжедмитрий известил страну о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность дальних городов, Отрепьев утверждал, будто его «узнали» как прирожденного государя патриарх московский Иов, весь освященный собор, дума и прочие чины¹⁹. 11 июня 1605 г. Лжедмитрий был еще в Туле, но на своей грамоте пометил: «Писана на Москве». Вместе с окружной грамотой самозванец разослал по городам текст присяги. Она представляла собой сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и Федора Борисовича. Самозванец повторил прием, к которому прибегли Борис Годунов, а затем его сын. Добиваясь трона, Борис велел сразу после смерти Федора Ивановича принести присягу на имя вдовы царицы Ирины и на свое имя²⁰. Федор Борисович поставил на первое место имя вдовы царицы Марии Годуновой, когда потребовал присяги от думы и народа.

Ни в Самборе, ни в Путивле самозванец не ссылался на возможное свидетельство матери, заточенной в глухом северном монастыре. После переворота в Москве он решил использовать авторитет вдовы Грозного, чтобы навязать свою власть стране. Присяга на имя вдовы Грозного была еще одной попыткой самозванца мистифицировать страну.

После смерти Федора Ивановича Борис Годунов пытался править страной от имени вдовы царицы. Пострижение царицы Ирины положило конец ее карьере как правительницы. Равным образом не могла царствовать и старица Марфа Нагая, вдова царя Ивана. Отрепьев знал о вражде старицы Марфы к Годуновым и не без основания рассчитывал на ее помощь. Готовясь к неизбежной встрече с мнимой матерью, самозванец приблизил первого же ее родственника, попавшего к нему в руки. В Туле он пожаловал чин постельничего дворянину Семену Ивановичу Шапкину потому, «что он Нагим племя»²¹.

Дьяки самозванца исключили из текста присяги запреты добывать ведунов на государя, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и пр. Подданные кратко обещали не «испортить» царя и не давать ему «зелье и ко-ренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», назвавшемся Дмитрием Углицким, в тексте присяги появился пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федкою Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылаться письмом никакими мерами»²².

Членам низложенной царской семьи удалось спастись в день восстания. Но вскоре их убежище было открыто, и тогда Боярская дума распорядилась заключить их под домашний арест. «Царицу же и царевича и царевну, — записал летописец, — поимаша и сведоша их на старой двор царя Бориса и даша их за приставаы»²³.

Московская знать, презиравшая худородного Бориса, пожелала посмертно лишить его царских почестей. Свежая могила Годунова в Архангельском соборе была раскопана, труп умершего удален из церкви. Очевидец событий Яков Маржарет засвидетельствовал, что все это сделано было «по просьбе вельмож»²⁴. По словам «хранителя» царских гробов в Архангельском соборе, произошло это 5 июня 1605 г.²⁵ Очевидец события епископ Архангельского собора Арсений отметил, что тело Бориса вынули из гроба «ради поругания». Автор «Нового летописца» говорит о том же намеком: «...яко же и мертвенное тело поругано бысть». И лишь поздний «Морозовский летописец» сообщает подробности: «Царя Бориса извергоша из храма архистратига Михаила и повелеша

извлеши на сонмище с великим поруганием: и камень на нь метали, и ногами пхати тело его, поверженное и на земле лежащее»²⁶.

Руководители думы надеялись заслужить милость самозванца. Фактически же их действия развязали руки Отрепьеву.

По словам Конрада Буссова, в Серпухове «царь Дмитрий» объявил, что он не приедет в Москву, «прежде чем не будут уничтожены те, кто его предал, все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги также и молодого Федора Борисовича с матерью, только тогда он приедет и будет им милостивым государем»²⁷.

Известие Буссова находит неожиданное подтверждение в английском сочинении 1605 г. Автор сочинения весьма неловко скомпоновал черновые записки, полученные им от членов английского посольства. Поэтому сведения о письме самозванца оказались некстати включенными в рассказ о прибытии в Москву Г. Пушкина. По словам англичан, в письме «царя Дмитрия» значилось, что он отправил к москвичам «лиц знатного происхождения, как-то: князя Федора Ивановича Мсгиславского и князя Дмитрия Ивановича Шуйского, и поручил им лишить его врагов занимаемых ими мест и заключить в неволю Годуновых и иных, пока он не объявит дальнейшей своей воли, с тем чтобы истребить этих чудовищ кровопийц и изменников...»²⁸.

Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский были как раз теми боярами, которые ездили в Серпухов. Английский автор попытался смягчить смысл приказа «Дмитрия», которого он всячески восхвалял. Однако рассказ Буссова показывает, что в письме из Серпухова самозванец требовал казни низложенного царя и прочих Годуновых. (Требовать их «заключения в неволю» не имело смысла, потому что все они уже находились под стражей.)

Взявшись выполнить поручение Лжедмитрия, руководители думы фактически санкционировали расправу над царской семьей.

Первыми эмиссарами самозванца в Москве были Гаврила Пушкин и атаман Корела. Но у Пушкина не было думного чина, а Корела не располагал достаточными силами, чтобы принудить к подчинению высший орган государства — думу.

Завершив переговоры с Ф. И. Мстиславским, Лжедмитрий отправил в столицу особую боярскую комиссию. Формально ее возглавлял князь В. В. Голицын, обладавший необходимым чином. Фактически же главными доверенными лицами самозванца в московской комиссии стали члены путивльской «воровской» думы В. М. Мосальский и дьяк Б. Сутупов. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов.

В «Сказании о Гришке Отрепьеве» упоминается о том, что посланцы Отрепьева явились в Москву «со многими людьми служивыми и с казаками». «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства» уточняет, что Лжедмитрий вскоре «с ратию посла Петра Басманова». В «Новом летописце» тот же текст читается иначе: «вор» отрядил в Москву «на злое свое умышление» Голицына и двух других лиц, «а с ратию посла Петра Басманова»²⁹.

По «Новому летописцу», миссия Басманова заключалась в том, чтобы навести страх на столицу и искоренить там измену. Такое свидетельство как нельзя лучше согласуется со всем, что известно о личности и делах Басманова. Тем не менее текст «Нового летописца» не может быть принят как достоверный. Проведя текстологическое сопоставление «Летописи о многих мятежах...» и «Нового летописца» (оба источника восходят к общему протографу), В. Д. Назаров убедительно доказал, что известие «Нового летописца» о посылке Басманова в Москву является неисправным и включает в себе очевидную опisku³⁰.

Голицын и Басманов привезли в Москву обращение Лжедмитрия к освященному собору, Боярской думе и «всему народу великой Москвы». Послание касалось судеб низложенной царской семьи и, по словам очевидцев, «было исполнено яда»³¹.

Прибыв в Москву, боярская комиссия тотчас выполнила приказ самозванца. Экзекуцией непосредственно руководили дворяне М. Молчанов и А. Шерефединов из бывших опричников. Они явились на старое подворье Бориса Годунова в сопровождении отряда стрельцов, захватили царицу и ее детей и развели «по храминам порознь». Царица Мария Годунова-Скуратова обмерла от страха и не оказала палачам никакого сопротивления. Федор Годунов отчаянно сопротивлялся — стрельцы долго не могли с ним справиться³².

После казни боярин В. В. Голицын велел созвать перед домом народ и, выйдя на крыльцо, объявил «миру», что «царица и царевич со страстей испиша зелья и помроша, царевна же едва оживе»³³. Новые власти сделали все, чтобы утвердить официальную версию смерти царя Федора и его матери. Но столичное население не поверило им. Когда два простых гроба с убитыми были выставлены на общее обозрение, народ нескончаемой толпой двинулся на подворье Годуновых. Как записал шведский агент Петр Петрей, он видел собственными глазами вместе со многими тысячами людей следы от веревок, которыми были задушены царица Мария и царь Федор Годуновы³⁴.

Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили традиционный погребальный обряд. Труп вдовы царицы Марии Годуновой отвезли в женский Варсунофьев монастырь на Сретенке и там зарыли вне стен церкви, внутри монастырской ограды. В одну яму с ней были брошены тела Бориса и Федора Годуновых³⁵.

Распоряжавшийся в Кремле Б. Я. Бельский не принимал непосредственного участия в расправе над царицей Марией, которая была ему двоюродной сестрой. Басманов тоже оставался в стороне. Но именно эти лица довершили разгром Годуновых, их родни и приверженцев в Москве.

Имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну. Бояр Годуновых отправили в ссылку в Сибирь и в Нижнее Поволжье. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя С. М. Годунова. Его отправили в Переяславль Залесский с князем Ю. Приимковым-Ростовским. Пристав имел приказ умертвить его в тюрьме. По некоторым сведениям, С. М. Годунова уморили голодом. По свидетельству Разрядных книг, в тюрьме был умерщвлен и старший из Годуновых — Степан Васильевич, который ранее в чине дворецкого возглавлял Дворцовый приказ³⁶.

15 — 16 июня 1605 г. в Серпухове был получен приказ везти арестованных Сабуровых и Вельяминовых в Казанский и Астраханский край. Спустя четыре дня из Москвы повезли жен и детей опальных. Семьи должны были присоединиться к своим родным в местах ссылки³⁷.

Самозванец не мог занять трон, не добившись покорности от Боярской думы и церковного руководства. Между тем патриарх Иов не желал идти ни на какие соглашения со сторонниками Лжедмитрия. Неразборчивый в средствах, Отрепьев пытался вести двойную игру: провинцию он желал убедить в том, что Иов уже «узнал» в нем прирожденного государя³⁸, а в столице готовил почву для расправы с непокорным патриархом.

Одна из провинциальных летописей сохранила тексты двух грамот «вора» к церковникам. По словам автора летописи, одну из этих грамот, адресованную патриарху, привез в Москву князь В. В. Голицын. Содержание послания наводит на мысль, что оно не могло быть написано в тульский период, к которому относится посылка В. В. Голицына в Москву. Во-первых, в грамоте нет и намека на происшедший в Москве переворот. О восшествии на трон самозванец упоминает как о неопределенном будущем. Во-вторых, Лжедмитрий именовал Иова «первым всеа Руси изменником», нелепым советником («совещателем»), искоренителем «царского ко-рени» и пр. и вместе с ним, не выбирая слов, бранил весь московский освященный собор. Патриарх, писал он, желал «нас лишити проклятием своим и ложным собором нашего праотеческого царьского престола, еще на нас... богоненавистным своим собором вооружился еси проклятию вдати нас...»³⁹.

Приведенное послание Отрепьева скорее всего явилось ответом на прежние грамоты Иова и постановления освященного собора, обличавшие «вора». Оно было составлено, вероятно, до московского восстания и привезено в столицу с запозданием.

Свое второе послание Лжедмитрий адресовал рязанскому архиепископу Игнатию. Едва П. Ляпунов и прочие мятежники вернулись в Рязань из лагеря под Кромами, Игнатий немедленно примкнул к победившей стороне. Он первым из иерархов признал «царя Дмитрия» и поспешил на поклон к нему в Тулу. В письме Лжедмитрий благодарил его за службу: «...твоими молитвами и благословеньем Рязань и Кошира и все иные города нашему величеству доби́ли челом...»⁴⁰

Патриарх Иов сохранял верность Годуновым до последнего момента и потому должен был разделить их участь. В прощальной грамоте 1607 г. Иов живо описал свои злоключения в день переворота 1 июня. «...Множество народа царствующего града Москвы, — писал он, — внидоша во святую соборную и апостольскую церковь (Успенский собор. — *Р. С.*) с оружием и дреколием во время святого и божественного пения... и внидоша во святы́й олтарь и меня, Иова патриарха, из олтаря взяша и во церкви и по площади таская, позориша многими позоры...»⁴¹

С красочными подробностями описывает расправу «История о первом патриархе». Когда Иова притащили на Лобное место, повествует автор «Истории», «мнози» в толпе «плакаху и рыдаху», тогда как другие ругали и били пленника; те, кто хотел убить Иова, стали одолевать тех, кто плакал, но тут на площадь прибежали «воры», побывавшие на патриаршем дворе; они кричали: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имения его!»

Толпа бросилась грабить патриаршие палаты, и жизнь Иова была спасена⁴².

Достоверность приведенного рассказа невелика, поскольку первая биография («Житие») Иова была составлена в весьма позднее время (после 1652 г.) и в ней, как справедливо отметил С. Ф. Платонов, невозможно обнаружить непосредственных впечатлений очевидца и современника «Смуты»⁴³.

Можно предположить, что сторонники Лжедмитрия, захватив патриарха в Успенском соборе, в дальнейшем постарались изолировать его, для чего заключили под домашний арест, как и семью низложенного Федора Годунова. Получив вест о перевороте в Москве, Лжедмитрий решил окончательно избавиться от Иова, предварительно использовав авторитет его имени. 5(15) июня 1605 г. иезуит А. Лавицкий, близкий к особе самозванца, писал в письме следующее: «Теперь новость: московский патриарх признает светлейшего Дмитрия наследственным государем и молит о прощении себе, но москвитяне так на него распалились, что упрямому старцу ничего, кроме смерти, не оставалось...»⁴⁴

Известие насчет признания «Дмитрия» патриархом Иовом было ложью, обычной в устах Отрепьева. Эта ложь предназначалась прежде всего для зарубежных корреспондентов самозванца, а также для уездных городов России⁴⁵. Пустив в ход версию, будто москвичи едва не убили Иова, самозванец желал подготовить умы к расправе с главой церкви. Он действовал, не заботясь о формальностях. Судьба патриарха решилась, когда Лжедмитрий был в 10 милях от столицы⁴⁶.

Самозванец поручил дело Иова той самой боярской комиссии, которая должна была произвести казнь Федора Годунова. Церемония низложения Иова как две капли воды походила на церемонию низложения митрополита Филиппа Колычева царем Иваном и его опричниками. Боярин П. Ф. Басманов препроводил Иова в Успенский собор и там проклял его перед всем народом, назвав Иудой и виновником «предательства» Бориса по отношению к «прирожденному государю Дмитрию». Вслед за тем стражники содрали с патриарха святительское платье и «положили» на него «черное платье». Престарелый Иов долго плакал, прежде чем позволил снять с себя панагию⁴⁷. Местом заточения Иова был

избран Успенский монастырь в Старице, где некогда он начал свою карьеру в качестве игумена опричной обители.

Казнь низложенного царя Федора Годунова и изгнание из Москвы главы церкви расчистили самозванцу путь в столицу. По дороге из Тулы в Москву путивльский «вор» окончательно преобразился в великого государя. В Серпухове его ждали царские экипажи и 200 лошадей с Конюшенного двора. На пути к Коломенскому бояре привезли Отрепьеву «весь царский чин»: кое-какие регалии и пышные одеяния, сшитые по мерке в кремлевских мастерских⁴⁸.

В окрестностях Москвы Лжедмитрий пробыл три дня. Он постарался сделать все, чтобы обеспечить себе безопасность в столице и выработать окончательное соглашение с думой.

В московском манифесте Лжедмитрий обязался пожаловать бояр и окольных их «прежними отчинами»⁴⁹. Это обязательство составило основу соглашения между самозванцем и думой. Другие пункты соглашения касались состава думы. Самозванцу пришлось удовлетвориться изгнанием Годуновых. Зато он получил возможность пополнить думу своими ближними людьми.

Гражданская война принесла с собой чрезвычайные потрясения. Возникла особая атмосфера, способствовавшая распространению всевозможных слухов.

Невзирая на двукратные похороны Бориса, страну захлестнули слухи о его чудесном спасении. Толковали, будто Годунов жив, а вместо него в могилу положили его двойника. На улицах люди под клятвою утверждали, будто своими глазами видели старого царя в подвале на подворье у Годуновых; будто Годунов бежал то ли в Англию, то ли в Швецию, то ли к татарам⁵⁰.

Толки о спасении Бориса достигли Тулы. Самозванцу они едва ли внушали тревогу. Подлинную опасность для него представляли иные слухи.

Обличения по адресу зловерного расстриги, утратившие влияние на умы в форме правительственных обращений, неожиданно возродились после падения Годуновых. За время пребывания в Кремлевском Чудове монастыре Отрепьев успел обратить на себя внимание не только своими редкими способностями, но и своей запоминающейся внешностью. Масса отметил в своих записках, что уже при вступлении в Кремль «царевич» приметил изумленные взгляды некоторых кремлевских монахов и, «может быть, хорошо их зная, на другой день велел их тайно умертвить и бросить в реку». Слухи о тайных казнях духовных особ распространялись не только в Москве, но и за рубежом. В инструкции, составленной шведской королевской канцелярией 5(15) февраля 1606 г., значилось: «Как утверждают взаправду, в начале своего царствования Дмитрий велел казнить и лишить жизни нескольких православных монахов»⁵¹.

Слухи о казни монахов, опознавших в царе беглого дьякона, не подтверждаются русскими источниками. Один из самых осведомленных авторов, монах Авраамий Палицын, не преминул бы упомянуть об убийстве иноков, если бы их казнь имела место. Согласно свидетельству «Повести 1626 г.», Лжедмитрий после низложения патриарха Иова «мнихов многих» из Чудова монастыря «в расточение посылает, понеже знаем ими бываше...». Чудов монастырь был личным монастырем патриарха, и гонениям подверглись чудовские монахи, известные своей особой близостью к Иову. Московские летописцы утверждали, будто уже в Путивле многие люди догадывались, с кем имеют дело. Когда же «вор» вступил в Москву, некоторые из москвичей «ево узнали, что он не царский сын, а прямой вор Гришка Отрепьев рострига...»⁵².

Оценивая известия летописцев об опознании самозванца, надо иметь в виду, что все они были составлены задним числом, уже после гибели Лжедмитрия I.

Опасность разоблачения в наибольшей мере угрожала Отрепьеву в Путивле. Там он жил в черте небольшого городка, у всех на глазах, не имея возможности отгородиться от людей дворцовыми стенами. Там его преследовали поражения и неудачи. Можно установить, что уже в Путивле самозванец столкнулся лицом к лицу с некоторыми

дворянами, хорошо его знавшими. Но это не имело и не могло иметь никаких последствий.

В росписи армии Ф. И. Мстиславского против имени дворянина И. Р. Безобразова имеется помета: «В полон взят». Пленный под Новгородом Северским Безобразов неожиданно для себя столкнулся лицом к лицу с бывшим товарищем детских игр. Со слов Безобразова поляк Я. Собеский записал в своем дневнике следующее: «Дом отца и деда Отрепьева был в Москве рядом с домом Безобразова — об этом говорил сам Безобразов. Ежедневно Гришка ходил в дом Безобразова, и всегда они вместе играли в детские годы, и так они вместе росли»⁵³. Если бы Безобразов попытался обличить своего давнего приятеля, его мгновенно бы уничтожили. Но он не помышлял о раскрытии обмана и сделал превосходную карьеру при дворе Лжедмитрия.

Утверждение летописцев, будто москвичи, опознав Отрепьева после его водворения в Кремле, горько плакали о своем прегрешении, не соответствует истине. Напротив, в столице после переворота преобладала атмосфера общей экзальтации по поводу обретения истинного государя и наступления счастливого царства. Впрочем, даже среди общего ликования ничто не могло заглушить убийственную для Лжедмитрия молву. Эта молва возродилась не потому, что кто-то «вызнал» в царе беглого чудовского дьякона. Причина заключалась совсем в другом. В борьбу включились могущественные силы, стремившиеся помешать Лжедмитрию занять трон. Бояре не для того избавились от худородных Годуновых, чтобы передать власть темному проходимцу. Отрепьев понимал, что в думе и среди столичных дворян у него больше врагов, чем сторонников. Опасаясь попасть в западню, он три дня стоял у ворот Москвы.

Наконец 20 июня 1605 г. самозванец вступил в Москву. Во время движения стража внимательно осматривала путь, чтобы предотвратить возможность покушения. Гонцы поминутно обгоняли царский кортеж, а затем возвращались с донесениями. Самым знатным боярам Отрепьев велел быть подле себя. Впереди и позади «царского поезда» следовали польские роты в боевом порядке. Очевидцы утверждали, будто кругом царя ехало несколько тысяч поляков и казаков⁵⁴. Боярам не дозволено было иметь при себе вооруженную свиту. Дворяне и войска растянулись в хвосте колонны. По приказу самозванца строй московских дворян и ратников был распущен, едва кортеж стал приближаться к Кремлю.

Узкие городские улицы были забиты жителями. Чтобы лучше разглядеть процессию, люди забирались на заборы, крыши домов и даже на колокольни. При появлении самозванца толпа потрясала воздух криками: «Дай господи, государь, тебе здоровья!» Колокольный звон и приветствия москвичей катились за царской каретой, подобно волне. Как писал один из участников процессии, люди оглохли от колокольного звона и воплей⁵⁵.

На Красной площади подле Лобного места Лжедмитрия встретило все высшее московское духовенство. Архиереи отслужили молебен посреди площади и благословили самозванца иконой. По словам Массы, «царь» приложился к иконе будто бы не по православному обычаю, что вызвало среди русских явное замешательство⁵⁶.

Приведенное свидетельство сомнительно. Будучи протестантом, Масса не слишком разбирался в тонкостях православной службы и не понял того, что произошло на его глазах. Архиепископ Арсений, лично участвовавший во встрече, удостоверил, что все совершилось без каких бы то ни было отступлений от православного обряда. Возмущение москвичей вызвали бесчинства, но не «государя», а поляков. Едва православные священнослужители запели псалмы, музыканты из польского отряда заиграли на трубах и ударили в литавры. Под аккомпанемент веселой польской музыки самозванец прошел с Красной площади в Успенский собор. Русские священники, писал иезуит А. Лавицкий, подвели «царя» к их главному собору, но «в это время происходила столь сильная игра на литаврах, что я, присутствуя здесь, едва не оглох»⁵⁷. Музыканты старались произвести как можно больше шума, радуясь замешательству москвичей.

Вопреки легендам никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и произнес несколько слов, которых от него все ждали. Приблизившись к гробу Ивана Грозного, он сказал, «что отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор!»⁵⁸.

Православных немало смутило то, что новый царь привел «во церковь многих ляхов» и те «во церкви божий ставши с ним»⁵⁹. Отрепьев опасался расставаться с телохранителями даже в соборах. Из церкви самозванец отправился в Тронный зал дворца и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли в строю с развернутыми знаменами под окнами дворца⁶⁰.

На Красной площади собралось все столичное население. Толпа не желала расходиться. Самозванец был обеспокоен этим и выслал на площадь Б. Я. Бельского с несколькими другими членами думы. Бельский напомнил, что именно его царь Иван назначил опекуном при своих детях, и тут же поклялся, что укрывал царевича Дмитрия «на своей груди». Бельский призвал народ служить верой и правдой своему прирожденному государю. Москвичи встретили его слова криками одобрения⁶¹.

Опасаясь за свою безопасность, самозванец немедленно сменил всю кремлевскую стражу. Как записал Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не страшались»⁶².

В истории гражданской войны в России наступил, быть может, самый знаменательный момент. Повстанческие силы, сформированные в ходе восстаний в Северной земле и состоявшие из вольных казаков, ратных людей Путивля и других мятежных гарнизонов, холопов, посадских людей, мужиков и пр., заняли Кремль и взяли под контроль другие ключевые пункты столицы. Они привели в Москву своего царя, а потому чувствовали себя полными хозяевами положения.

Отрепьев знал, какую власть над умами имеет духовенство, и спешил сменить церковное руководство. Не доверяя русским иерархам, самозванец решил поставить во главе церкви грека Игнатия. Выходец с Кипра, Игнатий прибыл в Россию в 1595 г. Грек сумел завоевать доверие Бориса Годунова и патриарха Иова. В 1602 г. он получил в управление рязанское архиепископство. И русские писатели, и находившиеся в Москве иностранцы с крайним осуждением отзывались о личных качествах Игнатия⁶³. Игнатий первым из церковных иерархов предал Годуновых и признал путивльского «вора». В награду за это Лжедмитрий сделал его патриархом.

На другой день после переезда во дворец самозванец велел собрать освященный собор, чтобы объявить о переменах в церковном руководстве. Низложение первого русского патриарха было актом вопиющего произвола и беззакония. Собранный в Успенском соборе, сподвижники и ученики Иова постановили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха понадобилось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле Отрепьева, отцы церкви далее постановили отставить от патриаршества Иова, потому что он великий старец и слепец и не в силах пасти многочисленную паству, а на его место избрать Игнатия⁶⁴. Участник собора грек Арсений подчеркивал, что Игнатий был избран законно и единогласно. Никто из иерархов не осмелился протестовать против произвола царя.

Арсений не помнил точную дату избрания Игнатия⁶⁵. Но он знал, что «Дмитрий» созвал епископов на другой день после прибытия в Кремль, а поставление Игнатия совершилось в воскресенье. Аналогичные сведения сообщает автор «Иного сказания». Согласно «Сказанию», избрание Игнатия имело место в первое воскресенье после прибытия «вора» в Москву, «в неделю июня, в 24 день»⁶⁶. Автор «Сказания» допустил небольшую неточность: первое воскресенье после 20 июня приходилось не на 24, а на 23 июня 1605 г.

Поставив во главе церкви своего «угодника», Лжедмитрий произвел перемены в высшем боярском руководстве. Наибольшим влиянием в думе пользовались князь

Василий Шуйский и его братья. На их головы и обрушился удар. Поводов для расправы с Василием Шуйским было более чем достаточно. Доносы поступили к самозванцу через П. Ф. Басманова, польских секретарей и телохранителей.

Василий Шуйский некогда расследовал обстоятельства смерти царевича Дмитрия. Поэтому к нему постоянно обращались, с тех пор как в Литве объявился самозванец. В кругу доверенных лиц князь Василий допускал откровенность даже после того, как Лжедмитрий сел на трон. Однажды на двор к князю Василию явились некоторые из московских купцов и горожан, чтобы поздравить его с царской милостью. Шуйский будто бы проехал по улицам столицы с «царем» в его экипаже. В ответ на поздравление одного купца, пользовавшегося полным доверием хозяина, Шуйский в сердцах сказал про нового государя: «Черт это, а не настоящий царевич; вы сами знаете, что настоящего царевича Борис Годунов приказал убить. Не царевич это, а расстрига и изменник наш»⁶⁷. Стоявший поодаль купец подслушал разговор и поспешил донести о нем.

Русские источники называют имена купцов и посадских людей, с которыми Шуйский вел неосторожные разговоры. Самым влиятельным из них был Федор Савельевич Конь, крупнейший архитектор и строитель своего времени. В поздних русских сказаниях дело представлено так, будто великий поборник православия князь Василий призвал к себе Федора Коня и другого известного московского человека — Костю Лекаря и сказал им, что государь — злой враг, богоотступник и еретик Гришка Отрепьев. Шуйский якобы сам наказал Коню: «Поведайте тайно в мире с разсуждением, чтобы христиане... еретика poznали». Федор Конь и Костя Лекарь поведали «про еретика без рассуду многим людям», после чего о крамоле узнал Петр Басманов.

Получив донос от П. Ф. Басманова, Лжедмитрий приказал без промедления арестовать трех братьев Шуйских. Приставами, или тюремщиками, Шуйских стали бояре П. Ф. Басманов и М. Г. Салтыков⁶⁹. При Борисе Годунове М. Г. Салтыков руководил розыском о заговоре Романовых, при самозванце расследовал заговор Шуйских. Боярин усердствовал, чтобы доказать свою преданность новому государю. Но главным инициатором розыска был все же не он, а боярин П. Ф. Басманов.

Шуйским было предъявлено обвинение в государственной измене. Однако официальная версия их дела заключала в себе слишком много неясного. Даже близкие к особе Лжедмитрия люди по-разному излагали вину знатного боярина. Шуйского обвиняли то ли в распространении слухов, порочивших государя, то ли в организации форменного заговора с участием многих тысяч лиц.

В письме из Москвы от 4 (14) июля 1605 г. иезуит А. Лавицкий сообщал, что Шуйского судили за то, что он называл «Дмитрия» врагом и разрушителем истинной православной веры, орудием в руках поляков. Один из секретарей самозванца, поляк С. Слонский, рассказывал, что он передал государю донос одного московского купца, подслушавшего, как Шуйский называл царя расстригой и изменником. Яков Маржарет, ставший одним из главных телохранителей Лжедмитрия, писал, что Шуйского обвинили в «преступлении оскорбления величества»⁷⁰.

Другую версию изложили командиры польского наемного войска С. Борша и Я. Вислоух, находившиеся в Москве в момент суда над Шуйскими. В июле 1605 г. Я. Вислоух сообщил в письме к брату, что в Москве открылась измена: Шуйские начали убеждать народ, что «Дмитрий» не истинный царь, а польский королевич, который хочет православную веру разрушить, а лютеранскую ввести; заговорщики хотели истребить поляков и уговорили для этого 10 тыс. детей боярских; поляков должны были сжечь с дворами (трактирами) и перебить, но поляки узнали об этом и известили царя. Ротмистр С. Борша воспроизвел ту же версию, но в более кратком варианте. По его словам, Шуйские разработали план переворота, в котором должен был участвовать народ: они задумали «ночью зажечь Москву и учинить над царем и над нами (польскими солдатами, — Р. С.) предательство»⁷¹.

Опираясь на преданные Лжедмитрию казачьи и польские отряды, П. Ф. Басманов арестовал множество лиц, которых подозревали в заговоре с Шуйскими. Розыск проводился с применением изощренных пыток. Показания современников о результатах расследования расходятся в самом существенном пункте. Телохранитель самозванца Буссов утверждал, будто бы многие духовные лица и стрельцы, взятые к пытке, подтвердили измену боярина Шуйского. Совсем иначе изложил дело Масса. По его словам, никто из предполагаемых сообщников боярина не мог привести надежных доказательств его вины. Некоторые из арестованных под пытками признались в преступлении, прочие же все отрицали. Согласно русским источникам, из страха москвичи «друг на друга клеветяху», расстрига же «многих поймав и разными пытками пытаху: иные же, не стерпев пыток, на себя говоряху, а иные же крепяхуся, а иные и впрями ево, ростригу, обличаху»⁷².

В конце концов инициаторы розыска отказались от намерения организовать крупный политический процесс с участием многих видных лиц, Лжедмитрий распорядился привлечь к суду вместе с Шуйскими лишь нескольких второстепенных лиц. В числе их были Петр Тургенев, Федор Калачник и некоторые другие купцы. Род Турганевых пользовался известностью в Москве. До опричнины дядя Петра Турганева служил ясельничим в дворцовом ведомстве у царя Ивана Грозного. Петр Никитич служил головой в дворянских сотнях. Он так и не получил воеводского чина, но имел один из высших поместных окладов — 500 четвертей земли и числился «выборным» дворянином из Воротынска⁷³. Федор Калачник, судя по прозвищу, был пекарем, возможно разбогатевшим во время голода.

Чтобы устрашить сголичное население, Отрепьев велел предать названных лиц публичной казни. Дворянина Петра Турганева вывели на пустырь (Пожар) и там обезглавили. Сообщение о казни Турганева имеет документальное подтверждение. В подлинной челобитной Дениса Петровича Турганева подчеркнуто, что отца челобитчика, Петра Турганева, убил «вор-рострига». Автор «Нового летописца» ни словом не упоминает о мученичестве Турганева. Лишь монах Авраамий Палицын называет его мучеником и обличителем «вора». Сохранилось предание, что торговый человек Федор Калачник, идя на казнь, во все горло кричал, что новый царь — антихрист и все, кто поклоняется этому посланцу сатаны, «от него же погибнут»⁷⁴.

Лжедмитрий и его окружение не желали раздражать дворянство. Зато с простонародьем они не церемонились. В первые же дни правления нового царя, записал Масса, пострадало много простых людей и горожан в Москве, так что ночью и втайне только и делали, что пытали, убивали и губили людей⁷⁵.

Автор «Иного сказания» утверждал, что князь Василий Шуйский и его братья были арестованы на третий день после вступления Лжедмитрия в Москву, а 25 июня 1605 г. их передали в руки палача. Приведенная дата ошибочна. Достоверно известно, что казнь Шуйских была назначена на воскресенье, 30 июня. Как бы то ни было, очевидцы единодушно подтверждают, что суд над Шуйскими занял несколько дней⁷⁶.

Установив хронологию заговора Шуйских, С. Ф. Платонов писал: «Трудно понять причины той торопливости, с какою они постарались отделаться от нового царя»; «...Шуйские необыкновенно спешили и... все их «дело» заняло не более десяти дней. Очевидно, они мечтали не допустить «розстригу» до Москвы, не дать ему сесть на царство»⁷⁷. С. Ф. Платонов принял на веру официальную версию заговора Шуйских. Между тем эта версия включает в себе слишком много неясного и едва ли заслуживает доверия.

В массе своей московское население приветствовало нового царя. На его стороне была военная сила. Лжедмитрий был на вершине успеха. Планировать в таких условиях переворот было безумием. Шуйские же всегда были трезвыми и осторожными политиками. Спешили не столько Шуйские, сколько Лжедмитрий. Даже если заговора не было и в помине, ему надо было выдумать таковой.

В Польше коронный гетман Ян Замойский, выступая перед сеймом в начале 1605 г., резко высмеял рассказы самозванца и заявил, что если уж поляки хлопчут о возведении на московский трон старой династии, то им надо иметь в виду, что законным наследником Московского княжества «был род Владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских»⁷⁸. О речи гетмана говорили по всей Польше, и самозванец не мог не знать о ней.

Из начальных бояр только один Василий Шуйский отказался подчиниться приказу Лжедмитрия и не явился в Серпухов. Это усилило подозрения самозванца, который имел все основания беспокоиться, что князь Василий предъявит претензии на трон при первом же подходящем случае.

Отрепьев мог расправиться с Шуйским тем же способом, что и с Федором Годуновым. Но с некоторых пор он был связан договором с Боярской думой. Следуя традиции, Лжедмитрий объявил о созыве собора для суда над великим боярином.

Л. В. Черепнин возражал против отнесения июньских событий 1605 г. к разряду Земских соборов. По его мнению, то был скорее акт политической расправы, облеченный в форму соборного приговора. По существу такая оценка представляется вполне верной. Продолжая наблюдения Л. В. Черепнина, В. Д. Назаров акцентировал внимание на участии в соборном суде выборных земских людей⁷⁹. Нет данных, которые бы позволили реконструировать состав соборного суда. Однако имеющиеся свидетельства принадлежат непосредственным очевидцам и могут быть подвергнуты взаимной проверке.

Находившийся в те дни в Кремле поляк А. Лавицкий писал, что Шуйских судили на большом (многочисленном) соборе, состоявшем из сенаторов, духовенства и других сословий. Капитан Маржарет, перешедший на службу к Лжедмитрию, утверждал, что Шуйские подверглись суду «в присутствии лиц, избранных от всех сословий». Следуя рассказам поляков из окружения самозванца, Г. Паэрле записал, что в суде участвовали как сенат (дума), так и народ⁸⁰.

Свидетельства иностранцев полностью совпадают с данными русских источников. Как подчеркнул «Новый летописец», Лжедмитрий «повеле собрати собор» с приглашением духовных «властей», бояр и лиц «ис простых людей»⁸¹.

Самозванец пришел к власти на волне народных восстаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые дни своего пребывания в Москве он продолжал видеть в восставшем народе союзника. Представители столичного населения были приглашены на соборный суд, чтобы нейтрализовать возможные выступления приверженцев Шуйских. В высшем государственном органе — Боярской думе Шуйские имели много сторонников, и самозванец опасался их происков.

С обвинениями против Шуйских на соборе выступил сам Лжедмитрий. По «Новому летописцу», «царь» объявил членам собора: «...умышляют сии на меня». С. Немоевский записал со слов секретаря Лжедмитрия обширную обвинительную речь «государя». Род князей Шуйских, утверждал самозванец, всегда был изменническим по отношению к московской династии: блаженной памяти отец Иван семь раз приказывал казнить своих изменников Шуйских, а брат Федор за то же казнил дядю Василия Шуйского. Фактически Лжедмитрий отказался от версии о наличии разветвленного заговора. Трое братьев Шуйских, заключил он, намеревались осуществить переворот своими силами: «...подстерегали, как бы нас, заставши врасплох, в покое убить, на что имеются несомненные доводы»⁸².

«Царь» утверждал, что имеет несомненные доказательства заговора Шуйских, а потому на соборном суде не было никакого разбирательства с допросом свидетелей и другими формальностями. Авраамий Палицын отметил, что Василия Шуйского осудили тотчас после публичной казни Петра Тургенева и Федора Калачника⁸³.

Под впечатлением убийств и казней даже близкие к Шуйским члены думы и освященного собора на посмели выступить в их защиту. Инициатива полностью перешла в руки «угодников» Лжедмитрия — патриарха Игнатия, бояр Б. Я. Бельского, П. Ф. Бас-

манова, М. Г. Салтыкова, новоиспеченных думных людей из путивльской «думы». Как с горечью отметил «Новый летописец», «на том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей никто же им (Шуйским. — *Р. С.*) пособствующе, все на них кричаху»⁸⁴. Опытному царедворцу Василию Шуйскому удалось пережить грозу в правление Бориса Годунова, которая едва не стоила ему головы. Он знал, чем можно заслужить снисхождение, и повинился во всех преступлениях, которые ему приписывали. «Виноват я тебе... царь государь: все это (о расстриге и пр. — *Р. С.*) я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» — будто бы сказал Шуйский. В заключение князь Василий смиренно просил патриарха и бояр сжалиться над ним, страдником, и просить за него «царя». По словам поляков, Василий признался во всем в самом начале розыска, «боясь быть на пытке»⁸⁵.

Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев на заключение в тюрьму и ссылку. Лжедмитрий спешил с казнью и назначил экзекуцию на следующий день. Все было готово для казни. По существу самозванец ввел в столице осадное положение: «...по всему городу уготовлены быша все стрельцы, вооружены во всем оружии, яко на битву» (по словам Массы, стрельцов было 8 тыс.)⁸⁶.

На Пожаре распоряжался новый глава Стрелецкого приказа — боярин П. Ф. Басманов. Несколько тысяч стрельцов оцепили всю площадь полукругом. Преданные самозванцу казацкие отряды и поляки с копьями и саблями заняли Кремль и все ключевые пункты города. Были приняты все меры безопасности против возможных волнений. Выехав на середину площади, Басманов прочел приговор думы и собора о винах Шуйского. Вслед за тем палач сорвал с осужденного одежду и подвел его к плахе, в которую был воткнут топор. Сообщение Массы, будто Василий Шуйский продолжал обличать еретика Гришку, будучи на эшафоте, а московский народ рыдал, слушая его речь, относится к числу вымыслов⁸⁷. На площади осужденный вел себя совершенно так же, как и на суде. Стоя подле плахи, он с плачем молил о пощаде. «...От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирожденного государя своего», просите «за меня — помилует меня от казни, которую заслужил...» — взывал князь Василий к народу⁸⁸.

Во время казни Петра Тургенева и Федора Калачника москвичи «ругахуся» на них. Из толпы кричали, что суд им «по делом» был⁸⁹. Шуйские пользовались популярностью в народе, и их осуждение вызвало среди москвичей разные толки. По свидетельству поляков, даже сторонники Шуйских боялись обнаружить свои чувства, чтобы не попасть под подозрение. По словам же Массы, народ выражал явное недовольство. С казнью медлили. Отмена казни не входила в расчеты П. Ф. Басманова, и он проявлял видимое нетерпение. Дело кончилось тем, что из Кремля на площадь прискакал один из телохранителей «царя», остановивший казнь, а следом за ним появился дьяк, огласивший указ о помиловании⁹⁰.

В Москве много говорили о том, что якобы прощения Шуйскому добились вдова Грозного старица Марфа Нагая, поляки братья Бучинские, Слонский и др.⁹¹

Отрепьев впервые увидел в глаза свою мнимую мать 18 июля 1605 г., когда ее привезли в Москву. Очевидно, Нагая просила за Василия Шуйского не при первом, а при втором его помиловании, когда Лжедмитрий вернул Шуйских из ссылки⁹².

Секретарь самозванца Бучинский был решительным противником Шуйских и в отличие от Нагой категорически возражал против освобождения их из ссылки. В собственноручном письме Лжедмитрию Бучинский напомнил: «Коли яз бил челом вашей царской милости о Шуйских, чтоб их не выпускал и не высвобождал, потому как их выпустить, и от них будет страх... и вы мне то отказали, что наперед всего богу ты обещал того ся беречи, чтоб ни одной хрестьянской крови не пролилося»⁹³.

Авторы записок и сказаний воспроизвели обнародованную Лжедмитрием версию помилования Шуйского, соответствовавшую определенному политическому расчету. Во-первых, самозванец желал подтвердить свое родство с вдовой Грозного еще до ее приезда.

Во-вторых, в путивльский период Отрепьев, чтобы привлечь на свою сторону знать, обязался не давать думных чинов своим польским советникам. В Москве он немедленно нарушил свои обещания. В «комнате», служившей местом совещаний царя с ближней думой, водворились секретари самозванца Ян и Станислав Бучинские, Слонский и др.⁹⁴ Чтобы заглушить недовольные голоса, Лжедмитрий решил представить своих польских советников в качестве лучших друзей бояр и их заступников.

Сподвижник Лжедмитрия С. Борша точнее других объяснил причины помилования Василия Шуйского. «Царь даровал ему жизнь, — писал он, — по ходатайству некоторых сенаторов»⁹⁵. Бояре не посмели открыто перечить царю на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Ни один из предшественников Лжедмитрия на троне не решал дела без участия Боярской думы. Самозванец, заняв престол, должен был следовать традиции. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы.

Имущество Шуйских, их вотчины и дворы подверглись конфискации. Князь Василий и его братья Дмитрий и Иван были заключены в тюрьму в галицких пригородах⁹⁶.

Круг советников, настаивавших на жестких мерах в отношении бояр-«заговорщиков», потерпел поражение. Поборник опричных методов Богдан Бельский должен был отступить в тень. Лжедмитрий вознаграждал его усердие, произведя в бояре, но вскоре же отослал из Москвы на воеводство в Новгород.

Еще будучи в Туле, Отрепьев послал гонца в «казанские города» за Нагими⁹⁷.

Мятеж в Угличе, инспирированный Нагими, положил конец их карьере. Ближайшие родственники вдовы царицы Нагой лишились имущества и много лет провели в тюрьме и ссылке. Лишь после коронации Бориса Годунова о них вспомнили и вернули на службу. М. Ф. Нагой стал воеводой в захолустном городке Санчурске, А. А. Нагой — в Арске, М. А. Нагой — на Уфе⁹⁸. Самозванец вызвал М. Ф. Нагого в Москву и дал ему чин боярина конюшего. Братья Андрей, Михаил и Афанасий Александровичи Нагие, а также Григорий Федорович Нагой стали боярами и заняли в думе высокое положение. В Разрядных записях отмечено, что самозванец «подовал им боярство и вотчины великие и дворы Годуновых и з животы»⁹⁹. Нагие лучше всех других знали, что царевич Дмитрий мертв. Но они охотно «вызнали» в Отрепьеве внучатого племянника, открыв себе путь к почестям и богатствам.

Отрепьев распорядился вернуть в Москву уцелевших Романовых и Черкасских. В свое время он служил в свите у окольного М. Н. Романова, а затем у боярина Б. К. Черкасского. Оба умерли в ссылке, и бывший кабальный слуга не опасался разоблачения. Монах поневоле, Филарет Романов был вызван в столицу из Антониева Сийского монастыря. Его жена Мария Шестова с сыном Михаилом приехали в столицу из своей вотчины. Будучи в монастыре, Филарет не оставлял надежд на возвращение в мир. От странников-богомольцев он знал об успехах самозванца и уже в начале февраля 1605 г. грозил посохом своим тюремщикам-монахам, говоря: «...увидят они, каков он вперед будет». Филарет перестал жить «по монастырскому чину», часто смеялся «неведомо чему» и постоянно вспоминал «про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в миру жил»¹⁰⁰.

По словам архиепископа Арсения, самозванец будто бы намеревался вернуть Федора Романова в Боярскую думу. Через греков Игнатия и Арсения и «синод» он якобы передал Филарету необычное предложение: сложить с себя монашескую одежду, надетую на него силой, вернуться в мир и принять жену¹⁰¹. Арсений закончил мемуары в то самое время, когда отец царя Михаила Романова вернулся из Польши в Москву. Рассказ Арсения имел очевидной целью прославить подвиг Филарета. Сообщив об отказе Филарета вернуться в мир, Арсений без всякой паузы замечает, что «царь» и патриарх снова пригласили Романова и посветили его в сан ростовского митрополита. Однако известно, что Филарет получил сан митрополита лишь в мае 1606 г.¹⁰²

Опала царя Бориса сокрушила Романовых и отняла у них надежду занять трон. Из старших Романовых уцелел кроме Филарета один Иван Никитич. Самозванец пожаловал ему боярство, но отвел в думе одно из последних мест. Отношение Отрепьева к Романовым ничем не отличалось от его отношения к другим опальным. Находясь в Туле, он приказал вернуть из ссылки всех Головиных. Казначей Петр Головин кончил дни в тюрьме в правление Бориса. Его сына В. П. Головина держали на воеводстве в Сибири, а затем в Уржуме. Лжедмитрий вызвал В. П. Головина в столицу вместе с его братом И. П. Головиным и сделал их окольными. Тот же чин получил опальный дьяк В. Я. Щелкалов¹⁰³.

При царе Борисе наибольшим влиянием в думе пользовались Годуновы и Шуйские. Обе эти группировки были разгромлены и удалены из столицы. Думу пополнили «воровские» бояре, получившие чин в Путивле, а также опальные бояре и дворяне. Обновив состав Боярской думы, Лжедмитрий добился послушания бояр и стал готовиться к коронации.

Самозванец пожелал дожидаться возвращения в Москву старицы Марфы Нагой. Его расчет был безошибочным. Признание со стороны мнимой матери должно было покончить с сомнениями тех, кто все еще не уверовал в его царское происхождение.

Сохранилось предание, что из Москвы Лжедмитрий «наперед» послал на Белоозеро в монастырь к Нагой «постельничего своего Семена Шапкина, чтоб его назвала сыном своим царевичем Дмитрием... да и грозить ей велел: не скажет — и быть ей убитой». Никто не знает, о чем говорили между собой опальная вдова Грозного и ее родственник Шапкин. «Тово же убо не ведяше никто же, — писал автор «Нового летописца», — яко страха ли ради смертново, или для своего хотения назва себе ево, Гришку, прямым сыном своим, царевичем Дмитрием»¹⁰⁴.

Однако совершенно очевидно, что Шапкину достаточно было поговорить с опальной монашкой по-родственному. Обещания неслыханных милостей подействовали на вдову сильнее любых угроз. После убийства самозванца Нагая, спасая свое доброе имя, объявила, будто Отрепьев ее «устрасил смертью»: «...коли он с ней говорил, и он ее заклиал и под смертью приказал, чтоб она того никому не сказывала»¹⁰⁵.

В середине июля 1605 г. Марфу Нагую привезли в село Тайнинское. Отрепьев отправил навстречу ей племянника опальных Шуйских князя Михаила Скопина, чтобы отвести подозрение на-счет сговора. 17 июля Лжедмитрий выехал в Тайнинское под охраной отряда польских наемников. Его сопровождали бояре. Местом встречи стало поле у села Тайнинского¹⁰⁶. Устроители комедии позаботились о том, чтобы заблаговременно собрать многочисленную толпу народа. Обливаясь слезами, вдова Грозного и беглый монах обняли друг друга.

Простой народ, наблюдавший сцену издали, был тронут зрелищем и выражал свое сочувствие криками и рыданиями. После 15-минутной беседы Нагая села в экипаж и не спеша двинулась в путь. Карету окружала огромная свита. Сам «царь» шел некоторое время подле повозки пешком, с непокрытой головой. Дело было в сумерках, и всей компании пришлось остановиться на ночлег в предместьях столицы¹⁰⁷.

18 июля Марфа Нагая прибыла в Москву. Отрепьев ехал верхом подле кареты. Праздничная толпа заполнила Красную площадь. По всему городу звонили колокола. Отслужив службу в Успенском соборе, мать с «сыном» роздали нищим милостыню и скрылись во дворце. Коронация Отрепьева состоялась через три дня после возвращения в Москву вдовы Грозного. Царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан златотканым бархатом. Оказавшись в соборе подле алтаря, Отрепьев допустил отступление от ритуала. Он повторил затверженную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу¹⁰⁸.

Отрепьев старался внушить всем мысль, что его венчание означает возрождение законной династии. Поэтому он приказал короновать себя дважды: один раз — в

Успенском соборе, а другой — у гробов «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана IV и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову Лжедмитрия шапку Мономаха¹⁰⁹. По выходе из собора бояре осыпали нового государя золотыми монетами.

Коронация Лжедмитрия не могла быть осуществлена без согласия Боярской думы. Это согласие, по-видимому, было связано с рядом условий. Бояре стремились к тому, чтобы как можно скорее вернуться к традиционным методам управления страной. Главной помехой на пути к этому были повстанческие отряды и наемные роты, приведенные самозванцем в Москву. Пока чужеземные солдаты и «воры»-казаки охраняли царскую особу и несли караулы в Кремле, бояре не чувствовали себя в безопасности.

Отрепьев долго не решался расстаться со своей наемной гвардией. Но обстоятельства оказались сильнее его. Ставки на наемных солдат стояли в Западной Европе на весьма высоком уровне. Гусарам и жолнерам надо было платить полновесной монетой. Однако золота в царской казне было немного.

Принимая на службу иноземцев, русское правительство спешило наделить их поместьями. Этот традиционный для России способ обеспечения служилых людей оказался неприемлемым для наемников, вступивших в Москву с самозванцем. Ветеранов московского похода интересовала звонкая монета. Они считали себя хозяевами положения и желали сами диктовать условия¹¹⁰. Со своей стороны бояре были весьма далеки от того, чтобы предлагать полякам вотчины и поместья. Они желали как можно быстрее расформировать наемные роты и выпроводить их за рубеж.

Лжедмитрий осыпал своих ротмистров щедрыми милостями. Некоторым из них он пожаловал русское дворянство. Ветеран московского похода Станислав Борша именовал себя «ротмистром и дворянином великого князя московского Дмитрия Ивановича»¹¹¹. Дворянский титул, однако, не сделал Боршу московским землевладельцем. Не желая раздражать русскую знать и дворянство, Отрепьев отказался от мысли о пожаловании земель своим польским соратникам.

Иноземные наемные войска не раз проявляли свою ненадежность в критической обстановке. Солдаты грозили «царьку» расправой, когда он не мог заплатить им заслуженные деньги. В Москве Лжедмитрий мог сформировать из польских рот придворную гвардию. Но дело в том, что набранный в Польше сброд не подходил к роли преторианцев. Ветеран похода Ян Бучинский, которого трудно заподозрить в предвзятости, живо описал времяпрепровождение своих сотоварищей в Москве. Наемники пропивали и проигрывали полученные деньги. У кого прежде не было и двух челядинцев, набрали себе больше десятка, разделили их в камчатое платье¹¹².

Будучи во Львове, «рыцари» Лжедмитрия не щадили подданных своего короля, чинили грабежи и насилия. Вступив в Москву в качестве победителей, они обращались с москвичами совершенно так же. Но то, что терпели львовские мещане, не оставалось безнаказанным в русской столице. Прошло два месяца с тех пор, как москвичи с оружием в руках поднялись против правительства Годунова. В ходе восстания народ осознал свою силу. Дух возмущения продолжал витать над столицей. Поводов к столкновениям между «рыцарством» и москвичами было более чем достаточно. Негодование населения достигло критической точки и в любой момент могло привести к новым волнениям.

Вскоре после коронации Лжедмитрия произошел инцидент, который привел к настоящему взрыву. Московские власти арестовали шляхтича Липского. В глазах других наемников его преступление было «маловажным». Но суд следовал действующим в государстве законам и вынес решение подвергнуть шляхтича торговой казни. Липского вывели на улицу и стали бить батогами. Наемники бросились на выручку к своему товарищу и пустили в ход оружие. Толпа москвичей устремилась на помощь приставам. Началась драка, которая вскоре переросла в побоище. «В этой свалке, — писал участник

драки С. Борша, — многие легли на месте и очень многие были ранены». Хорошо вооруженные наемники поначалу без труда потеснили толпу, но затем им пришлось укрыться в своих казармах на Посольском дворе. Весть о кровопролитии подняла на ноги всю Москву. Борша утверждал, что на прилегающих улицах собралось несколько десятков тысяч москвичей, угрожавших полякам расправой¹¹³.

Лжедмитрий знал, как трудно справиться с разбушевавшейся народной стихией. К тому же дело происходило тотчас после коронации, и царь избегал всего, что нанесло бы ущерб его популярности. Москвичи считали «Дмитрия» своим добрым царем, и ему нельзя было не считаться с народными настроениями. По всей Москве был оглашен царский указ о наказании шляхтичей, виновных в избиении народа. Государь объявил, что пришлет к Посольскому двору пушки и снесет двор со всеми наемниками, если те окажут сопротивление. Обращение царя носило демагогический характер, но столичное население ликовало. Отрепьеву надо было удержать москвичей от штурма Посольского двора и предотвратить восстание в столице. И он достиг своей цели.

Как всегда, самозванец вел двойную игру. Успокоив народ, он тут же прислал к наемникам доверенных лиц и просил, «пусть они окажут повиновение для того, чтобы успокоить русских». Солдат заверили, что им не будет сделано ничего дурного, хотя они и совершили кровавое преступление¹¹⁴. Рыцарство было удовлетворено обещаниями царя и выдало его посланцам трех шляхтичей, отличившихся в расправе с толпой. В течение суток их держали под стражей в тюремной башне, а затем освободили втайне от народа.

Волнения в Москве помогли боярам добиться роспуска иностранных наемных рот. В письме от января 1606 г. Ян Бучинский упомянул о том, что жолнеры жили «на Москве без службы полгода»¹¹⁵. Отсюда следует, что Лжедмитрий рассчитал наемное войско в июле 1605 г., иначе говоря, сразу после волнений в Москве. Казенный приказ взял на себя оплату всех расходов и трат, сделанных Лжедмитрием в ходе войны с московскими войсками.

В мае 1605 г. Михаил Ратомский привел на помощь самозванцу несколько сот «пятигорцев» — мелких белорусских шляхтичей. Фактически они не принимали участия в боях, и для них поход на Москву был не более чем увеселительной прогулкой. «Пятигорцы» прослужили десять с небольшим недель, за что получили из казны по 37 золотых, или по 12 московских рублей¹¹⁶. Знатные русские дворяне получали столько же за год службы.

Ратомский «вборзе» уехал из Москвы в Польшу, где подал жалобу на царя Сигизмунду III. Оправдывая высылку Ратомского, Лжедмитрий подробно перечислял обиды «людem своим (москвичам. — *Р. С.*) от Ратомского»¹¹⁷. Король велел произвести «обыск» по поводу взаимных обид Лжедмитрия и Ратомского.

Гусарам Казенный приказ платил восемь раз по 40 золотых, или 192 руб. на коня¹¹⁸. По общему правилу, гусары имели по два коня, а некоторые — по три-четыре. Они получали такое жалованье, какое в России получали лишь советники царя и члены Боярской думы.

Будучи отставленными от службы, многие наемники громко жаловались, что царь московский «рыцарских людей не жалует». На самом деле Лжедмитрий не жалел казны, чтобы вознаградить ветеранов. Наибольшие суммы получили его гетман А. Дворжецкий, ротмистр Вержбицкий и «секретари» Я. и С. Бучинские, С. Слонский. Однако наемники, посадив на трон своего царя, ждали от него большего. Даже ротмистр С. Борша жаловался на то, что московские власти недодали ему из казны несколько сот золотых¹¹⁹. В дни войны Отрепьев щедро расплачивался с солдатами обещаниями и долговыми расписками. Жалуясь королю Сигизмунду III, жолнеры припоминали, что «царь» обещал им, как придет в Москву, выдать из казны по несколько тысяч золотых. Однако обещанных тысяч наемники не получили¹²⁰.

Рыцарство требовало денег. Но денег в царской казне осталось немного, и казначеи прибегли к традиционному в России способу оплаты натурой. В счет денег некоторые

наемники получили пушнину. Всем им также был назначен обильный «корм», включавший всевозможного рода натуральное обеспечение. Солдаты могли пользоваться пайком в течение всего времени пребывания в Москве. По словам Яна Бучинского, он сам видел и слышал от других, что те пань, которые не старались завести как можно больше челядинцев и вели скромную жизнь, за полгода выручили от продажи «корма» до 1000 злотых¹²¹.

Наибольшие затруднения у казны возникли при оплате долговых расписок Лжедмитрия. В своих денежных делах самозванец был на редкость легкомысленным. Близко знавшие его иноземцы не без иронии отметили, что царь был щедр, но более на словах, чем на деле, так как «без долгого размышления мог обещать несколько десятков тысяч, на 30 тыс. доходов, на 100 тыс. и более наличными и в удостоверение подписывал», но затем так же легко отказывался оплачивать векселя¹²².

Казенный приказ, по-видимому, с разбором относился к долговым распискам царя. Многие из них, в особенности выданные за рубежом, остались неоплаченными. Некоторые наемники по возвращении в Польшу обратились с жалобой к королю, предъявив собственноручные расписки Лжедмитрия, по которым им ничего не заплатили в Москве¹²³. Московское правительство отказалось удовлетворить претензии вельмож, покровительствовавших «царевичу» во время его зарубежных скитаний. Адам Вишневецкий явился в Москву собственной персоной и объявил, что он издержал на «царевича» несколько тысяч из собственных денег. Однако ему ничего не удалось получить от бояр¹²⁴.

Одновременно с иноземцами Лжедмитрий велел рассчитать находившиеся в Москве отряды вольных казаков. Многие московские дворяне участвовали в осаде Кром. Казачьи сотни, отразившие многотысячную царскую рать, внушали им страх и ненависть.

Поэтому казакам Корелы недолго пришлось нести караулы в Кремле. Боярская дума использовала коронацию Лжедмитрия I, чтобы добиться роспуска всех прибывших в Москву казачьих войск. По словам очевидцев, все казаки были щедро одарены и распущены, но даже награды не могли заглушить их ропот¹²⁵.

Отрепьев не захотел расстаться лишь с верным Корелой. Он пожаловал донскому атаману чины и деньги. Вместе с ним остались в Москве казаки его станицы, вынесшие все тяготы обороны Кром. Корела был выдающимся предводителем повстанцев. Во главе восставшего населения он чувствовал себя на своем месте. Зато в толпе царедворцев он оказался чужаком. Тут у него было слишком много врагов, и они делали все, чтобы изгнать донского атамана из Кремля. Корела невысоко ценил доставшиеся на его долю почести. В московских кабаках, среди черни он находил себе больше друзей, чем в парадных залах дворца.

Вольные атаманы сделали свое дело, и их карьера должна была оборваться рано или поздно. Корела без счета тратил в кабаках полученные от казны деньги и в конце концов спился. Другой вождь казацкого войска — Постник Лунев покинул дворец по иным причинам. Послушав совета монахов, он принял пострижение и удалился на покой в Соловецкий монастырь¹²⁶.

С роспуском казачьих отрядов вооруженные силы, возникшие в ходе массовых антиправительственных восстаний на юго-западных и южных окраинах Русского государства, были окончательно расформированы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XVI в. правительство Бориса Годунова под давлением феодального дворянства ввело в стране режим «заповедных лет», воспретив тяглому населению города и деревни покидать тяглые надельные дворы, а затем издало Уложение о сыске беглых крестьян 1597 г. В том же 1597 г. было обнародовано проникнутое крепостническим духом Уложение о холопах. Начавшаяся в 1604—1605 гг. гражданская война была

порождена в первую очередь глубоким социальным кризисом, возникшим на почве ломки старой социальной структуры и становления крепостнической системы. Трехлетний неурожай и голод 1601—1603 гг. ускорили взрыв. Борис Годунов тщетно пытался смягчить остроту противоречий посредством временного и частичного восстановления права выхода крестьян в Юрьев день. Правительственные меры грозили разорением мелкопоместным уездным детям боярским. Появление самозванца дало выход давно зреющему народному недовольству.

Наличие обширных незакрепощенных окраин придавало социальной борьбе в России своеобразную форму. Беглые крестьяне, холопы, посадские люди, не желавшие мириться с крепостническими порядками, находили прибежище в казачьих станицах на Дону, Волге, Яике и Тереке.

На основной территории России военное дело было профессией в первую очередь привилегированных верхов. На окраинах выходцы из угнетенных сословий имели оружие и боевой опыт, приобретенный в непрерывных войнах с кочевыми ордами. Правительство понимало, что крепостнические порядки в Центре не могут окончательно утвердиться, пока существуют вольные окраины, служившие прибежищем для недовольных и бунтующих элементов. Поэтому власти с конца XVI в. последовательно проводили политику подчинения казачьих окраин. В годы «Смуты» феодальное государство в полной мере пожало плоды своей собственной политики в отношении окраин.

В литературе высказывалось мнение о том, что значительную роль в народных восстаниях начала XVII в. сыграли холопы. Говоря о холопах, историки имели в виду преимущественно принадлежавших к эксплуатируемым низам страдников, пашенных холопов и прочих «деловых людей», что давало основание для вывода об антифеодальном характере выступления холопов. В действительности в «Смуте» участвовали и низшие прослойки холопства, и в еще большей мере его привилегированный слой — боевые холопы. Их выступления явились симптомом кризиса дворянского ополчения, в составе которого военные холопы численно превосходили дворян. В период разорения 70—80-х годов XVI в. и голода начала XVII в. множество боевых холопов, а также крестьян и посадских людей бежали на окраины, умножая ряды вольного казачества. Именно вольное казачество, постоянно пополнявшееся за счет беглых холопов и крепостных крестьян, стало одной из главных сил повстанческого движения начала XVII в.

Массовые восстания против власти царя Бориса поначалу охватили сравнительно небольшую территорию Северской Украины и прилегающих к ней великорусских земель. В районе Севска и Орла образовались первые мощные очаги крестьянских восстаний, но они были разгромлены царским правительством с исключительной жестокостью.

Трудно согласиться с мнением, будто Лжедмитрий I был вынесен на московский престол волной крестьянского движения, к которому примкнули южные помещики. Гражданская война расколола страну надвое. Население южных окраин выступило против Центра. Повстанческое движение, охватившее окраину, объединило самые разнородные социальные силы, включая посадских людей, крестьян, холопов, казаков, стрельцов, детей боярских. Кризис, лежавший в основе «Смуты», поразил как низы, так и верхи русского общества.

Образование поместной системы землевладения сыграло важную роль в истории феодального сословия в России. К началу XVII в. начался упадок феодального поместья. Процесс дробления неизбежно вел к измельчанию поместных «дач». В центральных уездах резко сократились крестьянские пашенные наделы. Крестьяне бежали из Центра на окраины. Все это неизбежно вело к обнищанию мелкого дворянства. Разоренные помещики либо утрачивали землю, либо, не имея возможности служить в дворянском ополчении «конно, людно и оружно», переходили на службу в пехоту. Дети боярские пищальники, не имевшие крестьян и холопов, фактически выбывали из состава привилегированного феодального сословия. Кризис феодального сословия стал одним из важнейших факторов гражданской войны.

В начале «Смуты» русское дворянство, напуганное размахом народных выступлений в пользу самозванца, в массе сохраняло верность престолу. Бориса прочно поддерживали Боярская дума и «государев двор», объединявший дворянские верхи. Против выборной земской династии на первых порах выступили «всем городом» лишь некоторые южные уездные корпорации, не связанные с «государевым двором» и включавшие преимущественно мелкопоместных и беспоместных детей боярских. Военные неудачи, явная неспособность властей справиться с выступлениями низших сословий, усталость дворянского ополчения, наконец, смерть Бориса — все это привело к перелому в ходе гражданской войны. Положение династии пошатнулось. В заговоре против Годуновых приняли участие члены Боярской думы и многие члены «государева двора». Раскол «государева двора» был усугублен тем, что Лжедмитрий приступил к формированию собственных «Боярской думы» и «двора», зачисляя в них взятых в плен дворян.

В осадном лагере под Кромами вспыхнул мятеж, в ходе которого на стороне бояр-заговорщиков «всем городом» выступили дворяне из рязанских городов, Тулы, Алексина и Каширы. «Лучшие» дворяне из названных городов издавна несли службу в «государевом дворе». Мятеж в армии под Кромами лишил династию Годуновых военной опоры. Вслед за распадом дворянского ополчения вспыхнуло народное восстание в Москве, покончившее с выборной династией. В московском восстании ярко проявился социальный характер выступлений низов в пользу самозванца. Однако факты свидетельствуют о том, что в московских событиях приняли самое активное участие дворяне, дети боярские и прочие служилые люди.

Широкое распространение в народе социальных утопий, связанных с верой в «добраго царя» — мессию, а также кризис феодального сословия одинаково способствовали успеху повстанческого движения. Воцарение Лжедмитрия I не привело к решению острых социальных противоречий, усилившихся в обществе. Уповав на «добраго царя», повстанцы сложили оружие. Но пауза оказалась недолгой. Новый взрыв междоусобной борьбы вылился в восстание Болотникова, ставшее кульминацией гражданской войны в Русском государстве.

ПРИМЕЧАНИЯ, ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ (с. 3—5)

- ¹ См.: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII. Л., 1968. С. 367.
- ² См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. XII. СПб., 1843. С. 15.
- ³ См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. IV. М., 1960. С. 391.
- ⁴ См.: *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII в. // Исторические монографии и исследования. Кн. 2. М., 1904. С. 280, 637—638.
- ⁵ См.: *Ключевский В. О.* Соч. Т. 3. М., 1957. С. 48, 51, 60.
- ⁶ См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 291, 412, 430.
- ⁷ См.: *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Ч. I. М., 1920. С. 66.
- ⁸ См.: *Фирсов Н. Н.* Крестьянская революция на Руси в XVII в. М.; Л., 1927. С. 61; *Томсинский С. Г.* Крестьянское движение в феодально-крепостной России. М., 1932. С. 27.
- ⁹ См.: *Дубровский С. М.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. // Крестьянские войны. М., 1925. С. 44—46.
- ¹⁰ См.: *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954. С. 310.
- ¹¹ См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. М., 1951. С. 491, 498.

¹² См.: О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII в.: Обзор дискуссии // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 102—120; *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957.

¹³ См.: *Зимин А. А.* Вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 99.

¹⁴ См.: *Маковский Д. П.* Первая Крестьянская война в России. Смоленск, 1967. С. 295—297.

¹⁵ См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 192—257.

¹⁶ См.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1976; *Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974.

ГЛАВА 1 (с. 6—27)

¹ *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 134—135.

² Там же. С. 133.

³ См.: *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. Ч. I. М.; Л., 1947. С. 289—295; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 334.

⁴ В Дворовую тетрадь, как отмечено в литературе, попали не только служилые дворяне, но и их дети. Один из самых влиятельных бояр того времени, князь А. Б. Горбатый-Суздальский, записал в тетрадь своего двухлетнего сына. Последний, как отметил А. М. Курбский, в пятнадцатилетнем возрасте в 1565 г. был казнен вместе с отцом (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 153).

⁵ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 55, 58, 63; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. / Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. Ч. I. М., 1979. С. 123—124; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 44, 55, 85, 99, 118.

⁶ *Кобрин В. Б.* О формах светского феодалного землевладения в Русском государстве конца XV—XVI вв. // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. № 39. М., 1969. С. 10—11; *Он же.* Власть и собственность в средневековой России. С. 79.

⁷ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 37. По отдельным княжеским спискам служили также князья Мосальские, но в XVI в. они не получали боярских чинов и их список в Дворовой тетради оказался ниже других княжеских списков.

⁸ Разряд Полоцкого похода 1562—1563 гг. // Витебская старина. Т. IV. Витебск, 1885. С. 33—38; Боярские списки... Ч. I. С. 104 — 177. См. также: *Флоря Б. Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // Археографический ежегодник. 1973. М., 1974. С. 49—50; *Кротов М. Г.* Провинциальное дворянство и «государев двор» в середине XVI в. // Феодализм в России. Тезисы. М., 1985. С. 98.

⁹ Даже к концу XVII в. общее число помещиков в России едва ли превышало 70 тыс. человек (см.: *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII в.— начале XVIII в. М., 1977. С. 65). Для XVI в. эта цифра была меньшей.

¹⁰ См.: *Зимин А. А.* Опричнина // Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. М.; Л., 1955. С. 305.

¹¹ См.: *Зимин А. А.* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 23.

¹² См.: *Кобрин В. Б.* Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 268.

¹³ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 149.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 395.

¹⁵ См.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 263.

¹⁶ Витебская старина. Т. IV. С. 118—120; Буганов В. И. Новые документы о сражении на Молодях 1572 г. // Исторический архив. 1959. № 4. С. 174—177; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. II. М., 1979. С. 4—93.

¹⁷ Потомки местных династий Суздальской Руси были сильны не только своим числом и богатством. Сидя гнездами в пределах некогда принадлежавших им княжеств, княжата сохраняли традиционные связи с коренными местными землевладельцами, некогда служившими их предкам. Именно по этой причине казнь боярина А. Б. Горбатого-Суздальского сопровождалась выселением двух третей суздальских землевладельцев из пределов Суздаля.

¹⁸ См.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 160; *Он же*. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. С. 267—268.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 396; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II. Ч. I. С. 196.

²⁰ См. подробнее: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 278—281.

²¹ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, № 1206, кн. 643, л. 238 об. — 282, 333—369; кн. 848, л. 131 об. — 201.

²² Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 153.

²³ См.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 299, 325, 366; *Он же*. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 30, 32.

²⁴ См.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 296.

²⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II. Ч. I. С. 196.

²⁶ См.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 151.

²⁷ См. там же. С. 64.

²⁸ См. выше. С. 9.

²⁹ См.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 195—198, 222, 272—273, 413—415.

Казанская ссылка, пишет В. Б. Кобрин, «была не настолько всеобъемлющей, как это представляется Р. Г. Скрынникову» (Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 154). Полемиические приемы В. Б. Кобрин некорректны, что приводит к искажениям взглядов оппонента. В моей книге приведены следующие точные цифры: до опричнины в составе двора служило более 200 князей Ярославских, Ростовских и Стародубских, из них в ссылку попало менее 90 человек. О какой всеобъемлющей ссылке может идти речь?

³⁰ См.: Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 46.

³¹ Аграрная история Северо-Запада России: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 271—274.

³² Там же.

³³ См.: Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от Смутного времени до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 144—145.

³⁴ См.: Витебская старина. Т. IV. С. 34—38; Шватченко О. А. Светское феодальное землевладение и хозяйство Российского государства конца XVI — первой трети XVII в.: По материалам писцовых книг центральных уездов. АКД. М., 1975. С. 14; *Он же*. Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е годы XVI — 20—30-е годы XVII в. // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 350—351.

³⁵ ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 70, 80, 107.

³⁶ См.: Смирнов П. Орловский уезд в конце XVI в. Киев, 1910. С. 129; Боярские списки... Ч. II. С. 35, 79; Акты Московского государства. Т. 1. С. 37.

³⁷ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 527. Подробнее о Засечной черте см.: *Епифанов П. П.* Крепости // Очерки русской культуры XVI в. Ч. I. М., 1977. С. 331—333.

³⁸ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. С. 365—429.

³⁹ Боярские списки... Ч. II. С. 45, 92. В том же походе 1604 г. участвовали дети боярские пищальники из Одоева (153), Черни (128) и Новосили (128) (Там же. С. 35, 79).

⁴⁰ По наблюдениям М. М. Денисовой, до начала XVII в. русская конница использовала на поле боя исключительно холодное оружие (*Денисова М. М.* Поместная конница и ее вооружение в XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. XX. М., 1943. С. 42). К иному выводу пришел П. П. Епифанов. Найдя в источниках XVI в. упоминания о «конных самопальниках», П. П. Епифанов заключил, что «вооружение русской конницы ручным огнестрельным оружием началось во второй половине XVI в.» (*Епифанов П. П.* Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI в. Ч. I. С. 306). В странах Западной Европы уже производились кавалерийские мушкеты, но их стали закупать там для нужд русской армии много позже. В битве под Клушино в 1610 г. один отряд применил мушкеты в конном строю, однако состоял он исключительно из немцев-наемников.

⁴¹ Акты Московского государства. Т. I. С. 34.

⁴² См.: *Антилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 129—290.

⁴³ См. там же. С. 297—299.

⁴⁴ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. Отд. III. С. 92, 101.

⁴⁵ Там же. С. 92.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 210, оп. 4, дела десятиен, № 86, л. 57 об., 73; ср. л. 65 об.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 52.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 210, оп. 4, дела десятиен, № 98, л. 1.

⁴⁹ Там же, № 86, л. 87—93, 95 об., 96 об., 97.

⁵⁰ Там же, л. 96 об.

⁵¹ Низшему разряду детей боярских с окладом 4—6 руб. жалованье платили не каждый год (Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржарета. М., 1982 (далее: *Маржарет Я.* Записки). С. 178). В Рязске конные самопальники получали 4—5 руб., а пешие дети боярские пищальники служили «без денег» (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. С. 422, 429—341).

⁵² Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 71—72.

⁵³ Приказная справка 1620 г. // *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Т. I. М., 1894. С. 145, прим. 105; с. 269.

ГЛАВА 2 (с. 28—37)

¹ Разрядная книга 1375—1605 гг. // ГПБ, ОР, Эрмитажное собр., д. 390, л. 932—932 об., 933; *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве. Одесса, 1888. С. 305.

² Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 75; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 285.

³ См.: *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и падение Романовых // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 117.

⁴ См.: *Павлов А. П.* Состав Боярской думы в период царствования Бориса Годунова // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. Вып. II. М.; Л., 1980. С. 259.

⁵ См.: *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и падение Романовых. С. 118.

- ⁶ Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 873.
- ⁷ *Востоков А. Х.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. М., 1842. С. 655—656; Дневник польского посольства в Москве в 1600 г. // *Biblioteka Warszawska*. 1896. № 3. С. 426.
- ⁸ *Маржарет Я.* Записки. С. 184; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. М., 1976. С. 184.
- ⁹ Дневник польского посольства в Москве в 1600 г. С. 426.
- ¹⁰ Описание архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. М., 1977. С. 262.
- ¹¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 101; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 124; *Маржарет Я.* Записки. С. 190.
- ¹² Описание архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. С. 262; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 204, 209.
- ¹³ Черкасский был женат на Марфе Никитичне, Сицкий — на Евфимии Никитичне Романовой. Как отметили разрядные дьяки, Федор Никитич Романов и боярин Сицкий «меж себя братья и друзи», а князь Александр Репнин «им свой же» (Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 162).
- ¹⁴ *Буссов К.* Московская хроника. М.; Л., 1961. С. 93; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 50, 53.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 53.
- ¹⁶ ЦГАДА, ф. 146, № 7, 1601 г., л. 30 (дело о ссылке Романовых опубликовано в кн.: *АИ. Т. 2. СПб., 1842. № 38*); *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913.
- ¹⁷ См.: *Масса И.* Краткое известие... С. 53.
- ¹⁸ *Tiszkowski Poselstwo Lwa Sapiegi w Moskwe 1600 r. Lwow. 1927. S. 2 – 5.*
- ¹⁹ ГПБ, ОР, ф. 7 (ф. Ф. П. Аделунга), № 193, л. 37.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Иностранцы, пристально наблюдавшие за развитием событий в России, хорошо понимали это обстоятельство. Получив донесение из Москвы, герцог Карл в письме от 30 марта 1602 г. отметил: «Этой весной царь Борис приказал обезглавить до выборов знатнейших господ в своей стране, чтобы тем самым еще вернее утвердить своего сына в правлении» (*Almqvist H. Sverige och Russland. 1595 – 1611. Uppsala, 1907. S. 74*).
- ²² ПСРЛ. Т. 14. С. 53.
- ²³ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 170; ПСРЛ. Т. 14. С. 55.
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, стб. 1, № 3, л. 85—88.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 55.
- ²⁶ *Буссов К.* Московская хроника. С. 82, 107; *Флоря Б. Н.* Из следственного дела Богдана Бельского // *Археографический ежегодник. 1985. М., 1986. С. 302*; *Сб. РИО. Т. 30. СПб., 1888. С. 397, 404.*
- ²⁷ Цит. по: *Флоря Б. Н.* Из следственного дела Богдана Бельского. С. 305; Временник Ивана Тимофеева. С. 47.
- ²⁸ *Буссов К.* Московская хроника. С. 93; ПСРЛ. Т. 14. С. 55; Временник Ивана Тимофеева. С. 47.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 14. С. 55.
- ³⁰ Боярские списки... Ч. I. С. 205.
- ³¹ Там же. С. 218; Описание архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. С. 263.
- ³² Временник Ивана Тимофеева. С. 48; ЦГАДА, ф. 146, № 7, 1601 г., л. 72. В «Актах исторических» дело о ссылке Романовых напечатано с сокращениями (*АИ. Т. 2. С. 35*).
- ³³ ПСРЛ. Т. 14. С. 53; ЦГАДА, ф. 146, № 7, 1601 г., л. 71—72, 30.

¹ См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. XI. СПб., 1843. С. 65—68; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 399—400; *Платонов С. Ф.* Московский голод 1601—1603 гг. // Артельное дело. 1921. № 9—16; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 63—11.

² См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 117—148.

³ См.: *Ле Руа Ладюри Э.* История климата с 1000 г. Л., 1971. С. 172, 212.

⁴ Сказание Авраамия Палицына. С. 105; ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 187.

⁵ См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 118—121.

⁶ ПСРЛ. Т. 32. С. 188.

⁷ Там же. Летописец, записывая данные о погоде из года в год, лишь раз отметил гибель урожая «на цвету» — поздней весной под 1602 г.

⁸ Цит. по: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 126.

⁹ Там же. С. 128; *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Московском государстве XVI в. М.; Л., 1951. С. 30; Аграрная история Северо-Запада России: Новгородские пятины. С. 23; *Маржарет Я.* Записки. С. 188; *Буссов К.* Московская хроника. С. 97.

¹⁰ Сказание Авраамия Палицына. С. 106; *Буссов К.* Московская хроника. С. 97; *Маржарет Я.* Записки. С. 188—189; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 62.

¹¹ Цит. по: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 127.

¹² Там же. С. 131 — 132.

¹³ Как значится в «Истории» А. Палицына по Соловецкому списку, Борис, «о мертвых печашеся, повеле приставником всех омывать и давати саваны и срочицы и порты класти из царския казны, и возити погребати их своею царскою казною» (ГПБ, ОР, собр. Соловецкого мон., № 43/1502, л. 154 об. Подробнее о Соловецком списке см.: *Солодкин Я. Г.* Соловецкая редакция истории Авраамия Палицына // Литература Древней Руси. Вып. 4. М., 1913. С. 88).

¹⁴ Сказание Авраамия Палицына. С. 106; ПСРЛ. Т. 14. С. 55; *Маржарет Я.* Записки. С. 188.

¹⁵ Записки С. Немоевского // *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. Вып. 6. М., 1907. С. 37; *Масса И.* Краткое известие... С. 61; Сказание Авраамия Палицына. С. 105.

¹⁶ ААЭ. Т. II. СПб., 1836. С. 14; Древняя Российская вивлиофика. 2 изд. Ч. VII. М., 1788. С. 50.

¹⁷ Сказание Авраамия Палицына. С. 104.

¹⁸ *Буссов К.* Московская хроника. С. 90; ср.: Донесение М. Шилия 1598 г. // ЧОИДР. 1875. Кн. 2. С. 17; Материалы по Смутному времени, собранные В. Н. Александренко // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 188.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 198, оп. 2, портфели Миллера, № 478, ч. 1, л. 12; № 479, л. 3; ф. 98, оп. 1, 1598 г., № 1, л. 201.

²⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 55; Т. 34. С. 202.

²¹ *Морозов Б. Н.* Частное письмо начала XVII в. // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 290; Местнический справочник XVII р. / Изд. Ю. В. Татищевым. Вильна, 1910. С. 6; ПСРЛ. Т. 34. С. 203; *Масса И.* Краткое известие... С. 61; *Буссов К.* Московская хроника. С. 97.

²² *Маржарет Я.* Записки. С. 189; *Антилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 432.

²³ *Масса И.* Краткое известие... С. 61; БАН, ОР, собр. Срезневского, № 119. л. 21 об.

²⁴ Указ Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г. // *Семевский М. И.* Историко-юридические акты XVI и XVII вв. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. IX. СПб., 1893. С. 55—57.

²⁵ *Масса И.* Краткое известие... С. 61; ср.: Сказание Авраамия Палицына. С. 106; *Буссов К.* Московская хроника. С. 98.

²⁶ *Горская Н. А.* Товарность зернового земледелия в хозяйствах монастырских вотчин центра Русского государства к исходу XVI — началу XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 134—136; Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Вып. III. М.; Л., 1976. С. 455, 473, 481, 487, 511—514.

²⁷ См.: *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. I. Вып. 2. СПб., 1910. Прил. С. I—XIV; см. также: *Прокофьева Л. С.* Вотчинное хозяйство в XVII в. М.; Л., 1959. С. 9—10; *Горская Н. А.* Указ. соч. С. 124—125.

²⁸ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 271, оп. 2, № 21, л. 1—2 об., 8 об., 12, 20, 32. В документах Старицкого Успенского монастыря 1607 г. отмечено, что накопленный монастырем после урожайных лет (1598—1599 гг.) запас хлеба «стоячего» и молоченого «издержался в голодные годы» (Тверская старина. 1911. № 12. С. 20). Этот факт впервые отмечен Я. Г. Солодкиным.

²⁹ *Масса И.* Краткое известие... С. 60—61.

³⁰ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 193; *Буссов К.* Московская хроника. С. 98.

³¹ *Семевский М. И.* Историко-юридические акты XVI и XVII вв. С. 57.

ГЛАВА 4 (с. 45—50)

¹ *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 65—66.

² См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 187—188.

³ См. там же. С. 156.

⁴ Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956. С. 541.

⁵ Там же. С. 542.

⁶ См.: *Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета. Пг., 1915. С. 15—17; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 68—69; *Панеях В. М.* К вопросу об указе 1601 г. // Проблемы источниковедения. Ч. IX. М., 1960. С. 265—266; *Он же.* Материалы о практической реализации указа 1601 г. // Советские архивы. 1974. № 4. С. 106—108; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 166—177.

⁷ См.: *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954. С. 297, 304.

⁸ См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 167—180 и др.

⁹ ААЭ. Т. II. № 24. С. 74.

¹⁰ Там же; Указы Судебнику в дополнение (редакция начала 1750 г.) // *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII. С. 172.

¹¹ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 240.

ГЛАВА 5 (с. 51—57)

¹ Памятники русского права. Вып. IV. С. 515; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 397; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 438.

² *Романов Б. А.* К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. // Исторические записки. Т. 52. М., 1955. С. 332—336.

³ См.: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. Л., 1958. С. 384; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 356; *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967. С. 77.

По подсчетам Ю. Г. Алексева, сумма 15-рублевого максимума включала цену вооружения и коня боевого слуги, а также необходимого провианта и фуража (*Алексеев*

Ю. Г. Пятнадцатирублевый максимум по служилой кабале, служба с земли и феодальная рента // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 113—114).

⁴ См.: *Скрынников Р. Г.*. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV — первых трех четвертях XVI в. АКД. Л., 1958. С. 136—139. Историографию вопроса см.: *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. С. 120—136.

⁵ См.: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 13—14, 33.

⁶ ГБЛ, ОР, собр. Горского, № 16, л. 236 об.

⁷ См.: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 104.

⁸ *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 200—201; *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. С. 92—97.

⁹ Памятники русского права. Вып. IV. С. 374. Подробнее см.: *Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975. С. 131 — 146; *Маньков А. Г.* К вопросу о добровольном холопстве XVI—XVII вв. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 242—248.

¹⁰ Цит. по: *Зимин А. А.* Пересветов и его современники. М., 1958. С. 381.

¹¹ Там же. С. 330—331, прим. 259.

¹² Сказание Авраамия Палицына. С. 255—256.

¹³ *Петрей П.* Реляция о России начала XVII в. М., 1976. С. 76.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 269.

¹⁵ *Маржарет Я.* Записки. С. 177; ЦГДА, ф. 181, д. 100, л. 76 об.; Разрядная книга 1598—1638 гг. М., 1974. С. 105.

¹⁶ В литературе высказывались сомнения по поводу достоверности сведений В. Н. Татищева (*Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 448, прим. 76; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 118). Однако С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский, издав роспись войска 1604 г., показали, что в основе опубликованного В. Н. Татищевым распоряжения о сборе ратных людей с монастырей лежал достоверный источник (Боярские списки... Ч. I. С. 78, прим. 184).

¹⁷ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII. С. 370.

¹⁸ Там же. С. 372.

¹⁹ Боярские списки... Ч. I. С. 234; Ч. II. С. 80; Ч. I. С. 155; Ч. II. С. 84; Ч. I. С. 162; Ч. II. С. 83; Ч. I. С. 220; Ч. II. С. 81; Ч. I. С. 220; Ч. II. С. 83; Ч. I. С. 238; Ч. II. С. 80.

²⁰ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII. С. 372.

²¹ *Середонин С. М.* Известия иностранцев о русских вооруженных силах. СПб., 1891. С. 13; Боярские списки... Ч. II. С. 25—93.

²² Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 740 об.

²³ Со времени разорения 70-80-х годов XVI в. кабальная служба стала вытеснять полное холопство. Оформление грамот на купленных «в полницу» людей прекратилось. Однако развитие кабалы не привело к исчезновению старинных форм холопства. Как показал В. М. Воробьев, в новгородском поместье второй половины XVII в. среди помещичьих холопов безусловно преобладали старинные, купленные холопы, холопы-полоняники, тогда как число кабальных было невелико (см.: *Воробьев В. М.* Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII — начала XVIII в.? // История СССР. 1983. № 4. С. 121 — 124).

²⁴ Боярские списки... Ч. II. С. 44.

ГЛАВА 6 (с. 58—73)

¹ См.: *Греков Б. Д.* Очерки по истории феодализма в России // Известия ГАИМК. Вып. 22. М.; Л., 1934. С. 142.

² См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 82, 83, 79 (прим. 2), 77—80.

- ³ *Зимин А. А.* Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 98.
- ⁴ См.: *Корецкий В. И.* К истории восстания Хлопка: Новые материалы // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 217—219; *Станиславский А. Л.* Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI — начала XVII в. АКД., М., 1973. С. 8—9.
- ⁵ *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 230, 235.
- ⁶ ГБЛ, ОР, собр. Горского, № 16, л. 437 об. Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* Предвестники первой Крестьянской войны в России // XXV Герценовские чтения: Исторические науки. Л., 1972. С. 54—56.
- ⁷ ГБЛ, ОР, собр. Горского, № 16, л. 589. Подробнее см.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 193.
- ⁸ См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 209—210.
- ⁹ Боярские списки... Ч. I. С. 240; Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 972 об. В 1601 г. Безобразов служил «головой у обоза» (л. 933 об.).
- ¹⁰ Боярские списки... Ч. I. С. 41—42.
- ¹¹ Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 977; Боярские списки... Ч. I. С. 216.
- ¹² Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 977.
- ¹³ Назначен туда 25 мая 1602 г. (там же, л. 941). В походе 1604 г. участвовало 26 конных слуг А. Ф. Головина (Боярские списки... Ч. II. С. 58).
- ¹⁴ Боярские списки... Ч. I. С. 197.
- ¹⁵ Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 973, 989 об.; Боярские списки... Ч. I. С. 202.
- ¹⁶ Разрядная книга 1550—1636 гг. С. 206, 2П; Боярские списки... Ч. I. С. 205.
- ¹⁷ Боярские списки... Ч. I. С. 219.
- ¹⁸ Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 980 об. — 981.
- ¹⁹ См.: *Зимин А. А.* Некоторые вопросы истории Крестьянской войны... С. 98.
- ²⁰ Боярские списки... Ч. I. С. 220, 223, 218, 216, 211, 212, 242, 239.
- ²¹ Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 920, 929.
- ²² Там же, л. 975; Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 153.
- ²³ *Бычков А. Ф.* Описание сборников Публичной библиотеки. Ч. I. СПб., 1882. С. 468.
- ²⁴ Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 156.
- ²⁵ Боярские списки... Ч. I. С. 218; Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 154—155.
- ²⁶ Боярские списки... Ч. I. С. 208; ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 631 об.
- ²⁷ *Бычков А. Ф.* Описание сборников Публичной библиотеки. Ч. I. С. 436.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 14. С. 58; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 71.
- ²⁹ Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 977.
- ³⁰ *Маржарет Я.* Записки. С. 172.
- ³¹ См.: *Епифанов П. П.* Войско и военная организация // Очерки истории русской культуры XVI в. Ч. I. С. 346; *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 90.
- ³² *Маржарет Я.* Записки. С. 190; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 231.
- ³³ *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 226—228. В. И. Корецкий приурочил день «решающего сражения с восставшими» к 15 сентября 1603 г. В качестве одного из аргументов в пользу такой датировки он указал на то, что «пламя крестьянских и холопских восстаний приближалось к воротам столицы» и, «лишь ликвидировав движение под Москвой, правительство смогло послать дворян «за разбойники» и на украины, в Пронск и Рязань», что имело место 17 сентября (Там же. С. 220). Подробнее см.: *Корецкий В. И.* К истории восстания Хлопка. С. 218—219.

- ³⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 58; *Масса И.* Краткое известие... С. 71.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 58; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 80.
- ³⁶ *Буссов К.* Московская хроника. С. 85; *Масса И.* Краткое известие... С. 53; *Маржарет Я.* Записки. С. 190.
- ³⁷ Наказ Б. Годунова о борьбе с «разбоями» на Белой: Публ. В. И. Корецкого // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 220.
- ³⁸ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 197.
- ³⁹ *Корецкий В. И.* К истории восстания Хлопка. С. 220.
- ⁴⁰ Там же. С. 221.
- ⁴¹ Приходная книга Новодевичьего монастыря 7112 г. (копия) // Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 276, оп. 1, № 185, л. 154.
- ⁴² Цит. по: *Корецкий В. И.* К истории восстания Хлопка. С. 220.
- ⁴³ Там же. С. 219—220.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Боярские списки... Ч. II. С. 197, 212; ЦГАДА, ф. 210, оп. 4, дела десятиен, № 86, л. 93.
- ⁴⁶ *Леонид.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. Т. III. М., 1894. С. 103; ПСРЛ. Т. 14. С. 55.
- ⁴⁷ *Маржарет Я.* Записки. С. 188; *Буссов К.* Московская хроника. С. 97; *Петрей П.* Реляция о России начала XVII в. С. 75.
- ⁴⁸ *Масса И.* Краткое известие... С. 60.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 14. С. 55; *Буссов К.* Московская хроника. С. 97; *Масса И.* Краткое известие... С. 60.
- ⁵⁰ См.: *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. С. 18.
- ⁵¹ *Масса И.* Краткое известие... С. 71. См.: *Кушева Е. И.* К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. // Исторические записки. Т. 15. М., 1945. С. 91.
- ⁵² Сказание Авраамия Палицына. С. 255—256. Текст окончательной редакции «Сказания» дает еще одно подтверждение тому, что современник имел в виду боевых холопов: «...иже на конех обыкше и к воинскому делу искусни» (Там же. С. 108). ПСРЛ. Т. 14. С. 58. Уже С. Ф. Платонов усомнился в справедливости летописных сведений о поимке и казни всех «воров» (*Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 243).
- ⁵⁴ Сказание Авраамия Палицына. С. 107.
- ⁵⁵ Подробнее см.: *Кушева Е. Н.* К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. С. 92; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 227—228; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 75—76; *Зимин А. А.* Историко-правовой обзор к Указной книге приказа Холопьяго суда // Памятники русского права. Вып. IV. С. 402; *Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII в. С. 205.
- ⁵⁶ Памятники русского права. Вып. IV. С. 375.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 80.
- ⁵⁹ *Масса И.* Краткое известие... С. 74.
- ⁶⁰ Сб. РИО. Т. 137. М., 1912. С. 352—353; Акты времени Лжедмитрия I // ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. 140.
- ⁶¹ Акты времени Лжедмитрия I. С. 139; *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом // ЧОИДР. 1888. Кн. 3. С. 446.
- ⁶² Сб. РИО. Т. 137. С. 352—353; Акты времени Лжедмитрия I. С. 140.

ГЛАВА 7 (с. 74—78)

¹ См.: *Кушева Е. Я.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963. С. 185, 276.

² См.: *Веселовский Н. И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I. СПб., 1890. С. 287, 298—299 и др.

³ См.: *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 330—337, 353, 404, 431—432; ПСРЛ. Т. 14. С. 57; Т. 34. С. 240; *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 322—323.

⁴ ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, стб. 1, № 3, л. 48, 51, 85—89.

⁵ См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 47, 44.

См.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 71.

⁷ См. там же. С. 74; *Смирнов И. И.* Конрад Буссов и его Хроника // *Буссов К.* Московская хроника. С. 15.

⁸ См.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос... С. 125.

⁹ См.: *Смирнов И. И.* Конрад Буссов и его Хроника. С. 17.

¹⁰ См.: *Жукович П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией. СПб., 1901. С. 337—338.

¹¹ Вопрос о проектах русско-польской федерации специально исследован в монографии Б. Н. Флори «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в.» (М., 1978. С. 249—267).

¹² Сб. РИО. Т. 137. С. 51—53.

ГЛАВА 8 (с. 79—103)

¹ См.: *Костомаров Н. И.* Кто был первый Лжедмитрий? СПб., 1864; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. М., 1912.

² См.: *Платонов С. Ф.* Вопрос о происхождении первого Лжедмитрия // Статьи по русской истории. СПб., 1912. С. 276.

³ См.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. III. М., 1916. С. 36—37, 32

⁴ См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 501—503, 512, 506; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 238.

⁵ *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды (XVII—XIX вв.). М., 1967. С. 26, 28—30.

⁶ См.: *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 92—93.

⁷ *Буссов К.* Московская хроника. С. 80.

⁸ См.: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 75.

⁹ *Пташицкий С. А.* Переписка литовского канцлера Л. Сапеги // ЖМНП. 1893. № 1. С. 210.

¹⁰ *Маржарет Я.* Записки. С. 190.

¹¹ См.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. С. 41.

¹² Подборка материалов о Лжедмитрии хранилась в архиве Посольского приказа. См.: *Черепнин Л. В.* «Смута» в историографии XVII в. // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 96.

¹³ Грамота 1606 г. // ДАИ. Т. 1. С. 255.

¹⁴ При царе Федоре Смирной служил стрелецким сотником, а после коронации Бориса был записан в Боярские списки в графе «Из городов выбор: Галич» (см.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 218; Боярские списки... Ч. I. С. 188).

¹⁵ Боярские списки... Ч. I. С. 215; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 219—220; Сказание Авраамия Палицына. С. 111.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 137. С. 176.

¹⁷ Там же. С. 177.

- ¹⁸ Фотокопия документа из Государственного архива в Вене передана в ЦГАДА (ЦГАДА, 3/А, 28).
- ¹⁹ Грамота патриарха Иова (14 января 1605 г.) // ААЭ. Т. II. С. 78—79.
- ²⁰ Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
- ²¹ РИБ. Т. XIII. СПб., 1891. Стб. 17.
- ²² Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве // ЧОИДР. 1847. Кн. 9. Ч. II. С. 3—4.
- ²³ ПСРЛ. Т. 14. С. 59; Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
- ²⁴ Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 205; РИБ. Т. XIII. Стб. 933; Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 59; Т. 34. С. 111; Боярские списки... Ч. II. С. 38.
- ²⁷ Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
- ²⁸ РИБ. Т. XIII. Стб. 638.
- ²⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 174.
- ³⁰ Коломенская десятина 1577 г. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. С. 35; *Голубцов И. А.* «Измена» смольнян при Борисе Годунове и «Извет» Варлаама // Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН. Т. 5. М., 1929. С. 239.
- ³¹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 1; Сб. РИО. Т. 137. С. 247; РИБ. Т. XIII. Стб. 17; ПСРЛ. Т. 14. С. 59.
- ³² ПСРЛ. Т. 14. С. 59; Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
- ³³ ПСРЛ. Т. 14. С. 59.
- ³⁴ Письмо С. Шереметева — С. Ф. Платонову. 23.XII.1910 г. // ГПБ, ОР, ф. 585 (С. Ф. Платонова), П. № 2258; РИБ. Т. XIII. Стб. 568; см. карту, приложенную к книге Н. Н. Селифонтова «Сб. материалов по истории предков царя Михаила Федоровича» (Ч. I. СПб., 1901).
- ³⁵ Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
- ³⁶ Разрядная книга 1550—1636 г. Т. II. Вып. 1. С. 169.
- ³⁷ Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
- ³⁸ РИБ. Т. XIII. Стб. 19, 17—18.
- ³⁹ ААЭ. Т. II. С. 78; РИБ. Т. XIII. Стб. 933; ПСРЛ. Т. 14. С. 59.
- ⁴⁰ Сб. РИО. Т. 137. С. 250; БАН, ОР, 34.8.25, л. 522.
- ⁴¹ РИБ. Т. XIII. Стб. 933; ПСРЛ. Т. 34. С. 111; Т. 14. С. 59.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 14. С. 61.
- ⁴³ Сб. РИО. Т. 137. С. 177.
- ⁴⁴ Там же. С. 193—194.
- ⁴⁵ Послание кн. В. Острожскому (июнь 1606 г.) // Сб. РИО. Т. 137. С. 756.
- ⁴⁶ ААЭ. Т. II. С. 79.
- ⁴⁷ См.: *Голубцов И. А.* «Измена» смольнян при Борисе Годунове и «Извет» Варлаама. С. 246; *Черепнин Л. В.* «Смута» в историографии XVII в. С. 95.
- Дата в описях архива Посольского приказа названа неточно. Следует читать: «Роспрос 114 (1606 г.)...»
- ⁴⁸ См.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести Смутного времени. СПб., 1888. С. 11; *Кушева Е. Н.* Из истории публицистики Смутного времени // Учен. зап. Саратовск. гос. ун-та. 1926. Т. V. Вып. 2. С. 58; *Голубцов И. А.* «Измена» смольнян при Борисе Годунове и «Извет» Варлаама. С. 245 — 247.
- ⁴⁹ БАН, ОР, 34.8.25, № 524. Ср. отдельный список «Извета» (Архив ЛОИИ АН СССР, к. 238, оп. 1, № 137), впервые указанный В. И. Корецким (История СССР. 1968. № 4. С. 121).
- ⁵⁰ *Добротворский А.* Кто был первый Лжедмитрий? // Вестник Западной России. Т. II. Кн. 6. Вильно, 1866. С. 96.

⁵¹ Доклад А. Вишневецкого (1603 г.). Текст его на латинском языке опубликован в кн.: *Nowakowski F. K. Zrodla do Dziejow Polski*. Т. 2. Berlin, 1841. Папский посол препроводил изложение доклада Вишневецкого в Рим в начале ноября 1603 г. (*Пирлинг П.* Из Смутного времени. СПб., 1902. С. 3).

⁵² *Ключевский В. О.* Соч. Т. 3. С. 32.

⁵³ См.: *Буссов К.* Московская хроника. С. 100.

⁵⁴ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 238.

⁵⁵ РИБ. Т. XIII. Стб. 639; ПСРЛ. Т. 14. С. 59.

⁵⁶ *Буссов К.* Московская хроника. С. 93.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 14. С. 86.

⁵⁸ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. С. 34; Письмо С. Шереметева — С. Ф. Платонову от 9.XI.1901 г. // ГПБ, ОР, ф. 585, П, № 2258; Архив ЛОИИ АН СССР, к. 2, № 152, л. 53 об.

⁵⁹ *Буссов К.* Московская хроника. С. 93—94; Сб. РИО. Т. 137. С. 177.

⁶⁰ ЧОИДР. 1847. Кн. 9. С. 6.

⁶¹ БАН, ОР, 34.8.25, л. 522; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. С. 10, 16.

⁶² БАН, ОР, 34.8.25, л. 522 об.

⁶³ ПСРЛ. Т. 14. С. 59.

⁶⁴ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 1; БАН, ОР, 34.8.25, л. 523.

⁶⁵ Повесть 1626 г. // РИБ. Т. XIII. Стб. 709—710; *Чилли А.* История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 17. С. 25.

⁶⁶ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 69.

⁶⁷ *Шамбинаго С.* Письма королю Сигизмунду III о самозванце // Русская старина. 1908. № 5. С. 447; Письмо Я. Острожского от 2.III.1604 г. // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 427.

⁶⁸ БАН, ОР, 34.8.25, л. 523; [*Поссевино А.*] Историческое и правдивое повествование... // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 10.

⁶⁹ *Urban W. Hoscki Gabriel* // *Polski Słownik Biograficzny*. Т. X. Krakow, 1962. S. 25 – 26; *Wołyniak (Gizycki J. M.). Z przeszłości Hoszcy na Wołynia*. Krakow, 1909; *M. [erczyng] H. Arianie polscy i Dymitr Samozwaniec* // *Przegląd Historyczny*. 1907. Т. 4; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 421.

⁷⁰ БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об.; ср.: РИБ. Т. XIII. С. 21; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 120; *Пирлинг П.* Названный Дмитрий и польские ариане // Русская старина. 1908. № 5. С. 3; Записки Я. Велевицкого // Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Прил. Стб. 120—121.

⁷¹ БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об.; ААЭ. Т. II. С. 79; ЧОИДР. 1847. Кн. 9. Ч. II. С. 5.

⁷² ААЭ. Т. II. С. 79.

⁷³ БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об.; ПСРЛ. Т. 14. С. 60; ср.: ЧОИДР. 1847. Кн. 9. 4. II. С. 7—8.

⁷⁴ *Sobeski W. Adam Wisznewecki* // *Skzice Historyczne*. Warszawa, 1904. S. 52 – 53; ЦГАДА, ф. 79, оп. 2, кн. 22, л. 129, 134, 134 об.

⁷⁵ Сб. РИО. Т. 137. С. 170—175; Описи царского архива XVI в. и архива польского приказа 1614 г. М., 1960. С. 126—127; Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 128, 129, 144—145; ПСРЛ. Т. 34. С. 240; РИБ. Т. I. СПб., 1872. Стб. 109—НО.

⁷⁶ Сб. РИО. Т. 137. С. 176. В царском архиве хранился «столп литовской 110-го году о Прилуцком городище, а из него наказы в росписи отданы в Разряд дьяку Сапуну Аврамову» (Описи царского архива XVI в.... С. 126).

⁷⁷ РИБ. Т. I. Стб. 109; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 70.

⁷⁸ *Буссов К.* Московская хроника. С. 95—96; БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об.

⁷⁹ БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об.

ГЛАВА 9 (с. 104—111)

¹ *Маржарет Я.* Записки. С. 180—181, 178.

² См.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 76—78.

³ Боярские списки... Ч. II. С. 33—93. По подсчетам П. П. Епифанова, в начале XVII в. в городах служило примерно 7500 казаков (см.: *Епифанов П. П.* Войско и военная организация // *Очерки истории русской культуры XVII в.* Ч. I. С. 354).

⁴ Воеводы выстроили острог в устье Яика, но через некоторое время вынуждены были покинуть земли яицких вольных казаков (см.: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 284).

⁵ См.: *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVI—XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 41.

⁶ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 299; кн. 3, л. 80—80 об.

⁷ Там же, кн. 3, л. 98.

⁸ Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто с полным основанием сделали вывод о том, что в отдаленных от центра казачьих областях общественные отношения, будучи отношениями феодального типа, сохраняли в XVI—XVII вв. значительные особенности (см.: *Черепнин Л. В., Пашуто В. Т.* Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI—XVII вв.) // *Вопросы истории.* 1978. № 2. С. 42).

⁹ Наказ Б. Бельскому и С. Альферьеву (1599 г.) // *Багалея Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1889. С. 10.

¹⁰ Там же.

¹¹ Челобитная грамота донцов 1632 г. // *Карнов А. Б.* Уральцы. Уральск, 1911. С. 862.

¹² См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 410; *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 64; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 126—127; *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России... С. 40.

¹³ См.: *Скляр И. М.* О начальном этапе первой Крестьянской войны в России // *Вопросы истории.* 1960. № 6. С. 91.

¹⁴ РИБ. Т. XVIII. СПб., 1898. Стб. 248—249; ПСРЛ. Т. 14. С. 61. Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 216, 217.

¹⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 349.

¹⁶ *Маржарет Я.* Записки. С. 180.

¹⁷ Приказная справка 1620 г. // *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Т. I. С. 267; РИБ. Т. XVIII. Стб. 2—24.

¹⁸ См.: *Станиславский А. Л.* Первая Крестьянская война в России и правительственная политика по отношению к вольному казачеству // *Проблемы социально-экономической истории феодальной России.* М., 1984. С. 236; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. Отд. III. С. 316.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 3, л. 98; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. -8. С. 444; *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России... С. 89; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 206; Боярские списки... Ч. I. С. 89, 226.

²⁰ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 3, л. 338.

²¹ См. с. 110.

²² Челобитная грамота донцов 1632 г. // *Карнов А. Б.* Уральцы. С. 862.

²³ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. Отд. III. С. 444.

²⁴ ДАИ. Т. I. № 70, 80, 107; Акты Московского государства. Т. I. С. 36.

²⁵ См.: *Васенко П. Г.* Заметки к истории служилого класса в Московском государстве: Атаманы служилые-поместные // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 38—39; *Антилогов Г. Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI в. М., 1982. С. 122, 216—217, 220—224; Писцовые книги Рязанского края. Т. I. Вып. 1. Рязань, 1898. С. 175, 206—207, 229.

²⁶ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 77; *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 354; Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 201; ААЭ. Т. II. С. 174—175.

²⁷ РИБ. Т. XV. СПб., 1894. Стб. 12, 55; ПСРЛ. Т. 14. С. 37.

ГЛАВА 10 (с. 112—115)

¹ См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 95, 241—242.

² См.: *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 32—33.

³ См.: *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Т. I. С. 218.

⁴ См. там же. С. 217—222, 268.

⁵ См. там же. С. 270.

⁶ См. там же. С. 266; *Антилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 320.

⁷ См.: *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта... С. 269.

⁸ Там же. С. 266.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 267, 268.

¹¹ См. там же. С. 230—231, 266.

ГЛАВА 11 (с. 116—132)

¹ См.: *Кулиш П. А.* Материалы для истории воссоединения Руси. Ч. I. М., 1877. С. 26; *Грушевский М.* История украинского казачества. Т. 2. М., 1914. С. 16.

² *Sobeski W. Adam Wiszniewski // Skzice Historyczne.* S. 81 – 82.

³ Издатели письма Замойского, сохранившегося в черновике, ошибочно отнесли его к февралю — апрелю 1604 г. (Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. Прил. Стб. 8 —10).

⁴ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 63.

⁵ Письмо Я. Острожского от 2(12) января 1604 г. // Львовская историческая библиотека АН УССР, ф. библ. Оссолинских, 5998/111, копии А. Гиршберга, л. 47.

⁶ Разрядная книга 1598 — 1638 гг. С. 160.

⁷ См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 47.

⁸ В письме австрийского агента из Кракова от 3(13) января 1604 г. есть любопытное указание на то, что господин воевода, у которого ныне находился московский наследник, отправил последнего в Литву (к казакам на Украину? — *Р. С.*), а затем снова вернул к себе; что наследник должен скоро прибыть в Краков, чтобы просить короля о нескольких тысячах казаков (см.: *Щепкин Е. Н.* Краткие известия о Лжедмитрии I. Одесса, 1900. С. 4).

⁹ *Кулиш П. А.* Материалы... С. 24.

- ¹⁰ Письмо донских казаков Лжедмитрию от 15(25) ноября 1603 г. // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 413.
- ¹¹ Об изгнании С. Чертенского с Дона в 1617 г. см.: *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России в XVII—XVIII вв. и донское казачество. С. 68.
- ¹² РИБ. Т. XVIII. Стб. 26, 32.
- ¹³ Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 413.
- ¹⁴ Письмо Я. Острожского от 9(19) февраля 1604 г. // Львовская историческая библиотека АН УССР, ф. библ. Оссолинских, 5998/111, копии А. Гиршберга, л. 49; ср.: Русская старина. 1908. № 5. С. 442.
- ¹⁵ Львовская историческая библиотека АН УССР, ф. библ. Оссолинских, 5998/111, копии А. Гиршберга, л. 47, 49; ср.: Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 431; Русская старина. 1908. № 5. С. 442.
- ¹⁶ *Sobeski W.* Op. cit. S. 88; *Гиршберг А.* Дмитрий Самозванец. Львов, 1898. С. 35.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Floria B.* Dymitr Samozwaniec a magnateria polsko litewska // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce.* 1979. Т. XXIV. S. 92.
- ¹⁸ См.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. С. 193—198.
- ¹⁹ Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 5—10.
- ²⁰ См. там же. Стб. 2; *Floria B.* Op. cit. S. 92.
- ²¹ СГГД. Ч. II. М., 1819. С. 294; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 73—74.
- ²² Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 7—8.
- ²³ Сб. РИО. Т. 137. С. 264.
- ²⁴ СГГД. Ч. II. С. 294.
- ²⁵ Сб. РИО. Т. 137. С. 577.
- ²⁶ БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об. В опубликованном списке «Извета» текст осложнен интерполяцией. В перечень свидетелей вставлено «да Ивашко Шварь» (РИБ. Т. XIII. Стб. 24).
- ²⁷ Письма Ю. Мнишка Сигизмунду III от 14(24) мая и 19(29) июня 1603 г. // Львовская историческая библиотека АН УССР, ф. библ. Оссолинских, № 5998/111, копии А. Гиршберга. В первом письме Мнишек лживо уверял короля в том, что он собрал несколько тысяч золотых для оплаты казенного долга, но их украли.
- ²⁸ Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 2. В сентябре 1604 г. Я. Радзивилл писал, что Ю. Мнишку угрожает продажа его имений, обремененных долгами, а потому он поступает как тонуций, который хватается за что угодно (*Floria B.* Op. cit. S. 91).
- ²⁹ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 82—85.
- ³⁰ Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 6—8; *Пташицкий С. Л.* Деспоты Зеновичи // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 135; *Maciszewski J.* Polska a Moskwa. 1603 – 1618. Warszawa, 1968. S. 72 – 73; см. также: *Шамбинаго С.* Письма королю Сигизмунду III о самозванце // Русская старина. 1908. № 5. С. 439—450.
- ³¹ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 91.
- ³² Реляция Рангони 3(13) марта 1604 г. // *Pierling P.* Rome et Demetrius. Paris, 1878. S. 178.
- ³³ *Чилли А.* История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 17. С. 23—24.
- ³⁴ См.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. С. 196 — 197; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 443—444.
- ³⁵ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 98.
- ³⁶ Акты времени междуцарствия (1610—1613 гг.) / Под ред. С. К. Богоявленского, И. С. Рябинына. М., 1915. С. 188.
- ³⁷ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 101.
- ³⁸ Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 10—24, 16.
- ³⁹ СГГД. Ч. II. С. 166.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 444; *Чилли А.* История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 17—18. С. 25.

⁴² СГГД. Ч. II. С. 161 — 162.

⁴³ Портрет был найден в Дармштадте американским историком Ф. Бабуром (*Barbour P.L. Dumitry Called the Pretender Tsar. L., 1967*). См. так же: *Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* Американский историк о Лжедмитрии I // История СССР. 1969. № 2. С. 243—244.

⁴⁴ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 98; Хроника Пясецкого // Материалы для эпохи Смутного времени, извлеченные из разных авторов. Варшава, 1900. С. 5.

⁴⁵ Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 18—19.

⁴⁶ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 149.

⁴⁷ Там же. С. 151.

⁴⁸ *Floria B.* Op. cit. S. 88.

⁴⁹ Ibid. S. 92.

⁵⁰ Ibid. S. 98 — 99.

⁵¹ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. С. 47.

⁵² Реляция Рангони 8(18) сентября 1604 г. // *Pierling P.* Op. cit. S. 191.

⁵³ Львовская историческая библиотека АН УССР, ф. библ. Оссолинских, № 5998/111, копии А. Гиршберга, л. 78—79; СГГД. Ч. II. С. 168.

⁵⁴ Письмо из Чернигова от 1(11) ноября 1604 г. // Киевская старина. 1899. № 1. С. 11 — 12.

⁵⁵ *Борща С.* История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 365.

Ротмистр Борща сопровождал самозванца от Львова до Москвы. Среди записок о московском походе его записки являются самыми ранними и наиболее подробными. Борща завершил работу над своим сочинением к началу 1606 г. Он погиб 17 мая 1606 г. (Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859. С. 165, 248; РИБ. Т. I. Стб. 6402; СГГД. Ч. II. С. 262—263).

⁵⁶ *Борща С.* История Московская. Стб. 365—367; Записки Г. Паэрле // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. I. СПб., 1859. С. 156; Киевская старина. 1899. № 1. С. 13.

Точные данные о численности армии самозванца приведены в статье В. Д. Назарова «К истории начального периода первой Крестьянской войны в России» (Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 185).

⁵⁷ См.: *Кулиш П. А.* Материалы... С. 29.

⁵⁸ См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 238; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 95; ААЭ. Т. I. С. 452; Боярские списки... Ч. I. С. 242; ЦГАДА, ф. 1209, стб., 5987 (дело об измене Хрипуновых разыскано в архиве А. Л. Станиславским)!

⁵⁹ Письмо Л. Сапеги от 2(12) февраля 1604 г. // Библиотека Польской Академии наук в Кракове, ОР, № 354, л. 38. За указание на это письмо приношу благодарность Ю. А. Мыцьку.

⁶⁰ *Pierling P.* Op. cit. S. 201 — 202; РИБ. Т. XIII. Стб. 24.

⁶¹ РИБ. Т. XIII. Стб. 24.

⁶² Сб. РИО. Т. 137. С. 178. По московским данным, на обратном пути с Дона Свирский заехал к «литовским черкасам» на р. Орчик и участвовал в пытке московских людей, захваченных в сентябре 1604 г. (там же).

⁶³ СГГД. Ч. II. С. 173.

⁶⁴ Там же. Царские дипломаты уверяли, будто Хрущев ездил на Дон «для крымского дела», а не для противодействия самозванцу (Сб. РИО. Т. 137. С. 178; Акты времени междуцарствия. С. 177, 184).

⁶⁵ СГГД. Ч. II. С. 178, 177.

⁶⁶ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 71, 85; Путешествие сэра Томаса Смита. СПб., 1893. С. 50, 120; СГГД. Ч. II. С. 175.

⁶⁷ *Floria B.* Op. cit. S. 89 – 90; Письмо Ю. Мнишка — Я. Замойскому от 21 июня (1 июля) 1604 г. // Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 21—23; РИБ. Т. 1. Стб. 366.

⁶⁸ *Floria B.* Op. cit. S. 89.

⁶⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. IV. СПб., 1851. С. 248.

ГЛАВА 12 (с. 133—141)

¹ См.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. С. 200.

² См.: *Александренко В. Н.* Дополнения к материалам по Смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. 1914. Кн. 17. С. 92.

См.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 2. СПб., 1894. С. 67—68.

⁴ *Almqvist H.* Sverige och Russland. 1595 – 1611. S. 92. По словам И. Массы, Борис перед самой кончиной направил посла в Швецию, чтобы просить о военной помощи. По случаю смерти Бориса посол был возвращен в Москву из Новгорода (*Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 96).

⁵ См.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. С. 187 — 189.

⁶ См.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 2. С. 60—64; Сборник материалов по русской истории начала XVII в. / Сост. И. М. Болдаков. СПб., 1896. С. 2—45.

⁷ *Bramer W.* Die hansische Gesandtschaft nach Moskau. Hansische Geschichts-blatter Jahrgang 1889. Leipzig, 1891. S. 27 – 51.

⁸ См.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 2. С. 40.

⁹ См.: *Любименко И.* История торговых сношений России с Англией. Вып. 1. Юрьев, 1912. С. 124 — 126.

¹⁰ *Кордт В. А.* Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сб. РИО. Т. 116. СПб., 1902. С. XXIV—XXV; Т. 38. СПб., 1883. 8. 364—404; *Масса И.* Краткое известие... С. 58.

¹¹ Сб. РИО. Т. 38. С. 422—423; *Любименко И.* Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. // Известия АН СССР. Отд. обществ, наук. № 10. Л., 1933. С. 740.

¹² *Буссов К.* Московская хроника. С. 84.

¹³ Письмо Б. Годунова опубликовано В. Макушевым в собрании южнославянских памятников, извлеченных из архивов Италии, — «Гласнике Српского ученог друштва» (Кн. XIV. Београд, 1882. С. 253—255). См. также: *Голицын Н. В.* Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII в. // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. С. 33.

¹⁴ Письмо Т. Лонциуса Борису Годунову от 14(24) января 1601 г. // *Голицын Н. В.* Указ. соч. С. 23, 26.

¹⁵ Наказанная память Р. Бекману 24 октября 1600 г. // АИ. Т. 2. С. 33.

¹⁶ *Голицын Н. В.* Указ. соч. С. 25—26.

¹⁷ СГГД. Ч. II. С. 158.

¹⁸ Сб. РИО. Т. 38. С. 270—272, 313.

¹⁹ См.: *Любименко И.* История торговых сношений России с Англией. Вып. 1. С. 130; Сб. РИО. Т. 38. С. 310, 419, 431—435.

²⁰ *Буссов К.* Московская хроника. С. 84; *Цветаев Д.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 52—54; *Копанев А. И.* Исторический комментарий к Хронике Буссова // *Буссов К.* Московская хроника. С. 341.

²¹ См.: *Арсеньев А. В.* История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб., 1887; *Алексеев М. П.* Англия и англичане в памятниках русской

письменности XVI—XVII вв. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. истор. наук. 1947. Вып. 15; *Малин М.* Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской Академии наук) // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 3; *Савич Н. Г.* Изучение иностранных языков русскими в XVII в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. ст. М., 1982. С. 37—38.

²² *Рогов А. И.* Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. М., 1969. С. 258; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 263.

²³ Сб. РИО. Т. 38. С. 420, 424, 430; *Старина и новизна*. 1911. Кн. 14. С. 332—333.

²⁴ *Старина и новизна*. 1911. Кн. 14. С. 332—333, прим. 2.

²⁵ Сборник материалов по русской истории начала XVII в. С. 38; *Голицын Н. В.* Указ. соч. С. 4—5.

²⁶ *Буссов К.* Московская Хроника. С. 84; *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. С. 178.

²⁷ *Маржарет Я.* Записки. С. 40.

²⁸ *Донесение Д. Мерики* // *Старина и новизна*. 1911. Кн. 14. С. 328.

²⁹ *Буссов К.* Московская хроника. С. 85—86; *Маржарет Я.* Записки. С. 46.

³⁰ *Масса И.* Краткое известие... С. 54; ПСРЛ. Т. 14. С. 56—57.

³¹ Письмо Р. Барнса (1603 г.) // *Старина и новизна*. 1911. Кн. 14. С. 340.

³² *Буссов К.* Московская хроника. С. 56.

³³ Повесть 1626 г. // РИБ. Т. XIII. Стб. 708.

³⁴ См.: *Снегирев В.* Московские слободы. С. 209; *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI—XVII вв. Л., 1925. С. 35.

³⁵ *Буссов К.* Московская хроника. С. 86; *Масса И.* Краткое известие... С. 52. Д. Цветаев рассматривает известие К. Буссова как достоверное: немецкий хронист Буссов был тестем М. Бера, пастора кирхи на Кокуе (*Цветаев Д.* Указ. соч. С. 49, прим. 2).

³⁶ См.: *Рогов А. И.* Школа и просвещение. С. 149.

³⁷ Мастера из царских мастерских умели шить одежду по литовско-польскому «манеру». Царь Борис пожаловал одного иноземного посла «шубою дорогу на соболах, круживо широко жемчужно с камением, по-литовски зделано» (ПСРЛ. Т. 34. С. 203).

³⁸ Сказание Авраамия Палицына. С. 109.

³⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 202—203.

⁴⁰ Там же. С. 202; Записки С. Немоевского // *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. Вып. 6. С. 38, 40.

⁴¹ *Временник Ивана Тимофеева*. С. 240, 232; ПСРЛ. Т. 34. С. 202.

⁴² См.: *Косточкин В. В.* Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 44—71; ПСРЛ. Т. 14. С. 47, 54; Т. 32. С. 198; Известия русского генеалогического общества. Вып. 2. СПб., 1903. Отд. II. С. 28—29.

⁴³ ПСРЛ. Т. 32. С. 203; см.: *Рогов А. И.* Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. С. 157—158.

⁴⁴ Повесть 1626 г. // РИБ. Т. XIII. Стб. 708; Путешествие сэра Еремея Горсея // ЧОИДР. 1877. Кн. 1. Отд. IV. С. 101—102.

⁴⁵ Сборник материалов по русской истории начала XVII в. С. 34.

⁴⁶ *Гюльденстерн А.* Путешествие герцога Ганса // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. Отд. 2. С. 60.

⁴⁷ *Временник Ивана Тимофеева*. С. 63.

⁴⁸ Повесть 1626 г. // РИБ. Т. XIII. Стб. 708.

⁴⁹ Путешествие сэра Еремея Горсея. С. 102; Путешествие сэра Томаса Смита. С. 58; *Масса И.* Краткое известие... С. 98.

⁵⁰ *Временник Ивана Тимофеева*. С. 56; *Масса И.* Краткое известие... С. 98.

- ¹ Разрядная книга 1598 — 1638 гг. С. 160.
- ² Там же. С. 156 — 157, 162—163.
- ³ Там же. С. 163; СГГД, Ч. II. С. 176.
- ⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 61; СГГД, Ч. II. С. 177; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 123; Сб. РИО. Т. 137. С. 178—181.
- ⁵ СГГД, Ч. II. С. 174; Киевская старина. 1899. № 1. С. 12.
- ⁶ АИ. Т. 1. С. 271.
- ⁷ Сб. РИО. Т. 137. С. 414.
- ⁸ Сказание Авраамия Палицына. С. 108, 110.
- ⁹ Сб. РИО. Т. 137. С. 243; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 243.
- ¹⁰ Сб. РИО. Т. 137. С. 260.
- ¹¹ [*Поссевино А.*] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 15; Московская трагедия, или Рассказ о жизни и смерти Дмитрия (1608 г.) / Пер. А. Браудо. СПб., 1901. С. 22; Киевская старина. 1899. № 1. С. 11; *Борща С.* История Московская // РИБ. Т. 1. Стб. 367.
- ¹² Поденная записка похода Лжедмитрия I // Львовская историческая библиотека АН УССР, ф. библиот. Оссолинских, № 5998/111, копии А. Гиршберга, л. 78 об. — 79; СГГД, Ч. II. С. 169.
- ¹³ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 159.
- ¹⁴ Записки Г. Паэрле // Сказания современников о Дмитрие Самозванце / Сост. Н. Устрялов. Т. 1. СПб., 1859. С. 156—157.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 61—62; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 191; РИБ. Т. XIII. Стб. 724; Письмо из Чернигова от 1 (11) ноября 1604 г. // Киевская старина. 1899. № 1. С. 11.
- ¹⁶ *Борща С.* История Московская. Стб. 369—370.
- ¹⁷ Киевская старина. 1899. № 1. С. 13.
- ¹⁸ Акты Московского государства. Т. I. С. 66—67.
- ¹⁹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 2; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 111 — 112.
- ²⁰ По-видимому, составитель позднего списка Разрядной книги объединил разнородные записи о сборе ратных людей в Новгороде Северском.
- ²¹ Акты Московского государства. Т. I. С. 66, 74; Разрядная книга 1598 — 1638 гг. С. 145 — 146, 164, 166.
- ²² В. Д. Назаров отвергает Разряд о посылке «даточных людей» из Комарицкой волости как целиком недостоверный. Он указывает на то, что Басманов прибыл к Чернигову 2—3 ноября 1604 г., затратив на дорогу из Москвы всего 7—8 дней. «Даточных людей» комаричей, полагает В. Д. Назаров, нельзя было собрать за столь короткий срок (см.: *Назаров В. Д.* К истории начального периода первой Крестьянской войны в России // Генезис и развитие феодализма в России. С. 192, прим. 24). Однако надо иметь в виду, что Комарицкая волость располагалась рядом с Новгородом Северским и комаричам, чтобы добраться до крепости, требовалось гораздо меньше времени, чем московским стрельцам.
- ²³ Записки Г. Паэрле. С. 158 — 159; Поденная записка похода Лжедмитрия I, л. 79.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 206; *Борща С.* История Московская. Стб. 372; Поденная записка похода Лжедмитрия I, л. 79.
- ²⁵ *Петрей П.* Реляция о России начала XVII в. С. 87; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 83; Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 178.
- ²⁶ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 2.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 14. С. 62; РИБ. Т. XIII. Стб. 724, 571.

²⁸ Письмо из лагеря под Новгородом Северским от 22 ноября (2 декабря) 1604 г. // Архив главный Древних актов (Варшава), ф. Замойских, № 3036, л. 29—30; Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859. С. 181.

²⁹ См.: Эрнст Н. А. Путивль и его посад в первой половине XVII в. // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете св. Владимира. Киев, 1914. С. 75; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 412—413.

³⁰ Поденная записка похода Лжедмитрия I, л. 79—79 об.

³¹ Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 172; ПСРЛ. Т. 14. С. 62.

³² Скляр И. М. О начальном этапе первой Крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 96.

³³ Приходная книга Новодевичьего монастыря 7112 г. // Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 276, оп. 1, № 185, л. 154.

³⁴ Поденная записка похода Лжедмитрия I, л. 79 об.

³⁵ См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 114—117; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 198—199; Масса И. Краткое известие... С. 81; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 324.

³⁶ Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 32, 146; Боярские списки... Ч. I. С. 245.

³⁷ Боярские списки... Ч. I. С. 233; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 71, 115, 192.

³⁸ В 1606 г. после поражения Болотникова у стен Москвы царь Василий послал грамоты с призывом сложить оружие к крестьянам как Комарицкой, так и Сомовской волости (см.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 281).

³⁹ Поденная записка похода Лжедмитрия I, л. 79 об.; Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 149, 173; Боярские списки... Ч. II. С. ?6.

⁴⁰ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 238.

⁴¹ Там же. С. 232.

⁴² Там же.

⁴³ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 246; Борша С. История Московская. Стб. 371; Записки Г. Паэрле. С. 157; Поденная записка похода Лжедмитрия I, л. 79 об.

⁴⁴ Борша С. История Московская. Стб. 376; Записки Г. Паэрле. С. 170; РИБ. Т. XIII. Стб. 29.

⁴⁵ Записки Г. Паэрле. С. 160; Поденная записка похода Лжедмитрия I, л. 79 об.

⁴⁶ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 2, 192, 238; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 194; Боярские списки... Ч. II. С. 19—24.

⁴⁷ После битвы 21 декабря 1604 г. против имени Я. О. Лодыженского в росписи появилась помета «убит» (Боярские списки... Ч. II. С. 22).

⁴⁸ Боярские списки... Ч. II. С. 44.

⁴⁹ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 192, 193, 1; Буссов К. Московская хроника. С. 101.

⁵⁰ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 1—2, 192—193.

⁵¹ См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 249.

⁵² См.: Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Вступит, ст. // Боярские списки... Ч. I. С. 74—76; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 195—196.

⁵³ Боярские списки... Ч. II. С. 4, 10, 11, 14; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 195, 197.

⁵⁴ Боярские списки... Ч. II. С. 3—95; Маржарет Я. Записки. С. 191—192.

⁵⁵ Гиришберг А. Дмитрий Самозванец. С. 75. А. Гиришберг принял как достоверные сведения о прибытии 13 тыс. казаков в Чернигов.

- ⁵⁶ *Борша С.* История Московская. Стб. 378—380; Записки Г. Паэрле. С. 162; *Маржарет Я.* Записки. С. 191 — 192; *Масса И.* Краткое известие... С. 84—85; РИБ. Т. XIII. Стб. 29; Поденная записка похода Лжедмитрия I, л. 80.
- ⁵⁷ *Борша С.* История Московская. Стб. 380; *Маржарет Я.* Записки. С. 191; Боярские списки... Ч. II. С. 4, 10, 11, 14.
- ⁵⁸ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 166; *Борша С.* История Московская. Стб. 382—383.
- ⁵⁹ Поденная записка похода Лжедмитрия I, л. 80.
- ⁶⁰ РИБ. Т. I. Стб. 101; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. XI, прим. 276.
- ⁶¹ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 167.
- ⁶² *Маржарет Я.* Записки. С. 192, 193; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 2, 238.
- ⁶³ ААЭ. Т. II. С. 77.
- ⁶⁴ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 197; ПСРЛ. Т. 14. С. 62.
- ⁶⁵ *Борша С.* История Московская. Стб. 385; Записки Г. Паэрле. С. 163.
- ⁶⁶ *Маржарет Я.* Записки. С. 192.
- ⁶⁷ *Борша С.* История Московская. Стб. 387—388; Записки Г. Паэрле. С. 165.
- ⁶⁸ Цит. по: *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 169 — 170.
- ⁶⁹ *Маржарет Я.* Записки. С. 193; *Борша С.* История Московская. Стб. 387; и Г. Паэрле. С. 165.
- ⁷⁰ *Борша С.* История Московская. Стб. 388.
- ⁷¹ Записки Г. Паэрле. С. 165; *Маржарет Я.* Записки. С. 193; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 238.
- ⁷² Записки Г. Паэрле. С. 166; Сказание о Гришке Отрепьеве // РИБ. Т. XIII. Стб. 726.
- ⁷³ *Буссов К.* Московская хроника. С. 102.
- ⁷⁴ *Масса И.* Краткое известие... С. 81—82; Боярские списки... Ч. II. С. 32.
- ⁷⁵ РИБ. Т. XIII. Стб. 34. Автор Хронографа переработал текст «Иного сказания», снабдив его впечатляющими подробностями. Однако его рассказ носит риторический характер. Наименование мужиков комаричей «честными мужами» не оставляет сомнения в том, что автор Хронографа следовал не столько рассказам очевидцев, сколько привычным летописным штампам (*Попов А. Н.* Изборник... С. 265 — 266).
- ⁷⁶ См.: *Зимин А. А.* Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 113.
- ⁷⁷ См.: *Смирнов И. И.* О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 117.

ГЛАВА 14 (с. 163—171)

- ¹ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 171.
- ² *Чилли А.* История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб, 1841. Ч. 17. Гл. 3. С. 27.
- ³ ПСРЛ. Т. 14. С. 62; Письмо Чижевского и Лавицкого от 26 февраля (8 марта) 1605 г. // *Pierling P.* Rome et Demetrius. S. 203; *Маржарет Я.* Записки. С. 193; *Борша С.* История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 392.
- ⁴ *Pierling P.* Op. cit. S. 203; Записки Г. Паэрле. С. 167.
- ⁵ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 3.
- ⁶ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 255; Акты Московского государства. Т. I. С. 76.
- ⁷ Боярские списки... Ч. II. С. 19—24.
- ⁸ ПСРЛ. Т. 14. С. 63; *Буссов К.* Московская хроника. С. 102; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 91.

⁹ *Pierling P.* Op. cit. S. 203; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 199, 238.

¹⁰ См.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 420, 422; *Загоровский В. П.* Белгородская черта. С. 22—24, 33; *Александров В. А.* Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI—XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 162—163; *Он же.* Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 237—241.

¹¹ См.: *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 320.

¹² См. там же. С. 369, 371.

¹³ РИБ. Т. I. Стб. 393.

¹⁴ Книги Разрядные. Т. I. СПб., 1853. С. 1236—1238.

¹⁵ См.: *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 343.

¹⁶ Записки ОР ГБЛ им. В. И. Ленина. Вып. 20. М., 1958. С. 183—184.

¹⁷ *Pierling P.* Op. cit. S. 204.

¹⁸ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 5.

¹⁹ Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 169—171.

²⁰ См.: *Назаров В. Д.* К истории начального периода первой Крестьянской войны в России // Генезис и развитие феодализма в России. С. 199.

²¹ Боярские списки... Ч. II. С. 33, 34, 51; *Борша С.* История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 393.

²² *Pierling P.* Op. cit. S. 205.

²³ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 5; Боярские списки... Ч. II. С. 11; Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 169.

²⁴ Приложение к родословной книге рода Хитрово. СПб., 1867. С. 4, 361—362, 393.

²⁵ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 4.

²⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 63.

²⁷ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 2.

²⁸ *Буссов К.* Московская хроника. С. 104; РИБ. Т. XIII. Стб. 36; *Масса И.* Краткое известие... С. 91.

²⁹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 238; *Буссов К.* Московская хроника. С. 104.

³⁰ *Масса И.* Краткое известие... С. 94.

³¹ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. Прил. С. 56—60, 68, 70; ГПБ, ОР, ф. 885, Эрмитажное собр. № 343, л. 1 об., 15, 22.

³² ПСРЛ. Т. 14. С. 63; *Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 199.

ГЛАВА 15 (с. 172—180)

¹ *Чилли А.* История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 17. С. 27; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 172—173.

² Иное сказание // РИБ. Т. XIII. Стб. 35—36.

³ Там же.

⁴ Старший сын Ю. А. Беззубцева Дмитрий имел низший поместный оклад — 30 четвертей пашни. Поместье С. Булгакова, по-видимому, тоже было невелико. Он держал на оброке вместе с другим сыном боярским и путивльским пушкарем 6 четвертей пашни (см.: *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 165—166, 295).

⁵ См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. С. 57—59; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 190; *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 228.

- ⁶ Сб. РИО. Т. 137. С. 585.
- ⁷ *Гиришберг А.* Дмитрий Самозванец. С. 87—88.
- ⁸ Библиотека Вроцлавского университета (Оссолинеум), ф. библ. Оссолинских, № 2284, л. 149.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ РИБ. Т. I. Стб. 134, 188.
- ¹¹ Там же. Стб. 16—17.
- ¹² *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 132; *Maciszewski J.* Polska a Moskwa. 1603—1618. S. 71.
- ¹³ РИБ. Т. I. Стб. 39; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 136.
- ¹⁴ *Борша С.* История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 390; Записки Г. Паэрле. С. 169.
- ¹⁵ ААЭ. Т. II. С. 76; ср.: РИБ. Т. XIII. Стб. 28.
- ¹⁶ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 177—178.
- ¹⁷ Письмо Лжедмитрия к Рангони 8 (18) января 1605 г. // *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 168, 175.
- ¹⁸ *Pierling P.* Rome et Demetrius. S. 205.
- ¹⁹ Записки Г. Паэрле. С. 169.
- ²⁰ [*Поссевино А.*] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 18; *Руглмель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887. С. 6)4.
- ²¹ Письмо Чижевского и Лавицкого от 26 февраля (8 марта) 1605 г. // *Pierling P.* Op. cit. S. 205.
- ²² Сб. РИО. Т. 137. С. 580; Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. I. С. 333.
- ²³ *Маржарет Я.* Записки. С. 210.
- ²⁴ РИБ. Т. XIII. Стб. 48.
- ²⁵ По некоторым данным, Леонид был постриженником Крипацкого монастыря (РИБ. Т. XIII. Стб. 155—156, 797).
- ²⁶ Письмо Чижевского и Лавицкого от 7 (17) марта 1605 г. // *Pierling P.* Op. cit. S. 205.
- ²⁷ Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 455 об., 456; Боярские списки... Ч. I. С. 110; Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 153; Книга записная. Томск, 1973. С. 8.
- ²⁸ *Буссов К.* Московская хроника. С. 108.
- ²⁹ Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 97, 120, 178; СГГД. Ч. II. С. 209.
- ³⁰ СГГД. Ч. II. С. 209.
- ³¹ БАН, ОР, 32.15.16, л. 108; Боярские списки... Ч. I. С. 159, 203; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 84, 204.
- ³² Под Новгородом Северским к «вору» перебежали дети боярские алексинцы И. Арцыбашев и М. Челюсткин (см.: Исторический архив. Т. VI. М.; Л., 1951. С. 97).
- ³³ ААЭ. Т. II. С. 76, 89; ср.: РИБ. Т. XIII. Стб. 27.
- ³⁴ *Гиришберг А.* Дмитрий Самозванец. С. 87—88.

ГЛАВА 16 (с. 181 — 184)

- ¹ *Маржарет Я.* Записки. С. 41; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 66.
- ² Biblioteka Warszawska. 1896. Т. III. S. 425 – 426.
- ³ *Масса И.* Краткое известие... С. 79; *Маржарет Я.* Записки. С. 61—62.
- ⁴ Временник Ивана Тимофеева. С. 84.
- ⁵ *Масса И.* Краткое известие... С. 99.
- ⁶ Там же. С. 94.
- ⁷ Там же. С. 79.

- ⁸ *Горсей Д.* Записки о Московии XVI в. С. 102; Biblioteka Warszawska. 1896. Т. III. S. 425—426.
- ⁹ *Буссов К.* Московская хроника. С. 100.
- ¹⁰ *Масса И.* Краткое известие... С. 82—83; ЦГАДА, ф. 210, Приказной стол, стб. 564, л. 157.
- ¹¹ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 63.
- ¹² Там же. С. 37, 60.
- ¹³ *Масса И.* Краткое известие... С. 82, 94. Рассказ Массы о том, что Борис велел привезти в Москву Марию Нагую и тайно допрашивал ее, едва ли заслуживает доверия. Вдова Грозного была слишком значительной личностью, чтобы ее появление во дворце могло остаться тайной для всех прочих современников.
- ¹⁴ *Буссов К.* Московская хроника. С. 86; *Масса И.* Краткое известие... С. 82.
- ¹⁵ РИБ. Т. XIII. С. 39; *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 228; *Буссов К.* Московская хроника. С. 104; *Масса И.* Краткое известие... С. 97.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 63; Т. 34. С. 205; *Попов А. Н.* Изборник... С. 290.
- ¹⁷ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 56.
- ¹⁸ *Маржарет Я.* Записки. С. 193; Повесть 1626 г. // РИБ. Т. XIII. Стб. 574.

ГЛАВА 17 (с. 185—201)

- ¹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 199.
- ² Грамота ростовского митрополита 29 апреля 1605 г. // ААЭ. Т. II. С. 87.
- ³ Там же. С. 77, 79, 81; Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. С. 185.
- ⁴ СГГД. Ч. II. С. 189.
- ⁵ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 97; ПСРЛ. Т. 14. С. 64; Т. 34. С. 241; *Временник Ивана Тимофеева.* С. 85.
- ⁶ Грамота царицы Марии и царя Федора 1 мая 1605 г. // СГГД. Ч. II. С. 187—188.
- ⁷ *Масса И.* Краткое известие... С. 97; Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. С. 316.
- ⁸ СГГД. Ч. II. С. 191 — 193.
- ⁹ Там же. С. 192.
- ¹⁰ Иное сказание // РИБ. Т. XIII. Стб. 39; *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 415; *Масса И.* Краткое известие... С. 97; *Буссов К.* Московская хроника. С. 104.
- ¹¹ *Масса И.* Краткое известие... С. 99.
- ¹² *Буссов К.* Московская хроника. С. 104; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 199.
- ¹³ *Масса И.* Краткое известие... С. 99—100.
- ¹⁴ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 200.
- ¹⁵ Разрядная книга 1375—1605 гг., л. 932 об. — 933; ГБЛ, ОР, собр. Горского, д. 16, л. 580.
- ¹⁶ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 68; *Попов А. Н.* Изборник... С. 234; *Буссов К.* Московская хроника. С. 101.
- ¹⁷ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 42—43; *Масса И.* Краткое известие... С. 95.
- ¹⁸ РИБ. Т. XIII. Стб. 40; ПСРЛ. Т. 34. С. 206.
- ¹⁹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 245, 246, 115; «Казанское сказание» // *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 208.
- ²⁰ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 200.
- ²¹ Там же. С. 200, 116.
- ²² См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 259; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 62.

²³ ПСРЛ. Т. 14. С. 64; Иное сказание // РИБ. Т. XIII. Стб. 41. Поздние летописцы не могли забыть о последующих предательствах М. Г. Салтыкова.

²⁴ *Маржарет Я.* Записки. С. 195; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 200; *Петрей П.* Реляция о России начала XVII в. С. 91.

²⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 349—350; Боярские списки... Ч. I. С. 162; *Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л.* Документы первой Крестьянской войны в России // Советские архивы. 1982. № 1. С. 36.

²⁶ *Буссов К.* Московская хроника. С. 103.

²⁷ Русский исторический сборник. Т. II. М., 1838. С. 268; *Кобеко Д.* Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени // Известия русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 5—6.

²⁸ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 203.

²⁹ Боярские списки... Ч. I. С. 208; Писцовые книги Рязанского края XVI в. Т. I. Вып. 1. Рязань, 1898. С. 242; см. также: *Шватченко О. А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е годы XVI — 20—30 годы XVII в. // Проблемы истории СССР. С. 352—353.

³⁰ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 203; Боярские списки... Ч. II. С. 4.

³¹ *Floria B.* Dymitr Samozwaniec a magnateria polsko litewska // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 1979. Т. XXIV. S. 85.

³² *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 200.

Приведенное свидетельство находит аналогию в одном любопытном донесении герцогу Тосканы из Нюрнберга от 16(26) сентября 1605 г. Согласно донесению, Лжедмитрий I обещал русским, что он не будет награждать поддерживавших его поляков недвижимостью и важными государственными постами в России (*Калачов Н.* Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. СПб., 1860. С. 50).

³³ Письмо Лжедмитрия I Мнишку от 1(10) мая 1605 г. // *Niemcewicz V.* Dzieje Panowania Zygmuta III. Т. II. Wroclaw, 1836: S. 529; ср.: *Попов А. Н.* Изборник... С. 328.

³⁴ *Масса И.* Краткое известие... С. 100.

³⁵ *Буссов К.* Московская хроника. С. 128.

³⁶ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 200.

³⁷ ПСРЛ. Т. 14. С. 63.

³⁸ Сб. РИО. Т. 137. С. 586.

³⁹ *Масса И.* Краткое известие... С. 90.

⁴⁰ Сб. РИО. Т. 137. С. 521.

⁴¹ *Борша С.* История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 393; Записки Г. Паэрле. С. 169.

⁴² Сб. РИО. Т. 137. С. 584, 585.

⁴³ [*Поссевино А.*] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 21—22; Записки Г. Паэрле. С. 170; Письмо Я. Запорского Ю. Мнишку (май 1605 г.) // Библиотека Вроцлавского университета (Оссолинеум), ф. библ. Оссолинских, № 2284, л. 155.

⁴⁴ *Гириберг А.* Дмитрий Самозванец. С. 114; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 195; Письмо Я. Запорского Ю. Мнишку (май 1605 г.), л. 155; ср.: *Борша С.* История Московская. Стб. 395.

⁴⁵ *Попов А. Н.* Изборник... С. 328.

⁴⁶ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 225; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 200—201.

⁴⁷ *Масса И.* Краткое известие... С. 101.

⁴⁸ Боярские списки... Ч. II. С. 53.

⁴⁹ Там же. С. 61, 88; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 203.

⁵⁰ Повесть 1626 г. // РИБ. Т. XIII. Стб. 576; Иное сказание // РИБ. Т. XIII. Стб. 42; Боярские списки... Ч. I. С. 197.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 64.

- ⁵² Боярские списки... Ч. II. С. 27; РИБ. Т. XIII. Стб. 40.
- ⁵³ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 29; Боярские списки... Ч. II. С. 69; *Масса И.* Краткое известие... С. 103.
- ⁵⁴ *Масса И.* Краткое известие... С. 101—103; *Петрей П.* Реляция о России начала XVII в. С. 91.
- ⁵⁵ *Масса И.* Краткое известие... С. 103; Записки Г. Паэрле. С. 171.
- ⁵⁶ Иное сказание // РИБ. Т. XIII. Стб. 41.
- ⁶⁷ *Петрей П.* Реляция о России начала XVII в. С. 90.
- ⁵⁸ Там же. С. 90—91; Иное сказание // РИБ. Т. XIII. Стб. 44.
- ⁵⁹ *Попов А. Н.* Изборник... С. 238; Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 242; Повесть 1626 г. // РИБ. Т. XIII. Стб. 576.
- ⁶⁰ *Масса И.* Краткое известие... С. 102.
- ⁶¹ Письмо Лжедмитрия I Ю. Мнишку от 14 (24) мая 1605 г. // СГГД. Ч. II. С. 197.
- ⁶² *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 238—239, 133.

ГЛАВА 18 (с. 202—205)

- ¹ *Борша С.* История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 396—397.
- ² *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 103.
- ³ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 225; Письмо Лжедмитрия I Ю. Мнишку от 4 (14) мая 1605 г. // СГГД. Ч. II. С. 196.
- ⁴ Письмо Лжедмитрия I Ю. Мнишку от 4 (14) мая 1605 г. // СГГД. Ч. II. С. 196—197; см. также: *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 197—198.
- ⁵ *Масса И.* Краткое известие... С. 103; *Маржарет Я.* Записки. С. 196.
- ⁶ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 226.
- ⁷ *Масса И.* Краткое известие... С. 102; *Борша С.* История Московская. Стб. 396; ср.: *Маржарет Я.* Записки. С. 196.
- ⁸ *Гиришберг А.* Дмитрий Самозванец. С. 115; *Борша С.* История Московская. Стб. 394; *Маржарет Я.* Записки. С. 196.
- По словам И. Массы, при самозванце находились большая часть поляков и казаков и некоторые русские, которым он доверял (*Масса И.* Краткое известие... С. 104).
- ⁹ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 226.
- ¹⁰ Сб. РИО. Т. 137. С. 587.
- ¹¹ «Отступники» ожидали прибытия Отрепьева в Орле (*Петрей П.* Реляция о России начала XVII в. С. 91).
- ¹² *Гиришберг А.* Дмитрий Самозванец. С. 114.
- ¹³ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 226.
- ¹⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 342; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 203, 199, 133.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 64; Счетные дела // Временник МОИДР. Кн. 14. М., 1852. С. 64.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 64.
- ¹⁷ [*Поссевино А.*] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 24.
- ¹⁸ *Гиришберг А.* Дмитрий Самозванец. С. 166.
- ¹⁹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 72; Сказание о Гришке Отрепьеве // РИБ. Т. XIII. Стб. 729.
- ²⁰ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 28, 5; ПСРЛ. Т. 14. С. 64; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 111.
- ²¹ ААЭ. Т. II. С. 90.
- ²² *Масса И.* Краткое известие... С. 109; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 202; Счетные дела // Временник МОИДР. Кн. 14. С. 64.
- ²³ *Масса И.* Краткое известие... С. 104.

ГЛАВА 19 (с. 206—214)

¹ См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 85—86; *Корецкий В. И.* Голод 1601—1603 гг. в России и церковь // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 7. М., 1959. С. 237—239.

² См.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 219—220.

³ См.: *Маковский Д. П.* Первая Крестьянская война в России. Смоленск, 1967. С. 291; *Назаров В. Д.* Классовая борьба горожан и правительство Бориса Годунова // Города феодальной России. М., 1966. С. 217; *Кулакова И. П.* Восстание в Москве 1605 г. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1985. № 4. С. 16—17.

⁴ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 104—105

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Там же. С. 106; ПСРЛ. Т. 14. С. 65; Т. 34. С. 206.

⁷ *Маржарет Я.* Записки. С. 196.

⁸ *Буссов К.* Московская хроника. С. 105.

⁹ Там же; ПСРЛ. Т. 34. С. 206, 242.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 64—65.

¹¹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 5.

¹² ПСРЛ. Т. 14. С. 65; Т. 34. С. 206, 242; *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 328; *Масса И.* Краткое известие... С. 106.

¹³ ААЭ. Т. II. С. 90—91.

¹⁴ *Попов А. Н.* Изборник... С. 328.

¹⁵ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 76; ПСРЛ. Т. 14. С. 65

¹⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 65.

¹⁷ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. I. Вып. 1. С. 227.

¹⁸ *Буссов К.* Московская хроника. С. 106.

¹⁹ Один Петр Петрей отметил, что народ, получив воззвание «Дмитрия», обратился с вопросом: что случилось с угличским царевичем? Шуйский будто бы сказал, что Дмитрий избежал козней Бориса и ждет своего часа (*Петрей П.* Реляция о России начала XVII в. С. 91—92). Свидетельство Петрея лишено конкретности. Как видно, он не был очевидцем события и записал слухи, лишенные достоверности.

²⁰ *Маржарет Я.* Записки. С. 196.

²¹ *Буссов К.* Московская хроника. С. 109.

²² См.: *Болдаков И. М.* Вступит, ст. // Путешествие сэра Томаса Смита. С. XI—XIII.

²³ Там же. С. 50.

²⁴ *Буссов К.* Московская хроника. С. 105.

²⁵ Письмо А. Лавицкого от И (21) сентября 1605 г. // Старина и новизна 1911. Кн. 14. С. 533.

²⁶ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 50.

²⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 206.

²⁸ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 227

²⁹ ПСРЛ. Т. 14. С. 65; Т. 34. С. 206.

³⁰ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 81.

³¹ *Масса И.* Краткое известие... С. 107; Соборная грамота Иова 1607 г. // ААЭ. Т. II. С. 154; ПСРЛ. Т. 14. С. 66.

³² Число дворов, принадлежавших на Москве Сабуровым и Вельяминовым, не превышало четырех десятков. Между тем имеются сведения, что от переворота в столице пострадало от 70 до 120 домов родни и сторонников Годуновых (см.: *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 201; *Гиришберг А.* Дмитрий Самозванец. С. 123—124, прим. 3;

[Поссевино А.] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 25.

³³ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 271.

Уцелевшие после опал самозванца Годуновы подтвердили в своих челобитных тот факт, что в 1605 г. дворы их «на Москве и животы миром разграбили» (*Ко-рецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л.* Документы первой Крестьянской войны // Советские архивы. 1982. № 1. С. 36).

³⁴ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 80—82; ср.: *Масса И.* Краткое известие... С. 107—108.

³⁵ *Попов А. Н.* Изборник... С. 329; *Масса И.* Краткое известие... С. 107; Путешествие сэра Томаса Смита. С. 81.

³⁶ *Масса И.* Краткое известие... С. 108.

³⁷ Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 9. СПб., 1893. С. 57.

ГЛАВА 20 (с. 215—222)

¹ См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 248—249; *Он же.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени. Изд. 2. СПб., 1888. С. 64.

² См.: *Кушева Е. Н.* Из истории публицистики Смутного времени // Учен. зап. Саратовск. гос. ун-та. 1926. Т. V. Вып. 2. С. 63.

³ См.: *Скляр И. М.* О начальном этапе первой Крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 94.

⁴ *Назаров В. Д.* О некоторых особенностях крестьянской войны начала XVII в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 120, 123.

⁵ *Грушевский М. С.* История украинского казачества. Т. 1. СПб., 1913. С. 246.

⁶ См.: *Папуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 184; *Мыцык Ю. А.* Новые данные о черноморских походах запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства в конце XVI — первой половине XVII в.: На материалах архивохранилищ ПНР // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1986. С. 128—129.

⁷ Письмо Бориса Годунова (1604 г.) // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 291—292.

⁸ *Грушевский М. С.* История украинского казачества. Т. 2. СПб., 1914. С. 7, 10, 13, 17; *Борша С.* История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 367.

⁹ Киевская старина. 1899. № 1. С. И, 12.

¹⁰ Там же.

¹¹ Львовская историческая библиотека АН УССР, ф. библ. Оссолинских, 5998/111, копии А. Гиршберга, л. 80; *Борша С.* История Московская. Стб. 383; Записки Г. Паэрле. С. 162—163.

¹² Письмо Я. Вислоуха из Москвы 14 (24) июля 1605 г. // Библиотека Вроцлавского университета (Оссолинеум), ф. библ. Оссолинских, № 2284, л. 155.

¹³ ПСРЛ. Т. 14. С. 65.

Столь же осторожным был С. Чертенский в своих взаимоотношениях с тушинским «вором». Он ждал, когда Лжедмитрий II займет Москву, а до того прислал к нему на помощь 500 казаков «своей станицы»; сам же предпочитал оставаться на Дону (Сказание Авраамия Палицына. С. 149).

¹⁴ Челобитная грамота донских казаков 1632 г. // *Карнов А. Б.* Уральцы. С. 861.

¹⁵ Книга расходная денег московской езды игумена Антония 1605 г. // ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, Соловецк. мон., № 10, л. 2об.—3.

¹⁶ РИБ. Т. XVIII. Стб. 36—41.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 210, Приказной стол, стб. 2514, л. 73. Этот факт впервые установлен А. Л. Станиславским.

¹⁸ Вкладные книги Кирилло-Белозерского монастыря // ГПБ, ОР, Кир. / Бел., № 78/1317, л. 301; Архив ЛОИИ АН СССР, к. 115, л. 474.

¹⁹ Письмо Я. Острожского от 29 января (8 февраля) 1604 г. // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 430; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 154.

²⁰ Согласно именным спискам на 1614 г., в центре войска Донского — Раздорах — находились 7 атаманов и при них 1888 донских казаков. В это число, однако, не входили казаки из дальних городков с верховьев Дона (РИБ. Т. XVIII. Стб. 26).

²¹ *Буссов К.* Московская хроника. С. 102, 104.

²² *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 238.

По словам очевидцев, в Путивле не раз случались смятения, вызванные ложными слухами о падении Кром. Женщины — очевидно, жены путивльских казаков из отряда Беззубцева — «оплакивали мужей и сыновей» и набрасывались с упреками на поляков (*Борша С.* История Московская. Стб. 393).

²³ Записки Г. Паэрле. С. 166; Письмо Я. Вислоуха из Москвы от 14 (24) июля 1605 г., а также письмо Я. Запорского Ю. Мнишку (май 1605 г.) // Библиотека Вроцлавского университета (Оссолинеум), ф. библ. Оссолинских, № 2284, л. 155, 151 — 152.

²⁴ Сб. РИО. Т. 137. С. 352—353.

²⁵ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 189; *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 513; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 109.

²⁶ ААЭ. Т. II. С. 174—175.

²⁷ См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 222.

²⁸ Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 3. Вып. 2. Л., 1965. С. 147—148. Автор выражает благодарность А. Л. Станиславскому за указание этого источника.

²⁹ См.: *Карнов А. Б.* Уральцы. С. 90—92.

ГЛАВА 21 (с. 223—248)

¹ *Буссов К.* Московская хроника. С. 106.

² *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 108.

³ *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 328.

⁴ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 82—83.

⁵ *Гиришберг А.* Дмитрий Самозванец. С. 116.

⁶ Там же. С. 115; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. С. 202—203.

⁷ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 187.

⁸ *Масса И.* Краткое известие... С. 108.

⁹ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 227—228; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 204.

¹⁰ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 201; *Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л.* Документы первой Крестьянской войны // Советские архивы. 1982. № 1. С. 36.

¹¹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 203.

¹² ПСРЛ. Т. 14. С. 65.

¹³ Там же.

¹⁴ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 203.

¹⁵ *Попов А. Н.* Изборник... С. 329.

¹⁶ *Борша С.* История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 397; *Казанское сказание // Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. С. 208.

¹⁷ *Чилли А.* История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1842. Т. 3. Кн. 6. С. 52.

- ¹⁸ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 92—95.
- ¹⁹ Грамота Лжедмитрия I на Пелым 11 июня 1605 г. // СГГД. Ч. II. С. 200.
- ²⁰ См.: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 126—127.
- ²¹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 6.
- ²² СГГД. Ч. II. С. 191, 202.
- ²³ ПСРЛ. Т. 14. С. 65; *Буссов К.* Московская хроника. С. 106.
- ²⁴ *Маржарет Я.* Записки. С. 68.
- ²⁵ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его. Киев, 1899. С. 97.
- ²⁶ Там же. С. 99; ПСРЛ. Т. 14. С. 66; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. XI, прим. 351.
- ²⁷ *Буссов К.* Московская хроника. С. 107.
- ²⁸ Путешествие сэра Томаса Смита. С. 78.
- ²⁹ РИБ. Т. XIII. Стб. 731; Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства. Изд. 2. М., 1788. С. 92; ПСРЛ. Т. 14. С. 65; ср.: *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 6, 203; *Масса И.* Краткое известие... С. 110.
- ³⁰ См.: *Назаров В. Д.* «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I // Летописи и хроники. М., 1974. С. 304; *Класс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 279.
- ³¹ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений... С. 99.
- ³² «Того ж лета (1605 г. — Р. С.), июня в 8 день, убиен царевич Федор Борисович с матерью с царицею... на старом своем дворе» (*Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 226).
- ³³ ПСРЛ. Т. 14. С. 66.
- ³⁴ *Петрей П.* Реляция о России начала XVII в. С. 92; *Маржарет Я.* Записки. С. 68.
- Чтобы ввести в заблуждение народ, палачи снесли трупы в горницу и положили их так, будто мать и сын отравились и умерли в объятиях друг друга (*Масса И.* Краткое известие... С. 11; Путешествие сэра Томаса Смита. С. 84—85).
- ³⁵ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений... С. 99; *Масса И.* Краткое известие... С. 111.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 66; *Масса И.* Краткое известие... С. 110; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 6.
- ³⁷ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 201—202.
- ³⁸ СГГД. Ч. II. С. 200.
- ³⁹ Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 242.
- ⁴⁰ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 207; ПСРЛ. Т. 34. С. 343.
- ⁴¹ ААЭ. Т. II. С. 154.
- ⁴² РИБ. Т. XIII. Стб. 936.
- ⁴³ См.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. С. 282.
- ⁴⁴ Цит. по: *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 210, прим. 1.
- ⁴⁵ СГГД. Ч. II. С. 200.
- ⁴⁶ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений... С. 100.
- ⁴⁷ *Масса И.* Краткое известие... С. 114; РИБ. Т. XIII. Стб. 732, 1293, 936; ПСРЛ. Т. 14. С. 65.
- ⁴⁸ *Борша С.* История Московская. Стб. 397; ПСРЛ. Т. 14. С. 66; *Буссов К.* Московская хроника. С. 108.
- ⁴⁹ ААЭ. Т. II. С. 91.
- ⁵⁰ *Масса И.* Краткое известие... С. 108—109.
- ⁵¹ Там же. С. 112; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 267.
- ⁵² РИБ. Т. XIII. Стб. 578, 652; ПСРЛ. Т. 14. С. 64; *Понов А. Н.* Изборник... С. 329.
- ⁵³ Боярские списки... Ч. II. С. 10; Museum Narodowe w Krakowe // Zbytori Czartoryskich. N 2726.

- ⁵⁴ Буссов К. Московская хроника. С. 108—109; *Масса И.* Краткое известие... С. 111.
- ⁵⁵ *Гиришберг А.* Дмитрий Самозванец. С. 129.
- ⁵⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 66; Сказание о Гришке Отрепьеве // РИБ. Т. XIII. Стб. 733; *Масса И.* Краткое известие... С. 112.
- ⁵⁷ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений... С. 100—101; ПСРЛ. Т. 14. С. 66; РИБ. Т. XIII. Стб. 733; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 535.
- ⁵⁸ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений... С. 101.
- ⁵⁹ Сказание о Гришке Отрепьеве. Стб. 733.
- ⁶⁰ *Борша С.* История Московская. Стб. 398.
- ⁶¹ Буссов К. Московская хроника. С. 109.
- ⁶² *Масса И.* Краткое известие... С. 112.
- ⁶³ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877, С. 415; ПСРЛ. Т. 13. С. 67; Сказание о Гришке Отрепьеве. Стб. 737; *Масса И.* Краткое известие... С. 114.
- ⁶⁴ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений... С. 101.
- ⁶⁵ В «Записках» Арсения избрание Игнатия помечено датой 31 мая. В тексте рукописи эта дата исправлена на 31 июня (*Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений... С. 103, прим. 2).
- ⁶⁶ Иное сказание // РИБ. Т. XIII. Стб. 52.
- ⁶⁷ Записки С. Немоевского // *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие А. И. Вахромееву. Вып. 6. С. 115.
- ⁶⁸ Сказание о Гришке Отрепьеве. Стб. 734.
- ⁶⁹ РИБ. Т. XIII. Стб. 52.
- ⁷⁰ Письмо А. Лавицкого от 4 (14) июля 1605 г. // *Pierling P.* Rome et Demetrius. S. 85; Записки С. Немоевского. С. 115; *Маржарет Я.* Записки. С. 197.
- ⁷¹ Письмо Я. Вислоуха из Москвы от 14 (24) июля 1605 г. // Библиотека Вроцлавского университета (Оссолинеум), ф. библ. Оссолинских, № 2284, л. 156 об.; *Борша С.* История Московская. Стб. 399.
- ⁷² Буссов К. Московская хроника. С. 112; *Масса И.* Краткое известие... С. 115; ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
- ⁷³ Боярские списки... Ч. I. С. 163, 232, 299.
- ⁷⁴ Сказание Авраамия Палицына. С. 111; ПСРЛ. Т. 14. С. 67; ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, стб. 856, л. 37.
- ⁷⁵ *Масса И.* Краткое известие... С. 114.
- ⁷⁶ РИБ. Т. XIII. Стб. 52; *Pierling P.* Op. cit. S. 85; *Маржарет Я.* Записки. С. 197; Записки С. Немоевского. С. 116.
- ⁷⁷ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 273.
- ⁷⁸ РИБ. Т. I. Стб. 17.
- ⁷⁹ См.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 151; *Назаров В. Д.* «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I. С. 310.
- ⁸⁰ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 288; *Маржарет Я.* Записки. С. 197; Записки Г. Паэрле. С. 174.
- ⁸¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
- ⁸² Там же; Записки С. Немоевского. С. 115—116.
- ⁸³ Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
- ⁸⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
- ⁸⁵ Записки С. Немоевского. С. 116.
- ⁸⁶ РИБ. Т. XIII. Стб. 53; *Масса И.* Краткое известие... С. 115.
- ⁸⁷ Записки С. Немоевского. С. 116; РИБ. Т. XIII. Стб. 52—53; *Масса И.* Краткое известие... С. 115; Сказание о Гришке Отрепьеве. Стб. 735.

- ⁸⁸ Цит. по: Записки С. Немоевского. С. 117.
- ⁸⁹ Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
- ⁹⁰ Записки С. Немоевского. С. 117; *Масса И.* Краткое известие... С. 115; *Буссов К.* Московская хроника. С. 13.
- ⁹¹ Записки С. Немоевского. С. 116; *Масса И.* Краткое известие... С. 115—116; *Маржарет Я.* Записки. С. 197; Записки Г. Паэрле. С. 174; Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
- ⁹² Записки С. Немоевского. С. 117.
- ⁹³ СГГД. Ч. II. С. 261.
- ⁹⁴ «А вверху при нем (Лжедмитрии I. — *Р. С.*) были поляки и литва...» (*Попов А. Н.* Изборник... С. 329).
- ⁹⁵ *Борша С.* История Московская. Стб. 399.
- ⁹⁶ РИБ. Т. XIII. Стб. 53; ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
- ⁹⁷ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 228—229.
- ⁹⁸ Там же. Т. III. Вып. 1. М., 1976. С. 172—173, 198.
- ⁹⁹ Там же. С. 228—229.
- ¹⁰⁰ АИ. Т. 2. С. 64—65.
- ¹⁰¹ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений... С. 106.
- ¹⁰² *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей. С. 333.
- ¹⁰³ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. III. Вып. 1. С. 168, 188; СГГД. Ч. II. С. 209, 210.
- ¹⁰⁴ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 6; ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
- ¹⁰⁵ СГГД. Ч. II. С. 147.
- ¹⁰⁶ *Маржарет Я.* Записки. С. 197; *Буссов К.* Московская хроника. С. 109—110; *Масса И.* Краткое известие... С. 113; *Борша С.* История Московская. Стб. 399; РИБ. Т. XIII. Стб. 54.
- ¹⁰⁷ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 219—220.
- ¹⁰⁸ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений... С. 104.
- ¹⁰⁹ *Маржарет Я.* Записки. С. 197; *Масса И.* Краткое известие... С. 113.
- ¹¹⁰ *Борша С.* История Московская. Стб. 402.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Письмо Я. Бучинского — Лжедмитрию I. Январь 1606 г. // СГГД. Ч. II. С. 259—260.
- ¹¹³ *Борша С.* История Московская. Стб. 400—401.
- ¹¹⁴ Там же. Стб. 401.
- ¹¹⁵ СГГД. Ч. II. С. 259.
- ¹¹⁶ Записки Г. Паэрле. С. 166; Сб. РИО. Т. 137. С. 520; СГГД. Ч. II. С. 260.
- ¹¹⁷ Сб. РИО. Т. 137. С. 585.
- ¹¹⁸ СГГД. Ч. II. С. 259.
- ¹¹⁹ Там же. С. 261; *Борша С.* История Московская. Стб. 402.
- ¹²⁰ Письмо Я. Бучинского от января 1606 г. // СГГД. Ч. II. С. 259.
- ¹²¹ Там же. С. 260.
- ¹²² Записки С. Немоевского. С. 118.
- ¹²³ СГГД. Ч. II. С. 259.
- ¹²⁴ *Масса И.* Краткое известие... С. 113—114.
- ¹²⁵ Там же. С. 114.
- ¹²⁶ Там же; ЦГАДА, ф. 1201, Соловецк. мон., № 46, кн. 426, л. 9 об.

С45

Скрынников Р. Г.Россия в начале XVII в. «Смута». — М.: Мысль, 1988. — 283, [1] с.
ISBN 5-244-00068-3

Доктор исторических наук Р. Г. Скрынников в своей новой книге анализирует социальные и политические предпосылки «Смуты», вскрывает истоки социальной народной утопии — веры в «доброе царя», увлекательно рассказывает об обстоятельствах зарождения самозванческой интриги. Приводятся интересные биографические сведения о Борисе Годунове, Григории Отрепьеве и других известных исторических личностях того времени.

Для широкого круга читателей.

С 0505010000-134 82 – 88
004(01)-88
ББК 63.3(2)45

Научная

Руслан Григорьевич Скрынников

**РОССИЯ В НАЧАЛЕ XVII В.
«СМУТА»**

Заведующий редакцией В. С. АНТОНОВ
Редактор С. С. ИГНАТОВА
Младший редактор Л. П. ЖЕЛОБАНОВА
Оформление художника В. П. ГРИГОРЬЕВА
Художественный редактор И. А. ДУТОВ
Технический редактор О. А. БАРАБАНОВА
Корректор О. П. КУЛЬКОВА
ИБ № 3414

Сдано в набор 01.02.88. Подписано в печать 10.06.88. А02757. Формат 60X90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 2.

Печать офсетная. Гарнитура типа «Таймс». Усл. печатных листов 18. Усл. кр.-отт.
18,75. Учетно-издательских листов 20,6. Тираж 120 000 экз.

Заказ № 1833. Цена 3 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.